

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Материалы
II Всероссийской научно-практической конференции
(Чебоксары, 24 сентября 2026 г.)

Научное электронное издание

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2026

УДК 330(082)
ББК 65.011я43
С69

Рекомендовано к публикации на основании приказа Чувашского государственного института культуры и искусств Минкультуры Чувашии №01-01-05/147 от 03.09.2026

Рецензенты: **Самигуллин Эльдар Валиевич**, д-р экон. наук, профессор Кыргызский экономический университет им. М. Рыскулбекова
Радина Оксана Ивановна, д-р экон. наук, профессор филиала ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» в г. Новошахтинске
Редакционная коллегия: **Фомин Эдуард Валентинович**, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Минкультуры Чувашии

С69 **Социально-экономические процессы современного общества** : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 24 сент. 2026 г.) / гл. ред. Э. В. Фомин. – Чебоксары: Среда, 2026. – 281 с. – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-908172-33-2

В сборнике представлены статьи участников II Всероссийской научно-практической конференции, посвященные социально-экономическим процессам современного общества. В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области.

Статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за приведенные в исследовании экономические данные несут авторы.

Минимальные системные требования:

PC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; 256 Мб (RAM) ; Microsoft Windows, MacOS ; дисковод CD-ROM ; Adobe Reader

УДК 330(082)
ББК 65.011я43

ISBN 978-5-908172-33-2
DOI 10.31483/a-10927

© БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, 2026
© Издательский дом «Среда», 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии представляет сборник материалов по итогам II Всероссийской научно-практической конференции **«Социально-экономические процессы современного общества»**.

В материалах сборника приведены результаты теоретических и прикладных изысканий представителей научного и образовательного сообщества в данной области.

По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Социально-экономические процессы в обществе.
2. Социально-экономические условия жизнедеятельности населения.
3. Вопросы социально-экономической эффективности предприятий.
4. Правовые проблемы развития российской государственности.
5. Межкультурное пространство современной России.
6. Проблемы социализации и профессионального становления личности.
7. Влияние системы образования на активность общества.
8. Совершенствование государственного регулирования экономики и правового регулирования экономических процессов.

Авторский коллектив сборника представлен городами (Москва, Санкт-Петербург, Благовещенск, Брянск, Владимир, Екатеринбург, Ессентуки, Краснодар, Красноярск, Липецк, Магадан, Нижневартовск, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Рязань, Тверь, Чебоксары, Чита, Шуя, Ярославль) России.

Среди образовательных учреждений выделяются следующие группы: академические учреждения (Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), университеты и институты России (Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Дальневосточный государственный аграрный университет, Ессентукский институт управления, бизнеса и права, Забайкальский государственный университет, Ивановский государственный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казанский юридический институт МВД РФ, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Кубанский государственный университет, Московский финансово-юридический университет МФЮА, Нижневартовский государственный университет, Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, Российский государственный социальный университет, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербургский университет МВД России, Северо-Восточный государственный университет, Сибирский университет потребительской кооперации, Сибирский юридический институт МВД РФ, Тверской государственный технический университет, Уральский государственный экономический университет, Финансовый университет при Правительстве РФ, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова).

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки: доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, преподаватели вузов, аспиранты, магистранты, студенты.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными разработками и проектами, участие во II Всероссийской научно-практической конференции **«Социально-экономические процессы современного общества»**, содержание которой не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Главный редактор
канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой
БОУ ВО «Чувашский государственный
институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии
Э. В. Фомин

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

<i>Воронкова И.А., Агапова Ю.С., Зиборова Л.В.</i> Формирование системы государственного (финансового) контроля за расходами на реализацию государственных (муниципальных) программ	9
<i>Земцов А.А., Кравченко Е.В.</i> Развитие цифровых технологий в отечественной системе социального страхования населения: перспективы и риски.....	13
<i>Ивашкина А.Д., Колесникова Е.М.</i> Развитие инструментов финансового планирования и прогнозирования в секторе государственного управления	16
<i>Коршук К.А.</i> Отношение преподавателей высшей школы к использованию генеративного искусственного интеллекта в образовательном процессе.....	22
<i>Леканова Е.Е.</i> Банковский чек как ценная бумага	27
<i>Мелешенко Н.М.</i> Деятельность общественных объединений региона в сфере обеспечения национальной безопасности	30
<i>Петухова К.В.</i> Перспективы финансирования малого и среднего предпринимательства в России в условиях санкций	34
<i>Петухова К.В.</i> Поддержка малого и среднего предпринимательства: теоретический и методологический аспект	38
<i>Плотников А.А.</i> Трансформация социально-экономической сферы: ключевые факторы, тенденции и направления развития	43
<i>Полякова В.Д.</i> Понятие государственно-частного партнерства и его перспективы в отечественной экономике в период экономической нестабильности	47
<i>Полякова В.Д.</i> Развитие инструментов государственной поддержки инвестиционной деятельности	51
<i>Рубцова Л.Н., Ивашкина А.Д.</i> Особенности финансового планирования и прогнозирования в секторе госуправления в современных условиях	57
<i>Салимов С.М., Чернявский М.Е.</i> Перспективы развития цифровизации корпоративных финансов в современных условиях	62
<i>Салимов С.М., Чернявский М.Е.</i> Управление корпоративными финансами в условиях цифровизации	67
<i>Скрынченко Б.Л.</i> Трансформация государственных информационных систем в условиях технологического суверенитета: институциональные барьеры и инструменты снижения издержек перехода.....	71
<i>Тесленко И.Б., Мухина В.О.</i> Цена «быстрой моды»: особенности установления, подходы и проблемы.....	76
<i>Умрилова А.И.</i> Актуальные направления методологического сопровождения проектной деятельности в органах исполнительной власти	81
<i>Чернявская Ю.А., Зайцева Е.И.</i> Риск-ориентированный подход к формированию стратегии финансового роста предприятия	83
<i>Чернявская Ю.А., Зайцева Е.И.</i> Стратегия финансового развития предприятия в современных условиях: теоретико-методологический аспект.....	90
<i>Чернявская Ю.А., Колесникова Е.М.</i> Прогнозирование доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.....	95
<i>Яковлева В.Н., Архипова В.А.</i> Современные тенденции развития социально-экономических процессов на мировом уровне.....	101

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Алиева А.А., Целищева З.А. Особенности восприятия политических вызовов современной молодежью 104

Анастасова И.В. Стратегии улучшения здоровья населения через профилактику заболеваний и пропаганду здорового образа жизни: экономические эффекты и региональная специфика (на примере города Магадана)..... 106

Васильченко А.В., Кравченко Е.В. Пенсионная система России: проблемы и перспективы ...112

Коростелева Н.А., Дадыверина О.А. Психическое здоровье медицинских работников: факторы риска и профилактика 115

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Айрих Г.Е., Базарова Ф.А. Трансформация налоговой системы в общественном питании как условие успешного позиционирования ресторанного бизнеса 118

Гришаева А.В. Совершенствование механизма финансового обеспечения устойчивого развития электросетевых компаний в современной России..... 124

Злобин К.Р. Социально-экономическая эффективность при реализации национального проекта по развитию беспилотных авиационных систем в период специальной военной операции 128

Иванова А.Ю. Диагностика психологических условий формирования корпоративной культуры в производственной организации 130

Лебедева Ю.В. Современные подходы и финансовые инструменты к управлению затратами в организациях..... 134

Леканова Е.Е. Трудовая деятельность в условиях инновационной экономики..... 136

Малышевская С.В. Модели управления финансами компаний и их значение в современных условиях 139

Мацкив М.В., Филиппченко С.И. Когнитивные ресурсы и ошибочные действия оператора в условиях временного дефицита 141

Сапрыкина А.Е. Контрагентский риск-менеджмент как драйвер финансовой устойчивости промышленного предприятия 144

Церцел Ю.С. Обоснование роли цифровых финансовых ресурсов в формировании устойчивого развития малых и средних предприятий России 147

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Бочков П.В., Заинчковский К.А., Блинова Е.А. Принципы проведения валютного контроля налоговыми органами в РФ 150

Леканова Е.Е. Уголовная ответственность за загрязнение, засорение и истощение водной среды (ст. 250 и ст. 252 УК РФ)..... 152

Палёнов С.А. Характеристика личности несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления 155

Сергеева Д.А. Цифровая трансформация охраны наследия: правовой статус эталонных информационных моделей 159

Ситдикова А.Л. Установление отцовства и материнства по советскому законодательству 163

Фазылова А.Н. Поведение субъектов финансового рынка как объект контрольно-надзорной деятельности Банка России 165

Халимов Д.И. Институт уполномоченного по правам ребенка в системе власти субъектов Российской Федерации 168

Якимова У.А. «Умный город» как один из инструментов цифровизации современного общества..... 170

<i>Якимова У.А.</i> Конституционное правосудие в Российской Федерации: теоретико-правовые аспекты	172
<i>Якимова У.А.</i> Конституционное правосудие как важный элемент правового государства	175
<i>Якимова У.А.</i> Право на защиту государством семьи, материнства и детства как важное социальное право XXI века	177
<i>Якимова У.А.</i> Право свободно распоряжаться своими способностями к труду и право на отдых: теоретико-правовые вопросы	179
<i>Якимова У.А.</i> Цифровизация в органах местного самоуправления: теоретико-правовые вопросы	181

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

<i>Голыгина А.С.</i> Формирование этнокультурной компетентности подростков в поликультурной среде на примере русского фольклора	184
<i>Жирнов А.А., Васильев П.С.</i> Художественное наследие П.И. Чайковского как фактор формирования межкультурного пространства современной России	188
<i>Иванова С.И., Илларионова О.В.</i> Продвижение чтения литературы на национальных языках в библиотеках Чувашской Республики	193
<i>Сорокин О.Н., Кузнецова А.С.</i> Исследование проблемы формирования современной инфраструктуры молодежной политики	198
<i>Чжао Ханьюй</i> Символ, понимание и глубинный порядок: тройное откровение неокантианства, герменевтики и структурализма для дизайноведения	201
<i>Шутко А.С., Целищева З.А.</i> Хореографическое искусство в системе межкультурной коммуникации молодежи	207
<i>Ялкапов Г.</i> Результаты изучения отношения студенческой туркменской молодежи к традиционному сватовству и бракам по договоренности как фактор трансформации института семьи	210

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Бородина В.Н., Лазукова Э.К.</i> Особенности направленности личности у юношей и девушек	216
<i>Будняя М.В., Целищева З.А.</i> Особенности PR-коммуникаций для молодежной аудитории	218
<i>Дубров А.А., Глазкова Г.Б., Васина П.С.</i> Экосистема социально-психологической реадaptации ветеранов боевых действий как условие их социализации и профессионального становления	222
<i>Ёлдашов А.</i> Сравнительный анализ мотивации достижения у учащихся лицеев и общеобразовательных школ (на примере крупного города Туркменистана)	226
<i>Мижеева З.В., Илларионова О.В.</i> Профессиональные информационные потребности библиотечных специалистов в условиях цифровой трансформации	229
<i>Наумов И.П., Пережогин Д.С., Никишкин А.В., Девяшов М.В.</i> Военно-тактические игры как способ повышения подготовленности сотрудников органов внутренних дел	234
<i>Пудова О.А.</i> Особенности работы со слушателями факультета профессиональной подготовки вузов МВД России (на примере дисциплины «Основы организационного и документационного обеспечения ОВД Российской Федерации. Русский язык в деловой документации. Культура речи»)	237
<i>Пыркина А.А., Илларионова Л.В.</i> Семейное чтение как институт социализации подрастающего поколения: кризис традиции и ресурсы библиотечного пространства	240

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА АКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВА

Кислицына Н.Г., Панфилова В.Н. Пути формирования финансовой грамотности обучающихся в процессе изучения физики 246

Пенчук А.Ю., Сукиева А.М.-Г., Пинаев О.С. Патриотическое воспитание в российской системе образования в условиях современных вызовов 250

Салищева О.Г. Влияние культурно-образовательной среды военного вуза на нравственное формирование личности будущих офицеров 253

Стяжкина Е.П., Уколова А.Ю., Филиппова Е.Н., Тимофеева Н.Б. Синергия традиций и самоуправления: модель интеграции института наставничества в деятельность студенческого совета 255

Федорова Р.Ю. Патриотическое воспитание молодежи через сохранение культурной памяти и родного слова в школьном образовании 261

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Бочков П.В. Юридически значимые бизнес-процессы 264

Лесных В.С. Оценочные понятия «крупный ущерб» и «особо крупный размер» в гл. 22 УК РФ: проблемы толкования и унификации 266

Малыгин С.А. Права человека в области охраны здоровья и механизмы их реализации 269

Романченко Ю.А. Подходы к оценке результативности государственных программ в сфере образования 272

Шантырь Ю.Р. Кадровый дефицит как фактор риска неэффективного использования бюджетных средств (на примере Магаданской области) 277

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

Воронкова Ирина Александровна
магистрант

Агапова Юлия Сергеевна
магистрант

Зиборова Лидия Валерьевна
магистрант

Научный руководитель

Рубцова Лариса Николаевна
д-р экон. наук, профессор

Липецкий филиал ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве РФ»
г. Липецк, Липецкая область

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО (ФИНАНСОВОГО) КОНТРОЛЯ ЗА РАСХОДАМИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ПРОГРАММ

Аннотация: в статье раскрывается эволюция и современное состояние системы государственного финансового контроля применительно к реализации государственных и муниципальных программ. Акцент сделан на переходе от формального контроля к оценке результативности бюджетных расходов, а также на роли ключевых контрольных институтов. Предложены практические направления совершенствования системы с учетом цифровизации, риск-ориентированного подхода и усиления подотчетности обществу.

Ключевые слова: финансовый контроль, государственный контроль, государственные программы, бюджетные расходы.

Программно-целевое бюджетирование стало ключевым инструментом государственного управления в России: именно через государственные и муниципальные программы реализуются национальные цели развития, распределяются ресурсы и фиксируются ожидаемые эффекты. Однако сама по себе программная логика не гарантирует эффективного использования бюджетных средств: без адекватной системы контроля возникает риск формального исполнения при отсутствии реального результата.

Государственный финансовый контроль в этих условиях перестает быть лишь проверкой целевого расходования денег. Его задача – обеспечить, чтобы бюджетные ассигнования действительно способствовали достижению общественно значимых результатов. Это требует не только развитой нормативной базы, но и сбалансированной архитектуры контрольных полномочий, современных методов оценки и механизмов обратной связи.

В данной статье рассматривается, как формируется система контроля за программными расходами, какие институты в ней участвуют, какие инструменты применяются и какие барьеры мешают достижению максимальной эффективности. Особое внимание уделено направлениям модернизации системы с учетом современных технологических и управленческих возможностей.

Правовая база контроля за программными расходами опирается на Бюджетный кодекс Российской Федерации (в частности, главу 26 о государственном финансовом контроле), профильное законодательство о деятельности контрольных органов, а также ведомственные стандарты и методики. При этом методология контроля выходит за рамки простого сопоставления фактических расходов с лимитами: она включает оценку достижения целевых индикаторов, анализ причин отклонений и проверку обоснованности корректировок программ.

Система контроля строится на совокупности принципов, которые задают ее логику:

- законность и целевой характер. Контроль должен подтверждать, что средства использованы строго в рамках утвержденных целей, полномочий и процедур;
- результативность и эффективность. Ключевой вопрос – не «сколько потрачено», а «что достигнуто» и «с какими затратами». Это предполагает сопоставление ресурсов и результатов, включая оценку социально-экономического эффекта;
- прозрачность и подотчетность. Доступность данных о ходе реализации программ и результатах контроля позволяет обществу и экспертам оценивать обоснованность решений и качество управления;
- риск-ориентированность. Ресурсы контроля должны концентрироваться на наиболее уязвимых и высокорисковых направлениях (крупных проектах, сферах с высокой долей софинансирования, отраслях с повышенной коррупционной емкостью);
- непрерывность контроля. Эффективная система охватывает все стадии жизненного цикла программы: предварительный контроль (на этапе отбора и планирования), текущий мониторинг и последующий аудит результатов.

Эти принципы задают не просто набор правил, а управленческую логику: контроль становится частью цикла управления программой, а не внешней надстройкой.

Система контроля за программными расходами по своей природе многоуровневая и включает несколько типов контроля, каждый из которых выполняет свою функцию.

Внешний контроль осуществляют независимые органы – Счетная палата Российской Федерации на федеральном уровне и контрольно-счетные органы субъектов и муниципалитетов. Их задача – независимая проверка отчетности, аудит эффективности и оценка достижения целей программ. Такой контроль призван обеспечить объективность и снизить риски ведомственной заинтересованности.

Внутренний контроль реализуется главными распорядителями бюджетных средств (ГРБС), распорядителями и получателями. Он включает предварительную проверку заявок и контрактов, текущий мониторинг исполнения и последующий внутренний финансовый аудит. Ключевую роль здесь играет орган, ответственный за реализацию программы, а также его структурные подразделения, которые формируют план-график, собирают отчетность от соисполнителей и анализируют причины отклонений.

Ведомственный контроль проводится вышестоящими органами в отношении подведомственных учреждений. Его цель – обеспечить единообразие подходов к расходованию средств и соблюдение отраслевых регламентов. Хотя такой контроль может быть оперативным, его эффективность нередко снижается из-за конфликта интересов, ограниченности ресурсов, недостаточного методического обеспечения и т. д.

Казначейский контроль осуществляет Федеральное казначейство и его территориальные органы. Он сосредоточен на предварительном и текущем контроле за непревышением лимитов бюджетных обязательств, санкционировании оплаты и проверке соблюдения процедур. Казначейство также участвует в последующем контроле в пределах своих полномочий.

Важно, что эти виды контроля не должны дублировать друг друга. Оптимальная модель – это разделение ролей: казначейство отвечает за процедурный и лимитный контроль, ГРБС – за операционное исполнение и первичный мониторинг, а внешние органы – за независимую оценку результатов и эффективности.

Для оценки расходов на реализацию программ применяется комплекс методов, каждый из которых решает свою задачу.

Камеральные и выездные проверки. Камеральные проверки проводятся на основе изучения документов, предоставленных объектом проверки, без выезда на его территорию. Выездные проверки проводятся непосредственно на объекте. Проверяющими лицами при этом применяются классические методы, направленные на проверку первичной документации, фактического наличия имущества, соблюдения процедур закупок и исполнения контрактов. Они остаются важным элементом контроля, особенно в части выявления нарушений.

Аудит эффективности. Специализированный метод, применяемый Счетной палатой и контрольно-счетными органами. Его фокус – не на поиске нарушений, а на оценке экономической, продуктивности и результативности использования средств. Ключевой вопрос: «Достигнуты ли поставленные цели с наименьшими затратами и наилучшим результатом?»

Мониторинг реализации программ. Это непрерывный процесс сбора и анализа данных о ходе выполнения мероприятий, достижении целевых индикаторов и освоении бюджетных ассигнований. Данные мониторинга аккумулируются в государственной интегрированной информационной системе «Электронный бюджет».

Анализ отчетности. Ежеквартальные и годовые отчеты ответственных исполнителей подвергаются детальному анализу на соответствие контрольным точкам планов-графиков и обоснованность корректировок.

Сочетание этих методов позволяет выстроить «сквозной» контроль: от проверки процедур до оценки конечного эффекта. При этом важно, чтобы методы не применялись формально: например, аудит эффективности должен включать анализ качества целевых индикаторов – не завышены ли они, не выбраны ли по принципу «лёгкой достижимости».

Несмотря на развитую нормативную базу, система контроля сталкивается с рядом устойчивых проблем, таких как:

- формализация аудита эффективности. На практике проверки нередко сводятся к констатации достижения плановых показателей без анализа их реального влияния на социально-экономическое развитие. Если индикаторы изначально подобраны так, чтобы их было легко достичь, контроль теряет смысл;

- слабая увязка стратегического планирования и бюджета. Цели программ не всегда коррелируют с долгосрочными приоритетами, закреплёнными в стратегиях и концепциях. Контроль за такой увязкой (стратегический аудит) пока находится в стадии становления;

- фрагментарность ответственности. В реализации одной программы могут участвовать десятки ведомств и учреждений. Отсутствие единой цифровой платформы, позволяющей видеть «сквозную» картину расходов и результатов, затрудняет контроль. Ответственность за провал программы часто «размывается» между многочисленными соисполнителями;

- избыточный контроль процедур при недостаточном контроле результата. Значительная часть контрольных усилий сосредоточена на проверке соблюдения процедур госзакупок, в то время как контроль за тем, решает ли закупленная услуга или товар поставленную задачу, остается вторичным;

- дефицит компетенций. Контролерам требуются не только знания бюджетного законодательства, но и навыки проектного управления, анализа данных и понимание отраслевой специфики. Недостаток таких специалистов снижает качество проверок и мониторинга;

- избыточная регламентация. Чрезмерное количество контрольных процедур и отчётных форм может парализовать операционную деятельность исполнителей. Сотрудники тратят значительное время на заполнение отчетности вместо реализации мероприятий, что создает стимулы к формальному подходу.

Эти проблемы носят системный характер и требуют не точечных исправлений, а комплексной модернизации системы контроля.

Для повышения эффективности контроля за программными расходами целесообразно двигаться по следующим направлениям.

1. Переход к риск-ориентированному подходу. Концентрация контрольных ресурсов на направлениях с наибольшими рисками неэффективного использования средств (крупные инфраструктурные проекты, программы с высокой долей софинансирования, сферы с высокой коррупционной емкостью). Это позволит снизить административную нагрузку на добросовестных исполнителей и повысить отдачу от контрольных мероприятий.

2. Внедрение «умного» контроля на основе данных. Использование инструментов анализа больших данных и искусственного интеллекта для автоматического выявления аномалий в закупках, нестыковок в отчетности и прогнозирования рисков срыва программ. Для этого

необходима дальнейшая интеграция ведомственных информационных систем, повышение качества исходных данных, и совершенствование модулей аналитики в системе «Электронный бюджет».

3. Развитие стратегического аудита. Переход от проверки «освоения бюджета» к проверке «достижения общественно значимых результатов». Оценка должна включать анализ того, как реализация программы повлияла на целевые показатели национальных проектов и стратегий развития.

4. Усиление роли общественного контроля. Повышение прозрачности данных о реализации программ (публикация детальных планов-графиков, отчетов в машиночитаемых форматах на портале «Бюджет для граждан»). Вовлечение экспертного сообщества и независимых общественных советов в оценку эффективности программ.

5. Автоматизация контрольных процедур. Внедрение в систему «Электронный бюджет» модулей автоматического контроля, которые будут блокировать операции, не соответствующие плану-графику, или сигнализировать о критических отклонениях в реальном времени. Это позволит выявлять проблемы до того, как они приведут к серьезным последствиям.

Реализация этих направлений требует не только технических решений, но и изменений в управленческой культуре: контроль должен восприниматься не как инструмент наказания, а как механизм поддержки принятия решений и повышения качества управления.

Система государственного финансового контроля за расходами на реализацию государственных и муниципальных программ – это сложный, многоуровневый механизм, который эволюционирует от простой проверки целевого использования средств к комплексной оценке эффективности и результативности бюджетных инвестиций. Несмотря на наличие развитой нормативной базы и институтов контроля, ключевыми вызовами остаются формализм аудита, слабая увязка стратегических целей с бюджетными ассигнованиями и фрагментарность ответственности.

Дальнейшее развитие системы должно идти по пути цифровизации, внедрения риск-ориентированного подхода и смещения акцента с контроля процедур на контроль конечных общественно значимых результатов. Только в этом случае государственные программы смогут стать реальным инструментом достижения национальных целей развития, а не декларативным перечнем мероприятий.

Список литературы

1. Внутренний государственный финансовый контроль за реализацией государственных программ Российской Федерации: направления модернизации / А.А. Лысенко, Л.А. Налоева // Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies. – 2024. – Т. 86, №7. – С. 47–57. – DOI 10.17308/meps/2078-9017/2024/7/47-57. – EDN WSRDLI

2. Лукашов А.И. Текущее состояние и перспективы цифровизации органов государственного финансового контроля в Российской Федерации / А.И. Лукашов // Мир новой экономики. – 2023. – Т. 17, №4. – С. 6–15. – DOI 10.26794/2220-6469-2023-17-4-6-15. – EDN XHIVNX

3. Методика оценки реализации государственных программ Российской Федерации в рамках осуществления последующего контроля за исполнением федерального бюджета: утв. Коллегией Счетной палаты РФ (протокол от 28.02.2023 №9К (1614)) // ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/406583991/> (дата обращения: 14.09.2026).

4. Чаленко Н.Н. Внедрение риск-ориентированного подхода в государственный финансовый контроль: методы и практики / Н.Н. Чаленко // Вестник Евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № s6. – URL: <https://esj.today/PDF/97FAVN624.pdf> (дата обращения: 14.09.2026). – EDN VQUMPT

Земцов Андрей Андреевич

магистрант

Кравченко Елена Васильевна

канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»

г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

Аннотация: *в условиях современной экономической реальности система социального страхования выступает одним из основных элементов социальной защиты населения и прежде всего работающих граждан. От стабильного функционирования и финансовой устойчивости системы социального страхования зависит как настоящее, так и будущее благополучие практически всего населения страны. В последние годы отмечается активное развитие цифровых сервисов, направленных на повышение качества и скорость оказания социальных услуг, прозрачность процесса их предоставления, оптимизацию бюджетных расходов путем устранения повторяющихся функций, развитие электронного документооборота, усиления адресности предоставления мер социальной поддержки и переход в полном объеме на проактивный формат их назначения. В статье рассмотрены цифровые сервисы системы социального страхования, перспективы и риски в сфере социального страхования.*

Ключевые слова: *риски цифровой трансформации, цифровая грамотность, искусственный интеллект, проактивный формат, социальная защита, социальное страхование.*

Цифровая трансформации социальной сферы в последние годы является объектом особого внимания со стороны государства и общества, рассматривается как одно из ключевых направлений ее развития и требует не только технологического изменения инфраструктуры, но и трансформации всей парадигмы взаимодействия государства и всех заинтересованных сторон с гражданами.

Система обязательного социального страхования, ориентирована на компенсационную функцию, то есть на возмещение утраченного заработка при наступлении страхового случая и в последние годы находится в процессе структурных преобразований. Ключевым вектором данных преобразований выступает цифровая трансформация системы, о чем свидетельствует активное внедрение новых и развитие существующих цифровых сервисов в последние годы. Эффективность цифровизации социального страхования неоспорима – доступность, адресность, масштабность, скорость интерактивного взаимодействия, оптимальность использования ресурсов, обеспечение целевого использования средств фондов и прозрачность системы [4, с. 180].

Объединение Пенсионного фонда и Фонда социального страхования в единый Социальный фонд в 2023 году позволило выйти на новый, более качественный уровень предоставления социальных услуг и не свелось только к организационному укрупнению: оно создало основу для формирования единой цифровой модели управления социальными рисками [3].

Особая роль в реализации данных процессов принадлежит Социальному фонду России (далее СФР), который активно внедряет и развивает имеющиеся цифровые сервисы, направленные на качество предоставления социальных услуг застрахованным лицам и повышение эффективности взаимодействия с заинтересованными ведомствами и страхователями. Только в 2025 году СФР оказал гражданам 321 млн услуг, из которых 295 млн услуг (92%)

было предоставлено в электронном формате посредством единого портала госуслуг (далее ЕПГУ) и сайта СФР [1, с. 25].

Являясь оператором государственной информационной системы «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» (далее ГИС ЕЦП), на базе которой осуществляется формирование сведений о получателях социальных услуг и назначение их в автоматическом режиме, СФР по итогам 2025 года занял лидирующую позицию в рейтинге ведомств по числу выведенных на ЕПГУ интерактивных форм заявлений. Также СФР разработана 161 интерактивная форма, которые позволяют, например, идентифицировать заявителя по биометрии, получить консультации цифрового помощника – Робота Макса и др. Следует отметить, количество консультаций в цифровом формате увеличилось на 500%. По итогам года доступность предварительной записи на прием была обеспечена в течение четырех дней. Среднее количество обращений в окна приема сократилось на 50,5%, количество окон приема сокращено на 35,7%, при этом количество консультантов цифровой зоны увеличено на 500% [1].

Главный упор цифровизации – универсальные процессы, позволяющие оптимизировать процедуры сбора, учета, обработки, хранения, обмена и преобразования информации, принятия решений о праве субъекта на те или иные меры социального обеспечения, входа и выхода из предоставляемой социальной услуги [4, с. 178, 179].

Социальный фонд развивает и внедряет цифровые сервисы для работодателей. Одним из популярных сервисов является «Мобильный офис страхователя», предоставляющий консультации страхователям в онлайн-формате. Отчетность работодателей СФР также принимает в электронной форме, что позволяет им формировать и проверять данные непосредственно на сайте фонда и снижает нагрузку на организации. Например, введение унифицированной формы ЕФС-1 позволило в 15 раз снизить количество сведений (с 780 млн в 2022 году до 52,3 млн в 2025-м), направляемых страхователями в СФР. Электронный формат формирования и подачи отчетности показал снижение ошибок на 61% [2].

Цифровизация экономики и социальной сферы, в том числе процессов в системе социального страхования, расширяет возможности повышения информированности населения, так, наряду с традиционными формами финансового просвещения, в том числе и в пенсионной сфере используются цифровые технологии (портал Госуслуги, чат боты, интерактивные онлайн-курсы и др.), разрабатываются и внедряются цифровые образовательные продукты, с помощью которых граждане могут получить дополнительные знания в сфере финансов, ответы на интересующие их вопросы, получить консультации и т. д., в том числе и по пенсионной тематике, что позволяет повысить уровень финансовой грамотности и личной пенсионной защиты.

Цифровизация делает систему ОСС более понятной для обычного человека, повышает прозрачность и расширяет вовлечённость граждан. Личный кабинет на портале СФР позволяет в режиме реального времени отслеживать формирование своих пенсионных прав: проверять учтённый стаж, количество баллов, отчисления работодателей. Это повышает личную ответственность граждан за своё будущее и стимулирует к получению «белой» зарплаты. Система (СФР) уже сегодня способна автоматически назначать страховую пенсию по старости при соблюдении условий и норм, определенными пенсионным законодательством. В перспективе этот механизм будет охватывать и другие виды пенсий (по инвалидности, по случаю потери кормильца), используя данные межведомственного взаимодействия (например, из медико-социальной экспертизы).

В перспективе будут развиваться инструменты, которые наглядно показывают, как те или иные решения (продолжительность работы, размер зарплаты, отложенный выход на пенсию) влияют на итоговый размер выплаты. Это превращает абстрактную систему в понятный финансовый инструмент.

Внедрение в систему социального страхования технологий искусственного интеллекта, машинного обучения и роботизации процессов повысит эффективность ее

функционирования. Алгоритмы искусственного интеллекта анализируют огромные объемы данных для выявления отклонений и признаков незаконных действий/мошеннических схем, например, при оформлении инвалидности или выплат по потере кормильца. Роботы могут взять на себя обработку стандартных запросов, формирование выписок и ответов на типовые обращения граждан, что снизит нагрузку на сотрудников и ускорит обслуживание. Анализ данных позволит фонду точнее прогнозировать будущие расходы, оценивать демографические риски и моделировать долгосрочную устойчивость пенсионной системы.

Цифровые платформы (портал «Госуслуги», личный кабинет на сайте СФР) будут не просто уведомлять о назначении выплаты, а заранее, за несколько лет до выхода на пенсию, предоставлять гражданам персональные прогнозы и рекомендации. Система сможет анализировать их трудовой стаж и индивидуальные пенсионные коэффициенты (ИПК), указывая на возможные «пробелы» и предлагая способы их восполнения (например, официальное трудоустройство или добровольные взносы).

Следует отметить, особую роль создаваемой «Единой централизованной цифровой платформы в социальной сфере» (далее ГИС ЕЦП), в рамках функционирования которой все положенные и реализуемые меры социальной поддержки будут отражаться в профиле застрахованного лица, что позволит гражданину в проактивном формате, по факту изменения жизненной ситуации, без сбора необходимых подтверждающих документов, оформить положенные меры социальной поддержки и другие социальные выплаты. Внедрение данной платформы планируется завершить до 2030 года, что позволит существенно повысить эффективность взаимодействия государства, населения и бизнеса в решении задач социальной сферы. Ключевым инструментом внедряемой цифровой платформы выступает индивидуальный лицевой счёт (ИЛС) застрахованного лица, на котором, в полном объеме будут отражаться не только сведения о трудовом стаже, заработной плате, уплаченных страховых взносах, но и все положенные гражданину социальные льготы, без обращения за справками в различные ведомства. Система самостоятельно сформирует перечень мер социальной поддержки, на которые гражданин имеет право и предложит получить её в беззаявительном порядке или через одно заявление.

Безусловно, цифровизация повышает оперативность, прозрачность, адресность предоставления социальных услуг, ускоряет адаптацию к кризисным ситуациям, однако следует выделить ключевые риски и угрозы, связанные с внедрением цифровых технологий, а именно:

1. Цифровое неравенство, которое в первую очередь затрагивает социально уязвимые группы населения (малообеспеченные семьи, инвалиды, пенсионеры), не имеющими навыков для использования цифровых сервисов и/или не имеющими возможности приобретения компьютеров, телефонов и т. д., соответствующих требованиям современной цифровой среды.

2. Инфраструктурное цифровое неравенство, что требует адресных мер поддержки для выравнивания уровня цифрового развития в регионах с отстающей телекоммуникационной инфраструктурой в целях снижения инфраструктурного разрыва и обеспечения равного доступа к цифровым услугам.

3. Недостаток специалистов в сфере социального страхования, владеющих цифровыми компетенциями при реализации цифровых технологий, что требует повышения квалификации кадров внутри заинтересованных ведомств, развития целевых программ совместно с вузами в рамках образовательного партнерства для подготовки специалистов под задачи системы социального страхования.

4. Недофинансирование поддержки ИТ-инфраструктуры, что создает риски неэффективного использования бюджетных средств, корректировок сроков ввода объектов в эксплуатацию и невыполнения плановых показателей государственных программ, что требует, по нашему мнению, расширения мер государственной поддержки, введения дополнительных

налоговых стимулов, развития механизмов софинансирования в рамках государственно-частного партнерства.

5. Риски информационной безопасности и защиты данных, что обуславливает необходимость обеспечения защиты цифровой инфраструктуры, внедрения современных средств защиты и регулярный аудит безопасности ИТ-инфраструктуры.

Таким образом, внедрение цифровых технологий в систему социального страхования позволит повысить эффективность ее функционирования, прозрачность и адресность социальных выплат, качество и скорость предоставления социальных услуг, снизить бюджетные издержки. Вместе с тем необходимо принять меры по нивелированию цифровых рисков, повышать доверие населения к цифровым сервисам путем повышения цифровой грамотности, что позволит в полном объеме использовать современные цифровые технологии в системе социального страхования.

Список литературы

1. Годовой отчет 2025 / Социальный фонд России. – URL: https://sfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/GO_2025_web_01.pdf (дата обращения: 30.08.2026).

2. Социальный фонд реализовал новые цифровые сервисы для работодателей. – URL: https://sfr.gov.ru/press_center/news/~2025/12/11/277648?ysclid=muavxetqk6545773943 (дата обращения: 30.08.2026).

3. Щербаков Н.А. Цифровизация и автоматизация системы социального страхования в России: достижения и перспективы / Н.А. Щербаков, Е.А. Родина // Научные высказывания. – 2026. – №9 (96). – С. 81–84. – URL: https://nvjournal.ru/article/Tsifrovizatsija_i_avtomatizatsija_sistemy_sotsialnogo_strahovanija_v_Rossii_dostizhenija_i_perspektivy (дата обращения: 30.08.2026). EDN BFVVKE

4. Якушева И.Е. Цифровизация в сфере социального страхования / И.Е. Якушева // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: сборник статей 14-й Международной научно-практической конференции (Курск, 24 октября 2024 года). – Т. 14. – Курск: Университетская книга, 2024. – С. 178–181. – EDN GSOXUO.

Ивашкина Анастасия Дмитриевна
магистрант

Колесникова Елизавета Михайловна
магистрант

Научный руководитель

Чернявская Юлия Анатольевна
канд. экон. наук, доцент

Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве РФ»
г. Липецк, Липецкая область

РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ФИНАНСОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В СЕКТОРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: в статье исследуется развитие инструментов финансового планирования и прогнозирования в секторе государственного управления в условиях возрастающей неопределённости внешней среды и ограниченности бюджетных ресурсов. Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения обоснованности стратегических и бюджетных решений, а также перехода от инерционных методов планирования к адаптивным и риск-ориентированным моделям. Целью работы является систематизация современных инструментов финансового планирования и прогнозирования и обоснование направлений их совершенствования в системе государственного управления. В работе рассматриваются программно-целевые, проектные и сценарные инструменты, а также возможности цифровых платформ и интеллектуальных систем поддержки решений.

Ключевые слова: финансовое планирование, прогнозирование, государственное управление, бюджетное планирование, стратегическое планирование, программно-целевой метод, цифровизация, эффективность бюджетных расходов, риск-ориентированное управление, государственные финансы.

Современный этап развития системы государственного управления в Российской Федерации характеризуется необходимостью решения сложных задач, связанных с обеспечением макроэкономической стабильности, выполнением социальных обязательств и одновременным созданием условий для долгосрочного экономического роста. В этих обстоятельствах резко возрастают требования к качеству финансового планирования и прогнозирования, поскольку именно от обоснованности и реалистичности бюджетных проектировок зависит как устойчивость всей бюджетной системы, так и возможность достижения приоритетных целей национального развития. Ужесточение денежно-кредитной политики, изменение структуры доходных источников и нарастание геополитических рисков формируют качественно новую среду, в которой традиционные подходы к планированию, основанные на экстраполяции сложившихся трендов, демонстрируют ограниченную эффективность.

Финансовое планирование и прогнозирование в секторе государственного управления представляет собой не просто техническую процедуру расчёта будущих доходов и расходов, а сложный многоуровневый процесс, встроенный в общий цикл стратегического управления. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, система государственного планирования в России объединяет два взаимосвязанных вида деятельности: стратегическое планирование, определяющее долгосрочные цели и приоритеты, и бюджетное планирование, обеспечивающее ресурсное подкрепление этих целей. Проблема согласования стратегических приоритетов с реальными бюджетными возможностями приобретает в последние годы особую остроту, что делает тему настоящего исследования исключительно актуальной.

Целью работы является систематизация современных инструментов финансового планирования и прогнозирования в секторе государственного управления и обоснование направлений их совершенствования с учётом актуальных вызовов российской экономики. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ теоретических и нормативных основ финансового планирования в государственном секторе; оценка современного состояния и ключевых тенденций развития инструментария; выявление проблем и ограничений, препятствующих повышению эффективности планирования; формулирование практических рекомендаций по совершенствованию инструментов.

Методологическую основу исследования составляют системный, институциональный и сравнительный подходы, методы анализа нормативно-правовых актов, статистических данных и экспертных оценок. Информационную базу образуют положения Бюджетного кодекса Российской Федерации, федеральные законы о федеральном бюджете, аналитические материалы Министерства финансов Российской Федерации, Счётной палаты Российской Федерации, а также публикации ведущих научных изданий по проблемам государственных финансов.

Теоретическая база финансового планирования в секторе государственного управления формируется на пересечении нескольких научных направлений. Классическая теория общественных финансов обосновывает необходимость государственного планирования как инструмента корректировки рыночных провалов и обеспечения производства общественных благ. Неинституциональный подход акцентирует внимание на качестве институтов, определяющих эффективность бюджетных решений, тогда как теория общественного выбора позволяет объяснить поведение участников бюджетного процесса через призму их собственных интересов и ограничений. В современной научной литературе всё большее признание получает концепция адаптивного планирования, предполагающая отказ от жёстких долгосрочных траекторий в пользу гибких сценариев, способных корректироваться в ответ на изменение внешних условий.

Нормативную основу финансового планирования в Российской Федерации образует совокупность федеральных законов и подзаконных актов. Базовым документом выступает Бюджетный кодекс Российской Федерации, устанавливающий общие принципы бюджетного планирования, составления проектов бюджетов и прогнозирования доходов. Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» определяет систему стратегических документов, включающую прогноз социально-экономического развития, бюджетный прогноз на долгосрочный период и основные направления бюджетной политики. Ежегодно принимаемые федеральные законы о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период конкретизируют параметры бюджетных проектировок.

Важным этапом в развитии нормативной базы стало принятие Федерального закона от 24.06.2025 №158-ФЗ, которым Бюджетный кодекс Российской Федерации был дополнен главой об использовании государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет». Данная новация закрепила на законодательном уровне обязательность применения цифровых платформ в бюджетном процессе и создала правовые основы для интеграции всех этапов бюджетного планирования – от формирования проекта бюджета до контроля за его исполнением – в едином информационном пространстве. Кроме того, указанным законом установлено, что заключение соглашений о государственно-частном партнёрстве и концессионных соглашений осуществляется с использованием системы «Электронный бюджет» для целей проверки объёма обязательств публично-правового образования.

Система стратегического планирования включает документы федерального, регионального и муниципального уровней, при этом бюджетный прогноз Российской Федерации на долгосрочный период разрабатывается каждые шесть лет на двенадцать и более лет на основе долгосрочного прогноза социально-экономического развития. Такая архитектура призвана обеспечить преемственность и согласованность решений, принимаемых на различных уровнях власти и в различные временные горизонты. Анализ практики финансового планирования в Российской Федерации за последние годы позволяет выделить несколько ключевых тенденций, определяющих развитие инструментария в рассматриваемой сфере.

Первая тенденция – усиление программно-целевого характера бюджетного планирования. Государственные программы стали основным инструментом увязки бюджетных ассигнований с конкретными результатами. С 2025 года аналогичный механизм в полной мере реализован и на этапе составления федерального бюджета: обоснование бюджетных ассигнований помимо детализированных расчётов объёмов финансирования включает информацию о соответствующих результатах. Распределение бюджетных ассигнований по целевым статьям (государственным программам и непрограммным направлениям деятельности) утверждается в приложениях к федеральному закону о бюджете, что обеспечивает прозрачность связи между выделяемыми ресурсами и планируемыми результатами. В структуре расходов федерального бюджета на 2026–2028 годы значительная часть ассигнований распределена именно по программному принципу, что отражает приверженность правительства программно-целевому методу.

Вторая тенденция – цифровизация бюджетного процесса. Система «Электронный бюджет» трансформировалась из вспомогательного инструмента в центральный элемент бюджетного планирования. В рамках системы реализована функциональность управления государственными программами субъектов Российской Федерации, включающая обязательную часть по формированию плана достижения показателей государственных программ и сервисную модель для регионов, не имеющих собственных информационных систем. По состоянию на середину 2025 года по сервисной модели работали 68 регионов, общее количество пользователей превысило 20 тысяч, а в системе велись три тысячи государственных программ субъектов Российской Федерации. К концу 2025 года в системе появилась функциональность, позволяющая муниципальным служащим полноценно работать с мероприятиями

и показателями, формировать предложения по их изменению. Такая архитектура обеспечивает сквозную интеграцию всех уровней бюджетной системы в едином информационном пространстве.

Третья тенденция – расширение практик инициативного бюджетирования. Данный инструмент, предполагающий непосредственное участие граждан в распределении части бюджетных средств, демонстрирует устойчивую положительную динамику. По предварительным данным федерального мониторинга, в 2025 году общая стоимость реализованных проектов инициативного бюджетирования достигла 67,7 млрд рублей, что на 12,6% превышает показатель 2024 года (60,1 млрд рублей). Административный охват составил 84 субъекта Российской Федерации, реализовано 31 812 проектов, а всего за период с 2016 по 2025 год – около 250 тысяч проектов. Доля внебюджетного софинансирования (средства населения, бизнеса, инициативные платежи) составила 7,95%, что свидетельствует о вовлечённости граждан в софинансирование проектов. В процедурах выдвижения проектных идей участвовало 14,2 млн человек, а в голосовании за проекты – 10,1 млн человек. Инициативное бюджетирование, таким образом, выступает не только инструментом финансирования локальных инициатив, но и механизмом повышения прозрачности бюджетных решений и доверия граждан к государственным институтам.

Четвёртая тенденция – удлинение горизонта бюджетного планирования. Правительство утвердило бюджетный прогноз на период до 2042 года, что означает переход к разработке долгосрочных сценариев бюджетной динамики. Базовый сценарий прогноза предполагает рост доходов федерального бюджета в среднем на 2,1% в год начиная с 2026 года, однако при этом прогнозируется сохранение дефицита на протяжении всего рассматриваемого периода. Согласно базовому варианту, дефицит федерального бюджета увеличится с ожидаемых в 2025 году 5,7 трлн рублей (2,6% ВВП) до 21,6 трлн рублей (2,9% ВВП) в 2042 году. Расширение горизонта планирования позволяет заблаговременно выявлять структурные дисбалансы и принимать корректирующие меры, однако одновременно повышает требования к качеству прогнозной аналитики и обоснованности закладываемых допущений.

Пятая тенденция – интеграция риск-ориентированного подхода. В 2023 году Министерство финансов Российской Федерации утвердило методические рекомендации по оценке бюджетных рисков и ведению их реестра, а также по мониторингу реализации мер минимизации бюджетных рисков. В научной литературе активно обсуждаются возможности адаптации международного опыта риск-ориентированного бюджетирования, включая структурирование бюджетных рисков и разработку архитектуры системы бюджетного комплаенса. Однако, как отмечают исследователи, интеграция риск-анализа в бюджетный процесс сталкивается с отсутствием единого стандарта оценки рисков, слабой связью риск-анализа с бюджетным циклом и дефицитом кадров и цифровых инструментов.

Несмотря на очевидный прогресс в развитии инструментария финансового планирования, современная практика сталкивается с рядом существенных проблем, требующих системного решения.

1. Вопрос нарастающего дефицита бюджетных ресурсов. Федеральный бюджет завершил 2025 год с дефицитом в 5,645 трлн рублей против 3,47 трлн рублей годом ранее, что означает рост более чем на 60%. Расходы растут быстрее доходов, нефтегазовая база сжимается, а инструменты, которые позволяли сглаживать шоки в предыдущие кризисные периоды, фактически исчерпаны. Для компенсации выпадающих нефтегазовых доходов Министерство финансов продолжает использовать средства Фонда национального благосостояния: ликвидная часть ФНБ на 1 января 2026 года составила 4,08 трлн рублей (1,9% ВВП). Расходы на обслуживание государственного долга достигли порядка 10% доходной части бюджета и продолжают расти. В этих условиях возрастает риск того, что бюджетная система утрачивает способность выполнять функцию активного стимулирования экономического роста, что предъявляет качественно новые требования к точности и обоснованности финансового планирования.

2. Проблема точности прогнозирования доходов. Прогнозирование бюджетных доходов традиционно относится к наиболее сложным задачам финансового планирования, поскольку налоговые поступления зависят от множества трудно предсказуемых факторов – динамики цен на энергоносители, валютного курса, деловой активности и инфляции. Как отмечается в научных публикациях, используемые на практике методы прогнозирования не позволяют в полной мере учитывать влияние множества внешних факторов, оказывающих воздействие на величину налоговых поступлений. В последние годы активно развиваются методы машинного обучения для прогнозирования доходов региональных бюджетов, включая нейросетевые модели и эконометрические подходы, однако их широкое внедрение в практику бюджетного планирования остаётся ограниченным.

3. Формальный характер программно-целевого планирования. Несмотря на то, что программно-целевой метод законодательно закреплён как основной инструмент увязки ресурсов и результатов, на практике сохраняются проблемы недостаточной обоснованности показателей результативности, их слабой связи с реальными общественно значимыми эффектами и преобладания контрольной функции над управленческой. В структуре расходов федерального бюджета сохраняется значительная доля непрограммных направлений деятельности, что снижает прозрачность бюджетных решений и затрудняет оценку их эффективности. Кроме того, программно-целевое управление несёт в себе риски, связанные с выбором неоптимальных приоритетов, недостаточной координацией между программами и сложностью оценки синергетических эффектов.

4. Ограниченная интеграция стратегического и бюджетного планирования. Как показывает анализ, система государственного планирования в России по-прежнему сталкивается с трудностями согласования стратегических приоритетов с бюджетными возможностями. Стратегические документы зачастую разрабатываются без должного учёта реальных ресурсных ограничений, а бюджетное планирование, в свою очередь, не всегда в полной мере ориентируется на долгосрочные приоритеты развития. В результате возникает разрыв между декларируемыми целями и их финансовым обеспечением, что подрывает доверие к системе стратегического планирования в целом.

5. Вопросы кадрового и методологического обеспечения риск-ориентированного планирования. Внедрение риск-ориентированного подхода в бюджетный процесс требует не только соответствующих методических рекомендаций, но и компетенций у сотрудников финансовых органов, а также цифровых инструментов, позволяющих проводить количественную оценку рисков. В настоящее время, как отмечают исследователи, наблюдается дефицит кадров и цифровых инструментов, способных обеспечить системную интеграцию риск-анализа в управленческий цикл. Отсутствие единого стандарта оценки рисков приводит к тому, что учёт угроз носит формальный характер, а результаты риск-анализа слабо влияют на принимаемые бюджетные решения.

С учётом выявленных проблем и ограничений представляется возможным сформулировать комплекс рекомендаций по совершенствованию инструментов финансового планирования и прогнозирования в секторе государственного управления.

Целесообразно обеспечить дальнейшее развитие методологии прогнозирования бюджетных доходов на основе интеграции классических эконометрических моделей с методами машинного обучения. Использование нейросетевых моделей для прогнозирования налоговых поступлений, апробированное в ряде научных исследований, позволяет повысить точность прогнозов за счёт учёта нелинейных зависимостей и взаимодействий между макроэкономическими параметрами. Для практического внедрения таких моделей необходимо создание типовых методик и их включение в регламенты бюджетного планирования.

Кроме того, требуется усиление взаимосвязи стратегического и бюджетного планирования посредством внедрения механизмов обязательной верификации стратегических документов на предмет их ресурсной обеспеченности. Целесообразно закрепить на нормативном уровне требование о проведении финансово-экономической экспертизы проектов

стратегических документов до их утверждения, а также о регулярной корректировке стратегических приоритетов с учётом изменения бюджетных возможностей. Такой подход позволит избежать накопления необеспеченных обязательств и повысит реалистичность стратегических планов.

Необходимо продолжить развитие функциональности системы «Электронный бюджет» в направлении расширения аналитических возможностей и внедрения инструментов предиктивной аналитики. Интеграция в систему модулей прогнозирования доходов и расходов, а также инструментов сценарного моделирования позволит органам власти оперативно оценивать последствия принимаемых решений и повышать качество бюджетного планирования. Особое внимание следует уделить обеспечению полноценной работы муниципальных образований в системе, что создаст условия для сквозной цифровизации бюджетного процесса на всех уровнях.

Целесообразно разработать и утвердить национальный стандарт управления бюджетными рисками, который определит единые подходы к идентификации, оценке, мониторингу и минимизации рисков на всех этапах бюджетного цикла. Стандарт должен предусматривать интеграцию риск-анализа в процедуры обоснования бюджетных ассигнований и оценки эффективности государственных программ. Параллельно необходимо организовать системную подготовку и повышение квалификации сотрудников финансовых органов в области риск-менеджмента.

Представляется перспективным дальнейшее расширение практик инициативного бюджетирования, доказавших свою эффективность как инструмента повышения прозрачности бюджетных решений и вовлечения граждан. Целесообразно рассмотреть возможность увеличения доли проектов инициативного бюджетирования в структуре расходов местных бюджетов, а также распространения успешных практик на региональный уровень. При этом важно обеспечить методическую поддержку муниципалитетов и создать механизмы обмена лучшими практиками.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Финансовое планирование и прогнозирование в секторе государственного управления представляет собой динамично развивающуюся сферу, в которой за последние годы произошли существенные институциональные и технологические изменения. Программно-целевой метод укрепился в качестве основного инструмента увязки бюджетных ресурсов с результатами, система «Электронный бюджет» стала центральным элементом цифровой инфраструктуры бюджетного процесса, а горизонт планирования расширился до 2042 года. Инициативное бюджетирование продемонстрировало устойчивый рост, охватив 84 субъекта Российской Федерации и обеспечив реализацию более 31 тысячи проектов в 2025 году. Вместе с тем сохраняются серьёзные вызовы, связанные с нарастающим дефицитом бюджетных ресурсов (5,645 трлн рублей по итогам 2025 года), ограниченной точностью прогнозирования доходов, формальным характером отдельных процедур программно-целевого планирования и недостаточной интеграцией риск-ориентированного подхода. Решение этих проблем требует комплексных мер, включающих развитие методологии прогнозирования на основе современных аналитических методов, усиление связи стратегического и бюджетного планирования, дальнейшую цифровизацию бюджетного процесса и внедрение национального стандарта управления бюджетными рисками.

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с разработкой и апробацией моделей адаптивного бюджетного планирования, способных обеспечивать устойчивость бюджетной системы в условиях высокой неопределённости, а также с оценкой социально-экономической эффективности различных инструментов финансового планирования на основе эмпирических данных.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 №145-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №31. – Ст. 3823.

2. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.06.2025 №158-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №26. – Ст. 3742.

3. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – №26 (ч. I). – Ст. 3378.

4. О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов: Федеральный закон от 28.11.2025 №426-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №49. – Ст. 8136.

5. Виноградова Т.И. Государственное планирование в России: проблемы согласования стратегических приоритетов с бюджетными возможностями и пути их решения / Т.И. Виноградова // Управленческие науки. – 2025. – Т. 15, №2. – С. 37–52. – DOI 10.26794/2304-022X-2025-15-2-37-52. – EDN KVQIUX

6. Косыгина К.Е. Инициативное бюджетирование в России и Вологодской области: общее и особенное / К.Е. Косыгина, Н.Н. Михалко // Проблемы развития территории. – 2025. – Т. 29, №3. – С. 78–92. – DOI 10.15838/ptd.2025.3.137.5. – EDN MHGFYG

7. Соколов А.П. Программно-целевые методы в государственном управлении: возможные риски и перспективы развития / А.П. Соколов // IP: Теория и практика. – 2025. – №4 (12). – С. 214–224. – EDN FUZWPK

8. Ткачева Н.Ю. Прогнозирование доходов регионального бюджета на основе макроэкономических параметров методами машинного обучения / Н.Ю. Ткачева // Финансовые рынки и банки. – 2025. – №9. – С. 112–119. – EDN KNLIVJ

9. Международный опыт применения риск-ориентированного подхода в бюджетном процессе и пути его адаптации в России // Экономика. Бизнес. Сервис. – 2025. – №4. – С. 24–31.

10. Минфин подвел предварительные итоги 2025 года по инициативному бюджетированию // Бюджет. – URL: <https://bujet.ru/article/522205.php> (дата обращения: 10.09.2026).

Коршук Ксения Александровна

студентка

Научный руководитель

Юринская Яна Владимировна

канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»
г. Магадан, Магаданская область

ОТНОШЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: работа посвящена исследованию отношения преподавателей высшей школы к внедрению искусственного интеллекта в образовательный процесс и пересмотру их профессиональной роли в эпоху цифровизации. В центре анализа – ключевое противоречие современного этапа: с одной стороны, нейросети берут на себя рутинные задачи педагога, с другой – создают угрозы академической честности и снижают уровень критического мышления обучающихся. На основе теоретического анализа нормативных документов и анонимного онлайн-опроса педагогов Северо-Восточного государственного университета (СВГУ) выявлены реальные практики, частота и цели использования ИИ-инструментов в повседневной деятельности преподавателей. Особое внимание уделено влиянию ИИ-инструментов на систему контроля знаний: признавая эффективность технологий, педагоги вынуждены смещать акцент с оценки готового письменного продукта на верификацию глубины понимания темы – через устные защиты и дискуссии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, цифровая трансформация, академическая честность, педагогическое наставничество, цифровая этика, нейросети в образовании.

Автор выражает благодарность Попову Леониду Александровичу, ассистенту кафедры цифровой инженерии Северо-Восточного государственного университета, за помощь при составлении анкеты анонимного опроса, использованного в исследовании.

Введение. Цифровая трансформация высшего образования уже давно перестала быть гипотетическим сценарием – это прописано и в государственной стратегии, и в международных рекомендациях ЮНЕСКО. Главное требование везде одно: технологии не должны вредить академической честности и живому общению [8; 10].

На практике всё выглядит сложнее. С одной стороны, нейросети действительно берут на себя рутину: помогают готовить материалы, адаптировать задания, экономить время преподавателей [1; 5]. С другой – возникают вопросы, которые пока не имеют однозначных ответов. Как сохранить живое педагогическое взаимодействие, если часть функций берёт на себя алгоритм? Как оценивать работы, когда студент может сгенерировать текст за пару минут? Исследования показывают, что успех цифровой трансформации во многом зависит от того, насколько сами преподаватели готовы менять подходы и переосмысливать свою роль [6]. В условиях, когда нейросети становятся частью повседневной учёбы, преподаватель перестаёт быть просто источником информации и всё чаще выступает наставником, модератором дискуссий и проводником в профессию [7].

Ранее проведенное исследование было посвящено анализу отношения студентов СВГУ к цифровым образовательным технологиям и применению генеративного ИИ. Результаты показали высокую техническую готовность обучающихся к использованию нейросетей, однако также зафиксировали пробелы в понимании цифровой этики и риски некритичного принятия сгенерированного контента. Картина остаётся неполной без взгляда со стороны преподавателей. Именно академические сотрудники определяют границы допустимого применения технологий, адаптируют формы контроля и задают этические стандарты в аудитории. Без учёта их опыта любые институциональные решения рискуют оказаться оторванными от реальной практики.

Цель исследования – выявить отношение преподавателей высшей школы к использованию генеративного ИИ в образовательном процессе, проанализировать их практический опыт и сформулировать рекомендации по адаптации оценочных практик на примере Северо-Восточного государственного университета.

Методы. В работе применялись следующие методы:

- теоретический анализ научных публикаций и нормативных документов;
- эмпирический метод, реализованный через анонимное онлайн-анкетирование преподавателей Северо-Восточного государственного университета (СВГУ);
- описательная статистика и тематический анализ открытых ответов.

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в результате опроса 15 научно-педагогических работников. Анкета была структурирована по смысловым блокам и включала следующие вопросы:

- 1) оценка педагогического стажа, академической должности и уровня цифровой грамотности;
- 2) частота использования ИИ-инструментов в профессиональной деятельности и цели их применения;
- 3) удовлетворённость качеством результатов, генерируемых нейросетями;
- 4) отношение к интеграции ИИ в образовательный процесс;
- 5) практический опыт взаимодействия со студенческими работами, выполненными с помощью ИИ, стратегии реагирования на подозрения в использовании нейросетей, взгляд на будущее традиционных форм контроля и открытое поле для описания роли преподавателя в условиях развития технологий.

Результаты. Данные опроса позволяют проследить, как преподаватели СВГУ на практике работают с инструментами ИИ и как оценивают их влияние на учебный процесс.

Большинство уже встроили их в работу. Почти половина (46,7%) обращается к ним ежедневно, еще треть (33,3%) – раз в неделю. Совсем не используют технологии лишь 6,7%. То есть для большинства преподавателей это уже привычный инструмент, пусть и с разной интенсивностью.

Если говорить о целях, то чаще нейросети используют для личных задач (19,7%), генерации идей для заданий или тестов (по 13,1%). Чуть реже – для административных задач (8,2%) или визуального оформления материалов (11,5%). Пока ИИ видят скорее как полезного помощника для подготовки, а не как основу учебного процесса.

Удовлетворённость качеством выдаваемых ИИ результатов среднее. Большинство ставят оценку «3» из 5 (43%), чуть реже – «4» (36%) и «5» (21%). Минимальные оценки никто не выбрал, то есть отторжения нет. Подобная оценка коррелирует с выводами исследователей о том, что генеративные модели эффективно справляются с шаблонными задачами, но требуют обязательной экспертной проверки из-за риска «галлюцинаций» и устаревших данных [5].

С ролью ИИ в учебе ситуация неоднозначная. Две трети преподавателей (67%) уверены, что студентам нужно осваивать нейросети как будущий рабочий инструмент. Но ровно столько же (67%) боятся, что из-за этого у студентов пропадет критическое мышление. Подобное сочетание оптимизма и настороженности отражает типичную ситуацию переходного периода: технологии признаются полезными, но риски для академической честности и самостоятельности студентов пока не до конца понятны. Эмпирические данные подтверждают, что этические риски использования ИИ носят институционально организованный характер и требуют системного, а не точечного регулирования [2].

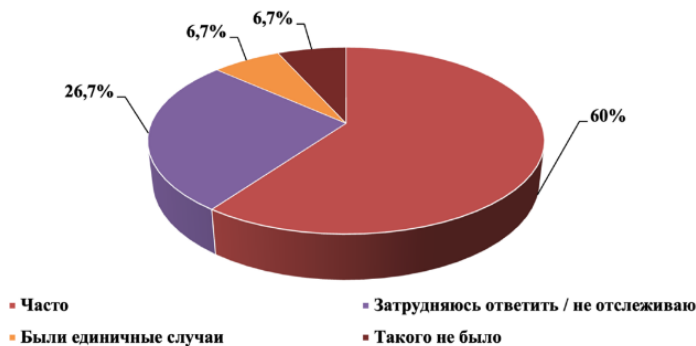

Рис. 1. Опыт столкновения с ИИ-работами

Опрос подтвердил, что студенты активно используют ИИ-инструменты при выполнении заданий. 60% преподавателей регулярно видят такие работы, а 26,7% просто не отслеживают это или затрудняются ответить (см. рис. 1).

Рис. 2. Реакция на подозрения использования ИИ-инструментов

При возникновении подозрений преподаватели редко выбирают жёсткие меры. Чаще всего (40%) они разрешают использование ИИ, но требуют обязательного указания источника. Ещё 26,7% просят студента пересдать работу устно, чтобы проверить реальное понимание темы. Такой подход показывает, что педагоги не стремятся наказать за использование нейросетей, а хотят убедиться, что студент действительно усвоил материал. Это полностью перекликается с пошаговым алгоритмом внедрения ИИ, где финальный этап всегда предполагает верификацию и коррекцию сгенерированного контента преподавателем (рис. 2) [3].

Больше половины респондентов (53,3%) считают, что классические рефераты и эссе постепенно теряют свою ценность – их обязательно нужно дополнять устной защитой. Треть уверена, что старые форматы ещё работают, и лишь 13,3% хотят от них отказаться совсем.

В опросе участвовали представители технических и инженерных наук (40%), за ними следуют экономика и управление (26,7%), точные и естественные науки с ИТ (20%) и юриспруденция (13,3%). Такое распределение важно, так как в технических дисциплинах ИИ чаще выступает как инструмент моделирования или обработки данных, тогда как в гуманитарных и юридических направлениях на первый план выходят вопросы аргументации, авторства и проверки фактов.

На открытые вопросы преподаватели дали развёрнутые комментарии, которые хорошо дополняют статистику. На вопрос о реакции на подозрение в использовании ИИ один из респондентов отметил: «Задаю дополнительные вопросы. Если студент в теме разбирается – то пусть использует ИИ, это нормально». Другой преподаватель уточнил, что в его дисциплине ИИ не предусмотрен спецификой предмета, но для докладов и презентаций его применение допустимо при условии проверки данных.

Рассуждая о роли преподавателя через пять лет, многие описали её как наставническую. Один из ответов звучит так: «Усилится значение в качестве наставника и организатора учебного процесса. Помощь в развитии критического мышления». Другой преподаватель отметил, что ИИ не сможет заменить живое объяснение и передачу практических навыков. Эти комментарии показывают, что педагоги видят своё будущее не в конкуренции с алгоритмами, а в адаптации своей роли под новые условия, что подтверждает тезис о сохранении профессиональной автономии при грамотной интеграции технологий [7].

Дискуссия. Данные опроса подтверждают, что генеративный ИИ уже перестал быть экспериментальной технологией и прочно вошел в студенческую среду. То, что 60% преподавателей регулярно сталкиваются с работами, выполненными с помощью нейросетей, говорит о том, что игнорировать этот инструмент больше невозможно. Студенты используют ИИ не ради «лени», а ради эффективности: для поиска информации, структурирования мыслей и улучшения формы текста.

Однако здесь возникает главный парадокс, зафиксированный в опросе: две трети преподавателей (67%) считают, что студенты должны осваивать ИИ как профессиональный инструмент, но ровно столько же опасаются, что это убьёт критическое мышление. Это противоречие вполне объяснимо, если взглянуть на природу взаимодействия человека и машины. Исследования П. В. Сысоева и коллег показывают, что современные модели (например, ChatGPT) способны оценивать структуру, грамматику и даже содержание текста на уровне преподавателя, а в вопросах языковой корректности даже превосходят его [9]. Студенты, получая от ИИ идеально выверенный по форме текст, могут начать воспринимать этот результат как достаточный, переставая глубоко погружаться в суть проблемы. Риск заключается не в том, что студент «списал», а в том, что он делегировал алгоритму самую сложную часть работы – анализ и синтез, оставив себе лишь роль редактора.

Именно поэтому реакция преподавателей на подозрения в использовании ИИ так важна. Большинство (40%) не стремятся просто наказать студента, а выбирают стратегию верификации: просят устно защитить работу или указать источники. Этот подход полностью перекликается с алгоритмом внедрения ИИ, предложенным М. А. Донцовым. Автор подчеркивает, что использование нейросетей должно быть не стихийным, а системным, где

обязательным этапом является анализ и проверка сгенерированных данных преподавателем [3]. Преподаватели в опросе интуитивно следуют этой логике: они смещают фокус с оценки готового продукта (который может быть сгенерирован) на оценку процесса мышления (который должен быть человеческим). Устная защита становится тем самым «фильтром», который позволяет отделить реальное понимание материала от красивой, но пустой генерации.

Взгляд преподавателей на будущее своей роли также подтверждает этот тренд на гуманизацию. В открытых ответах многие описали себя как «наставников» и «проводников», которые освобождаются от рутины благодаря ИИ. Это согласуется с позицией М.М. Конколя, которая отмечает, что интеграция ИИ требует не замены педагога, а формирования у студентов новой компетенции – медиаграмотности [4]. Преподаватель будущего должен учить не просто «пользоваться кнопкой», а критически оценивать выдачу алгоритма, проверять факты и этично использовать чужой интеллект.

Таким образом, данные опроса преподавателей СВГУ показывают, что академическое сообщество готово к изменениям, но хочет сохранить контроль над качеством образования. Студенты ищут инструменты для оптимизации, преподаватели – способы проверить глубину знаний. Баланс между этими интересами можно найти через комбинированные формы контроля (устные защиты, проекты) и четкие этические правила, где ИИ выступает помощником, а не заменой мышления.

Заключение. Проведённое исследование показало, что преподаватели СВГУ не просто наблюдают за внедрением ИИ в образование, а уже активно встроились в этот процесс. Опрос подтвердил, что генеративные нейросети перестали быть экспериментальной технологией и стали частью повседневной академической практики. Большинство педагогов используют ИИ для подготовки материалов, поиска идей и визуального оформления, при этом оценивая качество результатов скорее положительно.

Однако отношение к роли ИИ в обучении студентов оказалось двойственным. Эта двойственность говорит не о сопротивлении технологиям, а о поиске устойчивых педагогических рамок в условиях, когда нормативные и методические правила ещё не сформировались.

На практике преподаватели уже ищут баланс. Вместо запретов они выбирают диалог, чтобы убедиться в реальном понимании темы. Больше половины респондентов уверены, что традиционные рефераты и эссе нуждаются в дополнении устными обсуждениями, проектными заданиями и промежуточными защитами.

Важно, что преподаватели не видят в ИИ конкурента. В открытых ответах они неоднократно подчёркивали, что через пять лет их роль сместится в сторону наставничества, организации учебного процесса и передачи практического опыта – того, что алгоритмы пока не способны воспроизвести. ИИ воспринимается как «умный помощник», который берёт на себя рутину, но не заменяет живое педагогическое взаимодействие и эмоциональную связь между преподавателем и студентом. Подобный сдвиг в профессиональной идентичности требует сохранения подхода сфокусированном на человеке и постоянного развития цифровой компетентности педагогического состава.

Таким образом, цифровая трансформация высшего образования – это не вопрос выбора между технологиями и традициями, а задача их грамотного сочетания. Результаты опроса подтверждают: успешное внедрение ИИ возможно только при сохранении этических стандартов, развитии цифровой грамотности у студентов и методической поддержке преподавателей. Будущее образовательного процесса зависит не от мощности алгоритмов, а от того, насколько точно вуз сможет встроить технологии в живую педагогическую практику, не подменяя смыслы эффективностью.

Список литературы

1. Агальцова Д.В. Технологии искусственного интеллекта для преподавателя вуза / Д.В. Агальцова, Ю.Е. Валькова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvenno-go-intellekta-dlya-prepodavatelya-vuza/viewer> (дата обращения: 12.08.2026).

2. Бурганова Л.А. От этики алгоритмов академической честности: взгляд преподавателей вузов на вызовы генеративного искусственного интеллекта / Л.А. Бурганова, Г.П. Мягков, О.В. Юрьева // Вестник экономики, права и социологии. – 2026. – №2. – С. 266–271. – DOI 10.24412/1998–5533–2026–2–266–271. EDN AJQJST
3. Донцов М.А. Генеративный искусственный интеллект в работе преподавателя / М.А. Донцов. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/generativnyy-iskusstvennyy-intellekt-v-rabote-prepodavatelya/viewer> (дата обращения: 04.07.2026).
4. Конколь М.М. Трансформация образовательного процесса через призму искусственного интеллекта и нейросетевого прогресса / М.М. Конколь. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obrazovatel'nogo-protsessa-cherez-prizmu-iskusstvennogo-intellekta-i-neyrosetevogo-progressa/viewer> (дата обращения: 24.07.2026).
5. Кормилицын М.А. Использование искусственного интеллекта в работе преподавателя высшей школы / М.А. Кормилицын, С.Н. Богатырева // Журнал прикладных исследований. – 2025. – №1. – С. 249–254. – DOI 10.47576/2949–1878.2025.10.10.036. EDN YOFYPC
6. Масалова Ю.А. Цифровая компетентность преподавателей российских вузов / Ю.А. Масалова // Университетское управление: практика и анализ. – 2021. – Т. 25, №3. – С. 33–44. – ISSN 1999-6640. – DOI 10.15826/umpra.2021.03.025. EDN URJVAJ
7. Силантьева М.Ю. Самоопределение преподавателя в контексте интеграции искусственного интеллекта в образование / М.Ю. Силантьева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoopredelenie-prepodavatelya-v-kontekste-integratsii-iskusstvennogo-intellekta-v-obrazovanie/viewer> (дата обращения: 03.09.2026).
8. Министерство науки и высшего образования РФ. Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwuujw.pdf> (дата обращения: 30.07.2026).
9. Преподаватель vs искусственный интеллект: сравнение качества предоставляемый преподавателем и генеративным искусственным интеллектом обратной связи при оценке письменных творческих работ студентов / П.В. Сысоев, Е.М. Филатов, Н.И. Хмаренко, С.С. Мурунов // Перспективы науки и образования. – 2024. – №5 (71). – С. 694–712. – ISSN 2307-2334. – DOI 10.32744/pse.2024.5.41. EDN XZGVGM
10. ЮНЕСКО. Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта. – URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137> (дата обращения: 03.07.2026).

Леканова Екатерина Евгеньевна

аспирант

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

БАНКОВСКИЙ ЧЕК КАК ЦЕННАЯ БУМАГА

Аннотация: статья посвящена банковскому чеку, его основным особенностям и алгоритму расчетов посредством него. В качестве методологической основы использованы такие методы, как анализ, синтез, индукция, сравнение, обобщение, формально-юридический метод. Сделан вывод, что банковский чек, являясь ценной бумагой, обладает следующими основными характеристиками: документарность, легальность, абстрактность. Кроме того, рассмотрены основные свойства банковского чека, характеризующие его как расчетный документ: безотзывность; возможность гарантии платежа по чеку посредством авалья; обязанность чекоддержателя после получения денежных средств передать банку банковский чек с распиской в получении платежа; срочность. Также в статье анализируются достоинства и недостатки механизма защиты интересов чекоддержателя.

Ключевые слова: банковский чек, банк, чекодатель, чекоддержатель, чековая форма расчетов, ценные бумаги, финансовые инструменты.

Сделки, совершаемые в предпринимательской сфере, как правило, носят систематический характер между бизнес-партнерами. При этом крайне важно, чтобы на предприятиях не было простоев, чтобы не падал размер прибыли и не происходил отток покупателей к конкурентам

в связи с нерегулярными поставками товара в магазины. По данным причинам, если у одного из бизнес-партнеров наблюдается краткосрочная нехватка денежных средств, то во избежание простоя производства из-за отсрочки поставки сырья, он может выписать банковский чек своему контрагенту, который при наличии доверия согласится на такой вариант расчетов и сможет предъявить банковский чек к исполнению, как только произойдет пополнение счета чекодателя. Также расчеты чеками популярны и в других случаях (как между физическими, так и юридическими лицами), когда у чекодателя имеется достаточное количество денег на счету в момент выдачи чека [1, с. 4]. Кроме того, Б.П. Гармаев и А.В. Шамраев полагают, что в будущем расчеты чеками могут полностью или частично претерпеть цифровую трансформацию, то есть могут появиться электронные аналоги бумажных банковских чеков и чековых книжек [2; 3], что также обуславливает актуальность исследования расчетных чеков. Научным осмыслением чековой формы расчетов, в частности, занимались О.А. Беляева [1], и Б.П. Гармаев [2].

Чеком признается ценная бумага, содержащая ничем не обусловленное распоряжение чекодателя банку произвести платеж указанной в нем суммы чекодержателю (ч. 1 ст. 877 ГК РФ).

Банковский чек принадлежит к числу ценных бумаг в связи с чем обладает рядом специфических свойств.

Во-первых, речь идет о свойстве легальности, заключающимся в том, что статус чека как ценной бумаги закреплен на нормативно-правовом уровне (ч. 1 ст. 877 ГК РФ). Важно отметить, что не любой чек является ценной бумагой. «Магазинные» (кассовые) чеки не относятся к числу ценных бумаг, так как в качестве плательщика по чеку, относимому к ценным бумагам, может быть указан только банк, где чекодатель имеет средства, которыми он вправе распоряжаться путем выставления чеков (ч. 2 ст. 877 ГК РФ). В связи с этим в целях терминологической точности экономисты и юристы называют чек, относящийся к ценным бумагам, «банковским чеком» [4, с. 410; 5, с. 70; 6, с. 508]. Кроме того, и сам законодатель в ряде норм права (в частности, в прим. 5 ст. 200.1 УК РФ) уточняет, что не все чеки являются ценными бумагами, а именно банковские чеки: «Под денежными инструментами в целях настоящей статьи понимаются дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата». Касаясь дорожных чеков следует отметить следующее. Российское гражданское законодательство не упоминает ничего о дорожных чеках, в связи с чем дорожные чеки не принимаются к оплате и не должны приниматься в российских магазинах и банках. В прим. 5 ст. 200.1 УК РФ «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» они упоминаются только из-за того, что дорожные чеки признаются денежными инструментами в странах Евразийского экономического союза.

Во-вторых, анализ законодательства показал, что банковский чек обладает таким свойством как документарность, которое проявляется в том, что банковский чек представляет собой документ, составленный с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов, удостоверяющий обязательственные права, осуществление которых возможно только при предъявлении документа (ст. 143.1, ст. 878, п. 2 ст. 879 ГК РФ, гл. 8 Положения Банка России от 29.06.2021 №762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств»).

В научной литературе уже давно обсуждалась идея о введении в финансовый оборот банковских чеков в электронной форме для того, чтобы банкоматы и прочие аналогичные устройства могли удовлетворять денежные обязательства по банковским чекам [3]. В таком случае по принципу своего действия электронные банковские чеки можно было бы назвать «одноразовыми» банковскими карточками.

Кроме того, в последние годы банки стали выпускать виртуальные банковские карточки. Подобную технологию можно было бы применить и к анализируемому финансовому инструменту, то есть выпускать виртуальные банковские чеки. Такие финансовые продукты были

бы удобны, к примеру, в тех случаях, когда чекодатель не имеет в нужный момент необходимой денежной суммы, но в краткосрочной перспективе ожидает ее получить.

В-третьих, банковский чек обладает свойством абстрактности, под которым понимают безусловность обязанности по оплате чека (независимость от исполнения основного обязательства).

Кроме того, отдельно стоит упомянуть о свойстве легитимности держателя банковского чека, которое проявляется в подтвержденности и публичном признании определенного лица носителем определенного субъективного права (управомоченным держателем ценной бумаги, воплощающим это право).

Также можно выделить основные свойства банковского чека, характеризующие его как расчетный документ: безотзывность (невозможность прекращения обязанности банка произвести платеж до истечения срока для его предъявления); возможность гарантии платежа по чеку посредством авая (поручительством другого лица за чекодателя); обязанность чекодержателя после получения денежных средств передать банку банковский чек с распиской в получении платежа (к расписке приравнивается индоссамент переводного чека); срочность (возможность погашения в определенный срок).

Алгоритм расчетов банковскими чеками включает ряд действий. Сначала чекодатель открывает расчетный счет в банке и получает чековую книжку с чековыми бланками. Затем чекодатель при приобретении экономических благ вручает своему контрагенту заполненный банковский чек (вместо денежных средств). Далее чекодержатель направляется в банк, в котором чекодатель имеет счет, и предъявляет банковский чек работникам кредитной организации, которые выдают чекодержателю денежную сумму, указанную в чеке, если соблюдены все требуемые законом условия оформления банковского чека и если на счету чекодателя имеется необходимая денежная сумма.

Если банк отказал чекодержателю, то последний может защитить свои интересы, руководствуясь правилами ст. 885 ГК РФ. В случае отказа банка от оплаты чека у чекодержателя отсутствует возможность применить какие-либо санкции к банку. Только чекодатель вправе в случае нарушения его распоряжения банком о выдаче денежных средств чекодержателю применять санкции к банку. Иными словами, банковский чек не порождает обязательства банка перед чекодержателем. Из ч. 1 ст. 877 ГК РФ следует, что в банковском чеке выражен охраняемый законом интерес чекодателя в том, чтобы банк выплатил чекодержателю денежную сумму, который существует как право требования чекодателя к банку. Следовательно, специфической особенностью банковского чека выступает то, что держатель указанной ценной бумаги не является обладателем субъективного права, выраженного в ней. Иными словами, в отличие от многих других ценных бумаг, когда речь идет о банковском чеке, право на ценную бумагу и право из ценной бумаги принадлежат разным лицам.

Но все вышесказанное не означает, что чекодержатель полностью оставлен без правовой защиты своих интересов. Если банк откажется принимать банковский чек, то обязанность чекодателя по уплате денежной суммы за предоставленные чекодержателем экономические блага сохраняется и в любом случае должна быть исполнена, пусть и иным способом (наличными денежными средствами, посредством банковской карты и т. п.). Для этого чекодержателю следует поставить чекодателя в известность о неудачной попытке получить причитающиеся ему денежные средства посредством чековой формы расчетов. Если чекодержателю не удастся получить от чекодателя причитающуюся ему денежную сумму в добровольном порядке, то он на основании ст. 885 ГК РФ вправе по своему выбору предъявить к нему соответствующий иск.

Список литературы

1. Беляева О.А. Правовое регулирование чекового обращения в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Беляева. – М., 2002. – 150 с. EDN MDBPDG
2. Гармаев Б.П. Правовое регулирование безналичных расчетов чеками: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Б.П. Гармаев. – М., 2005. – 143 с. EDN NICMIB

3. Шамраев А.В. Электронные чеки: зарубежный опыт регулирования и возможности его применения в России / А.В. Шамраев // Расчеты и операционная работа в коммерческом банке. – 2006. – №3. – URL: https://www.reglament.net/bank/raschet/2006_3_article.htm (дата обращения: 30.08.2026).

4. Назарова С.П. Актуальность использования банковского чека в Российской Федерации / С.П. Назарова // Глобальные и локальные тренды в управлении, экономике, юриспруденции: материалы XIX Международной научно-практической конференции. – В 4 т. Т. 4. – Воронеж, 2022. – С. 410–412. EDN MZLRMW

5. Хабибов А.А. Платежные средства, выпускаемые банками: банковские чеки, аккредитивы, банковские платежные карты / А.А. Хабибов // XI Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам: сборник научных трудов. – Казань, 2022. – С. 70–74. EDN NMWJHC

6. Турова А.С. История применения банковских чеков в качестве платежных средств / А.С. Турова, О.С. Кузюкова // Инновации. Наука. Молодежь – 2022: материалы Всероссийской научно-практической студенческой конференции, посвященной 30-летию Международного института дизайна и сервиса. – Челябинск, 2022. – С. 508–510. EDN AAJDJD

Мелешенко Николай Михайлович

магистрант

Брянский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

г. Брянск, Брянская область

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ РЕГИОНА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается роль общественных объединений региона в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Обосновано, что на современном этапе обеспечение безопасности не сводится исключительно к деятельности государственных органов, а требует устойчивого участия институтов гражданского общества на региональном уровне. Проанализированы нормативно-правовые основы деятельности общественных объединений, основные направления их участия в охране общественного порядка, профилактике экстремизма и терроризма, добровольной пожарной охране, общественном контроле и поддержании межнационального согласия. Выявлены ключевые проблемы правового и организационного характера, а также предложены направления совершенствования взаимодействия государства и общественных структур в регионе.

Ключевые слова: национальная безопасность, регион, общественные объединения, гражданское общество, общественная безопасность, общественный контроль, профилактика экстремизма, охрана общественного порядка.

В современных условиях национальная безопасность все в большей степени выступает не только как функция государства, но и как результат согласованных действий публичной власти, общества и различных некоммерческих структур. Конституционная основа такого участия заложена в праве на объединение и гарантии свободы деятельности общественных объединений. Одновременно законодательство о стратегическом планировании прямо исходит из того, что стратегия национальной безопасности служит основой конструктивного взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений. Это означает, что участие общественных структур в обеспечении безопасности не является факультативным социальным явлением, а встроено в общую модель функционирования государства и общества.

Такой подход особенно значим на региональном уровне. Именно в субъекте Российской Федерации общественные объединения ближе всего находятся к населению, лучше видят локальные риски и быстрее реагируют на конфликтные, кризисные или деструктивные процессы. Если на федеральном уровне безопасность преимущественно осмысливается через стратегические приоритеты, то в регионе она приобретает прикладное содержание:

предупреждение правонарушений, поддержание общественного порядка, профилактика межэтнической напряженности, участие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, патриотическое воспитание молодежи, развитие общественного контроля. Национальная безопасность в таком ракурсе раскрывается через повседневную устойчивость социальной среды.

Нормативно-правовая база участия общественных объединений в этой сфере имеет многоуровневый характер. Базовыми актами выступают Федеральный закон «Об общественных объединениях» [3] и Федеральный закон «О некоммерческих организациях» [4], которые определяют организационно-правовые формы, цели создания и пределы деятельности соответствующих структур. Их значение состоит в том, что через данные акты государство закрепляет допустимые формы общественной самоорганизации, а также механизмы легального участия объединений в решении общественно значимых задач. В свою очередь, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 [10], относит государственную и общественную безопасность к числу стратегических национальных приоритетов. Новая Стратегия противодействия экстремизму, утвержденная Указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. №1124 [11], также подчеркивает значимость взаимодействия государства с институтами гражданского общества в предупреждении радикализации и деструктивной активности [16, с. 33].

Содержательно деятельность общественных объединений региона в сфере национальной безопасности проявляется в нескольких основных направлениях. Во-первых, это содействие охране общественного порядка. Закон об участии граждан в охране общественного порядка прямо предусматривает возможность участия граждан и общественных объединений правоохранительной направленности в данной работе. Во-вторых, это добровольная пожарная охрана, которая сочетает элементы гражданской самоорганизации и выполнения социально значимой функции защиты жизни и имущества. В-третьих, это участие казачьих обществ в несении государственной службы в предусмотренных законом формах. Все названные институты показывают, что общественное участие в обеспечении безопасности давно приобрело не только морально-политическое, но и конкретное юридическое оформление.

Не менее важным направлением является профилактическая работа. Общественные объединения региона способны выполнять функции раннего выявления социальных напряжений, участвовать в правовом просвещении, профилактике экстремистских проявлений, патриотическом и гражданском воспитании, а также в укреплении межнационального и межконфессионального диалога. Научные публикации 2025 года акцентируют, что государственно-общественное партнерство становится востребованной формой решения стратегических задач и при этом требует более четкого правового оформления. Отдельно подчеркивается, что современные формы гражданского общества включают общественные советы, палаты, волонтерские и казачьи структуры, а также иные объединения, действующие в публично значимых сферах.

Для региона особое значение имеет то обстоятельство, что общественные объединения способны формировать среду доверия между властью и населением. На практике именно такой посреднический потенциал часто определяет эффективность профилактики: население охотнее реагирует на инициативы тех структур, которые воспринимаются как «свои», а не как внешняя административная сила. Кроме того, институт общественного контроля, как отмечается в современной юридической литературе, выступает одной из важных гарантий участия общества в управлении делами государства и защиты законных интересов граждан. Следовательно, обеспечение национальной безопасности на региональном уровне включает не только силовой, но и правозащитный, коммуникационный и воспитательный компоненты [14, с. 30].

Вместе с тем действующая система не лишена существенных проблем. Первая из них связана с фрагментарностью правового регулирования. Общественные объединения, участвующие в обеспечении безопасности, регулируются разными законами и ведомственными

механизмами, из-за чего отсутствует единая модель их статуса, компетенции и форм взаимодействия с публичной властью. В научной литературе уже высказывается вывод о целесообразности более специального законодательного урегулирования государственно-общественных организаций и объединений с участием государства. Для региональной практики это означает, что многие формы сотрудничества фактически держатся не на системной правовой конструкции, а на соглашениях, локальных актах и организационной инициативе конкретных должностных лиц.

Вторая проблема заключается в неравномерности ресурсного обеспечения. Формально законодательство предусматривает финансовую и имущественную поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций, а также приоритетные меры поддержки для исполнителей общественно полезных услуг. При этом сама социальная ориентированность может включать, в частности, подготовку населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных и иных катастроф. Однако в региональной практике объем поддержки, доступ к грантам, качество инфраструктуры и уровень методического сопровождения существенно различаются. В результате часть объединений сохраняет высокий общественный потенциал, но не обладает организационными ресурсами для долгосрочной работы.

Третья проблема состоит в риске формализации деятельности. Если общественное объединение включается в систему обеспечения безопасности лишь номинально, без четко определенных задач, показателей результативности, подготовки кадров и постоянной обратной связи с населением, его участие постепенно становится отчетной формальностью. Между тем реальная эффективность общественных структур определяется не числом проведенных мероприятий, а способностью снижать конфликтность, повышать правовую культуру, обеспечивать коммуникацию с гражданами и вовремя сигнализировать о возникающих угрозах. Следовательно, критерием качества должна быть не административная отчетность как таковая, а измеримый общественный результат [13, с. 10].

Представляется, что совершенствование деятельности общественных объединений региона в сфере обеспечения национальной безопасности должно идти по нескольким направлениям. Во-первых, требуется более четкая региональная институционализация: создание устойчивых координационных площадок при органах власти, реестров партнерских объединений, типовых соглашений о взаимодействии, единых методических стандартов участия в профилактической работе. Во-вторых, необходим переход от разовых акций к постоянным программам – в области правового просвещения, молодежной политики, межкультурного диалога, добровольной помощи в чрезвычайных ситуациях и общественного контроля. В-третьих, важна цифровизация коммуникации между государством и общественными структурами, включая электронные сервисы поддержки НКО, отчетности, консультаций и мониторинга общественных инициатив. Эти меры соответствуют общей логике усиления государственно-общественного партнерства, которую фиксируют и современные стратегические документы, и новейшие юридические исследования.

Отдельного внимания заслуживает кадровый вопрос. Для многих общественных объединений региона характерны высокая мотивация и общественная полезность, но одновременно недостаток юридической подготовки, управленческих навыков и компетенций в сфере взаимодействия с органами власти. Поэтому целесообразно развивать систему регионального обучения активистов, руководителей НКО и добровольческих объединений по вопросам правового статуса, проектной деятельности, профилактики экстремизма, медиации, информационной безопасности и коммуникации с населением. Такая работа позволила бы повысить не только формальную грамотность объединений, но и качество их участия в решении задач общественной и национальной безопасности [15, с. 73].

Таким образом, деятельность общественных объединений региона в сфере обеспечения национальной безопасности следует рассматривать как необходимый элемент современной модели безопасности. Ее значение определяется не заменой государственных институтов, а

дополнением их деятельности общественной инициативой, локальным знанием, доверием населения и способностью к быстрой социальной мобилизации. Чем более последовательно регион выстраивает правовые, организационные и ресурсные механизмы поддержки таких объединений, тем выше устойчивость социальной среды, тем эффективнее предупреждаются внутренние угрозы и тем прочнее оказывается связь между публичной властью и обществом. В этом смысле общественные объединения выступают не периферийным участником, а одним из практических инструментов обеспечения национальной безопасности на территории субъекта Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. №26 (ч. I). Ст. 3378.
3. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19.05.1995 №82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – №21. – Ст. 1930.
4. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №3. – Ст. 145.
5. Об участии граждан в охране общественного порядка: Федеральный закон от 02.04.2014 №44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – №14. – Ст. 1536.
6. О добровольной пожарной охране: Федеральный закон от 06.05.2011 №100-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – №19. – Ст. 2717.
7. О государственной службе российского казачества: Федеральный закон от 05.12.2005 №154-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – №50. – Ст. 5245.
8. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 №35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №11. – Ст. 1146.
9. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №30. – Ст. 3031.
10. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 №400 // Официальный интернет-портал правовой информации.
11. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 №1124 // Официальный интернет-портал правовой информации.
12. Гирько С.И. Общественные объединения, созданные с участием государства, как особые субъекты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / С.И. Гирько, А.А. Безуглая, А.В. Мазеин // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – №2 (74). – С. 122–131. – DOI: 10.24412/2072–9391-2025-274-122-131 EDN: FDSHML
13. Гончаров В.В. Этапы развития института общественного контроля в Российской Федерации / В.В. Гончаров // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2025. – №2. – С. 8–12. – DOI 10.18572/2221-3287-2025-2-8-12. EDN RVJRDS
14. Закомолдин Р.В. Взаимодействие государства и гражданского общества в деле обеспечения национальной безопасности и реализации стратегических национальных приоритетов / Р.В. Закомолдин, В.В. Меркурьев // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2025. – №2. – С. 29–34. – DOI 10.18572/2221-3287-2025-2-29-34. EDN NWAQCN
15. Шеншин В.М. О взаимодействии государства и гражданского общества в сфере обеспечения общественной безопасности / В.М. Шеншин // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – Т. 25, №4. – С. 72–79. EDN YWSDQZ
16. Шеншин В. М. О правовом регулировании обеспечения безопасности / В.М. Шеншин // Конституционное и муниципальное право. – 2025. – №7. – С. 32–36. – DOI 10.18572/1812-3767-2025-7-32-36. EDN GDSZRT

ПЕРСПЕКТИВЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Аннотация: в статье исследуются проблемы и перспективы финансирования малого и среднего предпринимательства в России в условиях санкционного давления. На основе анализа статистических данных и научных публикаций 2023–2026 гг. выявлены ключевые тенденции: сокращение объёмов государственной поддержки, рост стоимости заёмного финансирования, ужесточение банковских риск-политик. Обоснована гипотеза о том, что трансформация модели финансирования МСП от универсальных субсидий к адресным инструментам развития не в полной мере компенсирует ограничения рыночного кредитования. Предложены рекомендации по расширению альтернативных источников финансирования и интеграции риск-ориентированного подхода в механизмы государственной поддержки.

Ключевые слова: малое предпринимательство, среднее предпринимательство, санкции, государственная поддержка, льготное кредитование, структура капитала, риск-ориентированный подход, альтернативное финансирование.

Сектор малого и среднего предпринимательства (МСП) традиционно рассматривается как драйвер экономического роста, инновационной активности и занятости. По данным Минэкономразвития России, по итогам реализации национального проекта в 2019–2024 гг. в секторе МСП работает более 6,5 млн компаний и свыше 29 млн человек, а вклад малого и среднего бизнеса в ВВП страны составляет 21,7%. Однако достижение целевых ориентиров, предусматривающих увеличение доли МСП в ВВП до 32–35%, требует не только количественного роста числа предприятий, но и качественного изменения структуры их финансирования. Санкционное давление 2022–2025 гг. существенно трансформировало условия доступа МСП к финансовым ресурсам: традиционные каналы внешнего финансирования оказались ограничены, а стоимость заёмных средств достигла уровней, делающих инвестиционные проекты нерентабельными для значительной части предприятий. В этих условиях исследование проблем и перспектив финансирования МСП приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Проблематика финансирования малого и среднего предпринимательства занимает центральное место в экономической науке на протяжении нескольких десятилетий. Классические работы, посвящённые теории провалов рынка и асимметрии информации, заложили основу понимания того, почему рыночный механизм не обеспечивает оптимального распределения финансовых ресурсов в секторе МСП. Однако современные условия – санкционное давление, ужесточение денежно-кредитной политики, цифровая трансформация финансовых услуг – требуют переосмысления традиционных подходов и разработки новых теоретических моделей, адекватных изменившейся реальности. Настоящая статья представляет собой попытку систематизации эмпирических данных и теоретических положений, характеризующих современное состояние и перспективы финансирования российского МСП.

Теоретический фундамент исследования финансирования МСП формируется на пересечении нескольких научных традиций. Неоклассическая теория провалов рынка объясняет необходимость государственного вмешательства асимметрией информации между кредиторами и заёмщиками, что ведёт к рационированию кредита и недоинвестированию в секторе. Новая институциональная экономика дополняет этот анализ пониманием роли формальных и неформальных институтов – правовой системы, административных барьеров, культуры

доверия – в формировании условий кредитования. Теория финансового роста, развитая в работах зарубежных исследователей, рассматривает доступность внешнего финансирования как функцию стадии жизненного цикла предприятия: на ранних стадиях преобладают внутренние источники, по мере роста возрастает роль банковского кредита и рынков капитала.

В контексте санкционных ограничений особую актуальность приобретает концепция финансовой аддитивности, позволяющая оценивать, в какой мере государственные программы поддержки действительно увеличивают доступность кредита для целевых предприятий, а не замещают рыночное финансирование. Современные исследования акцентируют внимание на необходимости интеграции риск-ориентированного подхода в механизмы поддержки МСП: адаптация риск-ориентированной модели за счёт использования более гибких и применимых к субъектам МСП критериев позволяет систематизировать процесс принятия решений для институтов развития с учётом особенностей их продуктов и мер поддержки.

Гипотеза исследования формулируется следующим образом: трансформация модели государственной поддержки МСП от универсальных субсидий и льготных кредитов к адресным инструментам, ориентированным на приоритетные отрасли, не обеспечивает достаточной компенсации ограничений рыночного кредитования, вызванных высокими процентными ставками и ужесточением банковских риск-политик. Как следствие, предприятия, не относящиеся к приоритетным отраслям, оказываются в условиях финансовой эксклюзии, что ограничивает их потенциал роста и масштабирования.

Ключевая проблема, рассматриваемая в статье, состоит в нарастающем диссонансе между декларируемыми целями развития сектора МСП и фактическими параметрами его финансирования. С одной стороны, государственная политика ориентирована на качественный рост, повышение производительности труда и технологическую модернизацию малых и средних предприятий. С другой стороны, макроэкономические условия 2025 г. характеризуются запретиельно высокими ставками: средневзвешенные ставки по кредитам МСП остаются на уровне 23–24% для краткосрочных и 18–19% для долгосрочных займов, что существенно ограничивает спрос на заёмные средства. Государственные программы льготного кредитования также сокращаются: в 2024 г. общий объём льготных кредитов для МСП уменьшился примерно на четверть, а их доля в общем портфеле снизилась.

Проведённый анализ эмпирических данных позволяет выделить несколько взаимосвязанных тенденций, характеризующих современное состояние финансирования российского МСП.

Первая тенденция – сокращение объёмов государственной поддержки. В первом квартале 2025 г. объём господдержки МСП упал на 43% – с 127,8 млрд руб. до 72,3 млрд руб. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Число компаний, индивидуальных предпринимателей и самозанятых, получивших помощь, снизилось на 17%, до 99,2 тыс.. Этот уровень сопоставим с кризисным 2022 г., однако причины принципиально иные: если тогда бизнес не успел адаптироваться к санкциям, то в 2025 г. сократились сами программы льготного кредитования – до 330 млрд руб. на 2025–2030 гг., что на 20% меньше, чем в предыдущую шестилетку.

Вторая тенденция – переориентация поддержки на приоритетные отрасли. С 2025 г. льготные кредиты доступны только компаниям в пяти приоритетных отраслях: обрабатывающей промышленности, логистике, туризме, науке и информационных технологиях. Это ограничило доступ к льготам для 90% предприятий. Минэкономразвития России перезапустило программу льготного инвестиционного кредитования в рамках национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика» с ежегодным лимитом кредитования 100 млрд руб. в 2025–2030 гг. Льготных кредитов будут выдавать меньше, но они станут более адресными – поддержка концентрируется там, где это необходимо для формирования новых рынков и отраслей.

Третья тенденция – смещение акцента на гарантийные механизмы. В условиях дорогих кредитов возрастает роль «зонтичных» поручительств Корпорации МСП, которые

покрывают до 50% банковского кредита и позволяют предпринимателям привлекать заёмное финансирование при нехватке или отсутствии залога. За четыре года работы под поручительства предоставлено кредитов более чем на один триллион рублей, средства получили 76 тыс. предпринимателей. В 2026 г. «зонтичные» поручительства позволят бизнесу привлечь не менее 216 млрд руб. заёмного финансирования.

Четвёртая тенденция – рост альтернативных источников финансирования. По итогам 2024 г. число заявок к краудлендинговым платформам выросло в два раза, к микрофинансовым организациям – в 3,7 раза. Средняя сумма одобренного кредита в 2024 г. составила 9 млн руб., на крауд-платформах и в МФО – около 3 млн руб. За первую половину 2024 г. объём привлечённых средств на рынке краудфинансирования, включая краудлендинг и краудинвестинг, составил 20,1 млрд руб. Развиваются цифровые финансовые платформы: через Цифровую платформу МСП.РФ, оператором которой является Корпорация МСП, предприниматели получили 101,3 млрд руб. льготного финансирования с момента запуска в 2022 г.

Пятая тенденция – пилотное внедрение партнёрского (исламского) финансирования. В Татарстане в рамках эксперимента по партнёрскому финансированию запущены льготные продукты для бизнеса, включая «Мурабаха-2024» и гарантийный «Даман». Первые сделки были одобрены Советом по исламскому финансированию, а предприниматель из Арска стал первым получателем комплексного пакета льготной финансовой помощи, разработанного с учётом принципов исламского финансирования.

На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие рекомендации.

Во-первых, целесообразно расширить перечень приоритетных отраслей для льготного кредитования, включив в него предприятия, обеспечивающие технологический суверенитет и импортозамещение в смежных секторах. Текущее ограничение пятью отраслями создаёт риск финансовой эксклюзии для значительной части МСП, способных внести вклад в структурную перестройку экономики.

Во-вторых, необходимо дальнейшее развитие гарантийных механизмов. Увеличение лимитов «зонтичных» поручительств и снижение стоимости гарантий для предприятий, не относящихся к приоритетным отраслям, но демонстрирующих устойчивую динамику роста, позволит расширить доступ к кредитным ресурсам без прямого субсидирования процентных ставок.

В-третьих, представляется обоснованным институционализировать альтернативные источники финансирования – краудлендинг, краудинвестинг, цифровые платформы – путём разработки стандартов раскрытия информации и механизмов защиты инвесторов. Это снизит транзакционные издержки и повысит доверие к данным инструментам со стороны как предпринимателей, так и инвесторов.

В-четвёртых, необходимо интегрировать риск-ориентированный подход в процедуры оценки инвестиционных проектов МСП. Адаптация риск-ориентированной модели с использованием более гибких критериев, применимых к субъектам МСП, позволит институтам развития систематизировать процесс принятия решений и снизить риски невозврата.

В-пятых, целесообразно масштабировать эксперимент по партнёрскому финансированию на другие регионы с учётом этноконфессиональных особенностей и потребностей предпринимательского сообщества.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Финансирование российского МСП в условиях санкций характеризуется противоречивой динамикой: совокупный кредитный портфель продолжает расти, достигнув 15,3 трлн руб. на 1 мая 2025 г., однако темпы новых выдач замедлились, а качество портфеля ухудшилось – просроченная задолженность составила около 525 млрд руб., или 3,8% общей суммы. Государственная поддержка трансформируется от универсальных субсидий к адресным инструментам, что соответствует логике качественного роста, но создаёт риски финансовой эксклюзии для предприятий неприоритетных отраслей. Альтернативные источники финансирования –

краудфинансирование, цифровые платформы, партнёрское финансирование – демонстрируют опережающую динамику, однако их масштабы пока несопоставимы с банковским кредитованием. Преодоление структурных ограничений финансирования МСП требует комплексного подхода, сочетающего расширение гарантийных механизмов, институционализацию альтернативных источников и интеграцию риск-ориентированных методов оценки проектов.

Список литературы

1. Виленский А.В. Развитие российской сферы не крупных субъектов хозяйствования и ее государственной поддержки на федеральном и региональном уровнях в чрезвычайных условиях / А.В. Виленский // Федерализм. – 2024. – Т. 29, №4. – С. 142–163. – DOI 10.21686/2073-1051-2024-4-142-163. – EDN IBGDZK
2. Кязимов Ф.Р. Влияние экономических санкций на финансовую устойчивость малого бизнеса и пути их преодоления / Ф.Р. Кязимов // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 7, №3. – С. 116–127.
3. Леонтьева Л.С. Региональные инициативы по государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации / Л.С. Леонтьева, И.А. Голубцов // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2024. – Т. 21, №2. – С. 93–108. – DOI 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-2-93-108. – EDN SAXUAG
4. Найденова Ю.Н. Детерминанты получения государственной поддержки малыми и средними предприятиями в России / Ю.Н. Найденова, П.А. Паршаков, А.О. Смирнов // Управление. – 2024. – Т. 15, №5. – С. 22–37. – DOI 10.29141/2218-5003-2024-15-5-2. – EDN EBSBVF
5. Симаева Е.П. Развитие партнерского финансирования для поддержки малого и среднего бизнеса / Е.П. Симаева, Н.П. Симаева // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17, №5. – С. 67–76. – DOI 10.26794/1999-849X-2024-17-5-67-76. – EDN RBBFIU
6. Янченко А.Ю. Малый бизнес в условиях санкций / А.Ю. Янченко, М.М. Репилова // Путеводитель предпринимателя. – 2025. – Т. 18, №3. – С. 99–105. – DOI 10.24182/2073-9885-2025-18-3-99-105. – EDN CFWWYZ
7. How to deal with customer and supplier concentration to attain sustainable financial growth? The role of business strategy / T. Ahsan, S. S. Mirza [et al.] // Business Strategy and the Environment. – 2023. – Vol. 32. – P. 4600–4619. – DOI 10.1002/bse.3383. – EDN GSURIN
8. Jalilvand A. Triangulating Risk Profile and Risk Assessment: A Case Study of Implementing Enterprise Risk Management System / A. Jalilvand, S. Moorthy // Journal of Risk and Financial Management. – 2023. – Vol. 16, no. 11. – Art. 473. – DOI 10.3390/jrfm16110473. – EDN KFVMUZ
9. Nkansah O.K. O. Thriving amid Uncertainty: How Enterprise Risk Management Shapes the Confluence of Business Strategy and Financial Performance of Micro, Small and Medium Enterprises in Ghana / O. K. O. Nkansah, H. A. Sofia // Proceedings of the 8th Global Conference on Business, Management, and Entrepreneurship (GCBME 2023). – 2024. – DOI 10.2991/978-94-6463-443-3_138.
10. Stulz R. M. Risk, the Limits of Financial Risk Management, and Corporate Resilience / R. M. Stulz // NBER Working Paper No. 32882. – Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2024.

ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: в статье содержатся теоретические и методологические основы государственной поддержки в сфере малого и среднего предпринимательства, исторический аспект, основные тенденции в отечественной и зарубежной теории и практике. Раскрыты основные этапы развития данной области, а также проблемы и перспективы поддержки малого и среднего бизнеса в современных условиях экономической турбулентности.

Ключевые слова: малое предпринимательство, среднее предпринимательство, господдержка МСП, отечественные модели поддержки МСП, зарубежные модели поддержки МСП.

Эволюция теоретических воззрений на природу малого и среднего предпринимательства и, соответственно, на обоснование необходимости его государственной поддержки прошла несколько последовательных этапов, каждый из которых отражал доминирующую парадигму экономической науки своего времени. Систематизация научных публикаций, представленная в библиометрическом исследовании российских моделей поддержки малого и среднего предпринимательства за период 1996–2025 гг., позволяет выделить три фазы развития данной области: становление (1996–2008 гг.), экспансию (2009–2019 гг.) и ускорение (2020–2025 гг.), причём пиковым годом по количеству публикаций стал 2024 год – 51 документ. Проведённый анализ 308 документов из баз Web of Science, Scopus и eLibrary выявил пять основных тематических кластеров: механизмы государственной поддержки (50,6%), системы финансовой поддержки (43,5%), модели регионального развития (31,8%), инновационные экосистемы (21,7%) и поддержка малого и среднего предпринимательства в сельской местности (14,6%). Эти данные свидетельствуют о том, что исследовательское поле не только количественно расширяется, но и качественно дифференцируется, охватывая всё более широкий спектр теоретических оснований – от новой институциональной экономики до теории инновационных систем и теории регионального развития.

Зарубежная экономическая мысль выработала несколько фундаментальных теоретических платформ, обосновывающих необходимость государственного вмешательства в функционирование сектора малого и среднего предпринимательства. Первой и наиболее ранней из них является теория провалов рынка, восходящая к неоклассической традиции. В соответствии с данной парадигмой малое и среднее предпринимательство сталкивается с систематическими ограничениями доступа к ресурсам, которые рыночный механизм не способен преодолеть самостоятельно. Речь идёт прежде всего об асимметрии информации, при которой кредитные организации не располагают достаточными сведениями о кредитоспособности малых предприятий, что ведёт к рационированию кредита и недоинвестированию в секторе. Неоклассическая школа, признав существование провалов рынка, при которых стихийный механизм не обеспечивает оптимального результата, заложила основу для корректирующей государственной политики в отношении малого бизнеса. В рамках этой традиции малый бизнес рассматривается как равноправная форма предпринимательства, имеющая прочные основы в рыночной экономике, собственные рыночные ниши и способность не только к сохранению, но и к успешному развитию. Однако неоклассический подход содержит ряд существенных ограничений: предполагается, что экономическая система находится в состоянии покоя, спрос на ресурсы равен предложению, информация о рынке открыта, а решения основаны исключительно на свободном выборе субъектов хозяйственной деятельности. Эти

допущения не соответствуют реальной практике функционирования малых и средних предприятий, что и обусловило развитие альтернативных теоретических платформ.

Новая институциональная экономика представляет собой вторую крупную теоретическую платформу, существенно расширившую понимание факторов, детерминирующих развитие малого и среднего предпринимательства. Институциональный подход, опирающийся на ключевые концепции Д. Норта, П. Димаджо и В. Пауэлла, позволяет выйти за рамки традиционного микроэкономического анализа и увидеть, как формальные и неформальные правила, нормы и культурные установки формируют поведение предпринимателей, определяют устойчивость предприятий и влияют на эффективность государственной политики. Анализ механизмов влияния формальных и неформальных институтов на стратегическое поведение, организационные практики и устойчивость малых и средних предприятий показывает, что институциональная среда – правовая система, административные барьеры, культура доверия, социальные нормы – определяет условия ведения бизнеса и эффективность управленческих решений в данном секторе. В контексте российской экономики, характеризующейся высокой институциональной неопределённостью и слабостью правоприменительной практики, данный подход приобретает особую актуальность, поскольку позволяет объяснить, почему стандартные меры финансовой поддержки не всегда приводят к ожидаемым результатам.

Теория региональных инновационных систем и теория инновационных экосистем формируют третью теоретическую платформу, акцентирующую внимание на пространственной и сетевой природе поддержки малого и среднего предпринимательства. В соответствии с данным подходом эффективность поддержки определяется не только объёмом выделяемых ресурсов, но и качеством институциональной инфраструктуры, способствующей генерации, диффузии и коммерциализации знаний. Участие в инновационных сетях увеличивает способность предприятий к трансформации и инновациям, причём в современных условиях переход к инкрементальным, нетехнологическим и открытым инновационным моделям создал новые возможности для фирм, не осуществляющих исследования и разработки, и для малых предприятий. Практическая реализация данного подхода находит выражение в создании кластеров, технологических платформ и сетевых структур, объединяющих малые и средние предприятия с университетами, исследовательскими организациями и крупными корпорациями. Более 60% сетевых политик в странах Организации экономического сотрудничества и развития направлены на интеграцию малых и средних предприятий в сети знаний и инноваций, 26% – на интеграцию в стратегические партнёрства и 9% – на интеграцию в кластеры.

Сравнительный анализ страновых моделей поддержки малого и среднего предпринимательства, представленный в научной литературе, позволяет выделить несколько устойчивых конфигураций: американо-канадскую, латиноамериканскую, германо-австрийскую, южнокорейскую, японскую и китайскую модели. Каждая из них характеризуется специфическим соотношением прямых и косвенных мер, степенью централизации управления и приоритетными направлениями поддержки. Японская модель, в частности, отличается наибольшей комплексностью и детализацией, а также масштабными финансовыми мерами, применяемыми в ответ на шоки, подобные финансовым кризисам и пандемии COVID-19. Теоретическое моделирование, проведённое в рамках исследования японского опыта, показало, что кредитные гарантии связаны с более высоким уровнем общественного благосостояния, нежели прямое кредитование через государственные финансовые институты.

Отечественная экономическая мысль развивалась в тесной взаимосвязи с зарубежными теоретическими концепциями, однако обладала и рядом специфических черт, обусловленных особенностями институциональной среды и исторического контекста. В начальный период становления рыночных отношений (1990-е – начало 2000-х гг.) доминировал неоклассический подход, в рамках которого малое предпринимательство рассматривалось преимущественно как сфера самозанятости и инструмент снижения напряжённости на рынке труда. В работе, опубликованной в 2012 г., подчёркивалось, что наиболее существенное социальное преимущество малого бизнеса состоит в том, что он представляет собой сферу

самозанятости: создавшие свой бизнес не увеличивают количество безработных и не претендуют на рабочие места. Соответственно, государственное содействие малому бизнесу трактовалось не как благотворительная деятельность, а как экономия средств для государства в различных формах.

По мере развития рыночных институтов и накопления эмпирических данных происходил переход к более сложным теоретическим конструкциям. Институциональный подход постепенно вытеснял неоклассический, поскольку последний, как отмечалось в литературе, предполагает, что экономическая система находится в состоянии покоя, а информация о рынке открыта, что не соответствует действительности. Представители институционализма, в свою очередь, акцентировали внимание на том, что фирма – это совокупность индивидов, а выбор определяется не столько оптимизацией, то есть стремлением к максимизации выгоды при существующих ограничениях, сколько институциональными факторами. В рамках институциональной традиции малое и среднее предпринимательство анализируется через призму взаимодействия формальных и неформальных институтов, а также их влияния на стратегическое поведение и устойчивость предприятий.

Методологический арсенал отечественных исследований поддержки малого и среднего предпринимательства претерпел существенную эволюцию. Если в ранних работах преобладали описательные и сравнительные методы, то впоследствии всё большее распространение получили количественные методы: эконометрическое моделирование, анализ панельных данных, библиометрический анализ. Проведённое в 2025 г. библиометрическое исследование с использованием руководства PRISMA продемонстрировало, что теоретические основы современной российской исследовательской области базируются на новой институциональной экономике, теории инновационных систем и теории регионального развития. Формирующимися трендами являются цифровая трансформация (рост на 500%), поддержка «зелёного» бизнеса (рост на 700%) и трансграничное сотрудничество (рост на 300%). Эти данные свидетельствуют о том, что отечественная наука о поддержке малого и среднего предпринимательства не только усваивает зарубежные теоретические концепции, но и генерирует собственные исследовательские направления, отражающие специфику национальной экономики.

Существенный вклад в развитие методологии оценки эффективности поддержки малого и среднего предпринимательства вносит концепция аддитивности, заимствованная из зарубежной практики. Финансовая аддитивность означает увеличение доступности кредита для целевых фирм и улучшение финансовых условий; экономическая аддитивность – влияние государственных гарантий на занятость, продажи и темпы роста прибыли; поведенческая аддитивность – изменение поведения малых и средних предприятий или других заинтересованных сторон под воздействием государственной поддержки. Применение данной концепции в отечественных исследованиях позволяет более строго оценивать результативность мер поддержки, отделяя эффекты, которые были бы достигнуты и без государственного вмешательства, от собственно дополнительных эффектов.

Современный этап развития подходов к поддержке малого и среднего предпринимательства характеризуется несколькими ключевыми тенденциями, имеющими как теоретическое, так и практическое значение. В России с 2025 г. реализуется национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика», в рамках которого действует федеральный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Ключевыми инструментами поддержки выступают льготные инвестиционные кредиты, микрозаймы государственных микрофинансовых организаций, а также «зонтичный» механизм поручительства, представляющий собой упрощённый способ получения кредита в банке в случае недостаточности собственной залоговой массы. За девять месяцев 2025 г. малые и средние предприятия привлекли 686 млрд рублей с помощью инструментов льготного кредитования, «зонтичных» поручительств Корпорации малого и среднего предпринимательства и государственных микрофинансовых организаций. Программа

предусматривает предоставление субъектам малого и среднего предпринимательства среднесрочных кредитов в размере от 50 млн до 2 млрд рублей. По итогам национального проекта более 1,5 млн субъектов малого и среднего предпринимательства, более 300 тысяч самозанятых граждан получили поддержку через центры «Мой бизнес».

Концептуальный сдвиг в отечественной политике поддержки малого и среднего предпринимательства, зафиксированный в научной литературе 2026 г., заключается в переходе от политики стабилизации к политике стимулирования адаптационного роста. Новая парадигма базируется на приоритете фискально-регуляторных мер, адресном развитии нематериальных активов и человеческого капитала, а также на логике кооперации и разделения рисков между государством и бизнесом. Данный переход отражает осознание того, что в условиях макроэкономической волатильности и дороговизны кредитных ресурсов традиционные инструменты прямого финансового санирования оказываются недостаточно эффективными. Нарастающий диссонанс между унаследованной парадигмой прямого финансового санирования и новыми требованиями эпохи структурной турбулентности составляет центральный тезис современных институциональных исследований в данной области.

В глобальном контексте ключевым ориентиром для национальных политик поддержки малого и среднего предпринимательства выступают рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития. Согласно докладу «Unleashing SME Potential to Scale Up» (2025), эффективная политика должна сочетать широкие меры, улучшающие рамочные условия для всех малых и средних предприятий независимо от сектора, размера и региона, с адресными интервенциями, ориентированными на фирмы с высоким потенциалом масштабирования, включая технологически интенсивные предприятия и стартапы. Панель политик малого и среднего предпринимательства и предпринимательства Организации экономического сотрудничества и развития охватывает более 2 500 мер поддержки в 38 странах по пяти ключевым направлениям: доступ к финансированию, управление данными, торговля и интернационализация, инновационные сети и навыки для двойного перехода, цифрового и зелёного. Более половины зафиксированных мер применяются ко всем малым и средним предприятиям, около 20% являются сектор-специфичными, а примерно 14% ориентированы на фирмы по возрастному критерию, как правило, стартапы. Финансовые меры поддержки, такие как гранты и государственные займы, остаются наиболее распространёнными интервенциями.

Систематический обзор практики бизнес-поддержки, охватывающий академическую литературу 2004–2025 гг., выявил нексус из шести ключевых компонентов эффективной поддержки малого и среднего предпринимательства: паттерн взаимодействия, независимая интернационализация, диагностические инструменты, глубина вовлечённости, экспертное коучинговое сопровождение и трансляция концепций, – все из которых являются взаимозависимыми. Кроме того, были идентифицированы пять ключевых элементов управления: оценка результатов, поиск и отбор, партнёрства по финансированию и реализации, мобилизация и управление клиентами. Данные результаты используются для разработки концептуальной рамки, предлагающей содержательно нейтральный план эффективной бизнес-поддержки, подчёркивающей высокоинтенсивное индивидуальное взаимодействие и критическую роль экспертов-практиков, способных транслировать концепции в конкретные контексты малых и средних предприятий. Особое внимание в современных исследованиях уделяется необходимости адаптации политик к разнообразию фирменных траекторий: универсальные субсидии несут риск неэффективного распределения ресурсов, тогда как адресный подход, учитывающий гетерогенность малых и средних предприятий, демонстрирует более высокую результативность.

Интеграция малого и среднего предпринимательства в глобальные цепочки создания стоимости и инновационные сети становится приоритетным направлением политики в странах Организации экономического сотрудничества и развития. Политики, помогающие малым и средним предприятиям получить доступ к навыкам в рамках более широкой экосистемы, составляют 27% от общего числа зафиксированных мер. Высшие учебные заведения как хабы

знаний играют всё более активную роль в оказании помощи малым и средним предприятиям и предпринимателям в приобретении навыков: они адаптируют учебные программы для поддержки данного сектора через тренинг-программы, а публичные банки развития, такие как BPI France, запускают программы обучения в области лидерства, стратегии и цифровых технологий. Около 45% политик, связанных с интеграцией малых и средних предприятий в сети знаний и инноваций, имеют по крайней мере частичную международную направленность.

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько принципиальных выводов. Во-первых, теоретические подходы к поддержке малого и среднего предпринимательства в отечественной и зарубежной науке прошли эволюцию от неоклассической теории провалов рынка через новую институциональную экономику к комплексным междисциплинарным концептуальным рамкам, объединяющим теорию инновационных систем, теорию регионального развития и концепцию аддитивности. Каждый последующий этап не отменял предыдущий, а дополнял его, формируя многоуровневую теоретическую платформу, адекватную сложности объекта регулирования. Во-вторых, наблюдается конвергенция российских и зарубежных подходов в части признания необходимости перехода от универсальных мер поддержки к адресным, учитывающим гетерогенность сектора малого и среднего предпринимательства и стадию жизненного цикла предприятия. В-третьих, актуальной тенденцией является интеграция риск-ориентированного подхода в механизмы поддержки: государство всё чаще выступает не только как источник финансирования, но и как партнёр по разделению рисков, что находит выражение в развитии механизмов кредитных гарантий и «зонтичных» поручительств.

Вместе с тем остаётся ряд нерешённых методологических проблем. Прежде всего, сохраняется разрыв между теоретическими моделями и эмпирическими данными: как показало исследование японского опыта, предсказания теоретических моделей в некоторых отношениях не согласуются с данными о том, как фирмы фактически используют меры поддержки. Это указывает на необходимость более детального эмпирического анализа отдельных инструментов поддержки. Кроме того, требует дальнейшей разработки методология оценки долгосрочных эффектов поддержки, поскольку большинство существующих исследований ограничиваются краткосрочными и среднесрочными горизонтами. Наконец, в условиях цифровой трансформации и перехода к зелёной экономике возникает потребность в новых теоретических моделях, объясняющих, каким образом меры поддержки могут одновременно стимулировать рост, инновационную активность и экологическую устойчивость. Решение этих задач представляет собой перспективное направление дальнейших исследований, значимое как для экономической науки, так и для практики государственного регулирования.

Список литературы

1. Бакайкина А.В. Детерминанты участия субъектов малого и среднего предпринимательства в российской двухуровневой системе поддержки / А.В. Бакайкина // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – №1 (62). – С. 75–100. DOI 10.31737/22212264_2024_1_75-100. EDN HZSHZQ
2. Виленский А.В. Развитие российской сферы некрупных субъектов хозяйствования и ее государственной поддержки на федеральном и региональном уровнях в чрезвычайных условиях / А.В. Виленский // Федерализм. – 2024. – Т. 29, №4. – С. 142–163. – DOI 10.21686/2073-1051-2024-4-142-163. EDN IBGDZK
3. Леонтьева Л.С. Региональные инициативы по государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации / Л.С. Леонтьева, И.А. Голубцов // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2024. – Т. 21, №2. – С. 93–108. – DOI 10.55959/MSU2073-2643-21-2024-2-93-108. EDN SAXUAG
4. Оценка эффектов государственной поддержки малого и среднего бизнеса с применением метода синтетической контрольной группы / М.А. Молодчик, А.А. Быкова, Е.А. Иванов, Д.А. Марканова // Прикладная эконометрика. – 2025. – Т. 78. – С. 28–49. DOI 10.22394/1993-7601-2025-78-28-49. EDN HRFEQT
5. Найденова Ю.Н. Детерминанты получения государственной поддержки малыми и средними предприятиями в России / Ю.Н. Найденова, П.А. Паршаков, А.О. Смирнов // Управленец. – 2024. – Т. 15, №5. – С. 2–17. DOI 10.29141/2218-5003-2024-15-5-2. EDN EBSBVF

Плотников Андрей Алексеевич

магистрант

Научный руководитель

Ченик Ольга Викторовна

д-р экон. наук, доцент, доцент

АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»

г. Москва

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ: КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ, ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Аннотация: в статье исследуются содержание и ключевые направления трансформации социально-экономических процессов современного общества. Обоснована взаимосвязь экономической динамики, рынка труда, доходов населения, человеческого капитала и цифровизации. На основе официальных статистических данных рассмотрена динамика отдельных показателей уровня жизни населения России в 2026 г. Предложена схема воспроизводственного механизма взаимосвязи экономической активности и социальной устойчивости. Сделан вывод о необходимости комплексной оценки социально-экономического развития и согласования экономических и социальных целей.

Ключевые слова: социально-экономические процессы, общество, доходы населения, занятость, человеческий капитал, цифровизация, устойчивое развитие.

Введение.

Социально-экономические процессы отражают взаимосвязанные изменения в хозяйственной и социальной сферах общества. Их динамика проявляется в состоянии производства, занятости, доходов населения, потребительского поведения, человеческого капитала и доступности общественных благ. Поэтому современное исследование социально-экономического развития предполагает системное рассмотрение экономических и социальных показателей, поскольку изменение одного элемента способно формировать последствия для всей системы.

Актуальность исследования определяется ускорением технологических изменений, цифровизацией хозяйственных связей, трансформацией рынка труда и повышением роли человеческого капитала. Новые технологии меняют содержание трудовых функций и требования к квалификации, а структурные изменения экономики отражаются на источниках доходов и моделях потребления. В этих условиях устойчивость общества зависит от способности населения, организаций и государственных институтов адаптироваться к новым условиям.

Цель исследования состоит в систематизации основных факторов и тенденций развития социально-экономических процессов и выявлении взаимосвязей между экономической динамикой и социальными параметрами. Используются методы системного, сравнительного и структурно-функционального анализа, обобщения научных подходов и анализа официальных статистических данных.

Теоретические основы социально-экономических процессов.

Социально-экономические процессы можно определить как совокупность взаимосвязанных изменений в экономической и социальной подсистемах общества, возникающих в результате взаимодействия населения, организаций и государства. К ним относятся изменения объемов производства и потребления, занятости, доходов, структуры рабочей силы, демографического поведения, образовательного уровня и механизмов распределения ресурсов.

Взаимосвязь занятости, доходов и совокупного спроса получила фундаментальное обоснование в работах Дж. М. Кейнса [1]. Инновационная природа экономических изменений и значение предпринимательской активности раскрываются в концепции Й. Шумпетера [6]. Подход А. Сена расширяет понимание развития, связывая его не только с ростом доходов, но

и с возможностями человека, качеством общественных институтов и доступом к базовым благам [5].

Принципиальной особенностью социально-экономических процессов является наличие прямых и обратных связей. Рост экономической активности способен расширять занятость и доходы; увеличение доходов поддерживает платежеспособный спрос; развитие спроса создает предпосылки для роста производства и инвестиций. Однако конечный социальный результат зависит от инфляции, распределения доходов, качества занятости и эффективности институтов.

Поэтому оценка развития не должна ограничиваться валовыми макроэкономическими показателями. Необходимо одновременно учитывать реальные доходы, занятость, бедность, человеческий капитал и социальную инфраструктуру. Такой подход соответствует структуре официальной статистики, где показатели уровня жизни, рынка труда и распределения доходов рассматриваются как взаимосвязанные характеристики состояния общества [2–4].

Факторы и актуальная динамика социально-экономического развития.

Одним из ключевых факторов является рынок труда. Занятость формирует основной источник доходов населения и служит механизмом реализации человеческого капитала. Структурная перестройка экономики приводит к перераспределению работников между видами деятельности, а технологические изменения повышают требования к профессиональным компетенциям. По данным Росстата, в 2024 г. высшее образование имели 36,6% занятых, что свидетельствует о существенной роли квалификации в современной структуре занятости [2].

Не менее значимым фактором выступают доходы населения и их покупательная способность. В I квартале 2026 г. денежные доходы населения России выросли на 8,6% к соответствующему периоду предыдущего года, реальные денежные доходы – на 2,6%, реальные располагаемые – на 1,5%. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата составила 106 979 руб., а доля населения с доходами ниже границы бедности – 7,7% [3]. Во II квартале 2026 г. денежные доходы увеличились на 6,8% в годовом выражении, реальные денежные доходы – на 1,1%, реальные располагаемые – на 1,5%; средняя начисленная заработная плата достигла 111 433 руб., а доля населения с доходами ниже границы бедности составила 7,0% [4].

Сопоставление номинальной и реальной динамики показывает, что количественный рост денежных показателей не может автоматически интерпретироваться как эквивалентное повышение уровня жизни. Для содержательной оценки необходимо учитывать изменение цен, обязательные платежи и распределение доходов между группами населения.

Демографические процессы также оказывают долговременное воздействие на социально-экономическую систему. Изменение возрастной структуры населения и численности трудоспособных групп влияет на предложение рабочей силы, потребительский спрос и нагрузку на социальную инфраструктуру. В свою очередь, человеческий капитал определяет способность экономики осваивать технологии и повышать производительность. Поэтому образование и профессиональную подготовку следует рассматривать одновременно как социальный ресурс и как инвестицию в экономический потенциал.

Таблица 1

Отдельные показатели уровня жизни населения России в 2026 г.

Показатель	I квартал	II квартал
Рост денежных доходов к соответствующему периоду 2025 г., %	8,6	6,8
Рост реальных денежных доходов, %	2,6	1,1
Рост реальных располагаемых доходов, %	1,5	1,5
Среднемесячная начисленная заработная плата, руб.	106 979	111 433
Доля населения с доходами ниже границы бедности, %	7,7	7,0

Источник: составлено автором по данным Росстата [3; 4].

Цифровизация и трансформация рынка труда.

Цифровизация является самостоятельным фактором изменения социально-экономических отношений. Распространение цифровых технологий ускоряет обмен информацией, автоматизирует часть операций, создает новые модели предоставления услуг и расширяет возможности дистанционной занятости. Экономический эффект проявляется в снижении части транзакционных издержек и росте скорости обработки информации, социальный – в расширении доступа к государственным, финансовым и образовательным сервисам.

Одновременно цифровая трансформация формирует новые требования к работникам. Автоматизация отдельных функций способна сокращать потребность в одних компетенциях и увеличивать спрос на другие. Поэтому устойчивость рынка труда определяется не только количеством рабочих мест, но и способностью системы образования и профессиональной подготовки обеспечивать обновление квалификации.

Цифровизация может усиливать различия между социальными группами при неодинаковом доступе к инфраструктуре и цифровым навыкам. Следовательно, технологический прогресс требует институционального сопровождения: развития цифровой грамотности, непрерывного образования и механизмов профессиональной мобильности. Это позволяет преобразовывать технологические изменения из потенциального источника дисбалансов в фактор повышения производительности и качества жизни.

Экономическое развитие и социальная устойчивость.

Экономическая и социальная устойчивость формируются в рамках единого воспроизводственного механизма. Экономическая активность организаций создает рабочие места и доходы населения. Доходы поддерживают потребительский спрос, который влияет на объем реализации товаров и услуг. Развитие организаций расширяет налоговую базу и возможности финансирования социальной инфраструктуры, а инвестиции в человеческий капитал повышают качество трудовых ресурсов.

В обобщенном виде взаимосвязь может быть представлена следующим образом:

Экономическая активность → занятость → доходы → потребительский спрос → развитие организаций → налоговые поступления → социальная инфраструктура и человеческий капитал → экономическая активность

Рис. 1. Воспроизводственный механизм взаимосвязи экономической активности и социальной устойчивости

Источник: разработано автором.

Нарушение отдельных звеньев этого механизма способно формировать отрицательные обратные связи. Снижение деловой активности ограничивает спрос на труд и динамику доходов; ослабление потребительского спроса, в свою очередь, сдерживает развитие организаций. Государственное регулирование в такой системе выступает не только способом компенсации социальных последствий, но и инструментом поддержания устойчивости воспроизводственного цикла.

Социальная и экономическая политика в долгосрочном периоде взаимодополняют друг друга. Развитие образования, инфраструктуры и механизмов содействия занятости одновременно выполняет социальную и экономическую функции. Устойчивое предпринимательство и инвестиционная активность, со своей стороны, расширяют ресурсную базу для решения социальных задач.

Основные тенденции и направления развития.

Современный этап характеризуется несколькими взаимосвязанными тенденциями. Первая – повышение значения человеческого капитала: знания, профессиональные компетенции и способность к освоению технологий становятся важнейшими факторами производительности. Вторая – усиление взаимозависимости социальной и экономической политики, поскольку решения в сфере инвестиций и предпринимательства отражаются на занятости и доходах, а социальные меры воздействуют на потребительский спрос и качество рабочей силы.

Третья тенденция связана с ускорением технологической трансформации рынка труда. Значение имеет не только количество рабочих мест, но и их качество, уровень производительности и оплаты труда, требования к квалификации и возможности профессионального развития. Четвертая тенденция – повышение роли адаптивности организаций, работников и институтов к изменениям внешней среды.

Наконец, возрастает значение комплексной оценки развития. Номинальные доходы должны анализироваться совместно с реальными доходами и инфляцией; занятость – с учетом качества рабочих мест; экономический рост – с учетом его социальных результатов. Официальные данные о доходах, бедности и рынке труда создают информационную основу для такого анализа [2–4; 7].

Заключение.

Социально-экономические процессы представляют собой систему взаимосвязанных изменений, в которой экономическая динамика, занятость, доходы, человеческий капитал и институциональная среда воздействуют друг на друга. Их исследование требует комплексного подхода и сопоставления количественных экономических показателей с социальными результатами.

Актуальные данные за первую половину 2026 г. демонстрируют рост номинальных и реальных доходов населения России и снижение доли населения с доходами ниже границы бедности [3; 4]. Вместе с тем различия между темпами номинальной и реальной динамики подтверждают необходимость учитывать покупательную способность и структуру распределения доходов.

Предложенный воспроизводственный механизм позволяет представить экономическую активность, занятость, доходы, спрос, налоговые поступления, социальную инфраструктуру и человеческий капитал как единую систему прямых и обратных связей. Устойчивое развитие в такой системе определяется не только темпами экономического роста, но и качеством человеческого капитала, продуктивностью занятости, динамикой реальных доходов и способностью институтов адаптироваться к структурным и технологическим изменениям.

Список литературы

1. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М. Кейнс. – М.: Гелиос АРВ, 2012. – 352 с.
2. Труд и занятость в России. 2025: статистический сборник / Росстат. – Москва, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 27.09.2026).
3. Росстат представляет данные о численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в I квартале 2026 года // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/285035> (дата обращения: 27.09.2026).
4. Росстат представляет данные о численности населения с денежными доходами ниже границы бедности во II квартале 2026 года // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/313/document/289996> (дата обращения: 27.09.2026).
5. Сен А. Развитие как свобода / А. Сен. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с. – EDN QWIXHX
6. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с.
7. Неравенство и бедность // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 27.09.2026).

Полякова Валерия Дмитриевна

магистрант

Научный руководитель

Чернявская Юлия Анатольевна

канд. экон. наук, доцент

Липецкий филиал ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве РФ»
г. Липецк, Липецкая область

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ В ПЕРИОД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается понятие государственно-частного партнёрства (ГЧП) как институционального механизма долгосрочного взаимодействия государства и частного сектора, основанного на объединении ресурсов, распределении рисков и взаимной ответственности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска внебюджетных источников финансирования инфраструктурных и социально значимых проектов в условиях экономической нестабильности. Целью работы является уточнение содержания категории ГЧП и выявление перспектив его развития в отечественной экономике с учётом макроэкономических ограничений. Методологическую основу составляют институциональный, системный и сравнительный подходы, а также анализ нормативно-правовой базы и практики реализации концессионных соглашений.

Ключевые слова: государственно-частное партнёрство, концессия, инвестиционная деятельность, экономическая нестабильность, инфраструктурные проекты, институциональная среда.

В условиях нарастающей нестабильности мировой и отечественной экономики, сопровождающейся ужесточением денежно-кредитной политики, сжатием бюджетных возможностей и ростом стоимости заёмного финансирования, проблема поиска эффективных механизмов привлечения внебюджетных инвестиций в инфраструктурные и социально значимые проекты приобретает особую остроту. Государственно-частное партнёрство (ГЧП) рассматривается в современной экономической науке как один из наиболее перспективных институциональных инструментов, позволяющих объединить ресурсы публичной власти и частного сектора для решения задач, которые не могут быть эффективно решены исключительно за счёт бюджетных средств или исключительно силами бизнеса.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в период экономической нестабильности традиционные механизмы бюджетного финансирования инфраструктуры оказываются ограниченными, а потребность в обновлении и развитии инфраструктурного каркаса страны, напротив, возрастает. По оценкам ВТБ, дефицит финансирования инфраструктуры в России может составить от 1,3 трлн до 13,6 трлн рублей к 2035 году. В этих условиях ГЧП приобретает компенсаторный характер, позволяя государству снижать единовременную нагрузку на бюджет, а бизнесу – получать долгосрочные гарантированные рынки и доходы.

Целью настоящей работы является уточнение содержания категории государственно-частного партнёрства и выявление перспектив его развития в отечественной экономике с учётом макроэкономических ограничений современного периода. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: систематизация теоретических подходов к определению ГЧП; анализ современного состояния рынка ГЧП в России; выявление ключевых проблем и ограничений, препятствующих развитию механизма в условиях нестабильности; обоснование перспективных направлений совершенствования институциональной среды.

Методологическую основу исследования составляют институциональный, системный и сравнительный подходы, а также методы анализа нормативно-правовых актов и статистических данных. Информационную базу работы образуют федеральные законы, официальные материалы Министерства экономического развития Российской Федерации, аналитические обзоры и экспертные оценки.

В научной литературе сложилось два основных подхода к определению государственно-частного партнёрства – широкий и узкий. В соответствии с широким подходом под ГЧП понимаются любые формы взаимодействия государства и частного сектора в социально-экономической сфере, включая контракты на управление, арендные договоры, концессии, соглашения о разделе продукции и иные формы кооперации, без привязки к целям и срокам такого взаимодействия. Сторонники широкого подхода рассматривают ГЧП как институциональный и организационный альянс между государством и частными партнёрами, создаваемый для реализации национальных и международных масштабных проектов.

Узкий подход, напротив, ограничивает содержание категории ГЧП строго определёнными формами взаимодействия, предполагающими софинансирование, распределение рисков и долгосрочный характер отношений. Именно узкий подход нашёл отражение в российском законодательстве: Федеральный закон от 13.07.2015 №224-ФЗ определяет ГЧП как юридически оформленное на определённый срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнёра и частного партнёра, осуществляемое на основании соглашения о государственно-частном партнёрстве. Аналогичная логика прослеживается и в определении Всемирного банка, согласно которому ГЧП представляет собой соглашение между публичной и частной сторонами по поводу производства и оказания инфраструктурных услуг, заключаемое с целью привлечения дополнительных инвестиций и повышения эффективности бюджетного финансирования.

С институциональной точки зрения ГЧП может рассматриваться как совокупность формальных и неформальных правил, определяющих поведение экономических агентов в процессе совместной реализации инвестиционных проектов. Институциональный подход позволяет акцентировать внимание на качестве контрактных механизмов, распределении прав собственности и рисков, а также на роли государства как гаранта стабильности «правил игры». В условиях экономической нестабильности именно институциональная составляющая ГЧП приобретает особую значимость, поскольку предсказуемость регуляторной среды становится критическим фактором инвестиционной привлекательности проектов.

Таким образом, теоретическая база исследования ГЧП формируется на стыке нескольких экономических школ – неоинституционализма, теории общественных благ и теории контрактов, что отражает сложность и многоаспектность самого объекта регулирования.

Анализ статистических данных за 2025 год свидетельствует о противоречивых тенденциях в развитии отечественного рынка ГЧП. С одной стороны, наблюдается устойчивый рост количественных показателей: по итогам 2025 года в России было заключено 341 новое соглашение – на 60 больше, чем годом ранее, а общий объём инвестиций по ним составил 805 млрд рублей, из которых 660 млрд рублей, или 83%, – частные вложения. С другой стороны, накопленный портфель проектов, находящихся в стадии реализации, эксплуатации или успешного завершения, по состоянию на 1 декабря 2025 года составил около 4,4 тыс. концессий и соглашений о ГЧП на сумму 7,5 трлн рублей, при этом доля частных вложений достигла 72%, или 5,4 трлн рублей.

Отраслевая структура новых соглашений в 2025 году характеризуется доминированием сферы жилищно-коммунального хозяйства, на которую пришлось 389 млрд рублей (49% от общего объёма инвестиций), и транспортной сферы – 333 млрд рублей (41%). Социальная сфера аккумулировала 74 млрд рублей, что составило 9% от общего объёма. В накопленном портфеле проектов, напротив, лидирует транспортная отрасль – около 65% всех вложений, что объясняется реализацией крупных инфраструктурных мегапроектов, включая строительство высокоскоростных магистралей.

Мультипликативный эффект от реализации проектов ГЧП оценивается экспертами как достаточно высокий: примерно на один рубль бюджетных инвестиций приходится три-четыре рубля акционерного и заёмного капитала. Данный показатель свидетельствует о том, что механизм ГЧП позволяет существенно расширять ресурсную базу инфраструктурных проектов за счёт привлечения внебюджетных источников финансирования.

Региональная дифференциация рынка ГЧП остаётся значительной. Лидерами рейтинга по уровню развития государственно-частного партнёрства за 2025 год стали Москва, Пермский край и Хабаровский край. В топ-10 также вошли Самарская, Нижегородская области, Республика Татарстан, Краснодарский край, Республика Башкортостан, Тюменская область и Республика Саха (Якутия). Концентрация проектов в ограниченном круге регионов-лидеров свидетельствует о неравномерности институционального развития и наличии барьеров для распространения механизма ГЧП на периферийные территории.

Ключевым фактором, сдерживающим развитие рынка ГЧП в современный период, выступает ужесточение денежно-кредитной политики. В первой половине 2025 года ключевая ставка Банка России удерживалась на уровне 21%, и лишь к декабрю она опустилась до 16%. По оценкам экспертов, при ставке выше 10% рынок ГЧП «замирает», а проекты «сдвигаются вправо» – сроки их реализации переносятся, а инвестиционные решения откладываются. Долгий период высокой ключевой ставки сформировал устойчивый тренд к изменению экономики проектов: ожидаемая доходность инвесторов (IRR) растёт, в то время как чистая приведённая стоимость проекта (NPV) снижается, а период окупаемости инвестиций (PB) увеличивается.

Второй значимой проблемой является ограничение бюджетных возможностей регионов. Для дотационных субъектов Российской Федерации лимит расходов на ГЧП ограничивается 10% от годовых доходов бюджета, что существенно сужает пространство для реализации проектов в регионах с низкой бюджетной обеспеченностью. Кроме того, неоднозначность трактовки положений Бюджетного кодекса РФ, устанавливающих право, но не обязанность исполнения субъектами обязательств по уже заключённым соглашениям в случае превышения указанного ограничения, создаёт дополнительные кредитные риски для банков и может приводить к ужесточению регулирования в части предоставления кредитов на реализацию проектов ГЧП.

Третья группа проблем связана с несбалансированным распределением рисков между публичной и частной сторонами. Как отмечают эксперты, почти все риски по уже подписанным соглашениям фактически переложены на публичную сторону, тогда как инвестор получает доход, не принимая на себя адекватную часть рисков. Такая асимметрия снижает стимулы частного партнёра к эффективному управлению проектом и повышает нагрузку на бюджет.

Четвёртая проблема – бюрократические барьеры и недостаточная скоординированность мер поддержки. Длительные процедуры согласования, чрезмерные требования к инвесторам и низкая информированность бизнеса о возможностях партнёрства с государством выступают существенными ограничениями для расширения практики ГЧП.

Несмотря на перечисленные проблемы, перспективы развития ГЧП в отечественной экономике оцениваются экспертами как достаточно благоприятные при условии реализации комплекса институциональных мер. Прежде всего, речь идёт о совершенствовании механизмов оценки эффективности проектов. С августа 2025 года для соглашений, заключаемых в рамках Федерального закона №224-ФЗ, действует единая методика оценки, а ВЭБ.РФ получил роль независимого эксперта, проводящего оценку проектов стоимостью свыше 3 млрд рублей. Для федеральных проектов заключение ВЭБ.РФ носит рекомендательный характер, для проектов в регионах-донорах – также рекомендательный, но с мотивированным ответом. Данная новация направлена на повышение качества проектных решений и снижение случаев несбалансированного распределения рисков.

Второе перспективное направление связано с развитием новых финансовых инструментов. ВЭБ РФ и Сбербанк заключили соглашение о создании новой модели финансирования проектов ГЧП на основе выпуска нового типа облигаций – концессионных облигаций, которые должны стать отдельным классом долговых инструментов. Предполагается, что данный механизм позволит привлекать институциональных инвесторов, включая пенсионные фонды, к финансированию долгосрочных инфраструктурных проектов. По оценкам Газпромбанка, снижение риск-весов при расчёте нормативов достаточности капитала в зависимости от рейтинга публичной стороны позволит высвободить около 200 млрд рублей кредитных ресурсов, которые могут быть направлены на финансирование новых инфраструктурных проектов.

Третье направление – разработка национального стандарта ГЧП, который, как ожидается, будет содержать апробированные решения по структурированию проектов, распределению рисков и функциональным моделям. Наличие единого стандарта позволит снизить транзакционные издержки и повысить предсказуемость проектных решений для всех участников рынка.

Наконец, перспективы ГЧП неразрывно связаны с макроэкономической стабилизацией и снижением ключевой ставки. По оценкам Минэкономразвития, к 2030 году объём инвестиций по проектам ГЧП может вырасти до 10 трлн рублей, однако для достижения этой цели потребуется ежегодно направлять в проекты ГЧП около 6% российского ВВП, тогда как в настоящее время этот показатель составляет лишь 2,4%. Решение данной задачи предполагает не только смягчение денежно-кредитной политики, но и последовательное совершенствование институциональной среды, повышение правовой защиты частных инвесторов и расширение практики применения механизма ГЧП в новых отраслях.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Государственно-частное партнёрство представляет собой институциональный механизм долгосрочного взаимодействия государства и частного сектора, основанный на объединении ресурсов, распределении рисков и взаимной ответственности. В период экономической нестабильности ГЧП приобретает компенсаторный характер, позволяя государству снижать нагрузку на бюджет, а бизнесу – получать гарантированные рынки и долгосрочные доходы. Однако реализация этого потенциала ограничивается удорожанием заёмного финансирования, несовершенством регулирования, несбалансированным распределением рисков и неравномерностью регионального развития.

Современное состояние рынка ГЧП в России характеризуется противоречивыми тенденциями: рост количественных показателей (341 новое соглашение на 805 млрд рублей в 2025 году) сочетается с сохранением значительных барьеров для расширения практики. Перспективы развития механизма определяются качеством институциональной среды, стабильностью правил и способностью государства выступать надёжным партнёром. Ключевыми направлениями совершенствования являются внедрение единых стандартов оценки проектов, развитие новых финансовых инструментов (концессионные облигации), повышение правовой защиты инвесторов и последовательное снижение макроэкономической неопределённости.

Список литературы

1. Борщевский Г.А. Государственно-частное партнерство: учебник и практикум для вузов / Г.А. Борщевский. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2025. – 314 с. – ISBN 978–5–534–16540–5.
2. Ильичева Л.Е. Государственно-частное партнерство во взаимодействии государства и бизнеса (на примере спортивной инфраструктуры) / Л.Е. Ильичева, А.А. Ованесьян // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15, №5. – С. 76–87. – DOI 10.33693/2223–0092–2025–15–5–76–87. – EDN DQOUET
3. Куркова А.С. Государственно-частное партнерство: теоретические и практические аспекты его развития в России / А.С. Куркова // Проблемы современной экономики. – 2024. – №1 (89). – С. 112–118.

4. Марковская Е. И. Механизмы государственно-частного партнерства. Теория и практика: учебник и практикум для вузов / Е.И. Марковская, А.В. Луссе. – М.: Юрайт, 2025. – 491 с. – ISBN 978-5-534-15982-3.
5. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2015 №224-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – №29 (ч. I). – Ст. 4350.
6. Прозорова В.В. Эволюция развития государственно-частного партнерства в России: проблемы и перспективы / В.В. Прозорова, О.Е. Каленов // Экономика и управление инновациями. – 2025. – №4. – С. 24–33. – DOI 10.26730/2587-5574-2025-4-24-33. – EDN FTRQDM
7. Смирнова О.П. Риски и преимущества в сфере государственно-частного партнерства / О.П. Смирнова, Л.К. Чеснюкова // Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление». – 2024. – Т. 23, №3. – С. 410–425.
8. Строев П.В. Государственно-частное партнерство в регионах с низкой финансовой устойчивостью: проблемы применения и направления совершенствования / П.В. Строев, О.В. Пивоварова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – №4. – С. 44–50. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-4-230-234 EDN: CNUVHW.
9. Ткаченко И.Н. Государственно-частное партнерство: учебник для вузов / И. Н. Ткаченко [и др.]; под ред. И.Н. Ткаченко. – М.: Юрайт, 2025. – 188 с. – ISBN 978-5-534-00518-9.
10. В Минэкономразвития назвали главные результаты работы механизма ГЧП за три квартала 2025 года // Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_minekonomrazvitiya_nazvali_glavnye_rezultaty_raboty_mehanizma_gchp_zh_tri_kvartala_2025_goda.html (дата обращения: 10.03.2026).

Полякова Валерия Дмитриевна,
магистрант

Научный руководитель

Чернявская Юлия Анатольевна
канд. экон. наук, доцент

Липецкий филиал ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве РФ»
г. Липецк, Липецкая область

РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье исследуется процесс развития инструментов государственной поддержки инвестиционной деятельности в современных экономических условиях. Целью работы является комплексный анализ эволюции и эффективности применяемых механизмов стимулирования инвестиций. Методологическую основу составляют сравнительный, системный и структурно-функциональный анализ, а также обобщение практики государственного регулирования. Автором выявлены ключевые тенденции трансформации инструментов поддержки, включая смещение акцентов от прямого субсидирования к налоговым преференциям и механизмам государственно-частного партнёрства.

Ключевые слова: государственная поддержка, инвестиции, инвестиционная деятельность, государственное регулирование, прямое субсидирование, налоговые преференции, инвестиционная активность, государственно-частное партнерство, инвестиционная политика.

В современный период теоретико-методологическая база государственной поддержки инвестиционной деятельности в России формируется на стыке нескольких экономических школ, что отражает сложность и многоаспектность самого объекта регулирования. Базовые теории государственного регулирования экономики связаны главным образом с новым институционализмом, неомонетаризмом и кейнсианско-неоклассическим синтезом.

Кейнсианская традиция обосновывает необходимость активного государственного вмешательства для стимулирования совокупного спроса и преодоления инвестиционных провалов, тогда как неоклассический подход акцентирует внимание на создании благоприятной институциональной среды и снижении транзакционных издержек для частных инвесторов. Институциональное направление, в свою очередь, позволяет рассматривать государственную поддержку как совокупность формальных и неформальных правил, определяющих поведение экономических агентов и эффективность распределения инвестиционных ресурсов. Методологически исследования в этой сфере опираются на сравнительный институциональный анализ, контент-анализ нормативных актов и официальных материалов, а также качественные и количественные оценки на основе агрегированных показателей. Широкое применение получают системный, предметно-функциональный и структурный методы, расширяющие сферу применения комплексного подхода к оценке действующего механизма государственной финансовой поддержки проектов.

Нормативно-правовая база государственной поддержки инвестиционной деятельности в России в современный период характеризуется динамичным развитием и точечной корректировкой ключевых регулятивных институтов. Основой регулятивного каркаса для соглашений о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) выступает Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. №69-ФЗ, который определяет правовой режим, направленный на повышение предсказуемости условий реализации инвестиционных проектов. В 2025 году в данный закон были внесены системно значимые изменения Федеральным законом от 4 ноября 2025 г. №413-ФЗ, направленные на уточнение терминологии в области проектной документации, расширение полномочий Правительства РФ по установлению единых требований к порядку возмещения затрат и повышение прозрачности комплексных инвестиционных проектов. Принятие данного закона свидетельствует о последовательной корректировке правового режима и во многом определяет дальнейшую эволюцию инструментов государственной поддержки в инвестиционной сфере. Существенным нововведением стало прямое закрепление права организации выбирать форму государственной поддержки – субсидию или налоговый вычет, что расширяет финансовую гибкость инвестора и позволяет учитывать особенности денежных потоков проекта и налогового профиля юридического лица. Кроме того, в законодательстве получил разрешение ранее существовавший нормативный пробел в части возмещения затрат муниципальными образованиями, что должно повысить согласованность межуровневого бюджетного взаимодействия и снизить дифференциацию в условиях поддержки инвесторов. Помимо СЗПК, нормативную основу образуют федеральные законы об особых экономических зонах, территориях опережающего развития, государственно-частном партнёрстве, а также многочисленные подзаконные акты, регулирующие предоставление субсидий, налоговых льгот и инвестиционного налогового вычета.

Значительный вклад в исследование теоретических и прикладных аспектов государственной поддержки инвестиционной деятельности вносят как представители академического сообщества, так и эксперты-практики. М.В. Пянова, доцент кафедры налогов и налогового администрирования Финансового университета при Правительстве РФ, в своих работах обосновывает приоритетность налоговых инструментов стимулирования инвестиций, указывая, что наиболее эффективными являются льготы, снижающие налоговую нагрузку по налогу на прибыль организаций, НДС и налогу на имущество организаций. С. Земцов, руководитель Лаборатории исследований экономики развития Президентской академии (РАНХиГС), развивает концепцию государства как «якорного» инвестора в капиталоемкие проекты, берущего на себя риски, неприемлемые для частного бизнеса, и одновременно фиксирует скромную оценку мультипликатора государственных вложений в частные инвестиции. М. Карев, заместитель директора Департамента проектной деятельности Правительства РФ, актуализирует проблему корректной оценки трансформации бюджетных расходов в частные вложения. В работах М.П. Афанасьева и Н.Н. Шаш обосновывается концепция «бюджетного прорыва», а В.А. Еремкин и К.А. Тузов развивают методологию оценки влияния фискальных

импульсов на инвестиционные процессы. Н.С. Антоненко и А.Д. Савина исследуют методы оценки эффективности государственной поддержки инвестиционной деятельности, обобщая зарубежную и отечественную практику.

Среди актуальных проблем государственной поддержки инвестиционной деятельности в России на современном этапе следует выделить несколько ключевых. Прежде всего, сохраняется проблема недостаточной результативности отдельных инструментов: по данным Счётной палаты РФ, каждый четвёртый новый инвестиционный проект (НИП) не достиг планового показателя по объёму инвестиций, а сам механизм НИП продемонстрировал недостаточную результативность и не оказал значимого влияния на экономическую и инвестиционную активность предприятий. За период 2021–2025 годов из сводного перечня НИП было исключено 439 проектов, что составляет 71,3% от количества реализуемых, что может свидетельствовать о снижении востребованности данного механизма у регионов. Выявлены также случаи нецелевого и неэффективного использования бюджетных средств, направленных на создание объектов для НИП.

Другой значимой проблемой является низкая информированность бизнеса о существующих мерах поддержки: согласно анкетированию предприятий, о механизме таксономии технологического суверенитета не знают 43% опрошенных, а воспользовались им лишь 2,5% предприятий. Кроме того, сохраняются барьеры, связанные с недостаточным финансовым обеспечением программ помощи в региональных бюджетах, отказами молодым и не крупным фирмам, а также ограничениями в одномоментном количестве льготных займов.

В сфере СЗПК практические проблемы связаны с ограниченным перечнем стабилизируемых актов, недоработками в административных процедурах возмещения затрат и отсутствием полноценной подзаконной базы для механизма налогового вычета. Отдельного внимания заслуживает проблема вытеснения частных инвестиций в менее развитых регионах, где концентрация бюджетных вложений может приводить к сокращению частной инвестиционной активности. Наконец, существенным ограничением остаётся высокая ключевая ставка и ужесточение денежно-кредитной политики, ведущие к сжатию кредитования и негативно влияющие на инвестиционные процессы.

Развитие инструментов государственной поддержки инвестиционной деятельности в современной России, характеризующееся смещением акцента от прямого субсидирования к налоговым преференциям и механизмам государственно-частного партнёрства, а также повышением информированности бизнеса и снижением административных барьеров, способствует росту частных инвестиций и повышению эффективности бюджетных расходов, тогда как сохранение высокой доли прямых субсидий и концентрация поддержки в отдельных регионах приводят к вытеснению частных инвестиций и снижению мультипликативного эффекта.

Таблица 1

Сопоставительная оценка эффективности инструментов государственной поддержки инвестиционной деятельности
в России (2025 г.)

Инструмент	Объём инвестиций / портфель	Масштаб (проекты / резиденты)	Мультипликатор «бюджетные вложения → частные инвестиции» / доля частных средств	Отраслевая структура	Региональные особенности	Интегральная оценка эффективности
1	2	3	4	5	6	7
<i>СЗПК</i>	3,7–4,4 трлн руб. (портфель)	82 соглашения; 14 проектов введено в эксплуатацию на 142 млрд руб.	Не рассчитывается напрямую (преимущественно крупные капиталоемкие проекты)	Обрабатывающая промышленность (28 проектов), сельское хозяйство и пищевая промышленность (17), добыча полезных ископаемых (17), химия, здравоохранение	~50% всех инвестиций приходится на Дальневосточный федеральный округ; 74 соглашения на 3,5 трлн руб. без НДС	<i>Высокая</i> – механизм востребован крупным бизнесом, обеспечивает предсказуемость условий на срок до 20 лет
<i>ФИНВ</i>	26 млрд руб. (объём вычетов за 2025 г.)	759 организаций (за год); 250 компаний в I квартале 2025 г.	3% от расходов, формирующих первоначальную стоимость объектов; ограничение – не ниже эффективной ставки 3%	Обрабатывающие производства (ОКВЭД 07.10.2, 24.10.6, 35.14, 17.29, 22.29.2)	Республика Карелия, Кировская, Ростовская, Московская области, г. Москва; в Челябинской области ожидалось ~78 компаний, в Рязанской – ~20	<i>Умеренная</i> – механизм запущен с 2025 г., наблюдается кратный рост числа пользователей, однако итоговая эффективность требует оценки на более длительном горизонте
<i>НИП</i>	9,4 млрд руб. направлено на реализацию (5,6% от 168,2 млрд руб. заявленного списания)	615 проектов (на июнь 2025 г.); 439 проектов (71,3%) исключено из перечня за 2021–2025 гг.	Каждый четвертый НИП не достиг планового показателя по объёму инвестиций	Преимущественно инфраструктурные проекты регионального значения	56 регионов участвуют в механизме; высокий процент исключений свидетельствует о снижении востребованности у регионов	<i>Низкая</i> – Счётная палата признала недостаточную результативность и отсутствие статистически значимого влияния на инвестиционную активность предприятий

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7
<i>ОЭЗ</i>	4,46 трлн руб. (накопленные инвестиции резидентов); 1,73 трлн руб. – за 2025 г. (132% плана)	1 334 резидента на 47 оцениваемых ОЭЗ; 181 новый резидент за 2025 г.	1 : 8,6 в 2025 г. (каждый рубль госвложений привлёк 8,6 руб. частных инвестиций)	Пищевая (+35 млрд руб.), нефтехимическая (+26,5 млрд руб.), фармацевтическая (+27 млрд руб.), металлургическая (+18 млрд руб.) промышленность	Эффективность 94% по итогам 2025 г.; лидеры – ОЭЗ «Санкт-Петербург» (38 млрд руб. инвестиций, +78% к 2024 г.)	<i>Высокая</i> – демонстрирует устойчивый рост мультипликатора и высокую бюджетную эффективность
<i>ТОР</i>	3 970,8 млрд руб. (планируемые инвестиции, накопленным итогом)	95 555 созданных рабочих мест; в ДФО за 2025 г. привлечено 522 новых проекта на 1,16 трлн руб.	Не рассчитывается напрямую	Широкий спектр отраслей, включая обрабатывающую промышленность, логистику, туризм	Наибольшая активность – ДФО и Арктическая зона; в Башкортостане 143 резидента пяти ТОР с плановыми инвестициями 54 млрд руб.	<i>Средняя</i> – механизм обеспечивает создание рабочих мест, однако масштаб инвестиций существенно уступает ОЭЗ и СЗПК
<i>ГЧП / концесии</i>	805 млрд руб. (объём инвестиций по новым соглашениям 2025 г.); 4,6 тыс. соглашений на 7,9 трлн руб. (накопленным итогом)	341 новое соглашение за 2025 г. (+60 к 2024 г.)	83% инвестиций – частные средства (660 млрд руб. из 805 млрд руб.)	Инфраструктурные проекты: транспорт, ЖКХ, социальная сфера, энергетика	Лидеры по уровню развития ГЧП: Москва, Пермский край, Хабаровский край, Самарская и Нижегородская области	<i>Высокая</i> – доминирование частных инвестиций в структуре соглашений свидетельствует о востребованности механизма

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Смещение акцента от прямого субсидирования к налоговым преференциям и механизмам государственно-частного партнёрства способствует росту частных инвестиций. ОЭЗ демонстрируют мультипликатор 1 : 8,6, а в структуре новых соглашений ГЧП доля частных средств достигает 83%. Напротив, механизм НИП, основанный на прямом субсидировании инфраструктуры за счёт списания бюджетных кредитов, показал низкую результативность: каждый четвёртый проект не достиг планового показателя, а 71,3% проектов были исключены из перечня. Таким образом, инструменты, предполагающие долевое участие частного капитала и создание институциональных стимулов, демонстрируют существенно более высокую эффективность по сравнению с механизмами прямого бюджетного финансирования.

2. Гипотеза о том, что сохранение высокой доли прямых субсидий и концентрация поддержки в отдельных регионах приводят к вытеснению частных инвестиций и снижению мультипликативного эффекта, также находит подтверждение. Концентрация инвестиций по линии СЗПК в Дальневосточном федеральном округе (почти 50% портфеля) и лидерство ограниченного круга регионов в рейтингах инвестиционной привлекательности (Москва, Татарстан, Московская и Нижегородская области) свидетельствуют о неравномерности распределения поддержки. При этом общее число регионов с ростом инвестиционной активности сократилось с 65 в 2024 г. до 53 в первом полугодии 2025 г., что указывает на ослабление инвестиционной динамики на региональном уровне.

3. Инструмент ФИНВ, будучи налоговой преференцией, пока не демонстрирует ожидаемого мультипликативного эффекта: объём вычетов за 2025 г. составил 26 млрд руб., что существенно ниже первоначальных прогнозов (150 млрд руб.). Это может быть объяснено как относительной новизной механизма, так и влиянием макроэкономических факторов – прежде всего высокой ключевой ставки, ограничивающей инвестиционную активность предприятий. Данное наблюдение уточняет исходную гипотезу: эффективность налоговых инструментов не является автоматической и зависит от общего макроэкономического контекста.

4. В отраслевом разрезе наблюдается дифференциация: обрабатывающие производства демонстрируют рост инвестиций (около +11% в 2025 г.), тогда как добыча полезных ископаемых и сельское хозяйство – снижение (-50,4% в Челябинской области, -3,6% в АПК по стране). Это подтверждает необходимость дифференцированного подхода к выбору инструментов поддержки с учётом отраслевой специфики, как и предполагалось в исходной гипотезе.

5. Совокупность полученных результатов позволяет заключить, что гипотеза в целом подтверждается, однако с существенной оговоркой: переход к налоговым преференциям и ГЧП как приоритетным инструментам поддержки создаёт потенциал для повышения эффективности бюджетных расходов, но его реализация требует решения проблем информированности бизнеса, административных барьеров и макроэкономической стабилизации.

Список литературы

1. О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2015 №224-ФЗ (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – №29 (ч. I). – Ст. 4350.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 04.11.2025 №413-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №45. – Ст. 7215.

3. О внесении изменений в статью 286 части второй Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2025 №460-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №51. – Ст. 8342.

4. Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный закон от 25.02.1999 №39-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – №9. – Ст. 1096.

5. Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.07.2005 №116-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – №30 (ч. II). – Ст. 3127.

6. О территориях опережающего развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 №473-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – №1 (ч. I). – Ст. 26.
7. Байсаева М.У. Государственные инструменты финансового стимулирования инвестиционной деятельности: монография / М.У. Байсаева. – Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та, 2023. – 156 с.
8. Лапо В.Ф. Оценка эффективности государственного стимулирования инвестиций для развития региональной экономики: монография / В.Ф. Лапо. – Красноярск: СФУ, 2024. – 184 с.
9. Смирнова О.П. Риски и преимущества в сфере государственно-частного партнерства / О.П. Смирнова, Л.К. Чеснюкова // Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление». – 2024. – Т. 23, №3. – С. 410–425.
10. Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. – 2025. – № 12 (338). – URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-12-2025> (дата обращения: 14.09.2026).
11. Минэкономразвития России: официальный сайт. – URL: <https://economy.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).
12. Об инвестициях в основной капитал за январь–декабрь 2025 года: доклад Росстата. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/> (дата обращения: 12.03.2026).
13. Федеральный проект «Повышение инвестиционной активности» обсудили на заседании общественно-экспертного совета нацпроекта по экономике // Минэкономразвития России: официальный сайт. – URL: <https://economy.gov.ru/material/news/> (дата обращения: 10.03.2026).

Рубцова Лариса Николаевна

д-р экон. наук, профессор

Ивашкина Анастасия Дмитриевна

магистрант

Липецкий филиал ФГОБУ ВО «Финансовый

университет при Правительстве РФ»

г. Липецк, Липецкая область

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В СЕКТОРЕ ГОСУПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности финансового планирования и прогнозирования в секторе государственного управления Российской Федерации в современных условиях. Актуальность исследования обусловлена нарастающей неопределённостью внешней среды, ограниченностью бюджетных ресурсов и необходимостью повышения обоснованности стратегических и бюджетных решений. Целью работы является систематизация ключевых особенностей финансового планирования и прогнозирования в государственном секторе, выявление актуальных проблем и обоснование перспективных направлений совершенствования инструментария. В работе выделены такие особенности, как удлинение горизонта бюджетного прогнозирования, цифровизация бюджетного процесса, расширение практик инициативного бюджетирования, интеграция риск-ориентированного подхода и усиление программно-целевого характера планирования. Обосновывается, что в условиях высокого дефицита бюджетных ресурсов и ужесточения денежно-кредитной политики эффективность финансового планирования определяется способностью государства адаптировать инструментарий к быстро меняющимся макроэкономическим условиям. Делается вывод о необходимости дальнейшего развития методологии прогнозирования доходов, усиления связи стратегического и бюджетного планирования и внедрения национального стандарта управления бюджетными рисками.

Ключевые слова: финансовое планирование, бюджетное прогнозирование, государственное управление, бюджетный дефицит, цифровизация, инициативное бюджетирование, риск-ориентированный подход, программно-целевое планирование, Электронный бюджет, стратегическое планирование.

Современный этап развития российской экономики характеризуется сочетанием разнонаправленных тенденций, существенно усложняющих процессы финансового планирования и прогнозирования в секторе государственного управления. С одной стороны, сохраняется потребность в выполнении социальных обязательств и финансировании приоритетных направлений развития, с другой – ресурсная база бюджетной системы демонстрирует признаки напряжённости. Федеральный бюджет завершил 2025 год с дефицитом в размере 5 645 млрд рублей, или 2,6% ВВП, что более чем на 60% превышает показатель 2024 года (3,47 трлн рублей, или 1,7% ВВП). Ненефтегазовые доходы выросли на 12,6%, достигнув 28,8 трлн рублей, тогда как нефтегазовые поступления сократились на 23,8%, составив около 8,5 трлн рублей. Такая динамика отражает структурную перестройку доходной базы бюджета, что предъявляет качественно новые требования к точности и обоснованности прогнозных расчётов.

Финансовое планирование в секторе государственного управления представляет собой многоуровневый процесс, встроенный в общий цикл стратегического управления и охватывающий разработку бюджетных прогнозов, формирование проектов бюджетов, обоснование бюджетных ассигнований и оценку эффективности их использования. Особенностью современного этапа является то, что традиционные методы экстраполяции сложившихся трендов демонстрируют ограниченную эффективность в условиях высокой волатильности внешней среды, что обуславливает необходимость перехода к адаптивным и риск-ориентированным моделям планирования.

Целью настоящей работы является систематизация ключевых особенностей финансового планирования и прогнозирования в секторе государственного управления в современных условиях, выявление актуальных проблем и обоснование перспективных направлений совершенствования инструментария. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ нормативных и институциональных основ финансового планирования; выделение и характеристика ключевых особенностей современного этапа; оценка проблем и ограничений; формулирование практических рекомендаций.

Методологическую основу исследования составляют системный, институциональный и сравнительный подходы, методы анализа нормативно-правовых актов, статистических данных и экспертных оценок. Информационную базу образуют положения Бюджетного кодекса Российской Федерации, федеральные законы, аналитические материалы Министерства финансов Российской Федерации, а также публикации научных изданий по проблемам государственных финансов.

Нормативную основу финансового планирования в Российской Федерации образует совокупность федеральных законов и подзаконных актов. Базовым документом выступает Бюджетный кодекс Российской Федерации, устанавливающий общие принципы бюджетного планирования, составления проектов бюджетов и прогнозирования доходов. Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» определяет систему стратегических документов, включающую прогноз социально-экономического развития, бюджетный прогноз на долгосрочный период и основные направления бюджетной политики. Принципиальное значение для развития институциональных основ финансового планирования имело принятие Федерального закона от 24.06.2025 №158-ФЗ, которым Бюджетный кодекс Российской Федерации был дополнен главой об использовании государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет». Данная новация закрепила на законодательном уровне обязательность применения цифровых платформ на всех этапах бюджетного процесса – от формирования проекта бюджета до контроля за его исполнением. Кроме того, указанным законом установлено, что заключение соглашений о государственно-частном партнёрстве и концессионных соглашений осуществляется с использованием системы «Электронный бюджет» для целей проверки объёма обязательств публично-правового образования.

Таким образом, институциональная среда финансового планирования в секторе государственного управления претерпевает существенные изменения, связанные с расширением

нормативного регулирования цифровых инструментов и усилением требований к прозрачности бюджетных решений. Анализ современной практики финансового планирования в Российской Федерации позволяет выделить ряд ключевых особенностей, определяющих развитие инструментария в рассматриваемой сфере. Сопоставительная характеристика этих особенностей, а также связанных с ними проблем и перспектив представлена в таблице 1.

Таблица 1

Особенности финансового планирования и прогнозирования в секторе государственного управления: характеристика, проблемы и перспективы

Особенность	Содержательная характеристика	Ключевые проблемы	Перспективы развития
<i>Удлинение горизонта бюджетного прогнозирования</i>	Утверждение бюджетного прогноза РФ до 2042 года; разработка двух сценариев – базового и консервативного	Сохранение дефицита на всём горизонте: в базовом варианте – рост до 21,6 трлн руб. (2,9% ВВП) к 2042 г., в консервативном – до 54,7 трлн руб. (8,4% ВВП)	Расширение сценарного анализа; интеграция риск-факторов в долгосрочные прогнозы
<i>Цифровизация бюджетного процесса</i>	Система «Электронный бюджет» стала центральным элементом: 68 регионов работают по сервисной модели, свыше 20 тыс. пользователей, 3 тыс. госпрограмм субъектов РФ	Необходимость обеспечения полноценной работы муниципалитетов; риски передачи данных бухучёта	Расширение аналитических возможностей; внедрение предиктивной аналитики
<i>Расширение инициативного бюджетирования</i>	В 2025 г. реализовано 31 812 проектов на 67,7 млрд руб. (+12,6% к 2024 г.); охват – 84 субъекта РФ; 14,2 млн участников выдвижения идей	Неравномерность развития практик по регионам; ограниченность внебюджетного софинансирования (7,95%)	Распространение успешных практик; увеличение доли в расходах местных бюджетов
<i>Интеграция риск-ориентированного подхода</i>	Методические рекомендации Минфина России по оценке бюджетных рисков (2023); Казначейство обновило карту рисков на 2025 г. (16 значительных рисков)	Отсутствие единого стандарта оценки рисков; слабая связь риск-анализа с бюджетным циклом; дефицит кадров и цифровых инструментов	Разработка национального стандарта управления бюджетными рисками; обучение кадров
<i>Усиление программно-целевого характера планирования</i>	Распределение ассигнований по госпрограммам; обособление ассигнований включает информацию о результатах	Низкое качество целеполагания; регулярное неисполнение сроков; подмена показателей результатами; недостаточная координация между ведомствами	Совершенствование методологии целеполагания; внедрение цифровых платформ мониторинга
<i>Ужесточение денежно-кредитной политики</i>	Ключевая ставка Банка России в первой половине 2025 г. – 21%, к декабрю – 16%	Удорожание заёмного финансирования; сжатие кредитования; рост расходов на обслуживание госдолга (порядка 10% доходов бюджета)	Смягчение ДКП по мере замедления инфляции; адаптация инструментов планирования к высоким ставкам

Приведённые данные свидетельствуют о том, что современная система финансового планирования в секторе государственного управления развивается в условиях противоречивого воздействия разнонаправленных факторов. С одной стороны, наблюдается очевидный прогресс в цифровизации бюджетного процесса, расширении практик гражданского участия и удлинении горизонта прогнозирования. С другой – сохраняются системные проблемы, связанные с качеством целеполагания, координацией между ведомствами и интеграцией риск-анализа в бюджетный цикл.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Ключевой особенностью современного этапа является удлинение горизонта бюджетного прогнозирования до 2042 года, что создаёт возможности для заблаговременного выявления структурных дисбалансов, однако одновременно повышает требования к качеству прогнозной аналитики. Базовый сценарий прогноза предполагает сохранение дефицита на протяжении всего рассматриваемого периода с ростом до 21,6 трлн рублей к 2042 году, что свидетельствует о структурном характере бюджетного дисбаланса.

Цифровизация бюджетного процесса, выразившаяся в законодательном закреплении обязательности применения системы «Электронный бюджет», стала важнейшим институциональным сдвигом. Переход 68 регионов на сервисную модель работы в системе и охват свыше 20 тысяч пользователей свидетельствуют о масштабности изменений. Вместе с тем сохраняется необходимость обеспечения полноценной работы муниципальных образований в системе.

Инициативное бюджетирование продемонстрировало устойчивую положительную динамику: в 2025 году реализовано 31 812 проектов на общую сумму 67,7 млрд рублей, что на 12,6% превышает показатель 2024 года. Данный инструмент выступает не только механизмом финансирования локальных инициатив, но и средством повышения прозрачности бюджетных решений и доверия граждан к государственным институтам.

Интеграция риск-ориентированного подхода находится на начальном этапе: методические рекомендации Минфина России приняты в 2023 году, Казначейство обновило карту рисков на 2025 год, однако системная интеграция риск-анализа в бюджетный цикл остаётся незавершённой в силу отсутствия единого стандарта и дефицита компетенций.

Программно-целевое планирование, оставаясь основным инструментом увязки ресурсов и результатов, сталкивается с проблемами низкого качества целеполагания, недостаточной координации между ведомствами и подмены показателей результатами, что снижает эффективность его применения.

Макроэкономический контекст, характеризующийся ужесточением денежно-кредитной политики, существенно ограничивает возможности финансового планирования: высокая стоимость заёмного финансирования сдерживает инвестиционную активность и увеличивает расходы на обслуживание государственного долга.

С учётом выявленных особенностей, проблем и перспектив представляется возможным сформулировать комплекс рекомендаций по совершенствованию финансового планирования и прогнозирования в секторе государственного управления.

Во-первых, целесообразно обеспечить дальнейшее развитие методологии прогнозирования бюджетных доходов на основе интеграции классических эконометрических моделей с методами машинного обучения. Использование нейросетевых моделей для прогнозирования налоговых поступлений позволяет повысить точность прогнозов за счёт учёта нелинейных зависимостей между макроэкономическими параметрами. Для практического внедрения таких моделей необходимо создание типовых методик и их включение в регламенты бюджетного планирования.

Во-вторых, требуется усиление взаимосвязи стратегического и бюджетного планирования посредством внедрения механизмов обязательной верификации стратегических документов на предмет их ресурсной обеспеченности. Целесообразно закрепить на нормативном уровне требование о проведении финансово-экономической экспертизы проектов стратегических

документов до их утверждения, а также о регулярной корректировке стратегических приоритетов с учётом изменения бюджетных возможностей.

В-третьих, необходимо продолжить развитие функциональности системы «Электронный бюджет» в направлении расширения аналитических возможностей и внедрения инструментов предиктивной аналитики. Интеграция в систему модулей прогнозирования доходов и расходов, а также инструментов сценарного моделирования позволит органам власти оперативно оценивать последствия принимаемых решений. Особое внимание следует уделить обеспечению полноценной работы муниципальных образований в системе.

Наконец, целесообразно разработать и утвердить национальный стандарт управления бюджетными рисками, который определит единые подходы к идентификации, оценке, мониторингу и минимизации рисков на всех этапах бюджетного цикла. Стандарт должен предусматривать интеграцию риск-анализа в процедуры обоснования бюджетных ассигнований и оценки эффективности государственных программ. Параллельно необходимо организовать системную подготовку и повышение квалификации сотрудников финансовых органов в области риск-менеджмента.

Кроме того, представляется перспективным дальнейшее расширение практик инициативного бюджетирования, доказавших свою эффективность как инструмента повышения прозрачности бюджетных решений. Целесообразно рассмотреть возможность увеличения доли проектов инициативного бюджетирования в структуре расходов местных бюджетов, а также распространения успешных практик на региональный уровень с обеспечением методической поддержки муниципалитетов. В условиях сохраняющейся макроэкономической неопределённости необходимо предусмотреть в системе финансового планирования механизмы адаптации к возможным шокам, включая стресс-тестирование бюджетных параметров и разработку сценариев реагирования на изменение ключевых макроэкономических условий.

Реализация предложенных мер позволит повысить обоснованность и реалистичность бюджетных решений, укрепить устойчивость бюджетной системы и создать условия для более эффективного использования ограниченных государственных ресурсов в интересах достижения приоритетных целей национального развития.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 №145-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №31. – Ст. 3823.
2. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.06.2025 №158-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2025. – №26. – Ст. 3742.
3. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – №26 (ч. I). – Ст. 3378.
4. Виноградова Т.И. Государственное планирование в России: проблемы согласования стратегических приоритетов с бюджетными возможностями и пути их решения / Т.И. Виноградова // Управленческие науки. – 2025. – Т. 15, №2. – С. 37–52. – DOI 10.26794/2304-022X-2025-15-2-37-52. – EDN KVQIUX
5. Соколов А.П. Программно-целевые методы в государственном управлении: возможные риски и перспективы развития / А.П. Соколов // IP: Теория и практика. – 2025. – №4 (12). – С. 214–224. – EDN FUZWPK
6. Ткачева Н.Ю. Прогнозирование доходов регионального бюджета на основе макроэкономических параметров методами машинного обучения / Н.Ю. Ткачева // Финансовые рынки и банки. – 2025. – №9. – С. 112–119. – EDN KNLIVJ
7. Международный опыт применения риск-ориентированного подхода в бюджетном процессе и пути его адаптации в России / науч. рук. А.Ю. Чалова // Экономика. Бизнес. Сервис. – 2025. – С. 24–31.
8. Минфин подвел предварительные итоги 2025 года по инициативному бюджетированию // Бюджет. – URL: <https://bujet.ru/article/522205.php> (дата обращения: 10.09.2026).
9. Система «Электронный бюджет»: новые возможности для регионов и муниципальных образований // Бюджет. – URL: https://portal1.asdg.ru/sections/mrt/novosti.php?ELEMENT_ID=389535 (дата обращения: 10.09.2026).
10. Минфин России: предварительная оценка исполнения федерального бюджета за 2025 год // Министерство финансов Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://minfin.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

Салимов Серафим Маратович
магистрант

Чернявский Марк Евгеньевич
бакалавр

Научный руководитель

Рубцова Лариса Николаевна
д-р экон. наук, профессор

Липецкий филиал ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве РФ»
г. Липецк, Липецкая область

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНЫХ ФИНАНСОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: в статье исследуются перспективы развития цифровизации корпоративных финансов в современных условиях, характеризующихся санкционным давлением, необходимостью импортозамещения финансовых технологий и ускоренной цифровой трансформацией бизнес-процессов. На основе систематизации теоретических положений институциональной экономики, теории агентских отношений и ресурсной теории фирмы обоснована многомерная природа цифровой трансформации финансовой функции корпорации. Выявлены ключевые методы и инструменты цифровизации – от ERP-систем и RPA-роботизации до искусственного интеллекта и блокчейн-платформ. Определены проблемы, сдерживающие цифровую трансформацию, включая высокую стоимость внедрения, дефицит квалифицированных кадров и фрагментарность нормативного регулирования. Обоснованы перспективные направления развития цифровизации корпоративных финансов, включая интеграцию предиктивной аналитики в стратегическое планирование, расширение практики применения цифровых финансовых активов и формирование национальной инфраструктуры финансовых данных.

Ключевые слова: корпоративные финансы, цифровизация, цифровая трансформация, финансовые технологии, искусственный интеллект, ERP-системы, RPA-роботизация, блокчейн, цифровые финансовые активы, импортозамещение, финансовый контроллинг.

Цифровая трансформация экономики представляет собой не просто технологический тренд, а фундаментальный сдвиг в способах создания, распределения и использования стоимости. Для корпоративных финансов этот сдвиг означает пересмотр базовых принципов управления капиталом, ликвидностью, инвестициями и рисками. Традиционные модели, опиравшиеся на дискретную отчётность и ретроспективный анализ, всё чаще демонстрируют недостаточную чувствительность к изменениям внешней среды.

В российском контексте актуальность цифровизации корпоративных финансов усиливается санкционными ограничениями, необходимостью ускоренного импортозамещения западных ERP-систем и поиска моделей управления, обеспечивающих устойчивость в условиях ограниченного доступа к внешним рынкам капитала. В работе М.В. Чараевой, Е.Н. Карповой, И.А. Прядко и Лю Ян анализируются основные трансформационные тенденции в экономике, основанные на реализации концепций Индустрии 4.0 и Индустрии 5.0, и систематизируются современные инструменты и технологии финансового управления в условиях цифровой трансформации. Цель настоящей работы – систематизация методов и инструментов цифровизации корпоративных финансов, выявление связанных с ними проблем и обоснование перспективных направлений развития в современных условиях.

Теоретический фундамент исследования цифровизации корпоративных финансов формируется на пересечении нескольких научных традиций.

Институциональная экономика рассматривает цифровые технологии как фактор снижения транзакционных издержек и асимметрии информации. Согласно современным

институциональным исследованиям, распределённые реестры и цифровые платформы представляют собой не просто технологические решения, а фундаментальный институциональный механизм, способствующий снижению транзакционных издержек, повышению прозрачности сделок и формированию более совершенных рыночных порядков. Для корпоративных финансов это означает принципиальное изменение условий привлечения капитала, управления контрагентскими отношениями и организации финансового контроля.

Теория агентских отношений дополняет институциональный анализ пониманием того, как цифровые инструменты мониторинга и отчётности изменяют баланс интересов между менеджментом и акционерами. Цифровые системы внутреннего контроля и автоматизированная отчётность снижают возможности оппортунистического поведения менеджмента, повышая прозрачность финансовых операций и облегчая акционерный контроль.

Ресурсная теория фирмы акцентирует внимание на цифровых компетенциях как источнике устойчивого конкурентного преимущества. В условиях цифровизации данные становятся новым критическим ресурсом предприятия, а способность организации собирать, обрабатывать и интерпретировать финансовые данные трансформируется в стратегический актив.

Существенный вклад в понимание цифровой трансформации вносит концепция финансового контроллинга, которая в условиях цифровой среды трансформируется от фрагментарного контроля к системе многоуровневого мониторинга. Исследование Е. В. Акользиной и О. С. Глинской, посвящённое эволюции методов и инструментов корпоративного финансового контроля, выявляет изменение парадигмы: от реактивной модели к проактивному управлению на основе предиктивной аналитики. Авторы систематизируют подходы к трансформации инструментов финансового контроля и разрабатывают концептуальную модель интеграции традиционных и инновационных методов.

Основные методы и инструменты цифровизации корпоративных финансов.

Систематизация научных публикаций и эмпирических данных позволяет выделить несколько взаимосвязанных направлений цифровой трансформации корпоративных финансов.

Таблица 1

Основные методы и инструменты цифровизации корпоративных финансов

Направление	Ключевые технологии	Достижимый эффект	Ограничения и риски
Автоматизация финансового планирования и бюджетирования	ERP-системы, EPM-решения, облачные платформы, VK Budgeting	Сокращение трудозатрат до 40%, ускорение получения отчётности на 35%	Высокая стоимость внедрения; зависимость от качества исходных данных
Роботизация финансовых процессов	RPA-платформы (PIX RPA, «Т Плюс»)	Автоматизация обработки банковских выписок и бухгалтерских операций	Ограниченность применения в неструктурированных процессах
Предиктивная аналитика и поддержка решений	Искусственный интеллект, машинное обучение, большие данные	Повышение производительности на 20–30%; выявление аномалий и закономерностей	Риск алгоритмических ошибок; непрозрачность моделей
Управление оборотным капиталом и ликвидностью	Мультибанковские решения, API-интеграции, автоматизация казначейства	Единый информационный контур; оптимизация финансовых процессов	Кибербезопасность; зависимость от внешних провайдеров
Финансовая отчётность и контроль	Блокчейн, смарт-контракты, цифровые финансовые активы	Повышение точности данных; снижение ошибок	Правовая неопределённость; фрагментарность регулирования
Интеграция финансовых и нефинансовых данных	Платформенные решения, BI-инструменты	Преодоление разрывов между подразделениями	Сложность архитектуры; сопротивление изменениям

Автоматизация финансового планирования и бюджетирования представляет собой наиболее зрелое направление цифровизации. Согласно данным аналитического обзора, 30% российских компаний автоматизировали отчётность и консолидацию данных, 25% внедрили BI-инструменты и аналитику эффективности, 24% настраивали бюджетирование и планирование, 20% автоматизировали управление денежными потоками. В 2025 г. компания VK Tech запустила платформу VK Budgeting – решение для автоматизации финансового планирования и управленческого учёта, ориентированное на российский бизнес.

Роботизация финансовых процессов находит всё более широкое применение в российской корпоративной практике. ПАО «Т Плюс» в 2023–2024 гг. внедрило отечественную систему программной роботизации PIX RPA Platform для автоматизации обработки банковских выписок и ряда бухгалтерских операций. Аналитические сопоставления современных исследований демонстрируют глубокую структурную трансформацию бухгалтерского учёта и внутреннего аудита под воздействием алгоритмических систем анализа данных, при которой основной фокус профессиональной деятельности смещается от ручной обработки первичных документов к контролю алгоритмических механизмов и аналитическому осмыслению результатов.

Предиктивная аналитика на основе искусственного интеллекта представляет собой наиболее динамично развивающееся направление. Исследование KPMG, проведённое в апреле 2024 г. среди 1800 компаний в 10 странах, показало, что почти 75% организаций уже используют искусственный интеллект в финансовых процессах. По итогам 2024 г. общий объём инвестиций в ИИ-проекты в России вырос на 36% и достиг 305 млрд руб., при этом инвестиции финансового сектора достигли 56,8 млрд руб. Исследования показывают, что внедрение искусственного интеллекта в финансовые операции позволяет увеличить производительность компании на 20–30%. Анализ прикладных кейсов демонстрирует, как ИИ-приложения оптимизируют финансовые процессы, снижают риски и повышают точность принятия решений, в частности через автоматизированную сверку, интеллектуальную генерацию отчётов и управление рисками на основе больших данных.

Цифровые финансовые активы формируют принципиально новое направление цифровизации корпоративных финансов. Рынок цифровых финансовых активов в России демонстрирует устойчивый рост. В декабре 2023 г. МТС осуществила дебютный выпуск цифровых финансовых активов на сумму 240 млн руб. на собственной блокчейн-платформе CFA Hub. РЖД разместила ЦФА на 15 млрд руб., что стало одним из крупнейших корпоративных выпусков на тот момент. Банк России расширил реестр операторов информационных систем по выпуску ЦФА до девяти компаний.

Цифровая трансформация не является свободным от рисков процессом. Систематизация научных публикаций и эмпирических данных позволяет выделить несколько групп проблем.

Технологические и инфраструктурные ограничения. Высокая стоимость внедрения цифровых решений остаётся существенным барьером, особенно для средних компаний. Зависимость от качества исходных данных означает, что даже самые совершенные аналитические инструменты не дадут достоверных результатов при низком качестве «сырья». В условиях санкционных ограничений российские корпорации вынуждены отказываться от западных ERP-систем и переходить на отечественные решения, что сопряжено с дополнительными издержками и временными затратами.

Дефицит квалифицированных кадров. Цифровизация финансовой функции требует специалистов, обладающих компетенциями на стыке финансового анализа и работы с цифровыми технологиями. Между тем переход от простых автоматизированных учётных регистров к программно-аналитическим системам сопровождается перераспределением функциональных обязанностей внутри бухгалтерских подразделений, что требует масштабной переподготовки персонала.

Регуляторная неопределённость. Правовой статус цифровых финансовых активов, смарт-контрактов и алгоритмических систем принятия решений остаётся фрагментарным.

Отсутствие устоявшихся стандартов и протоколов создаёт риски как для корпораций, внедряющих эти технологии, так и для регуляторов, стремящихся обеспечить защиту интересов всех участников рынка.

Кибербезопасность и конфиденциальность данных. Цифровизация финансовой функции расширяет поверхность потенциальных кибератак и повышает требования к защите конфиденциальной информации. Исследования предупреждают, что, хотя большие данные обладают значительным потенциалом для корпоративного учёта, сохраняются такие проблемы, как управленческая сложность, конфиденциальность данных и требования к экспертизе для обработки больших объёмов информации.

Организационное сопротивление. Внедрение цифровых решений затрагивает не только технологические процессы, но и организационную культуру, сложившиеся практики принятия решений и распределение ответственности. Сопротивление изменениям со стороны сотрудников и менеджмента может существенно замедлить цифровую трансформацию даже при наличии технических возможностей.

Проведённый анализ позволяет обосновать несколько перспективных направлений развития цифровизации корпоративных финансов в современных условиях.

Интеграция предиктивной аналитики в стратегическое планирование. Переход от реактивной модели финансового контроля к проактивному управлению на основе предиктивной аналитики представляет собой магистральное направление развития. Системы искусственного интеллекта, способные выявлять аномалии и прогнозировать финансовые результаты, становятся не просто инструментами оперативного контроля, а стратегическими активами, обеспечивающими конкурентные преимущества.

Расширение практики применения цифровых финансовых активов. Развитие рынка ЦФА создаёт принципиально новые возможности для корпоративного финансирования. Выпуск токенизированных долговых обязательств позволяет компаниям привлекать капитал быстрее и с меньшими транзакционными издержками, чем при традиционном облигационном займе. Перспективным направлением является интеграция ЦФА в инструментарий управления оборотным капиталом и инвестиционными портфелями.

Формирование национальной инфраструктуры финансовых данных. Создание единых стандартов обмена финансовыми данными между корпорациями, банками, регуляторами и технологическими провайдерами позволит существенно снизить транзакционные издержки и повысить качество аналитики. В условиях санкционных ограничений формирование такой инфраструктуры на основе отечественных технологических решений приобретает стратегическое значение.

Развитие импортозамещающих ERP- и EPM-решений. Санкционные ограничения стимулировали ускоренное развитие отечественных корпоративных информационных систем. Перспективным направлением является дальнейшее развитие таких решений с интеграцией возможностей искусственного интеллекта и предиктивной аналитики.

Интеграция финансового контроллинга и цифровых платформ. Эволюция финансового контроллинга в условиях цифровой трансформации предполагает переход от фрагментарных инструментов к комплексным платформенным решениям, интегрирующим классический финансовый анализ, элементы бережливого производства и современные цифровые технологии – ERP-системы, бизнес-аналитику и предиктивную аналитику. В исследовании Ю. А. Долгих подчёркивается, что ключевые направления цифровизации функций финансового менеджмента охватывают управление активами, источниками финансирования, финансовыми рисками, финансовыми отношениями, денежными потоками, финансовыми результатами и инвестициями, причём особое внимание уделяется российской практике внедрения цифровых инструментов в условиях санкционных ограничений.

Проведённое исследование позволяет сформулировать несколько принципиальных выводов. Во-первых, цифровизация корпоративных финансов представляет собой многомерный процесс, охватывающий планирование, анализ, контроль, управление капиталом и

инвестициями. Наибольший эффект достигается при комплексной интеграции технологических решений, а не при фрагментарном внедрении отдельных инструментов. Во-вторых, эмпирические данные свидетельствуют о значительном потенциале цифровых технологий для повышения эффективности финансового управления: автоматизация казначейства и бюджетирования позволяет сократить трудозатраты до 40%, а внедрение искусственного интеллекта повышает производительность на 20–30%. В-третьих, российский контекст цифровизации характеризуется двойственной природой: с одной стороны, санкционные ограничения стимулируют импортозамещение и развитие отечественных решений, с другой – создают риски технологической изоляции и ограничения доступа к передовым разработкам. В-четвёртых, ключевыми проблемами остаются высокая стоимость внедрения, дефицит квалифицированных кадров, регуляторная неопределённость и кибербезопасность. В-пятых, перспективными направлениями развития являются интеграция предиктивной аналитики в стратегическое планирование, расширение практики применения цифровых финансовых активов, формирование национальной инфраструктуры финансовых данных и дальнейшее развитие импортозамещающих ERP- и EPM-решений.

Список литературы

1. Акользина Е.В. Эволюция методов и инструментов корпоративного финансового контроля в условиях цифровой трансформации / Е.В. Акользина, О.С. Глинская // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – №1 (70). – С. 129–136. – DOI 10.25683/VOLBI.2025.70.1241. – EDN VNDBZG
2. Долгих Ю.А. Современные цифровые решения и технологии в реализации функций корпоративного финансового менеджмента / Ю.А. Долгих // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XX Международной конференции (Екатеринбург, 13–15 ноября 2025 г.). – Екатеринбург: Ажур, 2026. – С. 655–660. – EDN UTMHVW
3. Здюмаев В.А. Цифровизация процессов управления корпоративными финансовыми ресурсами / В.А. Здюмаев; науч. рук. Н.В. Олиндер // Человек. Знак. Техника: III междунар. междисциплинар. молодеж. форум: сб. ст. – Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2024. – С. 277–282. – EDN IEWWGQ
4. Калашников А.А. Трансформация инструментария корпоративного финансового контроллинга в условиях цифровизации бизнес-процессов: монография / А.А. Калашников, Е.В. Передереева. – Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального университета, 2024. – 210 с. – EDN QBUCFL
5. Комзалова С.А. Комплексный подход к планово-бюджетному управлению в условиях цифровой трансформации / С.А. Комзалова, Д.В. Малянов // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXVI Всероссийского симпозиума. – М.: ЦЭМИ РАН, 2025. – С. 742–747. – DOI 10.34706/978-5-8211-0833-3-S3-21. – EDN RMRTDY
6. Передереева Е.В. Трансформация инструментария корпоративного финансового контроллинга в условиях цифровизации бизнес-процессов: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 5.2.4 / Елена Владимировна Передереева; Северо-Кавказский федеральный университет. – Ставрополь, 2023. – 29 с. – EDN WZIVJP
7. Влияние цифровой трансформации на развитие системы управления корпоративными финансами / М.В. Чараева, Е.Н. Карпова, И.А. Прядко, Лю Ян // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – №2. – С. 181–189. DOI: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-181-189. EDN: VEHFQW
8. Alruwaili T.F. The impact of artificial intelligence on accounting practices: an academic perspective / T.F. Alruwaili, M.H. Mgamal // Humanities and Social Sciences Communications. – 2025. – Vol. 12. – Art. 1197. – DOI 10.1057/s41599-025-05004-6. – EDN VRYEBU
9. Exploring the Digital Transformation of Enterprise Finance Based on the Finance Sharing Model / S. Chen, X. Yu, J. Liang, C. Feng, X. Yang // Applied Mathematics and Nonlinear Sciences. – 2024. – Vol. 9, no. 1.
10. Jiang L. The use of blockchain technology in enterprise financial accounting information sharing / L. Jiang // PLOS ONE. – 2024. – Vol. 19, no. 2. – Art. e0298210. – DOI 10.1371/journal.pone.0298210. – EDN DYFIW

Салимов Серафим Маратович

магистрант

Чернявский Марк Евгеньевич

бакалавр

Научный руководитель

Рубцова Лариса Николаевна

д-р экон. наук, профессор

Липецкий филиал ФГОБУ ВО «Финансовый

университет при Правительстве РФ»

г. Липецк, Липецкая область

УПРАВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫМИ ФИНАНСАМИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: в статье исследуются теоретические и прикладные аспекты управления корпоративными финансами в условиях цифровой трансформации экономики. Показано, что традиционные модели финансового менеджмента, основанные на дискретной отчетности и ретроспективных данных, утрачивают адекватность в быстро меняющейся цифровой среде. Цель работы – систематизация подходов к управлению капиталом, инвестициями и рисками с использованием цифровых технологий, а также выявление ключевых вызовов и перспектив их интеграции в корпоративную практику. Методологическую основу составляют системный и институциональный подходы, анализ научной литературы и эмпирических данных. Особое внимание уделено российскому контексту, где санкционные ограничения и необходимость импортозамещения финансовых технологий усиливают актуальность поиска новых управленческих моделей. В результате определены основные направления цифровизации корпоративных финансов, включая внедрение больших данных, искусственного интеллекта, облачных платформ и блокчейн-решений, а также обоснованы рекомендации по минимизации связанных с ними рисков. Полученные выводы могут быть использованы как в научных исследованиях, так и в практике финансового управления корпорациями.

Ключевые слова: корпоративные финансы, цифровизация, цифровая трансформация, финансовые технологии, большие данные, искусственный интеллект, управление капиталом, инвестиционные решения, риск-менеджмент, финансовая устойчивость, стоимость компании, кибербезопасность.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что цифровизация качественно изменяет содержание и инструментарий управления корпоративными финансами, переводя значительную часть финансовых процессов в цифровую среду и формируя новые требования к скорости, прозрачности и обоснованности управленческих решений. Традиционные модели управления капиталом, ликвидностью, инвестициями и финансовыми рисками, построенные преимущественно на ретроспективных данных и дискретных отчётных циклах, всё чаще оказываются недостаточными в условиях высокой волатильности внешней среды. Внедрение больших данных, искусственного интеллекта, облачных платформ, блокчейн-решений и автоматизированных систем финансового планирования создаёт как принципиально новые возможности для повышения стоимости компании, так и дополнительные риски, связанные с кибербезопасностью, качеством данных и цифровым неравенством. Для российских корпораций актуальность проблемы усиливается санкционными ограничениями, необходимостью ускоренного импортозамещения финансовых технологий и поиска моделей управления, обеспечивающих устойчивость в условиях ограниченного доступа к внешним рынкам капитала. Всё это определяет научную и практическую востребованность исследования

теоретических оснований и прикладных механизмов управления корпоративными финансами в условиях цифровой трансформации.

Цифровая трансформация экономики представляет собой не просто технологический тренд, а фундаментальный сдвиг в способах создания, распределения и использования стоимости. Для корпоративных финансов этот сдвиг означает пересмотр базовых принципов управления капиталом, ликвидностью, инвестициями и рисками. Традиционные модели, опиравшиеся на дискретную отчётность и ретроспективный анализ, всё чаще демонстрируют недостаточную чувствительность к изменениям внешней среды. Исследования последних лет показывают, что интеграция облачных вычислений, искусственного интеллекта, больших данных и блокчейна повышает эффективность, прозрачность и качество корпоративного управления. Вместе с тем цифровизация порождает новые уязвимости, связанные с кибербезопасностью, качеством данных и зависимостью от технологической инфраструктуры. Цель настоящей работы – систематизация теоретических подходов и эмпирических данных о трансформации корпоративных финансов под влиянием цифровых технологий.

Теоретический фундамент исследования цифровизации корпоративных финансов формируется на пересечении нескольких научных традиций. Институциональная экономика рассматривает цифровые технологии как фактор снижения транзакционных издержек и асимметрии информации, что позволяет корпорациям более эффективно привлекать капитал и управлять им. Теория агентских отношений дополняет этот анализ пониманием того, как цифровые инструменты мониторинга и отчётности изменяют баланс интересов между менеджментом и акционерами, снижая возможности оппортунистического поведения. Ресурсная теория фирмы акцентирует внимание на цифровых компетенциях как источнике устойчивого конкурентного преимущества: способность организации собирать, обрабатывать и интерпретировать финансовые данные становится стратегическим активом.

Существенный вклад в понимание цифровой трансформации вносит концепция финансового контроллинга, которая в условиях цифровой среды трансформируется от фрагментарного контроля к системе многоуровневого мониторинга, интегрирующей классический финансовый анализ, элементы бережливого производства и современные цифровые инструменты – ERP-системы, бизнес-аналитику и предиктивную аналитику. Исследования подчёркивают, что турбулентность экономической среды создаёт предпосылки для смены парадигмы развития бизнеса, в которой ключевая роль эффективного инструмента отводится именно финансовому контроллингу.

В российской научной литературе цифровизация корпоративных финансов рассматривается преимущественно через призму импортозамещения и технологического суверенитета. Учебник «Цифровые корпоративные финансы» (2024) систематизирует проблемы корпоративных финансов в условиях цифровизации, включая как теоретические, так и практические аспекты. Монографическое исследование А. А. Калашникова посвящено трансформации инструментария корпоративного финансового контроллинга в условиях цифровизации бизнес-процессов.

Систематизация научных публикаций и эмпирических данных позволяет выделить несколько взаимосвязанных направлений цифровой трансформации корпоративных финансов. Каждое из них характеризуется специфическим набором технологий, эффектов и ограничений.

Таблица 1

Основные направления цифровизации корпоративных финансов

Направление	Ключевые технологии	Достижимый эффект	Ограничения и риски
Автоматизация финансового планирования и бюджетирования	ERP-системы, ERM-решения, облачные платформы	Сокращение трудозатрат до 40%, ускорение получения отчётности на 35%	Высокая стоимость внедрения; зависимость от качества исходных данных
Предиктивная аналитика и поддержка решений	Искусственный интеллект, машинное обучение, большие данные	Повышение обоснованности инвестиционных решений; выявление скрытых закономерностей	Риск алгоритмических ошибок; непрозрачность моделей для менеджмента
Управление оборотным капиталом и ликвидностью	Мультибанковские решения, API-интеграции, автоматизация казначейства	Единый информационный контур; оптимизация финансовых процессов	Кибербезопасность; зависимость от внешних провайдеров
Финансовая отчётность и контроль	Блокчейн, смарт-контракты, цифровые финансовые активы	Повышение точности данных на 19,8%, снижение ошибок	Правовая неопределённость; ограниченность нормативного регулирования
Управление инвестиционным портфелем	Робо-эдвайзеры, алгоритмическая торговля, AI-отчётность	Рост активов под управлением до 1,8 трлн долларов к 2024 г.	Волатильность алгоритмических стратегий; риски «чёрного ящика»
Интеграция финансовых и нефинансовых данных	Платформенные решения, единые информационные среды	Преодоление «разрывов» между подразделениями; устранение «данных-силосов»	Сложность архитектуры; сопротивление организационным изменениям

Представленная систематизация позволяет выделить несколько принципиальных закономерностей. Во-первых, цифровизация корпоративных финансов не сводится к внедрению отдельных технологий – она представляет собой комплексный процесс, затрагивающий все функциональные области финансового управления. Во-вторых, наибольший эффект достигается при интеграции нескольких технологических решений: облачные платформы обеспечивают инфраструктуру, искусственный интеллект – аналитические возможности, блокчейн – доверие и прозрачность. В-третьих, каждое направление цифровизации порождает специфические риски, управление которыми требует не только технических, но и организационных решений.

Для российских корпораций цифровая трансформация финансовой функции имеет ряд особенностей, обусловленных санкционными ограничениями и необходимостью ускоренного импортозамещения. Крупнейшие компании вынуждены отказываться от западных ERP-систем и переходить на отечественные решения. Магнитогорский металлургический комбинат успешно завершил переход на российскую систему подготовки финансовой отчётности. ВТБ импортозамещает автоматизированную систему долгосрочного финансового планирования с помощью ERM-решения «ТУРБО Бюджетирование». Компания «Норникель» в 2024 году завершила несколько проектов цифрового развития финансовой функции, включая внедрение мультибанковского решения и автоматизацию процессов управления оборотным капиталом.

Одновременно развиваются принципиально новые инструменты. Минфин России разрабатывает пилотный проект по созданию цифровых обществ с ограниченной ответственностью, в которых исполнение корпоративных договорённостей контролируется с помощью

смарт-контрактов на базе цифровых финансовых активов. Это свидетельствует о движении к более глубокой интеграции блокчейн-технологий в корпоративное управление.

Цифровая трансформация не является свободным от рисков процессом. Систематизация научных публикаций позволяет выделить несколько групп рисков.

Технологические риски связаны с надёжностью цифровой инфраструктуры, качеством данных и уязвимостью к кибератакам. Исследование Ievsieieva et al. (2024) предупреждает, что, хотя большие данные обладают значительным потенциалом для корпоративного учёта, сохраняются такие проблемы, как управленческая сложность, конфиденциальность данных и требования к экспертизе для обработки больших объёмов информации.

Организационные риски обусловлены сопротивлением изменениям, необходимостью переобучения персонала и сложностью интеграции новых систем в существующие бизнес-процессы.

Регуляторные риски связаны с неопределённостью правового статуса цифровых финансовых активов, отсутствием устоявшихся стандартов и фрагментарностью нормативного регулирования.

Стратегические риски заключаются в возможности чрезмерной зависимости от технологических решений, которые могут устареть или стать недоступными в силу внешних обстоятельств.

Проведённое исследование позволяет сформулировать несколько принципиальных выводов.

Во-первых, цифровизация корпоративных финансов представляет собой многомерный процесс, охватывающий планирование, анализ, контроль, управление капиталом и инвестициями. Наибольший эффект достигается при комплексной интеграции технологических решений, а не при фрагментарном внедрении отдельных инструментов.

Во-вторых, эмпирические данные свидетельствуют о значительном потенциале цифровых технологий для повышения эффективности финансового управления: автоматизация казначейства и бюджетирования позволяет сократить трудозатраты до 40%, а интеграция блокчейна повышает точность данных почти на 20%.

В-третьих, российский контекст цифровизации характеризуется двойственной природой: с одной стороны, санкционные ограничения стимулируют импортозамещение и развитие отечественных решений, с другой – создают риски технологической изоляции и ограничения доступа к передовым разработкам.

В-четвёртых, управление рисками цифровизации требует не только технических решений, но и институциональных механизмов – стандартов качества данных, протоколов кибербезопасности, систем внутреннего контроля. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка методологии оценки эффективности цифровой трансформации финансовой функции, учитывающей как количественные, так и качественные эффекты.

Список литературы

1. Калашников А.А. Трансформация инструментария корпоративного финансового контроллинга в условиях цифровизации бизнес-процессов: монография / А.А. Калашников. – Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального университета, 2024. – 180 с. EDN QBUCFL

2. Каледин С.В. Управление корпоративными финансами: учебник для вузов / С.В. Каледин. – СПб.: Питер, 2024. – 448 с. – ISBN 978-5-4461-2219-6. EDN CSHNPS

3. Цифровые корпоративные финансы: практико-ориентированный курс: учебник / Г. Н. Курдюкова, И. С. Андрюшина, Е. В. Шуринова [и др.]; под науч. ред. Г. Н. Курдюковой. – М.: Изд-во МЭИ, 2024. – 547 с. EDN UPYHPJ

4. Здюмаев В.А. Цифровизация процессов управления корпоративными финансовыми ресурсами / В.А. Здюмаев, Н.В. Олиндер // Репозиторий Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва. – 2024. EDN IEWWGQ

5. Exploring the Digital Transformation of Enterprise Finance Based on the Finance Sharing Model / S. Chen, X. Yu, J. Liang, C. Feng, X. Yang // Applied Mathematics and Nonlinear Sciences. – 2024. – Vol. 9, no. 1.

6. The Use of Big Data in Corporate Accounting and Data Analysis: Opportunities and Challenges / O. Ievsieieva, H. Matskiv, N. Raiter, O. Momot, A. Shysh // Data and Metadata. – 2024. – Vol. 3. – Art. 430. – DOI 10.56294/dm2024430. EDN NHLJEI
7. Jiang L. The use of blockchain technology in enterprise financial accounting information sharing / L. Jiang // PLOS ONE. – 2024. – Vol. 19, no. 2. – Art. e0298210. – DOI 10.1371/journal.pone.0298210. EDN DYFIW
8. Kanyhin S.M. Big data in corporate financial management / S. M. Kanyhin // Економіка, управління та адміністрування. – 2024. – Vol. 3 (109). – P. 97–104. – DOI 10.26642/ema-2024-3(109)-97-104.
9. Keimer I. The Digitalization of Management Accounting: Use Cases from Theory and Practice / I. Keimer, U. Egle. – Cham: Springer, 2023. – 384 p.
10. Stouthuysen K. How digitally mature is your finance office? / K. Stouthuysen // MIT Sloan Management Review. – 2023. – Vol. 64, no. 3.

Скрынченко Борис Леонидович

канд. экон. наук, профессор, профессор
ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты Министерства
Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий
стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика»
г. Химки, Московская область

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ И ИНСТРУМЕНТЫ СНИЖЕНИЯ ИЗДЕРЖЕК ПЕРЕХОДА

Аннотация: в статье исследуются проблемы импортозамещения государственных информационных систем (ГИС) в условиях структурной технологической неопределенности. На основе теории транзакционных издержек и институционального анализа выявлены ключевые барьеры перехода на отечественные программные решения: технические, кадровые, регуляторные и организационные. Показано, что успешность перехода зависит не столько от технологических характеристик продуктов, сколько от качества координации между уровнями власти и развития внутренних компетенций. Предложены механизмы снижения транзакционных издержек: внедрение регуляторных «песочниц», развитие типовых модульных решений, создание межведомственных центров компетенций. Результаты могут быть использованы органами государственной власти при разработке дорожных карт импортозамещения.

Ключевые слова: импортозамещение, государственные информационные системы, технологический суверенитет, транзакционные издержки, институциональные барьеры, цифровая трансформация государственного сектора.

Введение.

Технологическая трансформация государственного сектора в 2022–2025 гг. вывела вопросы импортозамещения ГИС из плоскости технико-экономической целесообразности в сферу обеспечения национального технологического суверенитета [4, с. 45–48]. Формирование новой архитектуры цифрового управления требует не просто замены программного обеспечения, но и перестройки институциональных механизмов координации и развития компетенций [1, с. 89–94].

Проблема исследования обусловлена противоречием между декларируемыми приоритетами перехода на отечественные ГИС и ростом транзакционных издержек, связанных с фрагментацией управленческих решений и несовместимостью архитектур [8, с. 3935–3938]. Практика показывает, что процессы замещения часто носят реактивный характер, что приводит к дублированию функций и снижению качества межведомственного взаимодействия [3, с. 33–35].

Цель статьи – выявить институциональные барьеры импортозамещения ГИС и разработать механизмы снижения транзакционных издержек перехода.

Научная новизна заключается в том, что структура транзакционных издержек перехода впервые рассмотрена через призму институциональной координации, выделены скрытые издержки, связанные с дублированием нормативных требований. Предложена типология адаптационных стратегий органов власти, дифференцированных по уровню готовности ИТ-инфраструктуры и глубине межведомственной интеграции [5, с. 238–240]. Обоснован переход от пообъектного замещения ПО к платформенно-модульной архитектуре.

Практическая значимость – в возможности использования рекомендаций при формировании дорожных карт импортозамещения. Особое внимание уделяется развитию цифровых компетенций государственных служащих [6, с. 65–68].

1. Теоретические основания: институциональный подход и систематизация барьеров.

Анализ модернизации государственного управления требует выхода за рамки инструментальных трактовок цифровизации. Импортозамещение ГИС целесообразно рассматривать не как техническую задачу переноса данных, а как институциональное изменение, предполагающее пересмотр правил взаимодействия между участниками экосистемы.

Институциональная теория подчеркивает, что эффективность технологических инноваций определяется не столько характеристиками решений, сколько качеством институциональной среды [4, с. 52–55]. Успех перехода на отечественное ПО зависит от согласованности нормативных требований, наличия механизмов межведомственной координации и сформированности профессиональных сообществ.

Концепция транзакционных издержек позволяет оценить «цену» институциональных изменений. Применительно к миграции ГИС эти издержки проявляются не только в прямых затратах на закупку ПО, но и в скрытых расходах на поиск информации о совместимых решениях, ведение переговоров, контроль выполнения обязательств и адаптацию регламентов [1, с. 112–116]. Игнорирование этого фактора приводит к занижению реальной стоимости перехода и срыву сроков.

Важно разграничивать формальные и неформальные правила. Если законы и регламенты поддаются корректировке, то устоявшиеся модели взаимодействия и профессиональные стереотипы обладают значительной инерцией [7, с. 78–82]. Именно расхождение между обновленными формальными требованиями и сохраняющимися неформальными предпочтениями в пользу «проверенных» зарубежных аналогов часто становится скрытым барьером.

Систематизировать препятствия для перехода на отечественные системы целесообразно по четырем направлениям.

Технические барьеры обусловлены различиями в архитектуре и стандартах обмена данными. Основные проблемы – несовместимость форматов, отсутствие интеграционных шлюзов с унаследованными системами, ограниченный функционал отечественных аналогов. Попытки «лобового» замещения без адаптации бизнес-процессов приводят к снижению качества государственных услуг [5, с. 239].

Кадровые барьеры связаны с дефицитом компетенций для эксплуатации отечественных ГИС. Речь идет не только о технических специалистах, но и о пользователях – государственных служащих. Недостаточная цифровая грамотность и отсутствие программ переподготовки формируют «человеческий фактор» сопротивления изменениям [6, с. 66–69].

Нормативные барьеры возникают из-за противоречий в нормативной базе. Частые изменения требований, дублирование функций контроля, отсутствие единых стандартов описания функциональных требований повышают неопределенность для заказчиков и разработчиков [8, с. 3940–3943]. Особую сложность представляет согласование требований информационной безопасности с необходимостью межведомственного обмена данными.

Организационные барьеры отражают проблемы координации между уровнями власти. Разделение ответственности, отсутствие единого центра компетенций, слабая проработка

механизмов обратной связи приводят к тому, что технически корректные решения не находят широкого применения [3, с. 34–36].

Влияние барьеров носит кумулятивный характер: техническая несовместимость увеличивает нагрузку на персонал, кадровый дефицит замедляет освоение систем, регуляторная неопределенность повышает инвестиционные риски, а организационная разобщенность препятствует тиражированию успешных практик. В совокупности это формирует «ловушку адаптации», когда органы власти вынуждены параллельно использовать устаревшие и новые системы, неся двойные издержки.

2. Типология адаптационных стратегий органов власти.

Разработка типологии требует определения аналитических критериев. Представляется целесообразным использовать два параметра: уровень готовности ИТ-инфраструктуры к миграции и степень развитости механизмов межведомственного взаимодействия.

Первый критерий включает в себя не только техническую совместимость, но и наличие внутренних компетенций, отлаженность процессов тестирования, обеспеченность ресурсами. Формальное наличие бюджета не гарантирует успешной миграции без системной работы по адаптации бизнес-процессов [5, с. 239–240].

Второй критерий отражает способность органа власти координировать действия с другими участниками экосистемы. В условиях сетевого режима функционирования ГИС изолированная миграция одного ведомства создает риски разрыва информационных потоков [3, с. 35–37].

Сочетание критериев позволяет выделить четыре ситуации.

Таблица

Готовность ИТ-инфраструктуры	Межведомственная интеграция	Характеристика ситуации
Высокая	Высокая	Благоприятные условия для проактивной трансформации
Высокая	Низкая	Риск «островной» миграции с проблемами совместимости
Низкая	Высокая	Возможность использовать опыт партнеров при ограниченных ресурсах
Низкая	Низкая	Критическая зона: высокая вероятность срывов и роста издержек

На основе этих критериев сформулирована типология адаптационных стратегий.

Стратегия «точечного замещения» характеризуется реактивным подходом: миграция осуществляется по факту истечения срока действия лицензий или критических сбоев. Изменения носят локальный характер и не затрагивают общую архитектуру. Типична для органов с низкой готовностью инфраструктуры. Преимущества – минимальные первоначальные затраты. Однако накапливаются технические проблемы, растет нагрузка на персонал, многократно увеличиваются транзакционные издержки последующих модернизаций.

Стратегия «параллельной эксплуатации» предполагает временное сохранение как зарубежных, так и отечественных решений с постепенным переносом функций. Такой подход снижает операционные риски, но требует значительных ресурсов для поддержки двух контуров. Без жесткого контроля сроков «параллельный период» может затянуться, превратившись в постоянный режим работы с двойными издержками [8, с. 3941–3943].

Стратегия «Модульная реконфигурация» ориентирована на переход от монолитных архитектур к платформенно-модульным решениям. Ключевая идея – выделение функциональных блоков ГИС в независимые стандартизированные модули, которые можно заменять поэтапно. Модель требует высокой квалификации ИТ-команд и развитых механизмов межведомственной координации. При успешной реализации обеспечивает гибкость системы и снижает риски каскадных сбоев.

Стратегия «Экосистемная трансформация» представляет собой наиболее комплексный подход, предполагающий перепроектирование процессов государственного управления с учетом возможностей цифровых платформ. Импортозамещение становится катализатором оптимизации регламентов, развития компетенций, внедрения сквозной аналитики. Реализация возможна при высокой готовности инфраструктуры и отлаженных практиках межведомственного взаимодействия. Именно эта модель создает предпосылки для устойчивого технологического суверенитета.

Предложенная типология не предполагает иерархии «от худшего к лучшему». Выбор стратегии должен осуществляться с учетом конкретного контекста: масштаба ведомства, критичности замещаемых функций, доступности ресурсов.

Эмпирические наблюдения выявляют различия в реализации стратегий на федеральном и региональном уровнях. На федеральном уровне преобладают «Модульная реконфигурация» и «Экосистемная трансформация» – это обусловлено централизованными ресурсами и доступом к опыту ведущих ИТ-интеграторов. Однако масштаб федеральных ГИС создает собственные проблемы: длительные циклы согласования, высокие требования к информационной безопасности.

На региональном уровне чаще встречаются «точечное замещение» и «параллельная эксплуатация». Ограниченность бюджетов и нехватка кадров сужают пространство для маневра. При этом регионы с развитыми цифровыми компетенциями демонстрируют примеры успешной реализации более сложных моделей. Ключевой фактор успеха – не объем финансирования, а качество координации с федеральным центром [6, с. 67–70].

Особую группу составляют отраслевые ГИС (здравоохранение, образование, социальная защита), где миграция осложняется предметной спецификой. Эффективной оказывается гибридная модель: единые федеральные стандарты данных при свободе регионов в выборе интерфейсных решений.

3. Практические механизмы снижения транзакционных издержек.

На основе выявленных барьеров и типологии стратегий сформулированы конкретные механизмы снижения транзакционных издержек.

Механизм 1. Создание межведомственных центров компетенций и внедрение режима регуляторных «песочниц». Основную долю скрытых издержек составляют расходы на поиск совместимых продуктов, согласование требований между ведомствами и преодоление регуляторной неопределенности. Формирование горизонтальных структур, объединяющих экспертов из профильных министерств, разработчиков ПО и представителей органов власти, позволит стандартизировать функциональные требования еще на этапе проектирования. «Песочницы» – ограниченные тестовые контуры со смягченными нормативными ограничениями – дадут возможность отработать сценарии миграции без риска остановки критически важных процессов.

Механизм 2. Переход к обязательному использованию платформенно-модульной архитектуры. Традиционные монолитные системы сопряжены с высокими издержками переключения и рисками каскадных сбоев. Закрепление требований к модульной архитектуре с открытыми интерфейсами и едиными форматами данных позволит реализовать поэтапное замещение функциональных блоков. Органы власти получают возможность заменять устаревшие модули независимо от остальной системы, что снизит потребность в единовременных капиталовложениях.

Механизм 3. Интеграция программ развития цифровых компетенций в жизненный цикл миграции ГИС. Кадровые барьеры и сопротивление персонала часто сводят на нет техническую успешность внедрения. Предлагается отказаться от разовых тренингов в пользу непрерывного сопровождения, встроенного в процесс перехода. Это включает в себя ролевое обучение пользователей на тестовых копиях развертываемых систем, создание внутренних наставнических сетей, регулярный сбор обратной связи для корректировки интерфейсов и

регламентов. Подобная модель превращает человеческий капитал из пассивного объекта изменений в активный ресурс адаптации.

Реализация механизмов требует синхронизации действий на трех уровнях: регуляторном (стандартизация и тестовые среды), архитектурном (модульное проектирование) и организационном (развитие компетенций). Их совместное применение позволяет превратить импортозамещение из вынужденной технической меры в управляемый процесс институциональной модернизации.

Заключение.

Проведенное исследование показало, что импортозамещение ГИС в условиях структурной технологической неопределенности не сводится к технической замене программного обеспечения, а представляет собой сложный институциональный процесс, требующий перестройки координационных механизмов и трансформации организационных практик.

Установлено, что ключевым фактором успешности миграции является не столько технологическая зрелость отдельных продуктов, сколько качество институциональной среды и способность органов власти управлять скрытыми транзакционными издержками. Систематизация барьеров показала их накопительный характер: технические ограничения усугубляют кадровый дефицит, разрозненность нормативного регулирования повышает инвестиционные риски, а организационная фрагментация препятствует тиражированию успешных практик.

Предложенная типология адаптационных стратегий подтвердила, что выбор между точечным замещением, параллельной эксплуатацией, модульной реконфигурацией и трансформацией экосистемы должен определяться исходным уровнем готовности ИТ-инфраструктуры и степенью развитости межведомственного взаимодействия. Сформулированные механизмы обосновывают целесообразность перехода от реактивного реагирования к проактивному управлению переходами через создание центров компетенций, внедрение регуляторных «песочниц», стандартизацию модульной архитектуры и интеграцию развития цифровых навыков в жизненный цикл миграции.

Разработанные положения могут быть использованы органами исполнительной власти при корректировке дорожных карт импортозамещения, ИТ-архитекторами при проектировании решений с открытыми интерфейсами, а также при разработке программ повышения квалификации государственных служащих.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией предложенной типологии стратегий на основе лонгитюдных данных по конкретным ведомствам. Особого внимания требует количественная оценка структуры транзакционных издержек в зависимости от выбранной модели миграции, а также изучение роли инструментов искусственного интеллекта в автоматизации мониторинга совместимости систем.

Импортозамещение ГИС перестает быть исключительно технической задачей и становится инструментом институциональной модернизации государственного сектора. Реализация предложенных механизмов позволяет превратить вынужденную технологическую миграцию в управляемый процесс, в котором снижение транзакционных издержек и развитие внутренних компетенций формируют устойчивую основу для обеспечения цифрового суверенитета.

Список литературы

1. Инструменты цифровой экономики: Монография / Е.В. Попов, А.Ю. Веретенникова, К.А. Семячков [и др.]. – М.: Инфра-М, 2025. – 254 с. – DOI 10.12737/2188422. – EDN KXCRYC
2. Информационные технологии в юридической деятельности: учебник и практикум для вузов / под ред. В.Д. Элькина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 472 с.
3. Исаев С.Ю. Цифровая трансформация системы государственного управления в контексте регионального взаимодействия / С.Ю. Исаев, Л.В. Глезман, А.А. Урасова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. – 2022. – №3 (305). – С. 32–40. – DOI 10.53598/2410-3683-2022-3-305-32-40. – EDN RTOBFG

4. Камолов С.Г. Цифровое государственное управление: учебник для вузов / С.Г. Камолов, Н.Д. Александров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 287 с.

5. Нестерова Н.С. Практический опыт импортозамещения программного обеспечения в информационной системе государственного органа управления / Н.С. Нестерова, Д.В. Волков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2026. – №2–1 (113). – С. 237–241. – DOI 10.24412/2500-1000-2026-2-1-237-241. – EDN BURCNC

6. Панова Е.А. Развитие цифровых компетенций и цифровой грамотности государственных служащих в условиях цифровой модернизации государственного управления / Е.А. Панова, Е.Ю. Тарасова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – Вып. 112. – С. 64–77. – DOI 10.55959/MSU2070-1381-112-2025-64-77. – EDN FHNTDT

7. Саратовцев Ю.И. Управление изменениями: учебник и практикум для вузов / Ю.И. Саратовцев. – М.: Юрайт, 2026. – 409 с.

8. Смыслова О.Ю. Импортозамещение программного обеспечения в Российской Федерации: анализ законодательства, рыночной динамики и конкурентоспособности отечественных решений в условиях санкционного давления / О.Ю. Смыслова, М.А. Леонов // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, №6. – С. 3933–3952. – DOI 10.18334/epp.15.6.123328. – EDN GROBEW.

Тесленко Ирина Борисовна

д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой

Мухина Вероника Олеговна

студентка

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный
университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»
г. Владимир, Владимирская область

ЦЕНА «БЫСТРОЙ МОДЫ»: ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ, ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: в статье показано, почему дешёвая одежда обходится обществу дороже, чем указано в ценнике. Покупатели сопоставляют розничную цену товаров масс-маркета с издержками, возникающими на всех этапах производства и реализации – от подготовки сырья до утилизации вещей на полигоне. При этом ни одна из этих статей затрат, включая экологические последствия, не заложена в стоимость товара. Экономика покупателя оказывается краткосрочной: они расплачиваются за неё повторными покупками, а бюджетные средства идут на возмещение ущерба природе и здоровью людей. В статье рассматриваются причины, по которым потребитель продолжает приобретать заведомо невыгодный вариант одежды.

Ключевые слова: быстрая мода, устойчивое потребление, издержки за пределами цены, стоимость одной носки, экологический ущерб, циклическая экономика.

В последнее время вокруг такого явления, как быстрая мода (англ. fast fashion – быстрое обновление ассортимента какой-то марки несколько раз в сезон) развернулась дискуссия: часть потребителей его поддерживают, а другие – критикуют. Люди хотят быть модными, чаще покупать обновки, которые доступны по цене и которые благодаря маркетплейсам можно быстро приобрести. Однако при производстве такой продукции возникают экологические проблемы и социальные риски.

Текстильная промышленность входит в число крупнейших загрязнителей планеты. По оценкам Программы ООН¹ по окружающей среде, отрасль уступает только нефтегазовому сектору, и динамика не в её пользу: если производство продолжит расти прежними темпами, к 2030 году выбросы CO₂ от текстильного производства увеличатся примерно на 60% и достигнут порядка 2,7 млрд тонн в год. К этому добавляются и менее заметные каналы ущерба: стирка синтетической продукции даёт до трети микропластика, попадающего в океан; на стирку одной пары джинсов уходит от 7 до 10 тысяч литров пресной воды – и чаще всего в регионах, где её и без того не хватает.

Таблица 1

Экологические издержки текстильной отрасли: ключевые каналы ущерба

Канал ущерба	Оценка / факт	Пояснение
Выбросы CO ₂ от текстиля	2,7 млрд. тонн в год к 2030 (рост $\approx$ 60% к текущему уровню)	При сохранении текущих темпов роста производства
Микропластик от стирки синтетики	До 1/3 микропластика в океане	Поступает из волокон при стирке
Водопотребление на 1 пару джинсов	7 000–10 000 литров пресной воды	Часто в регионах с дефицитом воды
Токсичность и нагрузка на локальные экосистемы	Превышение ПДК тяжёлых металлов и красителей в десятки-сотни раз (дельты Чжунцзян, Янцзы, текстильные районы Бангладеш)	Сточные воды фабрик

Модель потребления изменилась за двадцать лет радикально. Крупные сети обновляют ассортимент еженедельно, то есть около пятидесяти раз в год, и покупка перестала быть решением – она становится привычкой. Фонд Эллен Макартур зафиксировал следующий факт: с 2000 по 2015 год выпуск одежды вырос вдвое, а среднее число носок одной вещи упало примерно на треть. Люди покупают больше, чем полтора десятилетия назад, и носят вдвое меньше.

Таблица 2

Динамика производства и использования одежды (2000–2015): парадокс «покупаем больше – носим меньше»

Показатель	Значение в 2000 году	Значение в 2015 году	Изменение
Объём выпуска одежды в мире	Базовый уровень (100%)	$\approx$ 200%	Рост в 2 раза
Среднее число носок одной вещи	Базовый уровень (100%)	$\approx$ 67%	Снижение примерно на треть
Соотношение: покупки vs использование	1:1 (условно)	$\approx$ 2:0,67	Покупают в 2раза больше, носят в 2 раза меньше

Из этого расхождения и вырастает проблема: экономия существует только в момент покупки товара.

Низкое качество и быстрый износ вещей вынуждают покупать их вновь и вновь. Оценки расходов на одежду за несколько лет показывают, что цикл дешёвых покупок обходится на 30–50% дороже, чем приобретение меньшего количества качественных вещей. Ловушка здесь та же, что в известном парадоксе бедности: у кого нет денег на хорошие ботинки, тот тратит на обувь больше.

Возникающее противоречие достаточно легко объясняется. Рыночная экономика развивается за счёт роста производства, а конкуренция вынуждает снижать себестоимость. В результате одежда стала доступна тем, кто прежде не мог её себе позволить. Но снижение цены достигается за счёт дешёвого сырья – синтетики нефтяного происхождения, токсичных красителей и водоёмких технологий без замкнутого цикла. Чем дешевле вещь, тем быстрее расходуются ресурсы, за счёт которых её можно производить.

Компании получают прибыль, а вот часть издержек перекладывается на общество. Очистка воды, восстановление почв, лечение болезней, вызванных загрязнением, оплачиваются из бюджетов – то есть за счёт налогов покупателей. В цену футболки за 500 Р эти затраты не заложены: производитель их не несёт, хотя они возникают из-за производства и утилизации этой вещи

Получается, что рыночная цена товаров быстрой моды и их полная стоимость расходятся, и разницу оплачивает не тот, кто покупает вещь. А кто? В экономической науке есть разные взгляды на эту проблему.

Неоклассический подход трактует быструю моду как механизм демократизации потребления: мода перестала быть привилегией, фабрики в развивающихся странах дают работу миллионам и поддерживают ВВП бедных государств.

Экологическая экономика (Г. Дейли, Р. Костанца)² утверждает, что расчёт неполон, поскольку часть издержек, включена в цену. Река рядом с фабрикой отравлена сточными водами, у рабочего профессиональное заболевание лёгких, а вещь через месяц окажется на свалке и пролежит там столетия, при этом расходы на очистку воды, воздуха, лечение рабочего не включаются в стоимость товара.

Покупатель платит дважды: в магазине за вещь и потом за счет налогов, идущих за восстановление состояния окружающей среды. В отчёте Фонда Эллен Макартур Towards the Circular Economy (2013)³ оцениваются потери отрасли от линейной модели примерно в 500 млрд долларов ежегодно – это стоимость материалов, которые выпускаются, почти не используются и не возвращаются в оборот.

Тимоти Дэвинни⁴ в работе «Миф об этичном потребителе» утверждает, что главным фактором является цена: подавляющее большинство покупателей предпочтет заплатить за похожую вещь не 5000 рублей по ценнику, а 500 и никакие соображения об экологии не станут аргументом, чтобы купить вещь за 5000 руб. Сторонники циклической экономики утверждают, что сравнивать нужно не ценники, а расходы за несколько лет (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение двух футболок: масс-маркет vs этичный бренд

Параметр	Футболка масс-маркета (500руб.)	Футболка этичного бренда (2500руб.)	Комментарий
Материал	Тонкий хлопок + полиэстер	Плотный органический хлопок	Полиэстер – продукт нефтепереработки, плохо перерабатывается
Число стирок до заметной потери вида	5–10	>50	Деформация, катышки, выцветание
Стоимость одной носки (Cost PerWear)	500/10=50руб.	2500/ 50 = 50руб.	При аккуратном использовании цена дня носки совпадает
Объём отходов (в эквиваленте вещей)	1 вещь ≈ 5 циклов (5 футболок)	1 вещь закрывает потребность на долгий срок	Снижение объёма текстиля на полигонах в 5раз
Экологический след (оценка)	Высокий (выделение микропластика при стирке, водоёмкость, токсичные стоки)	Ниже (органическое сырьё, замкнутые циклы, контроль стоков)	Учитывается углеродный след, вода, микропластик
Прозрачность цепочки поставок	Низкая (сложно отследить фабрику, условия труда)	Высокая (сертификаты, отчёты, аудит)	Сертификаты GOTS, Fair Trade и др. повышают доверие

На первом этапе исследования сравнивались две футболки: масс-маркет за 500 рублей (тонкий хлопок с полиэстером) и вещь этичного бренда за 2500 рублей (плотный органический хлопок). Обе носились и стирались в обычном режиме, изменения внешнего вида фиксировались. Дешёвая потеряла вид после 5–10 стирок: выцвела, покрылась катышками, деформировалась по горловине. Вторая сохранила форму и цвет после пятидесяти с лишним стирок.

Расчёт вёлся по показателю Cost PerWear – стоимости одной носки: цена вещи делится на число выходов. Для масс-маркета результат расчета получился таким: 500 / 10 = 50 рублей.

Для этичного бренда – $2500 / 50 =$ те же 50 рублей. Цена дня носки совпадает, но во втором случае покупатель получает лучший материал и внешний вид, а отходов образуется в пять раз меньше: одна вещь закрывает потребность вместо пяти. Вместе с тем этот расчёт не отвечает на вопрос, что делать человеку, у которого нет 2500 рублей сразу.

Здесь работают два механизма. Первый – дисконтирование будущей выгоды: когда денег в обрез, экономия через два года почти не имеет значения, а вот 2500 Р сегодня – это реальный выбор между футболкой и едой или проездом. Теория перманентного дохода Милтона Фридмана⁵ объясняет это прямо: при нестабильном доходе люди выбирают низкую цену сейчас, даже если полная стоимость владения вещью окажется выше.

Второй механизм описан поведенческой экономикой. Ричард Талер⁶ называет его ментальным учётом: 500 рублей списываются с текущих трат незаметно, а 2500 воспринимаются как изъятие из сбережений и переживаются болезненнее. Объяснение этого кроется в ликвидности.

Масштаб вынесенных за пределы цены издержек поддаётся оценке.

В дельтах рек Чжуцзян и Янцзы, в текстильных районах Бангладеш регулярно фиксируется превышение в десятки и сотни раз допустимых концентраций тяжёлых металлов и красителей в сточных водах. Одна только провинция Гуандун тратит на восстановление почв, очистку водоёмов и компенсации фермерам порядка 1,5 млрд юаней в год.

Социальная расходы выглядят ещё нагляднее. При обрушении фабрики Rana Plaza в Бангладеш в 2013 году погибли 1134 человека. Медицинскую помощь, выплаты семьям погибшими восстановлению фабрики оплачивали государство и международные доноры – бренды, размещавшие там заказы (но далеко не сразу и в ограниченном размере).

Таблица 4

Экономические и поведенческие барьеры осознанного выбора

Барьер	Описание	Теория/концепция	Практическое следствие
Низкая ликвидность (нет 2500руб. сразу)	Высокая цена воспринимается как недоступная при нестабильном доходе	Теория перманентного дохода (М. Фридман)	Покупатель выбирает дешёвую вещь, даже если полная стоимость владения выше
Ментальный учёт трат	500 руб. списываются как «текущие расходы», 2500 руб.- как «изъятие из сбережений»	Поведенческая экономика (Р. Талер)	Эмоциональный барьер сильнее рационального расчёта
Дефицит информации	Покупатель не знает, как оценить экологический след и долговечность	Информационный вакуум	Даже заинтересованные потребители не могут принять решение
Маркетинговые уловки	«Экологичность» без проверяемых данных (гринвошинг)	Когнитивные искажения, доверие к бренду	Наценка может не соответствовать реальному вкладу в устойчивость

Дешевизна масс-маркета, таким образом, лишь отчасти объясняется технологиями. Остальное – перенос затрат на третьих лиц.

Опрос, проведённый на втором этапе исследования, показал ожидаемое: при выборе одежды доминирует цена, а о происхождении вещи респонденты почти ничего не знают. Существеннее другое – после того как участникам объясняли методику расчёта стоимости одной носки, около 40% сказали, что готовы менять привычки. Дефицит информации оказался барьером не меньшим, чем дефицит денег.

Отсюда можно назвать меры, которые переводят осознанный выбор из области морали в область расчёта.

– расширенная ответственность производителя тканей. Если компания обязана финансировать сбор, сортировку и переработку своей продукции, вещи из плохо перерабатываемых материалов дорожают;

– конкурентное преимущество, которое быстрая мода получает бесплатно, переключая утилизацию на бюджеты, исчезает, а разрыв в цене с устойчивыми брендами сокращается;

– обязательная экологическая маркировка. Самостоятельно выяснять углеродный след вещи покупатель не станет. Состав, водопотребление, пригодность к переработке должны быть на этикетке, а не в отчёте об устойчивом развитии на сайте бренда.

– налоговые стимулы для долговечности. Пониженный НДС на ремонт одежды и на комиссионную торговлю делает качественную подержанную вещь реальной альтернативой новой, но плохой. Это единственная из трёх мер, которая работает сразу и для тех, кому не хватает денег на первую покупку.

Подводя общий итог, отметим следующее. Экономика быстрой моды держится на переносе экологических и социальных издержек на общество, поэтому выгода покупателя здесь мнимая. Сравнение по стоимости одной носки показывает, что качественная вещь не дороже дешёвой, а при аккуратной эксплуатации выгоднее. Готовность менять привычки после информирования выразили около 40% опрошенных, то есть потенциал перехода упирается не в убеждения, а в доступность информации и денег. На макроуровне сокращение отходов, экономия воды и снижение выбросов дают выигрыш, превышающий издержки перехода. Государственные меры способны сблизить рыночную цену с полной стоимостью, но по отделимости ни одна из них не работает.

Ответ на вопрос – стоит ли переплачивать за экологичные бренды, зависит от того, за что именно берётся наценка. Подтверждённые сертификатами состав и долговечность оправдывают рост цены; маркетинговое позиционирование без проверяемых данных – нет, и отличить одно от другого покупателю сегодня трудно.

Список литературы

1. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Оценки выбросов CO₂ и позиции по текстильной промышленности. – URL: <https://tass.ru/plus-one/5915470> (дата обращения: 28.09.2026).

2. Дейли Г. Природный капитал и устойчивое развитие / Г. Дейли, Р. Костанца; пер. с англ. – М., 2010. – 256 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-traktovke-kontseptsii-ustoychivogo-razvitiya> (дата обращения: 28.09.2026).

3. Ellen MacArthur Foundation. Towards the Circular Economy: Economic and Business Rationale for an Accelerated Transition / Ellen MacArthur Foundation. – Cornwall: EMF, 2013. – 120 p. – URL: <https://content.ellenmacarthurfoundation.org/m/27265af68f11ef30/> (дата обращения: 28.09.2026).

4. Девинни Т.М. Миф об этическом потребителе / Т.М. Девинни, П. Аугер, Дж.М. Экхардт; пер. с англ. – М., 2015. – 240 с. – URL: https://www.researchgate.net/publication/262733832_The_Myth_of_the_Ethical_Consumer_By_Timothy_M_Devinney_Pat_Auger_and_Giana_M_Eckhardt_Cambridge_University_Press_Cambridge_2010_xvii_240_pp_5800 (дата обращения: 28.09.2026).

5. Фридман М. Теория функции потребления / М. Фридман; пер. с англ. – М.: Экономика, 1999. – 320 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-teorii-potrebleniya-miltona-fridmena> (дата обращения: 28.09.2026).

6. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Р. Талер; пер. с англ. – М.: ЭКСМО, 2017. – 576 с. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/richard-taler-i-istoriya-povedencheskoy-ekonomiki-obzor> (дата обращения: 28.09.2026).

Умрилова Анастасия Игоревна

магистрант

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный
аграрный университет»

г. Благовещенск, Амурская область

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация: в рамках обозначенной темы рассматривается актуальность методологического сопровождения проектной деятельности в органах исполнительной власти Российской Федерации. Проводится анализ следующих аспектов: внесение изменений в национальные цели развития до 2030 и 2036 годов, переход к клиентоцентричной модели государства, масштаб нововведенных национальных проектов, цифровизация, кадровое обеспечение в проектной деятельности его влияние. Делается вывод о необходимости единого стандарта методологического сопровождения проектной деятельности на всех уровнях его использования.

Ключевые слова: проектная деятельность, методологическое сопровождение, органы исполнительной власти, проектное управление, национальные проекты, национальные цели развития, клиентоцентричность, государство для людей, цифровая трансформация, цифровая зрелость, государственное управление, компетенции государственных служащих, кадровое обеспечение.

В настоящее время актуальность овладения основами проектирования обусловлена, во-первых, тем, что данная технология имеет широкую область применения на всех уровнях государственной власти. Во-вторых, владение логикой и технологией проектирования позволит более эффективно осуществлять аналитические, организационно-управленческие функции. В-третьих, проектные технологии обеспечивают конкурентоспособность специалиста.

Тема методологического сопровождения проектной деятельности в органах исполнительной власти указывает на особую актуальность в контексте крупных преобразований системы государственного управления, которые происходит в настоящее время на территории Российской Федерации. Данный доклад раскрывает факторы, по которым указанная тема требует пристального внимания исследователей и практиков.

Ключом для рассмотрения темы методологического сопровождения проектной деятельности является обновление системы национальных целей развития Российской Федерации. Указом Президента РФ от 7 мая 2024 года №309 определены национальные цели на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, среди которых особое место занимают «устойчивая и динамичная экономика», «технологическое лидерство» и «цифровая трансформация государственного и муниципального управления». Достижение этих целей требует иное качество государственного управления, основанного на проектных стандартах.

В рамках национальной цели «Технологическое лидерство» утверждён перечень из девяти национальных проектов, реализуемых на основании единой методологии и единой системы координации. Это означает, что методологическая согласованность проектной деятельности становится не теоретическим требованием, а практической необходимостью для достижения стратегических приоритетов страны.

Стоит обратить внимание на смену устойчивых понятий государственного управления. Федеральный проект «Государство для людей», реализуемый с 2021 года, это модель сервисного государства, которая подразумевает инновационную модель государственного управления, в рамках которого ключевым приоритетом выступает обеспечение населения

высококачественными и общедоступными государственными услугами, посредством обеспечения клиентоцентричности, цифровизации и получения обратной связи.

Данные изменения требуют пересмотра методологических подходов к проектной деятельности: от ведомственной логики необходимо переходить к построению государственных сервисов исходя из клиентского пути гражданина.

Эта трансформация ведет к необходимости разработки систематически новых методологических инструментов, которые позволят учитывать «жизненные ситуации» граждан страны при разработке и ведении проектов.

Повышение значимости проектной деятельности как основы управления в органах исполнительной власти страны дал свой старт с началом реализации национальных проектов, которые рассчитаны на период до 2030 года, включая такие крупномасштабные проекты как, «Инфраструктура для жизни», «Продолжительная и активная жизнь», «Экономика данных и цифровая трансформация государства», «Технологическое обеспечение продовольственной безопасности» и ряд других.

Каждый из вышеперечисленных проектов нуждаются в координации связующих федеральных, региональных и местных органов власти, что обуславливает потребность в единых методологических стандартах. Их отсутствие приведет к двойной нагрузке на специалистов органов власти, нескоординированности действий, что послужит причиной снижения эффективности использования государственных ресурсов.

Если говорить о цифровом развитии в государственном управлении, её начало положено благодаря национальной цели «Цифровая трансформация», которая обеспечивает достижение «цифровой зрелости» ведущих отраслей экономики и социальной сферы. Она включает цифровизацию систем государственного управления, а также повышение процента социально значимых услуг, оказываемых в электронном виде.

Цифровизация проектной деятельности требует разработки методологических и информационно-технологических подходов к управлению на основе данных, создания цифровых платформ для мониторинга и оценки проектов, а также обеспечения совместимости информационных систем различных ведомств.

Однако, стоит отметить о наличии потребности в систематизации и распространении успешного опыта проектного управления между субъектами Российской Федерации.

Об обмене опытом, в рамках федерального проекта «Государство для людей» организуются форумы, особое внимание которых уделяется обмену опытом между регионами и федеральными органами исполнительной власти, а также выявлению наиболее эффективных управленческих решений для их распространения. Федеральная премия «Лидер клиентоцентричности» призвана определить лучшие региональные практики, направленные на повышение качества государственных услуг. Это создаёт запрос на методологическое обеспечение процессов выявления, описания и тиражирования лучших практик проектной деятельности в органах исполнительной власти.

Наконец, последним аспектом анализа поставленной темы является необходимость формирования компетенций государственных служащих в сфере проектного управления. Переход к клиентоцентричной модели, цифровизации, работы с «жизненными ситуациями» – всё это требует новых знаний и навыков.

Сопровождение проектной деятельности в части методологических основ должно охватывать не только подготовку стандартов, схем работ, работы с нормативной базой, но и создание систем обучения специалистов конкретно проектному развитию, которое в свою очередь должно повлиять на совершенствование методологической культуры, развитию проектного мышления, грамотной организации проекта, ведению компетентного мониторинга и успешного его завершения.

В заключение хотелось бы отметить актуальность рассматриваемой темы ввиду появления и развития следующих факторов: модернизации ранее существовавших национальных целей, разработкой проектного портфеля и привязкой их к новым национальным целям,

переходом к клиентоцентричной модели государства, популяризации проектного управления и спуск их на региональный и местный уровень, цифровой трансформации услуг и государственного управления, потребностью обмена опытом лучших практик регионов и развития кадрового потенциала.

Вышеобозначенные факторы требуют внимательного подхода к созданию методологического обеспечения проектной деятельности, объединяющее специфику работы федеральных и региональных систем органов власти, информационно-технологических возможностей и человеческий ресурс. Именно это позволяет показать эту тему не только в рамках теоретических аспектов, но и практически необходимой в современных условиях развития проектного управления в Российской Федерации.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 10.09.2026).
2. Стандарт «Государство для людей». Федеральный проект «Государство для людей» // Минэкономразвития РФ. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/standarty_klientocentricnosti/ (дата обращения: 10.09.2026).
3. Земсков Ю.П. Основы проектной деятельности: учеб. пособие для СПО / Ю.П. Земсков, Е.В. Асмолова. – СПб.: Лань, 2026. – ISBN 978-5-507-57299-1. – URL: <https://e.lanbook.com/book/525912> (дата обращения: 10.09.2026).
4. Минбалеев А.В. Правовое обеспечение цифровой трансформации общества и государства: монография / А.В. Минбалеев. – Махачкала: ДГУ, 2025. – 248 с. – ISBN 978-5-9913-0338-5. EDN QFPVZT

Чернявская Юлия Анатольевна

канд. экон. наук, доцент

Зайцева Елизавета Игоревна

магистрант

Липецкий филиал ФГОБУ ВО «Финансовый

университет при Правительстве РФ»

г. Липецк, Липецкая область

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ СТРАТЕГИИ ФИНАНСОВОГО РОСТА ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: в статье исследуется проблема интеграции риск-ориентированного подхода в процесс формирования стратегии финансового роста предприятия. На основе систематизации теоретических положений и эмпирических данных уточняется содержание категории «риск-ориентированная стратегия финансового роста» и её место в системе корпоративного финансового управления. Выделяются ключевые виды финансовых рисков, оказывающих влияние на выбор темпов роста, структуры капитала и инвестиционных решений, а также обосновываются методы их количественной оценки и способы учёта при стратегическом планировании. Доказывается необходимость комплексного риск-ориентированного подхода, обеспечивающего баланс между достижимыми темпами роста, доходностью и допустимым уровнем финансовой устойчивости в условиях нестабильной экономической конъюнктуры.

Ключевые слова: риск-ориентированный подход, стратегия финансового роста, финансовые риски, устойчивый рост, структура капитала, управление стоимостью, финансовая устойчивость.

Проблема интеграции риск-ориентированного подхода в процесс формирования стратегии финансового роста предприятия имеет выраженный теоретико-методологический и

прикладной характер. В современной экономической литературе риск традиционно рассматривается преимущественно как фактор, ограничивающий рост, что порождает концептуальный разрыв между стратегическим целеполаганием и риск-менеджментом. Между тем, как показывают эмпирические исследования, риск не является внешним по отношению к процессу роста – он выступает его имманентным структурным элементом. В работе польских исследователей на основе анализа модели устойчивого роста предприятия прямо утверждается, что «риск является essential building block of the sustainable growth idea». Иными словами, любая стратегия роста с необходимостью предполагает выбор определённого риск-профиля: агрессивная стратегия, обеспечивающая темпы роста выше устойчивого, и консервативная стратегия, не обеспечивающая даже устойчивого темпа, представляют собой не альтернативы наличию риска, а альтернативные конфигурации его распределения во времени и по источникам финансирования.

Однако на практике интеграция риск-ориентированного подхода в стратегическое финансовое планирование сталкивается с рядом ограничений. В научной литературе справедливо отмечается, что, «несмотря на наличие широкой теоретической базы и прикладных исследований, недостаточно проработан вопрос о разработке комплексного методического подхода к стратегическому планированию», адаптированного к условиям конкретных типов организаций. Традиционные методики стратегического планирования, как правило, либо игнорируют риск на этапе целеполагания, либо рассматривают его как ограничение, накладываемое *post factum* на уже сформированную стратегию. Это порождает ситуацию, при которой риск-менеджмент превращается в формальную процедуру, не влияющую на содержание стратегических решений. Как следствие, стратегия финансового роста оказывается уязвимой к тем рискам, которые не были учтены при её формировании, а система корпоративного финансового управления утрачивает способность к превентивному реагированию на угрозы.

Уточнение содержания категории «риск-ориентированная стратегия финансового роста» требует разграничения двух близких, но не тождественных понятий: «риск-ориентированная финансовая стратегия» и «стратегия финансового роста». Первое получило достаточно развёрнутую трактовку в работах Л. А. Мочаловой и её последователей. Согласно данному подходу, риск-ориентированная финансовая стратегия – это «система управленческих решений по достижению поставленных перспективных целей формирования, распределения и использования финансовых ресурсов, обеспечивающая финансовую устойчивость организации посредством балансирования динамики объема продаж, активов и структуры источников финансирования по критериям финансовых рисков». Нетрудно заметить, что в этом определении акцент сделан на балансировании, то есть на поддержании равновесия между ростом и устойчивостью. Стратегия финансового роста, напротив, акцентирует целевую направленность на увеличение стоимости бизнеса, объема продаж, активов и капитала. Следовательно, риск-ориентированная стратегия финансового роста представляет собой не просто сумму двух понятий, а их диалектическое единство: она определяет, каким образом целевые параметры роста достигаются при заданных (или допустимых) уровнях финансового риска и с учётом вероятностного характера внешней и внутренней среды.

В этом контексте методологически продуктивной представляется декомпозиционная модель, разработанная в рамках Алтайской школы финансового менеджмента. Данная модель объединяет модель устойчивого роста Р.С. Хиггинса, модель Дюпона и систему критериев оценки финансовых рисков (эффективность финансовой деятельности, риск ликвидности, финансовая устойчивость, риск дивидендной политики), что позволяет генерировать альтернативы риск-ориентированной финансовой стратегии с учётом семи ключевых переменных: сбалансированного темпа роста объема продаж, рентабельности собственного капитала, коэффициента капитализации прибыли, рентабельности активов, чистой рентабельности продаж, оборачиваемости активов и соотношения собственного и заёмного капитала. Существенно, что модель работает в условиях кризиса, когда приоритет отдаётся не только росту объема продаж, но и сохранению финансовой устойчивости. Это позволяет рассматривать

риск-ориентированную стратегию финансового роста не как абстрактную теоретическую конструкцию, а как операционализируемый инструмент, встроенный в процедуру стратегического выбора.

Место риск-ориентированной стратегии финансового роста в системе корпоративного финансового управления определяется её функцией связующего звена между стратегическим целеполаганием и оперативным управлением рисками. В классической модели корпоративного управления стратегические цели и риск-профиль рассматриваются как взаимодополняющие элементы: «чёткая и обоснованная долгосрочная стратегия с определёнными финансовыми целями и осознанным риск-профилем способствует хорошему корпоративному управлению, эффективному использованию ресурсов и надёжной операционной деятельности». Однако на практике эта взаимодополняемость часто остаётся декларацией. Интеграция риск-ориентированного подхода требует, чтобы риск-профиль не просто «сопровождал» стратегию, а формировался одновременно с ней, в рамках единого итеративного процесса. Эмпирические данные подтверждают, что интеграция систем стратегического управленческого учёта и управления рисками предприятия положительно влияет на ключевые финансовые показатели и укрепляет принятие решений на основе риска. Более того, включение риск-ограничений и сценарного анализа в процесс стратегического планирования позволяет выработать сбалансированный подход, «который управляет как ростом, так и неопределённостью».

Таким образом, риск-ориентированная стратегия финансового роста занимает в системе корпоративного финансового управления позицию интегративного элемента, обеспечивающего согласование трёх обычно разрозненных контуров:

- 1) стратегического целеполагания (определение целевых темпов роста и источников их финансирования);
- 2) риск-менеджмента (идентификация, оценка и приоритизация финансовых рисков);
- 3) оперативного финансового планирования и бюджетирования (распределение ресурсов с учётом риск-лимитов).

В рамках такого подхода риск перестаёт быть «внешним» ограничением и становится параметром стратегического выбора. Предприятие, формирующее риск-ориентированную стратегию финансового роста, сознательно выбирает не максимально возможный темп роста, а темп, который может быть устойчиво поддержан при данном уровне финансового риска и данной структуре капитала. Именно в этом заключается принципиальное отличие риск-ориентированного стратегического финансового управления от традиционного, при котором риск учитывается лишь на этапе реализации уже принятой стратегии.

Перспективным направлением дальнейших исследований в этой области является разработка методического инструментария, позволяющего встраивать процедуры оценки финансовых рисков непосредственно в алгоритм стратегического планирования. Примером такого подхода может служить интегрированная методика «Scenario-BSC-Risk», объединяющая элементы сценарного анализа, сбалансированной системы показателей и риск-менеджмента и обеспечивающая «согласование стратегических целей с рисками и внешними сценариями». Однако такие методики пока не получили широкого распространения в практике корпоративного финансового управления, что сохраняет разрыв между теоретическими разработками и реальными управленческими решениями. Преодоление этого разрыва представляет собой актуальную задачу как для экономической науки, так и для практики финансового менеджмента.

Проведённый анализ теоретических положений и эмпирических данных позволяет систематизировать ключевые виды финансовых рисков, детерминирующих стратегические параметры роста, структуры капитала и инвестиционной активности, а также обосновать инструментарий их количественной оценки и процедуры учёта в стратегическом планировании.

Таблица 1

Ключевые финансовые риски и их влияние на стратегические решения предприятия

Вид финансового риска	Влияние на темпы роста	Влияние на структуру капитала	Влияние на инвестиционные решения	Методы количественной оценки	Способы учёта при стратегическом планировании
Риск потери финансовой устойчивости	Ограничивает темпы роста объёма продаж сверх уровня, финансируемого за счёт собственного капитала	Детерминирует соотношение собственного и заёмного капитала; превышение безопасного уровня левериджа на 1% снижает инвестиции на 1–2%	Сужает круг одобряемых проектов; при высокой долговой нагрузке возрастает риск упущенной выгоды от перспективных инвестиций	Коэффициент автономии, коэффициент финансовой устойчивости, модели прогнозирования банкротства (Альтман, Таффлер)	Установление целевых нормативов структуры капитала; включение риск-лимитов в процедуру утверждения инвестиционных бюджетов
Риск ликвидности	Ограничивает способность финансировать рост оборотного капитала; при недостатке ликвидности темпы роста принудительно снижаются	Требуется поддержания консервативного соотношения краткосрочных и долгосрочных пассивов; преобладание «длинных» пассивов снижает риск	Сокращает горизонт приемлемых инвестиционных решений; проекты с длительным сроком окупаемости становятся неприемлемыми	Коэффициенты текущей, быстрой и абсолютной ликвидности; анализ разрывов ликвидности (GAP-анализ); стресс-тестирование	Интеграция ковенанта по ликвидности в кредитные соглашения; формирование буфера ликвидности как стратегического резерва
Риск утраты финансовой гибкости	Снижает способность к финансированию будущего роста; низкий леверидж приобретает ценность как возможность привлечения внешнего финансирования в будущем	Формирует приоритет накопления «долговой ёмкости» (debt capacity); определяет компромисс между текущими и будущими преимуществами долга	Приводит к отказу от инвестиционных проектов, требующих значительного внешнего финансирования, даже при положительной NPV	Модель EBIT-EPS; анализ волатильности операционной прибыли; сценарный анализ структуры финансирования	Включение в стратегию целевого уровня финансовой гибкости; сценарное планирование источников финансирования инвестиционной программы

Окончание таблицы 1

Вид финансового риска	Влияние на темпы роста	Влияние на структуру капитала	Влияние на инвестиционные решения	Методы количественной оценки	Способы учёта при стратегическом планировании
Риск роста издержек «высокого долга» (debt overhang)	Снижает темпы роста вследствие недоинвестирования; издержки упущенных возможностей превышают традиционные издержки банкротства	Ограничивает дальнейшее привлечение заёмного капитала; возникает эффект «долгового навеса»	Блокирует принятие проектов с положительной NPV, если выгоды достаются кредиторам, а не акционерам	Модель оценки стоимости капитала (WACC); анализ предельных издержек финансирования; имитационное моделирование (Монте-Карло)	Учёт издержек упущенных возможностей при оценке альтернатив структуры капитала; приоритизация проектов по критерию защиты интересов акционеров
Стратегический риск (риск недостижения стратегических целей)	Наибольший вклад в потерю стоимости: свыше 80% случаев значительной утраты акционерной стоимости в Top-1000 компаний обусловлены стратегическими рисками	Определяет принципиальный выбор между консервативной и агрессивной моделью финансирования роста	Формирует «риск-профиль» стратегии; требует интеграции оценки рисков непосредственно в алгоритм стратегического выбора	Сценарный анализ; стресс-тестирование; вероятностное моделирование (Bayesian networks); имитационные модели	Интегрированная методика «Scenario-BSC-Risk», обеспечивающая согласование стратегических целей с рисками и внешними сценариями

Систематизация представленных данных позволяет сформулировать ряд принципиальных положений, значимых для теории и практики корпоративного финансового управления.

Во-первых, ключевые финансовые риски, детерминирующие стратегические решения, не являются изолированными – они образуют взаимосвязанную систему. Риск потери финансовой устойчивости и риск ликвидности ограничивают параметры роста «сверху», задавая предельно допустимый уровень левериджа. Риск утраты финансовой гибкости и риск роста издержек «высокого долга» действуют «снизу», блокируя принятие инвестиционных решений даже при положительной чистой приведённой стоимости проектов. Стратегический риск выступает интегрирующим фактором, аккумулирующим последствия неадекватного управления всеми остальными видами рисков. Данная взаимосвязь подтверждается эмпирически: рост показателя левериджа относительно долгосрочного долга сверх его безопасного уровня на 1% снижает инвестиции на 1–2%, что свидетельствует о наличии нелинейной зависимости между структурой капитала и инвестиционной активностью.

Во-вторых, количественная оценка финансовых рисков в целях стратегического планирования требует применения комплекса методов, а не отдельного инструмента. Коэффициентный анализ (автономии, текущей ликвидности, финансовой устойчивости) обеспечивает оперативную диагностику текущего риск-профиля, однако не позволяет оценить вероятностные характеристики будущих состояний. Value-at-Risk (VaR) и Expected Shortfall (ES) дают количественную оценку потенциальных потерь на заданном горизонте планирования. Стресс-тестирование выявляет критические комбинации факторов, при которых величина экономического капитала становится недостаточной. Сценарный анализ, в отличие от стресс-тестирования, рассматривает не только негативные, но и нейтральные и позитивные сценарии, что делает его более универсальным инструментом стратегического планирования. Имитационное моделирование методом Монте-Карло позволяет генерировать распределение возможных исходов и оценивать вероятность достижения целевых финансовых показателей с учётом корреляций между рисками.

В-третьих, интеграция риск-ориентированного подхода в стратегическое планирование требует институциональных изменений, а не только методических. Традиционная последовательность «стратегия – затем риск-менеджмент» должна быть заменена итеративным процессом, в котором риск-профиль формируется одновременно с целевыми параметрами роста. Методологически это означает необходимость встраивания процедур оценки рисков непосредственно в алгоритм разработки финансовой стратегии. Примером такого подхода является декомпозиционная модель, объединяющая модель устойчивого роста Хиггинса, модель DuPont и систему критериев оценки финансовых рисков (эффективность финансовой деятельности, риск ликвидности, финансовая устойчивость, риск дивидендной политики). Данная модель оперирует семью ключевыми переменными: сбалансированный темп роста объёма продаж, рентабельность собственного капитала, коэффициент капитализации прибыли, рентабельность активов, чистая рентабельность продаж, оборачиваемость активов и соотношение собственного и заёмного капитала. Существенно, что модель работоспособна в условиях кризиса, когда приоритет отдаётся не только росту объёма продаж, но и сохранению финансовой устойчивости.

В-четвёртых, эмпирические данные свидетельствуют о том, что стратегические риски представляют собой наиболее значимый источник потери стоимости, при этом они остаются наименее управляемыми в рамках традиционных систем риск-менеджмента. Это объясняется сложностью их количественной оценки: отсутствием релевантных исторических данных, несовместимостью с существующими моделями финансового планирования, необходимостью агрегирования экспертных суждений. Предложенный в научной литературе подход, включающий построение графа взаимосвязей между мерами по снижению рисков и драйверами финансовой модели, преобразование этого графа в вероятностную модель и последующее имитационное моделирование, позволяет оценить вероятность достижения целевой

прибыли с учётом портфеля мер по снижению рисков. Однако такие методики пока не получили широкого распространения в практике корпоративного финансового управления.

Таким образом, риск-ориентированная стратегия финансового роста предполагает не максимизацию темпов роста при заданном уровне риска и не минимизацию риска при заданном темпе роста, а сознательный выбор такой конфигурации параметров роста, структуры капитала и инвестиционной программы, при которой достигается устойчивое увеличение стоимости бизнеса в рамках принятого риск-профиля. Это требует применения комплекса количественных методов оценки рисков и институциональной интеграции риск-менеджмента в процедуру стратегического планирования, что представляет собой актуальную задачу как для экономической науки, так и для управленческой практики.

Список литературы

1. Крицкий В.И. Риск-ориентированный подход к государственному контролю за налогообложением прибыли организаций на основе метода Дельфи / В.И. Крицкий // Экономика. Налоги. Право. – 2023. – Т. 16, №2. – С. 137–150. – DOI 10.26794/1999-849X-2023-16-2-137-150. EDN GSSNQG
2. Полякова М.А. Экономика управления финансовыми и налоговыми рисками / М.А. Полякова, А.В. Носов // Экономика. Налоги. Право. – 2023. – Т. 16, №4. – С. 146–157. – DOI 10.26794/1999-849X-2023-16-4-146-157. EDN ANOTTB
3. Ahsan T. How to deal with customer and supplier concentration to attain sustainable financial growth? The role of business strategy / T. Ahsan, S. S. Mirza, et al. // Business Strategy and the Environment. – 2023. – Vol. 32. – P. 4600–4619. DOI 10.1002/bse.3383. EDN GSURIN
4. Clark, T. ESG factors in financial strategy: Reducing risks and building resilience / T. Clark // Journal of Sustainable Finance and Investment. – 2023. – Vol. 12, no. 1.
5. Risk-oriented strategic management accounting in Ukraine / O. Fomina, S. Semenova, O. Moshkovska, V. Yevdoshchak, Y. Manachynska // Business: Theory and Practice. – 2023. – Vol. 24, no. 2. – P. 533–543. – DOI 10.3846/btp.2023.18951. EDN SSTFVT
6. Jalilvand A. Triangulating Risk Profile and Risk Assessment: A Case Study of Implementing Enterprise Risk Management System / A. Jalilvand, S. Moorthy // Journal of Risk and Financial Management. – 2023. – Vol. 16, no. 11. – Art. 473. – DOI 10.3390/jrfm16110473. EDN KFVMUZ
7. Konga, Y. The Economics of Startup Business Finance: An Investigation Through the Lens of Financial Growth Cycle Theory / Y. Konga, R. Kasilingam // Semantic Scholar. – 2023.
8. Nkansah O.K. O. Thriving amid Uncertainty: How Enterprise Risk Management Shapes the Confluence of Business Strategy and Financial Performance of Micro, Small and Medium Enterprises in Ghana / O. K. O. Nkansah, H. A. Sofia // Proceedings of the 8th Global Conference on Business, Management, and Entrepreneurship (GCBME 2023). – 2024. – DOI 10.2991/978-94-6463-443-3_138.
9. Oyeyipo I. A Conceptual Framework for Transforming Corporate Finance Through Strategic Growth, Profitability, and Risk Optimization / I. Oyeyipo // International Journal of Advanced Multidisciplinary Research and Studies. – 2023. – Vol. 3, no. 5.
10. Stulz R.M. Risk, the Limits of Financial Risk Management, and Corporate Resilience / R.M. Stulz // NBER Working Paper No. 32882. – Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2024. – 226 p.

Чернявская Юлия Анатольевна

канд. экон. наук, доцент

Зайцева Елизавета Игоревна

магистрант

Липецкий филиал ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве РФ»

г. Липецк, Липецкая область

СТРАТЕГИЯ ФИНАНСОВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: в статье рассматривается проблема обеспечения устойчивого финансового роста предприятия в условиях современной экономической нестабильности. На основе анализа теоретических и методологических подходов уточняется содержание понятия «стратегия финансового роста» и ее роль в системе корпоративного управления. Выделяются ключевые внутренние и внешние факторы, определяющие выбор приоритетных направлений увеличения стоимости бизнеса и оптимизации структуры капитала. Обосновывается необходимость комплексного подхода к формированию финансовой стратегии, ориентированной на долгосрочное устойчивое развитие и повышение конкурентоспособности хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: финансовая стратегия, финансовый рост, стратегическое планирование, корпоративное управление, устойчивое развитие.

В современных условиях экономической нестабильности концепция устойчивого финансового роста приобретает стратегическое значение для деятельности компаний.

Теоретико-методологический фундамент стратегии финансового роста предприятия формировался в русле общей эволюции теории фирмы и корпоративных финансов, последовательно смещаясь от однокритериальных моделей максимизации прибыли к многофакторным концепциям сбалансированного развития.

Первоначально, в рамках классической экономической теории, в качестве базовой целевой функции фирмы рассматривалась максимизация прибыли; однако в дальнейшем данное утверждение было подвергнуто критике многими экономистами, поскольку оно не учитывало риски, фактор времени и стоимость источников финансирования, а также допускало неоднозначность трактовки самой категории прибыли в учетном и экономическом подходах. Вследствие этого, как отмечает в своём исследовании О. А. Романенко, акцент в теории роста компании закономерно сместился в сторону поиска баланса между доходностью и устойчивостью развития, что потребовало разработки специального финансового инструментария.

Значимым этапом в развитии методологии стало появление модели роста Р. Марриса, в которой фирма рассматривалась не столько как максимизатор прибыли, сколько как субъект, стремящийся к максимизации темпов роста. Согласно данной концепции, рост продаж и прибыль представляют собой конкурирующие цели, а основным катализатором расширения выступает внедрение новых продуктов и успешная диверсификация деятельности. Вместе с тем, как подчёркивается в ряде работ, модель Марриса содержит существенные ограничения, связанные со спросом, управленческими ресурсами и угрозой поглощения, что сужает возможности её практического применения.

Параллельно с этим нобелевский лауреат О. Уильямсон развивал идею о том, что менеджеры фирмы преследуют цели, альтернативные максимизации прибыли, будучи заинтересованными в статусе, власти и денежном вознаграждении, что также оказывает существенное влияние на выбор стратегических ориентиров развития предприятия.

Принципиально новый подход к управлению финансовым ростом был предложен в 1977 году Робертом Хиггинсом, обосновавшим модель финансового обеспечения устойчивого роста предприятия (A Model of Optimal Growth Strategy), которая позднее была развита Джеймсом Ван Хорном. Суть данной модели состоит в определении максимально возможного темпа роста продаж, который компания способна поддерживать без нарушения финансового равновесия и без привлечения дополнительных внешних источников финансирования. Иными словами, речь идёт о сбалансированном росте, при котором ключевые финансовые коэффициенты – рентабельность продаж, оборачиваемость активов, коэффициент реинвестирования прибыли и соотношение собственных и заёмных средств – сохраняются неизменными. Как показано в современных исследованиях, модель Хиггинса остаётся востребованным аналитическим инструментом, позволяющим менеджменту своевременно выявлять границы допустимого расширения бизнеса и предупреждать возникновение финансовой напряжённости.

Существенный вклад в развитие методологии стратегии финансового роста внёс российский экономист М. А. Лимитовский, который в работе «Устойчивый рост компании и эффекты левериджа» проанализировал типичные ошибки практического использования концепции устойчивого роста и модифицировал классические формулы с учётом эффектов операционного и инвестиционного левериджа. Предложенный им подход позволил более точно оценивать влияние структуры затрат и инвестиционных решений на достижимые темпы роста, что имеет принципиальное значение для предприятий капиталоемких отраслей. Кроме того, в научной литературе активно исследуется взаимосвязь устойчивого роста и эффекта финансового рычага: в частности, эмпирические расчёты, выполненные на материалах предприятий винодельческой отрасли, продемонстрировали, что для большинства хозяйствующих субъектов повышение финансового рычага сопровождается увеличением коэффициента устойчивого роста, однако лишь при условии значительного положительного дифференциала рычага. Данный вывод согласуется с положением о том, что наращивание обязательств может служить действенным инструментом ускорения роста лишь тогда, когда рентабельность активов устойчиво превышает стоимость привлекаемых заёмных источников.

Для систематизации понятийного аппарата исследуемой проблематики целесообразно представить ключевые категории в структурированном виде.

Таблица 1

Основные понятия и категории концепции финансового роста

Понятие	Определение	Источник
Стратегия финансового роста	Долгосрочная программа действий, направленная на расширение деятельности, повышение эффективности и деловой активности компании с учётом требований финансового равновесия	Романенко О. А.
Темп устойчивого роста (SGR)	Максимальный темп увеличения объёмов продаж, который компания способна поддерживать без привлечения дополнительных финансовых ресурсов и без изменения ключевых финансовых коэффициентов	Хиггинс Р. С., Ван Хорн Дж.
Сбалансированный рост	Состояние компании, при котором темпы роста продаж, активов, обязательств и собственного капитала согласованы между собой и не создают угрозы финансовой устойчивости	BCG, Маррис Р.
Финансовый леверидж	Соотношение заёмного и собственного капитала, воздействующее на рентабельность собственных средств и потенциал экономического роста предприятия	Лимитовский М.

Таким образом, теоретико-методологическая база стратегии финансового роста предприятия представляет собой синтез положений классической теории фирмы, моделей устойчивого роста и современных концепций управления стоимостью. При этом, как справедливо отмечается в научной литературе, использование нескольких аналитических моделей обеспечивает более полное и точное понимание финансового состояния компании и перспектив её развития, что особенно актуально в условиях нестабильной экономической конъюнктуры.

Переходя к рассмотрению ключевых факторов, определяющих выбор приоритетных направлений увеличения стоимости бизнеса и оптимизации структуры капитала, следует прежде всего отметить, что в современной экономической литературе утвердился подход, в соответствии с которым вся совокупность таких факторов подразделяется на внутренние и внешние. При этом, как справедливо подчёркивается в исследовании Л. Р. Адршиной, влияние той или иной группы факторов в равной степени зависит от отраслевой принадлежности предприятия, специфики его деятельности, а также избранной политики и стратегии компании, что не позволяет рассматривать их изолированно друг от друга.

Говоря о внутренних факторах, необходимо в первую очередь выделить те из них, которые непосредственно определяют способность предприятия генерировать денежный поток, поскольку, согласно концепции управления стоимостью, именно дисконтированный денежный поток выступает итоговым измерителем ценности бизнеса.

В этом контексте, как показано в работе А. В. Потапова, на денежный поток оказывают влияние такие внутренние параметры создания стоимости, как темп роста компании (её дохода и прибыли), рентабельность инвестированного капитала (ROIC), средневзвешенная стоимость капитала (WACC) и продолжительность периода устойчивого роста. Иными словами, менеджмент, стремясь к максимизации стоимости, должен одновременно обеспечивать и прибыльность, и рост при снижающемся значении WACC, что предполагает постоянный поиск компромисса между доходностью и риском.

Наряду с этим, существенное значение имеют и такие внутренние характеристики, как размер компании, структура активов (в частности, доля основных средств и материальных активов), текущая ликвидность, коэффициент автономии, а также уникальность активов, что подтверждается эмпирическими исследованиями на материале российских компаний.

Не менее важным внутренним фактором выступает структура собственности и качество корпоративного управления: как отмечает И. Ф. Иванов, на структуру капитала значимое влияние оказывают стадия жизненного цикла компании, наличие у неё высокой доли интеллектуального капитала и даже стандарт бухгалтерского учёта, что свидетельствует о многообразии внутренних детерминант, которые необходимо учитывать при формировании финансовой стратегии.

Что касается внешних факторов, то они, как правило, не поддаются прямому контролю со стороны менеджмента, однако их игнорирование способно свести на нет любые усилия по наращиванию стоимости. В числе важнейших внешних факторов следует назвать, прежде всего, макроэкономические условия: уровень инфляции, динамику процентных ставок, фазу экономического цикла, волатильность валютного курса и общую налоговую политику государства.

Так, с ростом инфляции возрастает и номинальная процентная ставка, что, с одной стороны, увеличивает налоговую выгоду от долгового финансирования, а с другой – повышает стоимость заёмных ресурсов и риски рефинансирования.

Кроме того, на формирование структуры капитала влияют уровень развития фондового рынка и банковского сектора, а также инвестиционный климат в стране, что особенно ощутимо в условиях финансовой турбулентности, когда классические детерминанты структуры капитала претерпевают существенные изменения под воздействием макроэкономических шоков.

Нельзя обойти вниманием и институциональные характеристики, свойственные российской корпоративной среде, – в частности, непрозрачность экономических отношений и

монополистический характер экономики, которые, как показано в исследовании И. Ф. Иванова, также оказывают значимое воздействие на выбор источников финансирования.

Наконец, к внешним факторам относится и уровень конкурентоспособности фирмы, оцениваемый, в частности, через индекс Херфиндала – Хиршмана и коэффициент Тобина, что позволяет учесть рыночную позицию компании при принятии решений о структуре капитала.

Для систематизации рассмотренных категорий целесообразно представить их в структурированной таблице (табл. 2).

Таблица 2

Классификация факторов, определяющих выбор приоритетных направлений увеличения стоимости бизнеса и оптимизации структуры капитала

Группа факторов	Ключевые элементы	Характер влияния на стоимость и структуру капитала
Внутренние факторы	Темп роста продаж и прибыли; рентабельность инвестированного капитала (ROIC); средневзвешенная стоимость капитала (WACC); период устойчивого роста; размер компании; структура активов; ликвидность; коэффициент автономии; структура собственности; стадия жизненного цикла	Определяют способность генерировать денежный поток и внутренние возможности финансирования; непосредственно управляемы менеджментом
Внешние факторы	Уровень инфляции; динамика процентных ставок; фаза экономического цикла; волатильность валютного курса; налоговая политика; развитие фондового рынка и банковского сектора; инвестиционный климат; институциональная среда; конкурентоспособность	Формируют стоимость заёмных ресурсов и доступность внешнего финансирования; ограниченно управляемы, требуют адаптации стратегии

Обоснование необходимости комплексного подхода к формированию финансовой стратегии, ориентированной на долгосрочное устойчивое развитие и повышение конкурентоспособности хозяйствующего субъекта, вытекает прежде всего из самой природы финансовой стратегии как многоаспектной категории, которая не сводится ни к максимизации прибыли, ни к ускорению темпов роста, ни к оптимизации структуры капитала в отдельности. Как показывает анализ теоретических и методологических основ, изолированное принятие решений в одной из подсистем финансового управления – инвестиционной, кредитной, дивидендной или риск-менеджменте – неизбежно порождает диспропорции, способные в краткосрочной перспективе дать положительный эффект, но в долгосрочном периоде подорвать финансовую устойчивость предприятия.

В частности, форсирование роста за счёт наращивания заёмного финансирования может привести к превышению допустимого уровня финансового рычага и, как следствие, к росту стоимости капитала и вероятности дефолта, тогда как чрезмерная осторожность в привлечении внешних ресурсов, напротив, ведёт к упущенным возможностям и потере конкурентных позиций. Следовательно, только комплексный подход, объединяющий все элементы финансовой политики в единую систему, позволяет обеспечить сбалансированность целей роста, доходности, ликвидности и риска.

Наряду с этим необходимость комплексного подхода обусловлена взаимозависимостью внутренних и внешних факторов, определяющих выбор приоритетных направлений увеличения стоимости бизнеса и оптимизации структуры капитала.

Внутренние факторы, такие как рентабельность инвестированного капитала, темпы роста, структура активов и качество корпоративного управления, находятся в зоне прямого воздействия менеджмента, однако их регулирование неизбежно наталкивается на ограничения, задаваемые внешней средой – инфляцией, процентными ставками, налоговой политикой, уровнем развития финансового рынка и институциональными особенностями.

Игнорирование хотя бы одной из этих групп приводит к тому, что стратегия утрачивает реалистичность: либо она оказывается слишком оптимистичной и необеспеченной ресурсами, либо, напротив, излишне консервативной и не использующей имеющийся потенциал. Именно поэтому комплексный подход предполагает не механическое суммирование отдельных мероприятий, а их согласование по срокам, источникам финансирования и целевым показателям, что в конечном счёте и формирует предпосылки для долгосрочного устойчивого развития.

Кроме того, ориентация на повышение конкурентоспособности хозяйствующего субъекта требует учёта того обстоятельства, что конкурентоспособность в современной экономике определяется не только текущими финансовыми результатами, но и способностью предприятия поддерживать финансовую гибкость, своевременно привлекать капитал на приемлемых условиях и инвестировать в инновационное развитие.

Комплексная финансовая стратегия, таким образом, выступает связующим звеном между операционной эффективностью и стратегическими целями бизнеса, позволяя менеджменту выбирать оптимальные пропорции между самофинансированием и внешними заимствованиями, между краткосрочной доходностью и долгосрочным ростом стоимости. В условиях нестабильной экономической конъюнктуры именно такой подход обеспечивает предприятию устойчивость к шокам и одновременно создаёт основу для укрепления его рыночных позиций.

Подводя общие итоги, можно сформулировать следующие выводы. Прежде всего, стратегия финансового роста предприятия представляет собой сложную, многофакторную категорию, теоретико-методологическую основу которой образует синтез классической теории фирмы, моделей устойчивого роста Р. Хиггинса и Дж. Ван Хорна, а также современных концепций управления стоимостью и структуры капитала. Далее, выбор приоритетных направлений увеличения стоимости бизнеса и оптимизации структуры капитала детерминирован совместным действием внутренних и внешних факторов, причём внутренние факторы являются преимущественно управляемыми, тогда как внешние задают границы и ограничения, требующие адаптивной реакции со стороны менеджмента.

Наряду с этим, комплексный подход к формированию финансовой стратегии выступает не просто желательным, а необходимым условием долгосрочного устойчивого развития, поскольку только он позволяет согласовать разнонаправленные цели роста, доходности, ликвидности и риска. Наконец, повышение конкурентоспособности хозяйствующего субъекта в современных условиях достигается лишь тогда, когда финансовая стратегия носит проактивный характер, опирается на системную диагностику и обеспечивает финансовое равновесие при допустимом уровне риска.

Следовательно, разработка и реализация научно обоснованной комплексной финансовой стратегии представляют собой ключевой инструмент достижения устойчивого роста и увеличения стоимости бизнеса в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Бисекеев Р.С. Анализ капитала компании и оценка факторов, влияющих на создание оптимальной структуры капитала / Р.С. Бисекеев // Бизнес и общество. – 2023. – №1 (37). – URL: http://businessociety.ru/2023/1-37/35_bisekeev.pdf (дата обращения: 12.09.2026).
2. Векшина А.А. О проблеме формирования оптимального соотношения собственных и заемных средств компании в современных экономических реалиях / А.А. Векшина // Экономика и управление. – 2024. – Т. 30, №10. – С. 1245–1253. – DOI: 10.35854/1998-1627-2024-10-1245-1253. – EDN: BNIGIM.
3. Габдрашитова Г.И. Модель управления устойчивым экономическим ростом предприятия нефтегазовой промышленности / Г.И. Габдрашитова // Master's Journal. – 2022. – №1. – С. 66–78.
4. Долгих Ю.А. Оптимизация структуры капитала корпорации / Ю.А. Долгих // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 12. – С. 45–52.
5. Иванов В.В. Новый взгляд на финансовую устойчивость предприятий: вызовы и решения для Российской Федерации / В.В. Иванов, Н.А. Львова // Финансы. – 2021. – №8. – С. 41–47. – EDN SYWMCC

6. Кашапов И.Н. Влияние качества корпоративного управления на стоимость публичной компании. Часть 2 / И.Н. Кашапов // Горизонты экономики. – 2024. – № 3 (83). – С. 228–239. – EDN TGBQWJ
7. Лукасевич И.Я. Финансовый менеджмент: учебник и практикум для вузов / И.Я. Лукасевич. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 680 с.
8. Львова Н.А. Управление финансовой устойчивостью корпорации с применением модели устойчивого роста бизнеса / Н.А. Львова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2024. – №6. – С. 171–179. – DOI: 10.37493/2307–907X.2024.6.17. – EDN: LAJFIX.
9. Макарова В.А. Управление стоимостью промышленных предприятий: учебное пособие / В.А. Макарова, А.А. Крылов. – М.: Инфра-М, 2024. – 188 с.
10. Назаренко О.В. Модели устойчивого роста в управлении компаниями / О.В. Назаренко, Д.З. Гасайниев // Управленческий учёт. – 2024. – №8. – С. 112–121. – EDN VIIAI
11. Назаров А.Г. Российские промышленные предприятия в современной экономике: актуальные вопросы оптимизации финансово-инвестиционных стратегий: монография / А.Г. Назаров. – М.: КноРус, 2024. – 169 с.
12. Пузов Е.Н. Стратегическое управление стоимостью компании: учебное пособие для вузов / Е.Н. Пузов. – М.: Юрайт, 2023. – 256 с. – EDN YBUJWV
13. Спиридонова Е.А. Оценка и управление стоимостью бизнеса: учебник и практикум для вузов / Е.А. Спиридонова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 257 с. – EDN DQCJIM
14. Чараева М.В. Финансово-инвестиционная стратегия российских промышленных предприятий: от формирования до реализации: монография / М.В. Чараева, Е.О. Кирьянов. – М.: Русайнс, 2024. – 181 с.
15. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 12.09.2026).

Чернявская Юлия Анатольевна

канд. экон. наук, доцент

Колесникова Елизавета Михайловна

магистрант

Липецкий филиал ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве РФ»
г. Липецк, Липецкая область

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДОХОДОВ БЮДЖЕТОВ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты прогнозирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в современных условиях. Актуальность исследования обусловлена нарастающей волатильностью внешнеэкономической конъюнктуры, структурной перестройкой доходной базы бюджетов и необходимостью повышения точности прогнозных расчётов. Целью работы является систематизация методов и инструментов прогнозирования доходов бюджетов, выявление ключевых проблем в данной сфере и обоснование перспективных направлений совершенствования прогнозной аналитики. Методологическую основу составляют системный, институциональный и сравнительный подходы, методы анализа нормативно-правовой базы, статистических данных и экспертных оценок. В работе выделены такие особенности современного этапа, как перевод процедур согласования методик прогнозирования в электронный формат, расширение горизонта бюджетного прогнозирования, интеграция методов машинного обучения и нейросетевых моделей в практику прогнозных расчётов. Обосновывается, что ключевыми проблемами остаются значительные отклонения фактических доходов от прогнозных показателей, недостаточная координация методик прогнозирования между главными администраторами доходов и ограниченная точность прогнозов нефтегазовых поступлений.

Ключевые слова: прогнозирование доходов, бюджетная система, доходы бюджета, нефтегазовые доходы, методика прогнозирования, машинное обучение, «Электронный бюджет», точность прогноза, главные администраторы доходов, бюджетный прогноз.

Прогнозирование доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации представляет собой одну из фундаментальных функций государственного управления, от качества реализации которой непосредственно зависит устойчивость всей бюджетной системы, обоснованность бюджетных проектировок и способность государства своевременно и в полном объёме выполнять принятые обязательства. В условиях высокой волатильности внешне-экономической конъюнктуры, структурной перестройки доходной базы бюджетов и ужесточения денежно-кредитной политики требования к точности и обоснованности прогнозных расчётов существенно возрастают, что делает тему настоящего исследования исключительно актуальной.

Современный этап развития системы прогнозирования доходов бюджетов в Российской Федерации характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, наблюдается очевидный прогресс в цифровизации прогнозных процедур и расширении методологического инструментария, с другой – сохраняются значительные отклонения фактических доходов от прогнозных показателей, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования методологии. Так, по итогам проверки исполнения федерального бюджета за 2025 год Счётная палата Российской Федерации отметила существенные отклонения (более 15%) от прогноза по отдельным видам доходов: прогноз доходов от возврата остатков субсидий прошлых лет не выполнен на 54,6%, при этом поступления от возврата остатков межбюджетных трансфертов перевыполнены в 45,2 раза. Такие данные подтверждают актуальность исследования проблем точности прогнозирования.

Целью настоящей работы является систематизация методов и инструментов прогнозирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, выявление ключевых проблем в данной сфере и обоснование перспективных направлений совершенствования прогнозной аналитики. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализ нормативных и институциональных основ прогнозирования доходов; характеристика современных методов и инструментов прогнозирования; оценка проблем точности прогнозных расчётов; формулирование практических рекомендаций.

Методологическую основу исследования составляют системный, институциональный и сравнительный подходы, методы анализа нормативно-правовых актов, статистических данных и экспертных оценок. Информационную базу образуют положения Бюджетного кодекса Российской Федерации, приказы Министерства финансов Российской Федерации, аналитические материалы Счётной палаты Российской Федерации, а также публикации научных изданий по проблемам государственных финансов.

Нормативную основу прогнозирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации образует совокупность федеральных законов и подзаконных актов. Базовым документом выступает Бюджетный кодекс Российской Федерации, устанавливающий общие принципы бюджетного планирования и прогнозирования доходов. Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» определяет систему стратегических документов, включающую прогноз социально-экономического развития и бюджетный прогноз на долгосрочный период.

Принципиальное значение для развития институциональных основ прогнозирования доходов имело принятие приказа Минфина России от 09.06.2025 №69н, которым утверждён порядок разработки и утверждения главными администраторами доходов федерального бюджета методик прогнозирования поступлений доходов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации с использованием государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет». Данный документ, зарегистрированный в Минюсте России 07.10.2025 (рег. №83772), установил единые требования к методам прогнозирования, включая прямой расчёт, усреднение (в том числе с

применением скользящей средней), индексацию, экстраполяцию и иные способы. Методика прогнозирования разрабатывается и утверждается главными администраторами доходов в информационной системе в форме электронного реестра, что обеспечивает прозрачность и верифицируемость прогнозных расчётов.

Важным этапом в развитии институциональной среды стало принятие Федерального закона от 24.06.2025 №158-ФЗ, которым Бюджетный кодекс Российской Федерации был дополнен главой об использовании системы «Электронный бюджет». Кроме того, в 2025 году был полностью переведён в ГИИС «Электронный бюджет» процесс согласования и утверждения методик прогнозирования поступлений доходов, разработанных главными администраторами доходов федерального бюджета. С июля 2026 года вся процедура согласования осуществляется исключительно в электронном формате по тем кодам бюджетной классификации, по которым требуется внесение изменений, а информация о закреплении автоматически попадает в иные сегменты системы. Это позволяет завершить процесс ухода от сложных и длительных процедур закрепления полномочий по администрированию доходов.

Дополнительным элементом нормативной базы выступают методические рекомендации, направленные территориальным органам федеральных органов государственной власти по вопросу разработки методик прогнозирования поступлений доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на базе методик прогнозирования федеральных органов государственной власти, но с обеспечением учёта региональных особенностей (письмо Минфина России от 01.09.2025 №23-06-07/85239).

Таким образом, институциональная среда прогнозирования доходов бюджетов претерпевает существенные изменения, связанные с расширением нормативного регулирования цифровых инструментов, унификацией требований к методикам прогнозирования и усилением требований к прозрачности прогнозных расчётов.

Анализ современной практики прогнозирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации позволяет выделить ряд ключевых особенностей, определяющих развитие инструментария в рассматриваемой сфере. Сопоставительная характеристика этих особенностей, а также связанных с ними проблем и перспектив представлена в таблице 1.

Таблица 1

Особенности прогнозирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации: характеристика, проблемы и перспективы

Особенность	Содержательная характеристика	Ключевые проблемы	Перспективы развития
Унификация требований к методикам прогнозирования	Приказ Минфина России №69н от 09.06.2025 установил единые методы прогнозирования: прямой расчёт, усреднение, индексация, экстраполяция	Несоответствие методик отдельных главных администраторов общим требованиям; редакционные недостатки в описании показателей	Дальнейшая стандартизация методик; автоматизация контроля соответствия
Цифровизация прогнозных процедур	Перевод согласования методик прогнозирования в ГИИС «Электронный бюджет»; с июля 2026 г. – исключительно электронный формат	Необходимость обеспечения полноценной работы всех администраторов доходов в системе	Расширение аналитических возможностей системы; интеграция модулей предиктивной аналитики

Особенность	Содержательная характеристика	Ключевые проблемы	Перспективы развития
Дифференциация прогнозирования нефтегазовых и ненефтегазовых доходов	Нефтегазовые доходы прогнозируются на основе цен на нефть и курса доллара; ненефтегазовые – на основе макроэкономических параметров	Систематическое занижение доходов бюджета в прогнозах (в среднем на 2% ВВП за 20 лет); высокая волатильность нефтегазовых поступлений	Совершенствование моделей прогнозирования цен на энергоносители; учёт структурных сдвигов в экономике
Интеграция методов машинного обучения	Апробация регрессионных моделей (Random Forest, Gradient Boosting, XGBoost), нейросетевых моделей (LSTM, KAN) для прогнозирования налоговых доходов	Ограниченное внедрение в практику государственных финансовых институтов; необходимость верификации результатов	Разработка типовых методик; создание цифровой экосистемы прогнозирования доходов федерального бюджета
Удлинение горизонта бюджетного прогнозирования	Утверждение Бюджетного прогноза РФ до 2042 года (распоряжение Правительства РФ от 11.12.2025 №3702-р); рост доходов федерального бюджета в среднем на 2,1% в год	Сохранение дефицита на всём горизонте; рост расходов опережает рост доходов	Расширение сценарного анализа; стресс-тестирование бюджетных параметров
Расширение практик инициативного бюджетирования	В 2025 г. реализовано 31 812 проектов на 67,7 млрд руб. (+12,6% к 2024 г.); охват – 84 субъекта РФ	Неравномерность развития практик по регионам; ограниченность внебюджетного софинансирования (7,95%)	Распространение успешных практик; увеличение доли в расходах местных бюджетов

Приведённые данные свидетельствуют о том, что современная система прогнозирования доходов бюджетов развивается в условиях противоречивого воздействия разнонаправленных факторов. С одной стороны, наблюдается очевидный прогресс в цифровизации прогнозных процедур, унификации требований к методикам и расширении методологического инструментария. С другой – сохраняются системные проблемы, связанные с точностью прогнозных расчётов и интеграцией современных аналитических методов в практику государственного управления.

Проведённый анализ позволяет выделить несколько ключевых проблем, препятствующих повышению качества прогнозирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Одной из первостепенных проблем являются значительные отклонения фактических доходов от прогнозных показателей. По данным Счётной палаты Российской Федерации, в 2025 году доходы, администрируемые Минфином России, составили 1,2 трлн рублей, что на 36% больше прогноза. При этом проверка выявила значительные отклонения (более 15%) от прогноза по отдельным видам доходов: прогноз доходов от возврата остатков субсидий прошлых лет не выполнен на 54,6%, при этом поступления от возврата остатков межбюджетных трансфертов перевыполнены в 45,2 раза. По мнению Счётной палаты, такие существенные отклонения свидетельствуют о необходимости повышения качества прогнозирования доходов бюджета.

Вторая проблема – несоответствие методик прогнозирования отдельных главных администраторов доходов общим требованиям. Счётная палата отметила несоответствие методик

прогнозирования доходов отдельных главных администраторов, рассмотренных Минфином России, общим требованиям, установленным Правительством Российской Федерации. Как отмечается в материалах проверки, в отношении методик прогнозирования главных администраторов доходов преимущественно отмечаются редакционные недостатки в части точности и подробности описания показателей, однако данные недостатки не оказывают существенного влияния на качество прогнозирования.

Значительную роль также играет систематическое занижение доходов бюджета в прогнозах. Исследования показывают, что положительная средняя арифметическая ошибка прогнозов свидетельствует о систематических занижениях доходов бюджета (в среднем на 2% ВВП за 20 лет). При этом установлено отсутствие значимого влияния федеральных электоральных циклов и слабое влияние идеологического состава парламента на систематическое занижение доходов федерального бюджета. Данная тенденция имеет двойственный характер: с одной стороны, консервативный прогноз создаёт «подушку безопасности», с другой – снижает обоснованность бюджетных проектировок и может приводить к неоптимальному распределению ресурсов.

Еще одним знаковым фактором, оказывающим негативное влияние, является высокая волатильность нефтегазовых доходов. За девять месяцев 2025 года нефтегазовые доходы российского бюджета снизились на 20% по сравнению с прошлым годом, составив 6,6 трлн рублей. В рамках базового варианта Бюджетного прогноза к 2031 году ожидается стабилизация цен нефти для расчёта нефтегазовых доходов на уровне 69 долларов США за баррель, при этом в связи с растущим курсом доллара цена нефти в рублях сохранит тенденцию к росту. Однако сохранение высокой зависимости доходов бюджета от нефтегазовой конъюнктуры делает прогнозные расчёты уязвимыми к внешним шокам.

Также оказывает влияние ограниченное внедрение современных аналитических методов. Несмотря на то, что современные разработки в области машинного обучения и нейросетевого подхода уже дают более качественные прогнозы в сравнении с классическими статистическими методами, их внедрение в практику государственных финансовых институтов остаётся ограниченным. Текущая методология, хотя и даёт неплохие результаты, требует значительных ресурсов, что обусловлено необходимостью прогнозирования множества дополнительных макроэкономических показателей и привлечением широкого круга экспертов для формирования окончательных оценок.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Институциональная среда прогнозирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации претерпевает существенные изменения, связанные с унификацией требований к методикам прогнозирования (приказ Минфина России №69н от 09.06.2025) и цифровизацией прогнозных процедур посредством перевода согласования методик в ГИИС «Электронный бюджет». Данные новации создают основу для повышения прозрачности и верифицируемости прогнозных расчётов.

2. Ключевой проблемой остаётся точность прогнозирования доходов: по итогам 2025 года Счётная палата выявила значительные отклонения (более 15%) от прогноза по отдельным видам доходов, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования методологии. При этом сохраняется тенденция к систематическому занижению доходов бюджета в прогнозах (в среднем на 2% ВВП за 20 лет).

3. Высокая волатильность нефтегазовых доходов, снизившихся за девять месяцев 2025 года на 20% по сравнению с предыдущим годом, делает прогнозные расчёты уязвимыми к внешним шокам и обуславливает необходимость развития методов прогнозирования цен на энергоносители с учётом структурных сдвигов в экономике.

4. Перспективным направлением совершенствования прогнозной аналитики является интеграция классических эконометрических моделей с методами машинного обучения. Апробация регрессионных моделей (Random Forest, Gradient Boosting, XGBoost) и нейросетевых моделей (LSTM, KAN) для прогнозирования налоговых доходов демонстрирует их потенциал, однако широкое внедрение в практику государственных финансовых институтов остаётся ограниченным.

5. Расширение практик инициативного бюджетирования (31 812 проектов на 67,7 млрд рублей в 2025 году) создаёт дополнительные возможности для повышения обоснованности прогнозов доходов местных бюджетов за счёт учёта внебюджетного софинансирования (7,95% от общей стоимости проектов).

С учётом выявленных проблем и перспектив представляется возможным сформулировать комплекс рекомендаций по совершенствованию прогнозирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Целесообразно обеспечить дальнейшее развитие методологии прогнозирования доходов на основе интеграции классических эконометрических моделей с методами машинного обучения. Использование регрессионных моделей и нейросетевых алгоритмов для прогнозирования налоговых поступлений позволяет повысить точность прогнозов за счёт учёта нелинейных зависимостей между макроэкономическими параметрами. Для практического внедрения таких моделей необходимо создание типовых методик и их включение в регламенты бюджетного планирования.

Требуется усиление контроля за соответствием методик прогнозирования главных администраторов доходов общим требованиям, установленным Правительством Российской Федерации. Целесообразно внедрить автоматизированные процедуры проверки методик на соответствие установленным требованиям в рамках ГИИС «Электронный бюджет», что позволит оперативно выявлять и устранять недостатки.

Необходимо продолжить развитие функциональности системы «Электронный бюджет» в направлении расширения аналитических возможностей и внедрения инструментов предиктивной аналитики. Интеграция в систему модулей прогнозирования доходов и инструментов сценарного моделирования позволит органам власти оперативно оценивать последствия принимаемых решений. Перспективным направлением является создание цифровой экосистемы прогнозирования доходов федерального бюджета, объединяющей классические статистические модели с передовыми алгоритмами машинного обучения.

Целесообразно разработать и утвердить единые стандарты качества прогнозных расчётов, которые определяют требования к точности, обоснованности и верифицируемости прогнозов доходов бюджетов. Стандарты должны предусматривать регулярную оценку качества прогнозов, анализ причин отклонений фактических доходов от прогнозных показателей и разработку корректирующих мер.

Представляется перспективным дальнейшее расширение практик инициативного бюджетирования с обеспечением методической поддержки муниципалитетов и созданием механизмов обмена лучшими практиками. Учёт внебюджетного софинансирования при прогнозировании доходов местных бюджетов позволит повысить обоснованность прогнозных расчётов. В условиях сохраняющейся макроэкономической неопределённости необходимо предусмотреть в системе прогнозирования доходов механизмы адаптации к возможным шокам, включая стресс-тестирование бюджетных параметров и разработку сценариев реагирования на изменение ключевых макроэкономических условий.

Реализация предложенных мер позволит повысить точность и обоснованность прогнозов доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, укрепить устойчивость бюджетной системы и создать условия для более эффективного использования ограниченных государственных ресурсов в интересах достижения приоритетных целей национального развития.

Список литературы

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 №145-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – №31. – Ст. 3823.
2. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – №26 (ч. I). – Ст. 3378.
3. Об утверждении Порядка разработки и утверждения главными администраторами доходов федерального бюджета с использованием государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет» методики прогнозирования поступлений доходов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации: приказ Минфина России от 09.06.2025 №69н (зарегистрировано в Минюсте России 07.10.2025, рег. №83772) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

4. О направлении методических рекомендаций по вопросу разработки территориальными органами федеральных органов государственной власти методик прогнозирования поступлений доходов бюджетов бюджетной системы РФ на базе методик прогнозирования федеральных органов государственной власти, но с обеспечением учёта региональных особенностей: письмо Минфина России от 01.09.2025 №23–06–07/85239 // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

5. Об утверждении Бюджетного прогноза Российской Федерации на период до 2042 года: распоряжение Правительства РФ от 11.12.2025 №3702-р // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/413263809/> (дата обращения: 10.09.2026).

6. Заключение Счётной палаты Российской Федерации на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // Счётная палата Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://ach.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

7. Лебединская Е.В. Снижение зависимости от нефтегазовых доходов повысило устойчивость федерального бюджета: интервью директора Департамента доходов Минфина России Е.В. Лебединской // Российская газета. – 2026. – 4 февраля. – URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 10.09.2026).

8. Ткачева Н.Ю. Прогнозирование доходов регионального бюджета на основе макроэкономических параметров методами машинного обучения / Н.Ю. Ткачева // Финансовые рынки и банки. – 2025. – №9. – С. 112–119. – EDN KNLIVJ

9. Некрасова М.А. Прогнозирование налоговых доходов бюджета Российской Федерации: выпускная квалификационная работа / М.А. Некрасова; науч. рук. Н. Пилник; НИУ ВШЭ. – М., 2025. – URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/1045036628> (дата обращения: 10.09.2026).

10. Минфин подвел предварительные итоги 2025 года по инициативному бюджетированию // Бюджет. – URL: <https://bujet.ru/article/522205.php> (дата обращения: 10.09.2026).

Яковлева Влада Николаевна
студентка

Архипова Валентина Алексеевна
канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА МИРОВОМ УРОВНЕ

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу ключевых социально-экономических процессов, определяющих развитие современного общества на глобальном уровне. В работе исследованы тенденции экономического роста, динамика цифровизации, а также проблемы углубления имущественного и цифрового неравенства. Особое внимание уделено противоречивому влиянию технологического прогресса на социальную стабильность. Выявлены современные вызовы, связанные с внедрением искусственного интеллекта, и предложены направления для формирования инклюзивной социально-экономической политики.

Ключевые слова: социально-экономические процессы, цифровизация, глобальное неравенство, цифровой разрыв, экономический рост, устойчивое развитие, искусственный интеллект.

Социально-экономические процессы представляют собой совокупность процессов создания и функционирования социально-экономической системы, характеризующих динамику изменения ее параметров [1]. В современном обществе эти процессы претерпевают фундаментальную трансформацию, обусловленную наложением нескольких важных факторов, таких как технической революции, демографические и климатические изменения.

На современном этапе развития общества наблюдаются разнонаправленные тенденции. С одной стороны, происходит ускоренная цифровая трансформация, которая дает возможности для экономического роста и повышения качества жизни. С другой стороны, происходит углубление имущественного расслоения как между странами, так и внутри них.

Важно подчеркнуть, что социально-экономические процессы не сводятся исключительно с количественными изменениями. Они включают трансформацию общественных отношений, институтов, норм и ценностей.

Согласно флагманскому докладу ООН «Мировое экономическое положение и перспективы» (WESP 2026), глобальный экономический рост в 2026 году прогнозируется на уровне 2,7% (рис. 1), что ниже предыдущих значений [2]. За общими цифрами скрывается глубокая дифференциация по странам и регионам мира.

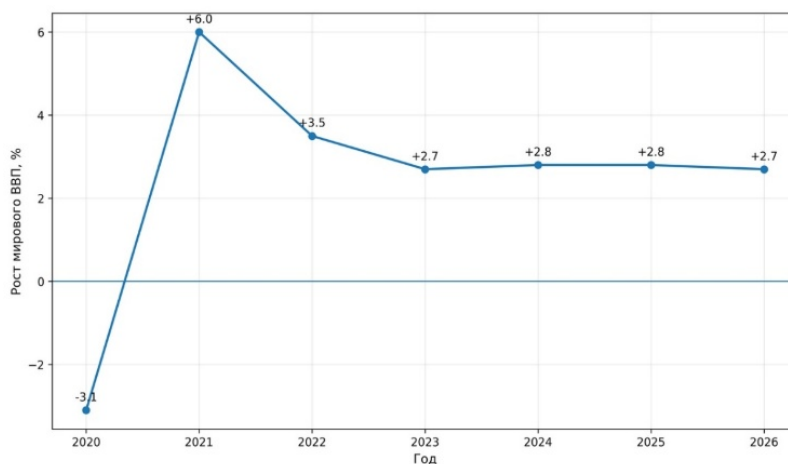

Рис. 1. Динамика глобального экономического роста в 2020–2026 гг., %

В 2026 году рост экономики США прогнозируется на уровне 2,0%, Европейского Союза – 1,3%, Японии – 0,9%. В то время Индия демонстрирует рост в 6,6%, Китай – 4,6%, страны Африки – 4,0% [2].

Наиболее тревожной тенденцией социально-экономического развития современного общества стало углубление имущественного неравенства. Согласно «Глобальному отчету о благосостоянии – 2026», личное благосостояние в мире выросло на 10,8%. Число долларовых миллионеров увеличилось почти на один миллион – более чем на 2 600 человек в день, причем почти половина новых миллионеров пришлась на США [3]. Однако этот рост распределен крайне неравномерно. По данным UBS, число миллиардеров выросло на 13,1% – до рекордных 3 302 человек, а их совокупные активы увеличились на 25% за год до апреля 2026 год, значительно опередив общий рост мирового благосостояния.

Цифровизация стала одним из наиболее мощных факторов, определяющих социально-экономические процессы. В таблице 1 представлены основные показатели развития цифровой экономики. Согласно отчету Digital 2026, глобальное число интернет-пользователей превысило 6 миллиардов человек, а доля подключенного населения превысила 73%. Однако более 2 миллиардов человек по-прежнему остаются офлайн, преимущественно в странах Южной Азии и Африки [4].

Таблица 1

Ключевые показатели глобального цифрового разрыва в 2026 году

Показатель	Значение
Доля пользователей интернета в мире	73,8%
Численность людей, не имеющих доступа к интернету	2,2 млрд. чел
Доля пользователей в странах с высоким доходом	93%
Доля пользователей в странах с низким доходом	23%
Доля городских жителей, использующих интернет	85%
Доля сельских жителей, использующих интернет	58%

Цифровой разрыв имеет несколько измерений. Помимо доступа к инфраструктуре, существуют различия в качестве соединения и цифровых навыках. Как отмечается в исследовании Всемирного банка, стоимость смартфонов, компьютеров и тарифов на данные остается серьезным барьером: в странах с высоким доходом смартфоны есть у в четыре раза большего числа людей, чем в странах с низким доходом.

Особую озабоченность вызывает влияние социальных сетей на социально – экономические процессы и благополучие. Согласно «Всемирному докладу о счастье – 2026», чрезмерное использование социальных сетей связано с резким снижением благополучия молодежи, особенно девушек-подростков в англоязычных странах и Западной Европе [5]. Исследование показывает, что молодые люди, использующие социальные сети менее часа в день, демонстрируют наивысший уровень счастья – даже выше, чем те, кто не пользуется ими вовсе. Наиболее вредны платформы с алгоритмическими лентами, визуальным контентом, поскольку они поощряют социальное сравнение [5].

В 2026 году Финляндия девятый год подряд признана самой счастливой страной мира. Северные страны остаются на вершине рейтинга благодаря сочетанию богатства, равенства доходов, системы социального обеспечения и здоровой продолжительности жизни. Коста-Рика впервые вошла в первую пятерку, поднявшись на четвертое место с 23-го в 2023 году, что объясняется сильными семейными связями и социальными связями.

Проведенный анализ позволяет выявить сложную взаимосвязь между цифровой трансформацией общества и социальным неравенством. Исследования показывают, что взаимосвязь между цифровым разрывом и неравенством доходов имеет U-образную форму: на ранних этапах цифровизации неравенство может расти, затем снижаться, а на поздних этапах – вновь увеличиваться. С одной стороны, развитие информационно-коммуникационных технологий может способствовать снижению неравенства доходов в странах с эффективными институтами. С другой стороны, слабые институты и отсутствие предпринимательской среды усиливают негативные эффекты цифровизации.

Таким образом, социально-экономические процессы в современном обществе характеризуются противоречивым сочетанием позитивных и негативных тенденций. Глобальная экономика демонстрирует умеренный рост, цифровизация набирает обороты, но одновременно с этим углубляется имущественное неравенство населения, разрыв между средней и медианной величиной благосостояния растёт. Цифровизация, при всей её значимости, не становится автоматическим инструментом выравнивания социальных диспропорций. Более того, существуют серьёзные риски, что технологический прогресс – особенно в сфере искусственного интеллекта – может усугубить существующее неравенство. Для обеспечения устойчивого и инклюзивного развития необходима целенаправленная глобальная политика, которая сочетала бы стимулирование технологического прогресса с мерами по сокращению неравенства: развитие программ переобучения, обеспечение равного доступа к цифровой инфраструктуре, совершенствование системы прогрессивного налогообложения. Только комплексный подход способен обеспечить гармоничное развитие современного общества.

Список литературы

1. Капыльцова В.В. Экономическая система общества в новых реалиях: обновление или трансформация, объективная необходимость и целевые ориентиры / В.В. Капыльцова // Вестник ДонГУ. Серия: Экономика и право. – 2024. – Т. 2. – С. 45–58.
2. World Economic Situation and Prospects 2026 / United Nations Department of Economic and Social Affairs. – New York: United Nations, 2026. – 196 p.
3. UBS Global Wealth Report 2026 / UBS Group AG. – Zurich: UBS, 2026. – 120 p.
4. Digital 2026: Global Overview Report / DataReportal. – 2026. – 400 p.
5. World Happiness Report 2026 / Wellbeing Research Centre, University of Oxford. – Oxford: Oxford University Press, 2026. – 180 p.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Алиева Айдан Али кызы
студентка

Целищева Зухра Абдурашидовна
канд. культурологии, доцент

ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»
г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

Аннотация: актуальность исследования определяется нарастающим противоречием между традиционными моделями коммуникации в сфере национальной безопасности и качественно новым восприятием политических вызовов представителями поколения «Z» – «зумеры», родившиеся примерно в 1997–2012 годах. В условиях специальной военной операции и глобального информационного противоборства возникает риск отчуждения молодежи от общественно-политической жизни и повышается уязвимость перед деструктивными внешними нарративам. Цель статьи – выявить и систематизировать особенности восприятия молодежью современных политических вызовов и угроз безопасности. На основе синтеза социологических и политологических подходов обосновано, что поколение «Z» обладает качественно иной, по сравнению со старшими поколениями онтологией угроз, базирующейся на цифровизации, прагматизме и сетевой коммуникации. Установлено, что для современной молодежи приоритетными являются не абстрактно-геополитические, а персонализированные, цифровые и социально-экономические аспекты безопасности. Особое внимание уделено роли иронии и мем-культуры как специфических стратегий совладания с экзистенциальной тревогой в условиях геополитической турбулентности.

Ключевые слова: молодежная политика, поколение «Z», политическое сознание, национальная безопасность, специальная военная операция, геополитические вызовы, цифровая социализация, онтологическая безопасность, мем-культура.

Современный этап развития глобальной и региональной политической системы характеризуется высокой степенью турбулентности и обострением геополитического соперничества. В условиях проведения специальной военной операции (СВО) и беспрецедентного информационно-психологического противоборства проблема обеспечения национальной безопасности выходит на первый план. При этом ключевым субъектом, от которого зависит долгосрочная устойчивость государства, выступает молодежь.

Институты государственного управления и традиционные СМИ зачастую сталкиваются с проблемой «коммуникационного разрыва»: официальные нарративы о безопасности не находят адекватного отклика в молодежной среде. Это обусловлено не столько «непатриотичностью» или «политической апатией» молодых людей, сколько фундаментальными различиями в онтологии восприятия угроз. Цель данной статьи – выявить и систематизировать специфику восприятия политических вызовов молодежью, что необходимо для выработки адекватных механизмов государственной молодежной политики.

Традиционная парадигма восприятия угроз, сформированная у старших поколений («беби-бумеров» и «поколения X»), базируется на государственно-центричном подходе. Угрозы воспринимаются через призму территориальной целостности, исторической памяти, суверенитета и военной мощи государства. Личная безопасность в этой модели производна от безопасности государственной.

Для поколения «Z», чья социализация пришлась на эпоху повсеместной цифровизации и глобальных кризисов, концепт безопасности носит выраженный персонализированный и прагматичный характер. Исследования в области социологии молодежи (Ю.А. Зубок, Е.Л. Омельченко) показывают, что молодежь оценивает угрозы не через абстрактные геополитические конструкты, а через призму «горизонта будущего» – того, как текущие события повлияют на их личную траекторию, карьеру, психологический комфорт и цифровую среду обитания.

Таким образом, если для старшего поколения главной угрозой является физическое вторжение или идеологическая диверсия, то для молодежи на первый план выходят:

- 1) цифровая и когнитивная безопасность – угроза потери доступа к информации, цифровым сервисам, платформам для общения и самореализации;
- 2) социально-экономическая стабильность – страх перед падением уровня жизни, невозможностью получить качественное образование и трудоустроиться;
- 3) психологическая безопасность – защита от информационной тревожности, токсичного контента и эмоционального выгорания.

Важным является и то, откуда молодежь черпает информацию об угрозах. Традиционные институты социализации: школа, университет, федеральное телевидение, уступили место алгоритмическим лентам социальных сетей и мнению сетевых лидеров-блогеров.

Для поколения «Z» характерен «кризис вертикального доверия». Официальные заявления государственных лиц по умолчанию подвергаются сомнению и проходят через фильтр иронии среди молодежи. Доверие формируется не на основе статуса источника, а на основе его «аутентичности», эмоциональной искренности и совпадения ценностных кодов с аудиторией. В условиях СВО это приводит к тому, что молодежь гораздо охотнее обсуждает политические вызовы в закрытых чатах, комментариях у блогеров или через обмен мемами, чем в рамках формальных дискуссионных клубов.

Уникальной чертой восприятия молодежью острых политических вызовов является массовое использование иронии, черного юмора и мем-культуры. С точки зрения политологии и социологии, это не признак цинизма или безразличия, а специфическая психологическая стратегия.

Сталкиваясь с масштабом угроз, которые невозможно контролировать, молодежь использует юмор для снижения уровня экзистенциальной тревоги. Мем позволяет трансформировать сложную и пугающую политическую реальность в понятный, контролируемый и безопасный формат.

Игнорирование специфики восприятия угроз молодежью несет в себе серьезные риски для национальной безопасности. Во-первых, возникает риск «ухода в себя» и деполитизации молодежи, когда молодые люди, не видя понятных ответов на свои прагматичные запросы, полностью фокусируются на микро-социальных группах. Во-вторых, возрастает риск попадания молодежи под влияние деструктивных внешних нарративов, которые умело маскируются под «заботу о личных интересах» молодого человека.

Преодоление данного разрыва возможно через понятные самой молодежи формы участия в преодолении вызовов, например, через IT-разработки, волонтерство, научные исследования, цифровое творчество и т. п.

Специфика восприятия политических вызовов молодежью заключается в смещении фокуса с геополитических угроз на персонализированные, цифровые и социально-экономические аспекты безопасности. Молодежь поколения «Z» оценивает риски через призму собственного будущего и цифровой среды обитания, опираясь на горизонтальные сети доверия и используя иронию как защитный механизм психики.

Понимание этой специфики является критически важным для обеспечения национальной безопасности. Эффективная работа с молодежью в современных условиях невозможна через копирование методов, применяемых к старшим поколениям. Требуется разработка новых, «переводческих» механизмов коммуникации, способных адаптировать сложные

государственные концепты безопасности к ценностно-смысловой матрице поколения «Z», превращая их из пассивных наблюдателей в активных субъектов созидательной деятельности.

Список литературы

1. Алиева А.А. Влияние специальной военной операции на формирование политических ценностей и патриотического сознания молодёжи / А.А. Алиева // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 482–485. EDN BIVCDH
2. Кондыба П.А. Влияние лидеров общественного мнения в социальных сетях на формирование ценностных установок молодежи / П.А. Кондыба // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 124–126. EDN VKPBYG
3. Целищева З.А. Теоретические основы цифровой грамотности молодежи / З.А. Целищева, А.В. Молочкова // Передовой педагогический опыт в современном образовательном пространстве: материалы VII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Армавир, 17 апреля 2026 года). – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 207–209. – EDN VGLJYG.
4. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 256 p.

Анастасова Ирина Владимировна

студентка

Научный руководитель

Юринская Яна Владимировна

канд. экон. наук, преподаватель

ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»

г. Магадан, Магаданская область

**СТРАТЕГИИ УЛУЧШЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
ЧЕРЕЗ ПРОФИЛАКТИКУ ЗАБОЛЕВАНИЙ И ПРОПАГАНДУ ЗДОРОВОГО
ОБРАЗА ЖИЗНИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ
СПЕЦИФИКА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МАГАДАНА)**

Аннотация: в статье рассматриваются ведущие направления политики общественного здоровья, направленные на снижение летальности от неинфекционных заболеваний и уменьшение экономических и организационных издержек системы здравоохранения. Определены доминирующие факторы риска смертности населения: гиперхолестеринемия, нерациональное питание и курение табака. Обоснована необходимость внедрения комплексных стратегий профилактики. Предложены региональные, индивидуальные и корпоративные стратегии укрепления общественного здоровья, учитывающие специфику отдалённых территорий.

Ключевые слова: общественное здоровье, профилактика заболеваний, неинфекционные заболевания, факторы риска, здоровый образ жизни, экономическая эффективность профилактики, Магадан, демографические тенденции, корпоративные программы здоровья, региональная политика здравоохранения.

Ведущими направлениями политики общественного здоровья, направленными на снижение летальности от неинфекционных болезней и уменьшение экономических и организационных издержек системы здравоохранения, выступают меры по предупреждению развития заболеваний и формирование у населения ответственного отношения к собственному здоровью.

Профилактика заболеваний – это не только медицинская, но и экономическая стратегия. Инвестиции в профилактику позволяют снижать частоту и тяжесть заболеваний, уменьшать число осложнений и дорогостоящих госпитализаций, продлевать трудоспособный

период и снижать потери человеческого капитала. Для регионов с неблагоприятными демографическими тенденциями профилактические меры становятся фактором социальной устойчивости.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309, сохранение населения, здоровье и благополучие людей является наиболее значимой целью развития России на период до 2036 года [1].

Для России профилактика и укрепление общественного здоровья особенно значимы в связи с высоким вкладом неинфекционных заболеваний в структуру смертности и инвалидности, а также из-за заметной дифференциации регионов по уровню медицинской доступности, условиям жизни и демографическим трендам.

Исследования подтверждают, что образ жизни и факторы окружающей среды оказывают значительно большее влияние на преждевременную смертность, чем генетическая предрасположенность. Согласно данным масштабного исследования, опубликованного в журнале *Nature Medicine*, 17% случаев преждевременной смерти связаны с образом жизни, в то время как на долю генетики приходится лишь около 2% [10].

Отдалённые регионы и населённые пункты, включая город Магадан, имеют дополнительные вызовы: климатические условия, расстояния, более сложную логистику медицинской помощи, специфику занятости и миграционные процессы.

Экономический эффект профилактики проявляется в нескольких взаимосвязанных контурах.

Во-первых, это снижение прямых расходов системы здравоохранения. Профилактика предотвращает заболевания или позволяет выявлять их на ранних стадиях, когда лечение проще и дешевле. Например, раннее выявление артериальной гипертензии и коррекция факторов риска (сокращение потребления соли, нормализация веса, увеличение физической активности, отказ от курения) способны снизить вероятность инсульта и инфаркта – состояний, требующих дорогостоящей медицинской помощи и длительной реабилитации.

Во-вторых, это снижение не прямых затрат для экономики и семей. Болезни ведут к временной нетрудоспособности, снижению производительности труда, уходу с рынка труда, преждевременной смертности. Для работодателя это означает потери рабочего времени, рост затрат на замещение работников и риски снижения качества продукции/услуг. Для домохозяйств – падение доходов и рост расходов на лечение.

В-третьих, профилактика даёт долгосрочные демографические и социальные эффекты. Снижение преждевременной смертности, рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни и повышение качества жизни улучшают человеческий капитал региона и страны. В контексте демографических ограничений даже относительно небольшие улучшения по предотвратимой смертности могут быть значимыми.

Экономическая эффективность профилактики обычно максимальна, когда меры направлены на модифицируемые факторы риска, распространённые в обществе. Среди основных факторов риска для жителей России выделяют: курение, злоупотребление алкоголем, сниженную физическую активность, несбалансированное питание, ожирение, хронический стресс. Именно вследствие этих факторов повышается вероятность развития основных неинфекционных заболеваний: сердечно-сосудистых патологий, сахарного диабета 2-го типа, хронических респираторных болезней и злокачественных новообразований.

Инструменты улучшения здоровья населения и профилактики условно можно разделить на популяционные, медицинские (индивидуальные) и организационные (в т. ч. корпоративные).

Популяционные меры нацелены на изменение среды и норм поведения: информационно-просветительские кампании о факторах риска и навыках самосохранительного поведения; создание инфраструктуры для физической активности (доступные спортивные площадки, маршруты для ходьбы, освещение и безопасность общественных пространств); развитие школьных и студенческих программ по здоровому питанию и двигательной активности;

меры, снижающие воздействие табачного дыма, а также поддержка отказа от курения; формирование культуры ответственного отношения к алкоголю, профилактика бытового пьянства и раннего начала употребления среди подростков и т. д.

Сильная сторона популяционных мер в том, что они охватывают большое число людей и «встроены» в повседневную жизнь. Например, даже небольшое увеличение физической активности на 10–20 минут в день может дать заметный эффект на уровне региона.

К мерам медицинской профилактики можно отнести профилактические осмотры и диспансеризацию; вакцинацию и профилактику инфекций (как часть общего контура профилактики), скрининг и раннее выявление факторов риска (артериальное давление, глюкоза, холестерин, индекс массы тела, курение); маршрутизацию людей из групп риска к специалистам; диспансерное наблюдение пациентов с хроническими заболеваниями; школы здоровья и обучение самоконтролю (например, для гипертоников и пациентов с диабетом).

Ключевой принцип – переход от «лечения осложнений» к управлению рисками и поддержке приверженности терапии. Для отдалённых территорий важны телемедицинские консультации, выездные формы работы и профилактика на базе первичного звена.

Корпоративные программы укрепления здоровья дают эффект, потому что взрослое население значительную часть времени проводит на работе. Меры для применения на предприятиях могут включать: профилактические осмотры и скрининг факторов риска на рабочем месте; программы отказа от курения и поддержка здоровых привычек; организация доступной физической активности (компенсации спорта, производственная гимнастика, шаговые челленджи); улучшение питания (здоровые опции в столовых, доступ к питьевой воде); управление стрессом, профилактика выгорания, обучение руководителей здоровьесберегающим практикам; улучшение условий труда и охраны труда.

Для регионов с тяжёлыми условиями труда и вахтовыми практиками такие программы особенно важны: они помогают снизить травматизм и риски неинфекционных заболеваний, повысить устойчивость кадров.

Для реализации профилактических мер и мероприятий, направленных на формирования здоровых привычек и моделей поведения у населения государством приняты и реализуются на федеральном уровне такие программы и проекты, как «Демография», «Развитие здравоохранения» [6], «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни», «Здоровье для каждого».

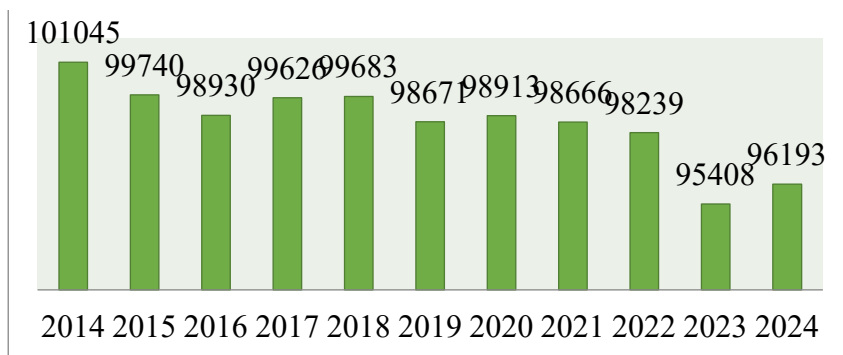

Рис. 1. Динамика численности населения г. Магадан за 2014–2024 гг., чел. [7; 8, с. 3]

По данным Хабаровскстата за период 2014–2024 гг. численность населения города Магадан сократилась на 4,8%, в том числе за последние 5 лет на 2,5% (рис. 1).

Доминирующим фактором риска смертности населения по городу Магадан является гиперхолестеринемия, следующим за гиперхолестеринемией является нерациональное питание, на третьем месте – курение табака.

Механизмы канцерогенеза, связанные с нездоровым образом жизни, детально описаны в научной литературе: употребление алкоголя запускает токсическое действие ацетальдегида, курение (включая пассивное и использование вейпов) сопровождается воздействием N-нитрозоаминов, бенз[а]пирена и формальдегида [9].

Наиболее уязвимой категорией являются граждане в возрасте 39–60 лет, у которых фиксируется наибольшее число факторов риска вне зависимости от пола.

Ранняя диагностика факторов риска неинфекционных заболеваний является ключевым приоритетом профилактической медицины. Эта мера направлена на предотвращение роста заболеваемости и снижение уровня смертности в популяции. Научно доказано, что изменение образа жизни для контроля факторов риска способно предотвратить или замедлить развитие многих неинфекционных заболеваний как на доклиническом, так и на клиническом этапах.

В таблице 1 представлены показатели общей заболеваемости по городу Магадан на 100 тыс. населения за 2015–2024 гг. За анализируемый десятилетний период общий показатель заболеваемости демонстрирует волнообразную динамику с тенденцией к умеренному росту. Начальное значение 2015 года (142 761,4 случаев на 100 тыс. населения) к 2024 году увеличилось до 151 203,9, что составляет рост на 5,9%. В 2020 году зафиксировано снижение на 13,1% относительно базового уровня 2015 года, что, вероятно, связано с пандемией COVID-19, а также с изменением количества обращений граждан за медицинской помощью.

Таблица 1

Динамика общей заболеваемости по г. Магадану на 100 тыс. населения за 2015–2024 гг.

	2015	2018	2021	2024
общее количество зарегистрированных заболеваний	142761,4	140947,0	143200,3	151203,9
заболевания инфекционной и паразитарной природы	8522,7	7223,4	5461,5	5517,3
новообразования (онкология)	3167,1	3452,4	3649,5	4731,5
эндокринная система	8983,7	8969,8	9539,6	11842,3
психические расстройства и расстройства поведения	5834,8	4863,0	4252,8	6005,1
Неврология	1606,7	2646,8	2039,6	6446,8
Офтальмология	7338,8	7697,3	5817,0	6328,2
оториноларингология	2323,5	3040,0	1751,1	2624,9
болезни системы кровообращения	11793,4	13510,2	10329,8	14580,5
болезни органов дыхания	35455,8	33939,3	53368,6	45813,5
заболевания желудочно-кишечного тракта	6781,1	6595,3	5198,4	7634,4
дерматология	5881,1	5850,1	5205,5	4927,7
заболевания опорно-двигательного аппарата	12549,5	14314,8	7299,9	7901,9
Урология	10711,2	8328,5	5737,8	7937,6
беременность, родовой и послеродовой период	6620,0	4372,0	4132,9	2225,2
Последствия травм, интоксикаций и других внешних воздействий	13157,5	13027,2	10557,3	11955,6
Прочие болезни (врожденные аномалии, отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде и пр.)	2034,5	3116,7	2273,1	2800,1

Проведенный анализ показал устойчивый рост хронических неинфекционных заболеваний. Наибольший прирост зафиксирован со стороны нервной системы, новообразований и эндокринных нарушений [8, с. 4].

Такая тенденция говорит о крайней необходимости внедрения мер, нацеленных на замедление роста хронических неинфекционных заболеваний за счет профилактических мер и популяризации здорового образа жизни.

Для реализации федерального проекта «Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек» создан

Координационный совет по обеспечению взаимодействия в вопросах формирования здорового образа жизни и профилактики неинфекционных заболеваний на территории Магаданской области [4]. Его ключевые задачи – организация мероприятий по сохранению общественного здоровья, совершенствование профилактики и создание здоровьесберегающей среды.

Муниципальной администрацией организуется ежегодная городская акция «За здоровый образ жизни» [2; 3].

Популяризация здорового образа жизни реализуется путем проведения в образовательных учреждениях тематических мероприятий (классные часы, беседы, квесты, флешмобы, акции и др.), издания и распространение среди населения памяток, буклетов, листовок соответствующей тематики [8, с. 19], а также через организацию конкурсов [5].

Для устойчивого эффекта на улучшение здоровья населения наиболее результативны комплексные практические стратегии, в которых сочетаются разные уровни воздействия.

1. Региональные стратегии:

- развитие программ раннего выявления факторов риска неинфекционных заболеваний (контроль артериального давления, уровней сахара и холестерина) и повышение охвата профилактическими осмотрами;
- доступные программы физической активности (муниципальные маршруты здоровья, площадки, массовые мероприятия);
- работа со школьниками и молодёжью (культура питания, спорт, профилактика табака и алкоголя);
- межведомственное взаимодействие здравоохранения, образования, спорта, социальной защиты и работодателей;
- использование телемедицины и мобильных профилактических команд для удалённых населённых пунктов.

2. Индивидуальные стратегии (для населения):

- регулярная физическая активность (ходьба, плавание, тренировки 2–4 раза в неделю);
- контроль веса и питания (баланс калорий, больше овощей/белка, меньше сахара и соли);
- отказ от курения и снижение пассивного курения;
- ответственное отношение к алкоголю;
- профилактические обследования и соблюдение назначений врача;
- управление стрессом и качественный сон.

3. Стратегии для работодателей:

- профилактические скрининги и «паспорта здоровья» работников;
- программы питания и физической активности на рабочих местах;
- профилактика выгорания, психологическая поддержка;
- улучшение условий труда и профилактика профессиональных рисков.

Профилактика заболеваний и пропаганда здорового образа жизни – это экономически и социально оправданные направления, позволяющие снижать прямые и косвенные потери, связанные с заболеваемостью и преждевременной смертностью. Наиболее сильный эффект достигается при комплексной модели, объединяющей популяционные меры, медицинскую профилактику и корпоративные программы, что соответствует приоритетам Российской Федерации.

Для города Магадан, где по данным за 2022–2024 гг. сохраняется устойчивая естественная убыль населения, приоритетными являются меры по снижению предотвратимой смертности и укреплению здоровья трудоспособного населения.

Таким образом, целевые ориентиры федерального проекта «Укрепление общественного здоровья» на региональном уровне конкретизируются в задачах раннего распознавания факторов риска неинфекционных заболеваний, расширения спектра профилактических программ, повышения доступности физической активности и развития корпоративных практик укрепления здоровья. Внедрение такого рода стратегий способно повысить качество жизни

населения и снизить долгосрочную нагрузку на региональные социальные и медицинские системы.

Список литературы

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 №309 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 20.02.2026).
2. О проведении городской акции «За здоровый образ жизни» в 2024 году: постановление мэрии г. Магадана от 28.10.2024 №3722-пм // Официальный сайт мэрии города Магадана. – URL: https://magadan.49gov.ru/documents/one/index.php?id=58725&file_url=/common/js/pdfjs/web/viewer.html?file=/common/upload/43/document/postanovlenie_%D0%9C_58725_28.10.2024_1.pdf (дата обращения: 19.02.2026).
3. О проведении городской акции «За здоровый образ жизни» в 2025 году: постановление мэрии г. Магадана от 16.10.2025 №4081-пм // Официальный сайт мэрии города Магадана. – URL: https://magadan.49gov.ru/documents/one/index.php?id=62767&file_url=/common/js/pdfjs/web/viewer.html?file=/common/upload/43/document/postanovlenie_%D0%9C_62767_16.10.2025_1.pdf (дата обращения: 19.02.2026).
4. О создании Координационного совета по обеспечению взаимодействия в вопросах формирования здорового образа жизни и профилактики неинфекционных заболеваний на территории Магаданской области: постановление Правительства Магаданской области от 13.04.2023 №255-пп // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4900202304140002> (дата обращения: 20.02.2026).
5. Об организации и проведении регионального этапа Всероссийского конкурса социальной рекламы в области формирования культуры здорового и безопасного образа жизни «Стиль жизни – здоровье! 2023»: приказ Министерства образования Магаданской области от 29.06.2023 №632/11-пр // Официальный сайт Министерства образования Магаданской области. – URL: <https://minobr.49gov.ru/documents/one/index.php?id=53632> (дата обращения: 19.02.2026).
6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 №1640 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201712270024> (дата обращения: 19.02.2026).
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Магаданской области: официальный сайт. – URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25680> (дата обращения: 21.02.2026).
8. Укрепление общественного здоровья на территории муниципального образования «город Магадан» на 2025–2026 годы: муниципальная программа: утв. постановлением мэрии г. Магадана от 14.08.2025 №3165-пм // Официальный сайт мэрии города Магадана. – URL: https://magadan.49gov.ru/common/upload/43/editor/file/1_red_3165-.pdf?ysclid=muf5ed3gyt961764857 (дата обращения: 19.02.2026).
9. Чехомов С.Ю. Гигиенические подходы к оценке факторов образа жизни, формирующих риск развития онкологических заболеваний (обзор) / С.Ю. Чехомов, Ю.Ю. Елисеев // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2024. – Т. 20, №4. – С. 462–469. DOI 10.15275/ssmj462. EDN PNRRLV
10. Интеграция экологических и генетических архитектур старения и смертности / М.А. Argentieri, N. Amin, A.J. Nevado-Holgado [и др.]; пер. с англ. // Российское общество клинической онкологии: официальный сайт. – URL: <https://rosoncweb.ru/news/oncology/2025/03/13/> (дата обращения: 21.02.2026).

Васильченко Алина Витальевна

магистрант

Кравченко Елена Васильевна

канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»

г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ПЕНСИОННАЯ СИСТЕМА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: пенсионная система России в современных условиях сталкивается с рядом проблем, препятствующим ее эффективному функционированию. На протяжении нескольких десятилетий государством предпринимаются различные меры по укреплению ее финансовой устойчивости и повышению уровня пенсионного обеспечения граждан. Однако, несмотря на некоторые положительные эффекты, целевые ориентиры, а именно: долгосрочное финансовое равновесие пенсионной системы и обеспечение достойного уровня жизни получателей пенсионных выплат, в полном объеме не достигнуты, что требует принятия комплекса мер по устранению факторов, оказывающих негативное влияние на ее эффективность и результативность. В статье выделены ключевые проблемы отечественной пенсионной системы и предложены перспективные направления ее развития.

Ключевые слова: демографическая ситуация, неформальная занятость, коэффициент замещения, долгосрочные сбережения, корпоративные и частные пенсионные программы.

Эффективность национальных пенсионных систем в мире должна отвечать двум основным потребностям общества: обеспечению финансовой защиты граждан – получателей пенсионных выплат и сохранению сбалансированности пенсионных бюджетов в долгосрочной перспективе.

Устойчивая пенсионная система должна базироваться на четырех неразрывных принципах, сочетающих социальную миссию и экономическую прагматику:

- во-первых: пенсионная система должна быть направлена на сохранение социальной справедливости, т.е. пенсионные выплаты должны обеспечивать достойный уровень жизни после завершения трудовой деятельности, выступать защитой от бедности;

- во-вторых, развитие страхового принципа: уровень пенсионных выплат находится в прямой зависимости от периода трудовой деятельности и размера заработной платы – базы, с которой уплачиваются страховые взносы в рамках пенсионного страхования, что также создает стимулы для официальной трудовой деятельности и уплате страховых платежей, налогов;

- в-третьих: пенсионная система должна гибкой и финансово устойчивой, что требует постоянного мониторинга ее ключевых параметров, экономической ситуации в стране для адаптации к изменяющимся условиям и возможностью внесения необходимых корректировок в процесс ее функционирования;

- в-четвертых: государство гарантированно обеспечивает минимальный уровень пенсионного обеспечения.

Специфика функционирования отечественной пенсионной системы, обусловленная демографическими циклами и масштабами страны, требует постоянной доработки этого сложного механизма.

Отечественная пенсионная система, являясь сложным и многогранным механизмом, зависит от множества факторов и условий, что требует постоянного ее совершенствования и адаптации к современным реалиям для ее устойчивости и эффективности. Безусловно, в ходе трансформации пенсионной системы на протяжении трех десятилетий некоторые положительные результаты достигнуты, но основные проблемы, а именно сохраняющиеся риски

финансовой устойчивости пенсионной системы и низкий уровень пенсий продолжают оставаться нерешенными.

Аналитики компании Natixis Global Asset Management основываясь на показателях здоровья, материального благополучия и качества жизни людей пенсионного возраста в 44 странах мира, в 2024 году представили исследование, в котором рассчитали глобальный пенсионный индекс, где Россия занимает 40 место с показателем 48%, что почти в 2 раза ниже показателя (82%) Швейцарии, занявшей 1 строку в опубликованном рейтинге [6].

Негативное влияние на устойчивость пенсионных систем во всем мире, в том числе и в России, оказывает сложная демографическая ситуация. Тенденция роста доли населения старше трудоспособного в общей численности населения в стране сохраняется (в 2024 году – 23,7%), что увеличивает нагрузку на пенсионную систему, так как объемы страховых взносов, поступающих в бюджет Социального фонда за работающее население, в полном объеме не обеспечивают выплату страховых пенсий, что требует привлечения средств федерального бюджета [3].

Повышение возраста выхода на пенсию позволило несколько смягчить данную проблему и коэффициент экономической поддержки (числа занятых на одного пенсионера) к началу 2025 года составил 1,79 (в 2021г. – 1,61), однако проблема остается весьма актуальной [5].

Продолжает сохраняться высокий уровень неформальной занятости. В 2025 году, по подсчетам Росстата, в стране в теневом секторе трудится около 13,8 млн человек, или свыше 18% всех работающих россиян. По расчетам экспертов РАН, доля неформально занятых в российской экономике может приближаться к 28% с учетом скрытой занятости на предприятиях [4], что непосредственно влияет на наполняемость бюджета Социального фонда России, так как за работающих в теневом секторе экономики в бюджет Фонда страховые взносы не поступают, что лишает граждан возможности формировать пенсионные права и в будущем отразится на размерах страховых пенсий.

Коэффициент замещения утраченного заработка пенсией снижается и в 2025 году сложился на уровне 23,3% и по прогнозам экспертов в среднесрочной перспективе данная тенденция сохранится. По прогнозу к 2028 году данный показатель, который выступает основным показателем эффективности пенсионной системы, вырастет всего лишь на 0,2% и составит 23,5%, что существенно ниже показателя 2015 года (35,2%) [2].

К ключевым проблемам современности, снижающим эффективность функционирования пенсионной системы следует отнести:

- старение населения: увеличение продолжительности жизни и одновременное снижение рождаемости приводят к росту доли пожилых людей, что увеличивает нагрузку на распределительную систему, так как на одного пенсионера приходится всё меньше работающих из отчислений страховых взносов которых финансируются страховые пенсии и социальные выплаты в рамках социального страхования. Данные изменения привели к тому, что коэффициент демографической нагрузки растёт;

- информализация экономики: рост теневой занятости означает, что значительная часть доходов не облагается страховыми взносами, но гражданам всё равно претендуют на государственную (социальную) пенсию;

- экономическая нестабильность: низкие темпы экономического роста ограничивают возможности по увеличению базы для взимания взносов.

Для решения этих проблем применяются такие меры, как постепенное повышение пенсионного возраста, стимулирование развития корпоративных и частных пенсионных программ, а также улучшение инвестиционного климата для накопительных счетов. Однако, реализация данных процессов сталкивается с рядом проблем, существенно замедляющим их эффективность и требует принятия комплексных мер со стороны государства, в том числе:

- развивать программы активного долголетия, что позволит гражданам не просто выходить на пенсию позже установленного срока, но и дольше сохранять возможность трудиться и быть экономически активным;

– используя рычаги налогового стимулирования формировать культуру долгосрочных сбережений, что до наступления возраста выхода на пенсию позволит накопить дополнительный пенсионный капитал и увеличить пенсионные выплаты;

– создавать рынки качественных длинных денег, так как пенсионные накопления эффективны только в случае инвестирования их в инструменты, доходность которых опережает инфляцию, расширить спектр имеющихся инвестиционных инструментов (инфраструктура, «зелёные» проекты и т. д.), что позволит повысить привлекательность накоплений и обеспечить устойчивый приток средств и вовлеченность участников;

– интегрировать программы негосударственного пенсионного обеспечения (НПО) и долгосрочные сбережения в единое цифровое окно, что позволит гражданам контролировать процесс формирования своих накоплений, в том числе посредством портала Госуслуг;

– внедрять цифровые сервисы, проактивно назначать все виды пенсионных выплат, развивать цифровой профиль застрахованного лица, что позволит повысить прозрачность системы и расширить возможности привлечения населения в процесс формирования пенсионного капитала.

Таким образом, в современных условиях проблемы отечественной пенсионной системы следует решать комплексно, принимая обоснованные решения для обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы, ее стабильного и эффективного функционирования финансового равновесия, развитию негосударственного пенсионного обеспечения, что, безусловно повысит уровень жизни настоящих и будущих получателей пенсионных выплат.

Список литературы

1. Демография. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 09.09.2026).
2. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект федерального закона «О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов». – URL: <https://ach.gov.ru/audit/project-2026> (дата обращения: 09.09.2026).
3. Кравченко Е.В. Риски отечественной пенсионной системы в условиях экономической нестабильности / Е.В. Кравченко, А.А. Суховеева // Экономика, политика, право: актуальные вопросы, тенденции и перспективы развития: материалы XXIII Международной научно-практической конференции (Туково, 21 ноября 2025 года). – Ростов н/Д.: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2025. – С. 68–72. – EDN RCKKGU.
4. Серый сектор в экономике растет за счет самозанятых. – URL: https://www.ng.ru/economics/2025-11-23/1_9385_sector.html (дата обращения: 09.09.2026).
5. Щербакова Е.М. Старшие поколения россиян, 2025 год / Е.М. Щербакова // Демоскоп Weekly. – 2025. №1079–1080. – URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01079/barom01.php> (дата обращения: 09.09.2026). – EDN LNMCCO
6. NATIXIS GLOBAL RETIREMENT INDEX. Only the lonely Individuals increasingly feel they're on their own for retirement security. – URL: <https://www.im.natixis.com/en-us/insights/investor-sentiment/2024/global-retirement-index> (дата обращения: 09.09.2026).

Коростелева Наталья Александровна

канд. пед. наук, доцент

Дадыверина Ольга Александровна

магистрант

АНОО ВО ЦРФ «Сибирский университет потребительской кооперации»
г. Новосибирск, Новосибирская область

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ: ФАКТОРЫ РИСКА И ПРОФИЛАКТИКА

Аннотация: в статье представлен краткий обзор современных социально-психологических исследований, посвященных ключевым факторам, оказывающим влияние на психическое здоровье медицинских работников. Особое внимание уделяется последствиям пандемии COVID-19, синдрому эмоционального выгорания, роли смысложизненных ориентаций и психической саморегуляции. Анализируются данные о распространённости психических расстройств среди врачей и среднего медицинского персонала. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к сохранению психического здоровья медицинских работников.

Ключевые слова: медицинские работники, психическое здоровье, личность, профессиональный стресс, пандемия COVID-19, смысложизненные ориентации, психическая саморегуляция, профилактика.

Психическое здоровье медицинских работников – одна из наиболее острых и вместе с тем недостаточно изученных проблем современного здравоохранения. В настоящее время подавляющее большинство медицинских работников ежедневно имеют дело с человеческими страданиями, смертью, высокой ответственностью за жизнь и здоровье пациентов, необходимостью принимать судьбоносные решения в условиях дефицита времени и нехватки информации. Ситуация с относительно недавней пандемией COVID-19 усилила эти нагрузки, обнажив системные проблемы в охране психического здоровья специалистов.

Цель данной статьи – систематизировать современные исследования, посвящённые факторам, влияющим на психическое здоровье медицинских работников, а также ресурсам его сохранения и укрепления.

Профессиональная деятельность медицинских работников связана с воздействием целого ряда неблагоприятных факторов. С.Л. Соловьева выделяет среди них высокую нагрузку, неадекватные условия труда, избыточное количество отчётности, необходимость работать по совместительству, размытость должностных обязанностей [1].

В работах Н.А. Остряковой отмечено, что профессиональная деятельность медицинских работников требует от них психологической уравновешенности и эмоциональной стрессоустойчивости, так как сопровождается воздействием на них целого ряда неблагоприятных факторов, среди которых весьма значимым является профессиональный стресс [2].

Ситуация с пандемией COVID-19 стала своеобразным катализатором ухудшения психического здоровья медиков во всём мире. М.Ю. Сорокин и соавторы в своём исследовании показали, что и у медицинских работников в Российской Федерации уровень профессионального стресса существенно возрос за период пандемии. Наиболее высокие показатели стресса были связаны с опасениями за собственную жизнь, риском изоляции и невозможностью вести обычный образ жизни. При этом уровень стресса был выше у менее опытных специалистов [3].

Н.А. Острякова и соавторы выделяют следующие провоцирующие факторы СЭВ в период пандемии: организационный фактор (большая рабочая нагрузка, полное отсутствие или существенная нехватка средств индивидуальной защиты, недостаточность накопленных

знаний о новой коронавирусной инфекции и др.), ощущение безопасности, угрозы и риска заражения, социальная изоляция [2].

Л.П. Чичерин и В.О. Щепин подчёркивают, что отдалённые последствия коронавирусной инфекции в части нарушений психического здоровья ещё предстоит изучать. Они отмечают необходимость мониторинга психического состояния населения в постковидный период [4].

С.Л. Соловьева в своей работе приводит данные о том, что состояние психического здоровья врачей сегодня вызывает серьезное опасение. В современных исследованиях приводятся данные о том, что режим сна и отдыха можно считать достаточно сбалансированным лишь у 20% медицинских работников; физические упражнения на постоянной основе практикуют менее 15%; избыточный вес отмечается почти у 50%, примерно столько же страдают артериальной гипертензией; примерно 30% медицинских работников снимают психическое напряжение с помощью сигарет; около половины из них злоупотребляют алкоголем [1].

Н.А. Коваль и М.А. Лобач в обзоре зарубежных исследований отмечают, что социальные связи играют важную роль в сохранении психического здоровья [5].

Петерс Д.Ю., Зобова Т.Ю. подчёркивают, что грамотное использование «ChatGPT», основанное на принципах критического мышления и анализа информации, позволит не только эффективно решать профессиональные задачи, но и оказывать поддержку в профилактике и смягчении проблем, связанных с психическим здоровьем. Эмпатийное общение «ChatGPT» создаёт ощущение доброжелательного собеседника, поддерживает рефлексивные навыки, помогает не только решать профессиональные задачи, но и оказывает психологическую поддержку, развивает осознанность [6].

Современные исследования предлагают несколько направлений профилактики нарушений психического здоровья у медицинских работников.

1. Организационные меры: оптимизация режима труда и отдыха, снижение бюрократической нагрузки, обеспечение ресурсами для выполнения задач, предоставление средств индивидуальной защиты в достаточном количестве, сменный график работы для обеспечения отдыха.

2. Психологическая поддержка: создание служб психологической помощи, проведение супервизий, обучение копинг-стратегиям, доступ к службам психологического сопровождения.

3. Развитие социальных связей: укрепление командного взаимодействия, поддержка со стороны руководства, создание благоприятного социально-психологического климата.

4. Индивидуальные ресурсы: развитие стрессоустойчивости, эмоционального интеллекта, навыков саморегуляции, актуализация смысложизненных ориентаций.

5. Интернет-ресурсы «ChatGPT»: поддержка эмоционального благополучия и развитие рефлексивных навыков.

Можно сделать вывод о том, что психическое здоровье специалистов помогающих профессий формируется под влиянием комплекса факторов: организационно-средовых, социально-психологических и индивидуально-личностных. Пандемия COVID-19 и цифровизация стали новыми вызовами, усилившими нагрузку на специалистов медицинской сферы. В то же время развитие социальной поддержки, индивидуальных ресурсов и цифровых технологий открывает новые возможности для сохранения и укрепления психического здоровья медицинских работников.

Мы полагаем, что дальнейшие исследования психического здоровья медицинских работников могут быть нацелены на разработку комплексных программ профилактики, учитывающих многофакторную природу психического здоровья, а также на изучение отдаленных последствий пандемии и стремительной цифровизации общества.

Список литературы

1. Соловьева С.Л. Почему врач умирает раньше своих больных / С.Л. Соловьева // Медицинская психология в России. – 2023. – Т. 15, №4. – С. 2. – EDN GERODM
2. Острякова Н.А. Пандемия COVID-19 и психическое здоровье медицинских работников / Н.А. Острякова, С.А. Бабанов, Д.В. Винников [и др.] // Медицина труда и промышленная экология. – 2021. – Т. 61, №9. – С. 627–632. – DOI 10.31089/1026-9428-2021-61-9-627-632. – EDN SEIMHQ
3. Влияние пандемии COVID-19 на психическое здоровье медицинских работников в России / М.Ю. Сорокин, Е.Д. Касьянов, Г.В. Рукавишников [и др.] // Медицинская этика. – 2020. – №2. – С. 27–34. – EDN MDQQAL
4. Чичерин Л.П. Психическое здоровье детей и подростков: основные характеристики, некоторые теоретические аспекты / Л.П. Чичерин, В.О. Щепин // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2024. – Т. 32, №3. – С. 377–382. – DOI 10.32687/0869-866X-2024-32-3-377-382. – EDN ICJJJP
5. Коваль Н.А. Социальное здоровье в контексте изучения социальных связей как условия психологического и психического здоровья (обзор зарубежных исследований) / Н.А. Коваль, М.А. Лобач // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2024. – Т. 23, №4. – С. 9–14. – DOI 10.20310/1810-231X-2024-23-4-9-14. – EDN VRJOMK
6. Петерс Д.Ю. От информационного шума к осознанности: ChatGPT для поддержки позитивного психического здоровья медицинского работника / Д.Ю. Петерс, Т.Ю. Зобова, Н.И. Тарасенко, А.Л. Шумова // Научные исследования. – 2025.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ

Айрих Генрих Евгеньевич

соискатель, аспирант

по специальности «экономическая теория»

ЧОУ ВО «Ессентукский институт управления, бизнеса и права»

г. Ессентуки, Ставропольский край

Базарова Фирюза Асраровна

магистр, генеральный директор

ООО «Прайм фуд»

специалист

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет

дизайна и технологий»

г. Москва

DOI 10.31483/r-169133

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ ПИТАНИИ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РЕСТОРАННОГО БИЗНЕСА

Аннотация: пристальное внимание теоретики и практики уделяют системе налогообложения в различных отраслях и сферах деятельности, особенно остро этот вопрос стоит в отрасли общественного питания. Поскольку ресторанный бизнес сегодня развивается во всех регионах РФ возникает необходимость создания такой модели налогообложения, которая была бы выгодна государству и при этом устраивала начинающего бизнесмена. В статье представлен анализ упрощенной, патентной и общей систем налогообложения. С точки зрения авторов ставки налогов должны быть дифференцированы исходя из масштаба деятельности предприятия, региона дислокации и перспектив данного вида деятельности в отрасли общественного питания.

Ключевые слова: налоги, налоговая система, ресторанный бизнес, общественное питание, патент, диверсификация, дифференциация.

Три года назад налоговая схема для небольшой кофейни уместилась в несколько тезисов:

- наличие патента;
- упрощенная система налогообложения;
- освобождение от НДС.

В 2026 году эта простая картина рассыпалась. Патентный лимит дохода упал с 60 до 20 миллионов рублей, упрощенка, которая много лет была синонимом отсутствия НДС, сама стала источником этой обязанности при доходе от тех же 20 миллионов, а для отрасли общепита ввели отдельную льготу, которая действует независимо от режима налогообложения, но нарушить ее условия можно, даже не заметив.

Порог патента и порог освобождения от НДС на упрощенке в 2026 году сошлись на одной цифре: 20 миллионах рублей. Раньше это были два разных потолка на разных этапах роста бизнеса, теперь кафе с выручкой чуть за 20 миллионов теряет сразу оба [4].

Три базовых режима, а именно УСН, патент и ОСНО для малого общепита никуда не делись, но лимиты внутри них сдвинулись почти везде одновременно.

Рассмотрим специфику упрощенной системы налогообложения. Право оставаться на УСН в 2026 году сохраняется при доходе до 490,5 млн рублей в год (это базовый лимит в 450 млн, проиндексированный на коэффициент-дефлятор 1,09), а остаточная стоимость основных средств не должна превышать 218 млн рублей. Для перехода на УСН с 2026 года с другого режима действовал порог по доходу за девять месяцев 2025 года: 337,5 млн рублей.

Сами по себе эти цифры комфортны почти для любого малого заведения и проблема вовсе не в них.

Патентная система вызывает у многих массу сомнений. Здесь малому общепиту тесно уже сейчас. Лимит дохода для применения патента в 2026 году составляет 20 млн рублей, и он будет снижаться дальше: 15 млн в 2027 году, 10 млн в 2028-м. К этому добавляются отраслевые ограничения, которые не изменились: зал обслуживания не более 150 квадратных метров, в Москве не более 50, и не более 15 наемных сотрудников по всем видам патентной деятельности вместе.

Общая система налогообложения формально доступна всем и не имеет лимитов, но малый общепит туда обычно не стремится: это полный НДС, налог на прибыль и объем отчетности, несопоставимый с тем, к чему привыкло небольшое заведение. ОСНО в этой статье подробно не разбирается. Это скорее ориентир, к которому подталкивает бизнес, если он вырастает из всех льготных режимов сразу [1].

Каждый год Минэкономразвития пересматривает коэффициенты-дефляторы, и от них зависит, вырастут лимиты или нет. На 2026 год дефлятор для УСН составил 1,09, для патента 1,253, из-за чего потенциальный доход по патентным видам деятельности, а вместе с ним и цена патента, заметно выросли. Через год лимиты, скорее всего, снова изменятся. Это стоит держать в уме заранее, а не узнавать постфактум.

Главная перемена 2026 года в одном: упрощенцы больше не могут игнорировать НДС. До 2025 года включительно те, чей доход был ниже определенного порога, о нем просто не думали, порог пересматривался не раз, но логика всегда оставалась одной и той же: маленький бизнес НДС не платит. С 2026 года порог освобождения от НДС на УСН составляет 20 млн рублей дохода за предыдущий календарный год. Как только он превышен, с первого числа следующего месяца предприниматель автоматически становится плательщиком НДС, без каких-либо заявлений и уведомлений в налоговую. Следить за порогом обязан сам налогоплательщик, а не инспекция [2].

Дальше начинается развилка, в которой легко ошибиться.

Ставок на выбор три. Пониженная ставка 5% доступна при доходе от 20 до 272,5 млн рублей в год: считается просто, от всей выручки, но без права на вычет входного НДС; для дохода от 272,5 до 490,5 млн рублей действует пониженная ставка 7%, по тому же принципу, без вычета; а общая ставка, доступная на любом уровне дохода и дающая право на вычет входного НДС по купленным товарам и услугам, выросла с 20% до 22% с начала 2026 года.

Практики ресторанного бизнеса озадачены вопросом, какая же ставка выгоднее для кафе или ресторана? Однозначного ответа, к сожалению, нет. Пониженные ставки без вычета лучше работают там, где доля закупок с НДС в затратах невелика. Добавленная стоимость там создается в основном трудом: готовкой и обслуживанием. Общая ставка с вычетом выгоднее там, где велика доля закупаемых продуктов, оборудования и аренды с входным НДС. Общепит по структуре затрат обычно ближе к первому случаю, но не всегда: точка с дорогой импортной кухней и постоянными закупками оборудования может обнаружить, что вычет входного НДС перевешивает разницу в ставке.

Возьмем кафе с выручкой 10 млн рублей за квартал и закупками, облагаемыми входным НДС, на 3 млн рублей за тот же период. При ставке 5% без права на вычет НДС к уплате составит 500 тысяч рублей, посчитанных от всей выручки. При общей ставке 22% с правом на вычет исходящий НДС составит около 1,8 млн рублей от той же выручки, но из этой суммы вычитается входной НДС с закупок, порядка 540 тысяч рублей. К уплате в этом случае останется около 1,26 млн рублей, заметно больше, чем при пониженной ставке. Расчет упрощен, но направление понятно: чем ниже доля закупок с НДС относительно выручки, тем увереннее пониженная ставка выигрывает у общей.

Многие владельцы ресторанов и кафе не знают или же игнорируют льготную существующую ставку.

Статья 149 Налогового кодекса с 2022 года освобождает услуги общественного питания от НДС при трех условиях сразу, причем независимо от того, на каком налоговом режиме находится бизнес: ОСНО, УСН и патент здесь равны.

- доходы за предшествующий календарный год не превышают 3 млрд рублей (порог подняли с 2 млрд в октябре 2025 года);

- доля доходов от услуг общепита составляет не менее 70% от всех доходов;

- среднемесячная зарплата сотрудников не ниже среднеотраслевой по региону, рассчитанная по данным отчетности по страховым взносам и сверяемая со статистикой Росстата.

Первые два условия для малого заведения почти никогда не проблема, а вот зарплатное регулярно оказывается тем местом, где спотыкаются: налоговая проверяет его ежеквартально, и если официальная средняя зарплата в заведении оказывается ниже отраслевой статистики по региону, право на льготу аннулируется, причем задним числом за весь период.

Представим, как это выглядит на практике. У сети небольших кофеен в региональном центре оборот далеко не миллиардный, а доля общепита в выручке составляет все 95%: кроме кофе и выпечки здесь ничего не продают, и формально под льготу заведение подходит идеально. Но часть бариста оформлена на минимальную ставку в расчете на то, что остальное это чаевые и неофициальные бонусы, поэтому по документам средняя зарплата выходит ниже отраслевой, и при проверке льгота слетает целиком, с доначислением НДС за весь период задним числом.

С 1 апреля по 31 декабря 2026 года у заведений на УСН и патенте, которые впервые стали плательщиками НДС из-за превышения общих порогов или потери права на патент, есть послабление: применять освобождение от НДС по этой же 149-й статье можно, не соблюдая зарплатное условие, если доход за 2025 год не превышал 60 млн рублей и доля общепита составляла от 70%. Это временная мера для тех, кто попал под НДС впервые и не успел выстроить зарплатную отчетность под нужный уровень. За первый квартал 2026 года поблажка, впрочем, не действует: НДС за январь-март нужно посчитать и заплатить на общих основаниях, если зарплатное условие не выполнялось.

Начинающим предпринимателям в сфере общественного питания следует уяснить, что льгота по 149-й статье и порог освобождения на УСН: два разных механизма. Первый работает на любом режиме и требует 70% доли общепита плюс зарплатное условие. Второй специфичен для упрощенки и завязан только на объем дохода. Заведение может не подходить под один механизм и при этом подходить под другой.

Отметим, что патент в 2026 году тоже потерял в масштабе: лимит дохода упал с 60 до 20 млн рублей. Часть заведений, которые годами спокойно работали на патенте, из режима вытеснили практически без предупреждения.

У бизнеса, который подходит к этой границе, есть три варианта действий. Первый: сознательно сдерживать рост выручки на одной точке и масштабироваться через открытие новых точек, каждая из которых остается отдельным патентом в пределах своего лимита. Не самый органичный для бизнеса вариант, но рабочий.

Второй путь доступен тем, кто видит превышение заранее: спланировать переход на УСН по своей инициативе, с начала следующего года, а не ждать, пока лимит превысится посреди уже начавшегося налогового периода. Плановый переход почти всегда предсказуемее вынужденного.

А для тех, кто уже вплотную подошел к границе, есть третий вариант: прикинуть, не выгоднее ли остаться на упрощенке сразу, даже ценой НДС, если полная налоговая нагрузка на патенте с учетом регионального коэффициента окажется выше, чем на УСН с пониженной ставкой. Стоимость патента считается по потенциальному доходу, установленному местным законом, а он с учетом дефлятора 1,253 на 2026 год местами вырос заметнее, чем можно было ожидать.

Региональную разницу в стоимости патента предприниматели часто недооценивают, ориентируясь на цифры коллег из другого города. Но потенциальный доход по общепиту

устанавливает не федеральный закон, а региональное законодательство, и разброс между субъектами может быть кратным. Кафе с одинаковой выручкой и одинаковой площадью зала в Москве и в небольшом областном центре заплатят за патент совершенно разные суммы: местные власти закладывают в расчет свое представление о доходности бизнеса на своей территории. Ориентироваться в этом вопросе стоит на местные ставки, а не на цифры коллег из других регионов.

Частая ошибка владельцев ресторанов в том, что они, осуществляя свою деятельность на патенте, обычно считают лимит дохода по каждому виду деятельности отдельно, хотя закон требует суммировать по всем видам сразу. Если предприниматель совмещает несколько патентов, скажем, на общепит и на розничную торговлю через тот же объект, лимит в 20 млн рублей считается суммарно по обоим, а не по каждому в отдельности. Диверсификация внутри патентной системы не дает того запаса по доходу, на который иногда рассчитывают.

На фоне НДС и патента страховые взносы выглядят второстепенным сюжетом. Но для фонда оплаты труда, который в общепите обычно составляет заметную долю затрат, разница ощутима [11].

Стандартный тариф страховых взносов: 30% с выплат сотруднику в пределах 1,5 МРОТ. В 2026 году при МРОТ в 27 093 рубля эта граница составляет 40 639,50 рублей в месяц на одного сотрудника. Все, что выплачивается сверх этой суммы, для субъектов МСП облагается по пониженному тарифу 15%, и лимита базы для этой части нет.

Ключевое изменение 2026 года не в самих ставках, а в том, кому они доступны. Раньше пониженный тариф 15% действовал для малого и среднего бизнеса практически без отраслевых ограничений. С 2026 года право на него сохранили только компании с приоритетным ОКВЭД из утвержденного правительством перечня. Общественное питание в этот перечень попало и льготу сохранило, в отличие от многих других отраслей, которые ее лишились.

Есть нюанс, который обычно всплывает только при первом расчете зарплаты выше среднего по больнице. Помимо порога в 1,5 МРОТ существует предельная база для исчисления взносов: 2 979 000 рублей в 2026 году. Пока выплаты сотруднику в пределах календарного года не превысили эту базу, к части свыше 1,5 МРОТ применяется тариф 15%. После превышения базы ставка для суммы в пределах 1,5 МРОТ меняется на 15,1%, а часть свыше 1,5 МРОТ по-прежнему облагается по 15%. Для рядового линейного персонала общепита эта тонкость почти никогда не имеет значения: зарплаты редко доходят до предельной базы. А вот для управляющего или шеф-повара с высоким окладом посчитать стоит внимательнее.

Представим самые частые ошибки малого общепита, именно на них обычно и приходится основная часть доначислений, а не на редкие частные случаи.

Во-первых, чаще всего порог НДС отслеживают по факту, а не заранее: о превышении 20 млн рублей узнают постфактум, при сдаче отчетности, хотя обязанность считать НДС возникает с первого числа следующего месяца независимо от того, заметил это бухгалтер вовремя или нет.

Вторая типичная ошибка: смешивать два разных освобождения от НДС, когда порог на УСН и отраслевую льготу по статье 149 НК путают между собой, и предположение, что выполнение условий одного автоматически означает освобождение по-другому, оборачивается неприятными сюрпризами при проверке.

Третья: формальный подход к зарплатному условию льготы по 149-й статье, когда официальную зарплату пытаются удержать ниже отраслевой, компенсируя разницу неофициальными выплатами, что лишает права на льготу целиком и задним числом. И наконец, есть ошибки на патенте: расчет его стоимости по усредненным цифрам вместо действующего регионального закона и совмещение нескольких патентов без учета того, что лимит в 20 млн рублей считается суммарно по всем видам деятельности, а не по каждому отдельно.

Каждая из этих ошибок сама по себе выглядит небольшой недоработкой. За календарный год они превращаются в доначисления, сопоставимые с существенной долей годовой прибыли небольшого заведения.

Все описанные пороги объединяет одно неудобное свойство: они не проверяются автоматически системой, которая предупредит заранее. Следить за собственной выручкой относительно каждого лимита обязан сам предприниматель, и делать это постфактум, при сдаче квартальной отчетности, уже поздно. Практический минимум для малого общепита на 2026 год складывается из нескольких привычек:

1. Ежемесячно стоит сверять накопленный доход нарастающим итогом с начала года по каждому применяемому режиму отдельно, а не только по факту закрытия квартала. Отдельно нужно учитывать долю выручки от общепита в общей структуре доходов, если заведение совмещает основной профиль с розницей навынос или доставкой через сторонние агрегаторы: это напрямую влияет на право на льготу по 149-й статье.

2. Раз в квартал имеет смысл сверять среднюю зарплату по данным собственной отчетности по страховым взносам со свежей статистикой Росстата по региону, до того как это сделает налоговая. Дату и сумму в момент превышения любого порога лучше фиксировать сразу, а не в конце месяца: именно с этого момента на следующий месяц меняются налоговые обязанности.

3. Необходимо закладывать время на годовое планирование заранее, минимум за квартал до конца года, с прикидкой ожидаемого дохода и заблаговременным решением о смене режима, если тенденция к превышению лимита уже видна.

Ни один из этих пунктов не требует сложной автоматизации. В большинстве случаев достаточно простой таблицы, которую бухгалтер обновляет раз в месяц. Регулярность здесь важнее сложных систем.

Проверим как это работает на конкретном примере: у кофейни годовая выручка около 25 млн рублей, и это не случайная цифра. Именно в этом диапазоне сходятся сразу оба порога 2026 года, патентный и порог освобождения от НДС на упрощенке: такая точка уже не помещается в патент по доходу и уже обязана платить НДС, если остается на упрощенке. Раньше это были два разных барьера на разных этапах роста бизнеса, теперь один и тот же этап.

Таблица

Три сценария для ресторанного бизнеса

Сценарий	Что происходит	Примерная налоговая логика
Остаться на патенте не получится	Доход выше 20 млн ₽, право на патент утрачивается с начала месяца превышения	Вынужденный переход на УСН или ОСНО задним числом, риск пересчета налогов за часть года
УСН, пониженная ставка НДС 5%	Доход в диапазоне 20–272,5 млн ₽, отказ от вычета входного НДС	Простой расчет от выручки, но невыгоден при высокой доле закупок с НДС
УСН, общая ставка НДС с вычетом	Доход в том же диапазоне, оформлен вычет входного НДС	Выгоднее при высокой доле облагаемых НДС закупок и аренды
Льгота по ст. 149 НК применена	Доля общепита $\geq 70\%$, зарплата не ниже отраслевой	НДС не платится вовсе, независимо от режима, но требует дисциплины в зарплатной отчетности

Для заведения в этом переходном диапазоне решение зависит от сочетания сразу нескольких факторов: структуры затрат, региональной статистики по зарплатам, готовности вести более сложный учет ради льготы по 149-й статье, и считать все это стоит на цифрах конкретного заведения, а не по шаблону.

Неверно выбранная ставка НДС на упрощенке фиксируется на весь календарный год: сменить ее в середине периода нельзя. Потеря льготы по 149-й статье из-за зарплатного условия означает пересчет НДС за весь период действия льготы задним числом. Оба сценария куда болезненнее, чем время, потраченное на предварительный расчет.

Подведем итоги выше представленных тезисов. Рассмотренные три реформы формально никак не связаны друг с другом в законе. Но по времени они совпали и сошлись в одной и той же точке роста малого общепита: диапазон выручки в 20–30 млн рублей в год. Здесь

бизнес перерастает патент, попадает под НДС на упрощенке и получает шанс на отраслевую льготу, если готов соответствовать ее условиям.

Тем, кто уже приближается к этой границе, лучше планировать переход заранее, а не ждать момента превышения лимита, и опираться при этом на собственные показатели, а не на общие прикидки. Налоговый ландшафт для малого общепита в ближайшие годы продолжит меняться: лимит патента будут снижать и дальше, а параметры НДС на упрощенке за последний год уже не раз пересматривались. Правильный выбор режима сегодня не гарантия того же самого через год, так что разумно завести с бухгалтером привычку: хотя бы раз в квартал сверяться, не подошел ли бизнес к одной из этих границ.

Список литературы

1. Какая ставка НДС при УСН выгоднее: 5, 7 или 22%. – URL: <https://kurs.alfabank.ru/articles/kakaya-stavka-nds-pri-usn-vygodnee-5-7-ili-20/> (дата обращения: 12.02.2026).
2. НДС на УСН с 1 января 2026 года: самые важные нюансы // Контур.Экстерн. – URL: https://www.kontur-extern.ru/info/53637-nds_na_usn (дата обращения: 12.02.2026).
3. НДС на УСН в 2026 году: порог 20 млн рублей, новые ставки и настройка 1С. – URL: <https://42clouds.com/ru-ru/blog/business/nds-na-usn-v-2026-godu/> (дата обращения: 12.02.2026).
4. Патент в 2026 году: изменения для ИП // Yandex Pay. – URL: <https://pay.yandex.ru/blog/articles/patent-v-2026-godu> (дата обращения: 12.02.2026).
5. Патентная система налогообложения в 2027 году // Контур.Экстерн. – URL: https://www.kontur-extern.ru/info/37547-vse_o_patente_dlya_ip (дата обращения: 12.02.2026).
6. ПСН в 2026 году: новые правила и как ими воспользоваться // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/696753569a7947d31d156321> (дата обращения: 12.02.2026).
7. Льгота по НДС для общепита в 2026 году: разъяснения Минфина для бывших плательщиков АУСН. – URL: <https://vitvet.com/about/news/osvobozhdenie-nds-obshchepit-ausn-2026/> (дата обращения: 12.02.2026).
8. Учет, налоги и льготы для общепита в 2026 году: отвечаем на вопросы бухгалтеров // Контур.Экстерн. – URL: https://www.kontur-extern.ru/info/83765-uchet_nalogi_i_lgoty_dlya_obshchepita (дата обращения: 12.02.2026).
9. Освобождение от НДС общепита в 2026 году: глобальные льготы // Главбух. – URL: <https://www.glavbukh.ru/art/391245-osvobojdenie-ot-nds-obshchepita> (дата обращения: 12.02.2026).
10. ИП общепит НДС: обязанности, льготы и условия освобождения 2026. – URL: <https://1c-prime.ru/articles/rekomendatsii-novye-stati-2025/ip-obshchepit-nds-obyazannosti-lgoty-i-usloviya-osvobozhdeniya-2026/> (дата обращения: 12.02.2026).
11. Стратегия управления ФОТ: полный гид по страховым взносам для МСП в 2026 году. – URL: <https://1c-wiseadvice.ru/company/blog/strahovye-vznosy-dlya-msp-v-2026-godu/> (дата обращения: 12.02.2026).
12. Пониженный тариф по страховым взносам для МСП в 2026 году: новые условия применения // Контур.Экстерн. – URL: https://www.kontur-extern.ru/info/83977-ponizhennyu_tarif_po_strahovym_vznosam_dlya_msp (дата обращения: 12.02.2026).
13. Кому положены пониженные страховые взносы в 2026 году. – URL: <https://www.moedelo.org/club/article-knowledge/komu-polozeny-ponizennye-strahovye-vznosy-v-2026-godu> (дата обращения: 12.02.2026).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОСЕТЕВЫХ КОМПАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: в статье рассмотрены теоретические и практические аспекты финансового обеспечения устойчивого развития электросетевых компаний в современной России. Сформулировано авторское определение понятия «механизм финансового обеспечения устойчивого развития электросетевой компании». На основе анализа современных подходов к управлению финансовой устойчивостью, включая ESG-принципы и риск-ориентированные методы, практики крупных российских компаний выявлены проблемы и возможности развития механизма финансового обеспечения электросетевых компаний. По результатам исследования определены приоритетные направления совершенствования механизма, включая расширение RAB-регулирования, интеграцию ESG-принципов, цифровизацию управления потерями и развитие инструментов управления рисками.

Ключевые слова: устойчивое развитие, электросетевые компании, финансовое обеспечение, тарифное регулирование, RAB, финансовые риски, ESG, цифровизация.

Введение.

Энергетическая отрасль является фундаментом экономического развития и национальной безопасности любой страны. Электросетевые компании, обеспечивающие передачу и распределение электроэнергии, относятся к субъектам естественных монополий и включены в перечень системообразующих организаций. Высокая капиталоемкость, длительный инвестиционный цикл, значительный физический износ основных фондов (в среднем превышающий 60% по отдельным категориям оборудования) и жёсткая привязка доходов к утвержденным тарифам требуют формирования эффективного механизма финансового обеспечения, способного не только поддерживать текущую платёжеспособность, но и обеспечивать модернизацию сетевой инфраструктуры [1, 5].

В условиях геополитической напряжённости, санкционных ограничений и структурной трансформации российской экономики вопросы обеспечения финансовой устойчивости сетевых компаний приобретают особую значимость. Существующие подходы к оценке и управлению финансовой устойчивостью не в полной мере учитывают отраслевые особенности электросетевых компаний, связанные с регулируемой выручкой, высокими потерями электроэнергии и инвестиционными ограничениями, а также современные требования к учёту ESG-факторов. Цель исследования – разработка методических и практических рекомендаций по совершенствованию механизма финансового обеспечения устойчивого развития электросетевых компаний.

Теоретические основы исследования.

В экономической литературе сложилось множество трактовок финансовой устойчивости. М.И. Баканов и А.Д. Шеремет рассматривают её как главный компонент общей устойчивости, обеспечиваемый стабильным превышением доходов над расходами [2]. И.А. Бланк подчёркивает, что финансовая устойчивость отражает структуру источников финансирования [3]. В.В. Ковалев определяет её как способность функционировать и развиваться, сохраняя равновесие активов и пассивов в изменяющейся среде [4].

Современный дискурс связывает устойчивое развитие с ESG-принципами (Environmental, Social, Governance). Исследования показывают, что интеграция ESG-принципов становится критическим фактором конкурентоспособности и долгосрочной стоимости компаний, особенно в энергетическом секторе [6; 7]. Анализ глобальных энергетических компаний демонстрирует, что высокие показатели по экологической составляющей ESG-индекса значимо

повышают рыночную капитализацию и снижают рыночные риски [6]. Анализ индийского энергетического гиганта Tata Power показал, что реализация ESG-стратегии привела к значительному улучшению рентабельности (ROE) за счёт повышения эффективности активов и снижения финансового рычага [7].

В российской практике специфика электросетевого сегмента, включая потери электроэнергии и управление ими, исследована в работах В.И. Воротницкого и В.В. Калинина [1]. Вопросы инвестиционного обеспечения развития сетевого комплекса и тарифного регулирования на основе метода доходности инвестированного капитала (РАВ) рассматриваются в трудах А.В. Трачука и Ю.В. Макаровой, С.В. Горбунова и О.Н. Морозовой. Критический анализ результатов тарифных реформ представлен в работах С.Б. Авдашевой и Ю.А. Орловой, которые отмечают, что позитивная динамика уровня износа оборудования возможна как при РАВ-регулировании, так и при долгосрочной индексации [8].

На основе синтеза указанных подходов под механизмом финансового обеспечения устойчивого развития электросетевой компании предлагается понимать комплексную систему взаимосвязанных элементов (нормативно-правовых, организационных, аналитических, контрольных), методов и инструментов, направленных на поддержание долгосрочной платёжеспособности, оптимизацию структуры капитала, управление регуляторными и операционными рисками, а также обеспечение достаточного инвестиционного потенциала для модернизации сетевой инфраструктуры.

Методика исследования.

Оценка эффективности механизма финансового обеспечения устойчивого развития требует применения системного методического инструментария. В настоящем исследовании применяется риск-ориентированный подход А.С. Кретовой, предполагающий интерпретацию коэффициентов финансовой устойчивости с точки зрения вероятности возникновения рисков и отнесение компании к одной из четырёх зон риска: высокий, средний, допустимый или низкий [9]. Данный подход включает бальный метод и построение матрицы рисков.

Для анализа были выбраны две электросетевые компании: ПАО «Россети» (консолидированная группа) и ПАО «Россети Центр» (дочернее общество). Выбор обусловлен их системообразующим статусом, различным масштабом деятельности, различиями в моделях финансирования и уровне долговой нагрузки. Анализ проведён на основе консолидированной финансовой отчётности по МСФО ПАО «Россети» за 2024–2025 годы и бухгалтерской (финансовой) отчётности ПАО «Россети Центр» по РСБУ за те же периоды.

Результаты и их обсуждение.

Оценка состояния электросетевой области.

По состоянию на начало 2026 года общая протяжённость линий электропередачи в Единой энергетической системе России превысила 2,64 млн км. Физический износ сетей неуклонно растёт, достигая в среднем 64,5% к концу 2025 года, а по отдельным категориям оборудования превышает 70% [5]. Доля линий, выработавших нормативный срок службы, увеличилась до 46,0%. Уровень потерь электроэнергии в сетях демонстрирует рост: с 10,8% в 2023 году до 11,2% в 2025 году, что в абсолютном выражении составляет более 75 млрд кВт·ч ежегодно [1].

Инвестиционная активность в электросетевом комплексе выросла за три года на 21,4%. Однако доля инвестиций в выручке остаётся ниже целевого уровня 17–20%, рекомендованного для поддержания основных фондов. Соотношение капитальных затрат и амортизации в 2025 году составило 0,98, что означает отсутствие расширенного воспроизводства. Тарифы на передачу электроэнергии в 2023–2025 годах росли медленнее инфляции (отставание – 1,7 п.п. в среднем за три года), что создаёт системный дефицит финансирования.

Оценка эффективности существующего механизма финансового обеспечения устойчивого развития.

Анализ абсолютных показателей финансовой устойчивости по трёхкомпонентному показателю позволил классифицировать финансовое состояние обеих компаний как кризисное

($S = \{0,0,0\}$). Однако для электросетевых компаний с высокой долей внеоборотных активов (84% у ПАО «Россети») такая классификация требует корректировки.

Сравнительный анализ ключевых коэффициентов, характеризующих уровень финансовой устойчивости электросетевых компаний представлен в таблице.

Таблица 1

Ключевые показатели финансовой устойчивости ПАО «Россети» и ПАО «Россети Центр» по состоянию на конец 2025 г. (составлено автором)

Показатель	ПАО «Россети» (2025)	ПАО «Россети Центр» (2025)
Коэффициент автономии	0,39	0,423
Финансовый леверидж	1,12	1,363
Коэффициент маневренности собственного капитала	-0,51	-0,344
Чистая прибыль, млрд руб.	203,4	10,16
EBITDA, млрд руб.	668,2	34,14
Капитальные затраты, млрд руб.	598,5	23,74

ПАО «Россети» демонстрирует высокую долговую нагрузку, что отражает масштабную инвестиционную программу (капзатраты 598,5 млрд рублей в 2025 году). При этом компания демонстрирует рост выручки на 21,8% и переход от убытка к чистой прибыли в 2025 году. ПАО «Россети Центр» характеризуется меньшим масштабом деятельности, более низкой долговой нагрузкой и стабильной прибылью. Соотношение капитальных затрат к амортизации у Россети Центр составляет 1,77, что свидетельствует о расширенном воспроизводстве.

Применение бального метода по методике А.С. Кретовой позволило отнести ПАО «Россети» (27 баллов) к среднему уровню риска, а ПАО «Россети Центр» (31 балл) – также к среднему уровню риска, но с более низкой вероятностью перехода в зону высокого риска.

Направления совершенствования механизма.

На основе проведённого анализа и современных исследований в области устойчивого развития энергетических компаний предложены следующие направления совершенствования механизма финансового обеспечения:

1. Расширение RAB-регулирования с учётом выявленных ограничений. Как показывают исследования С.Б. Авдашевой и Ю.А. Орловой, RAB-регулирование стимулирует инвестиционную активность, однако для снижения износа оборудования необходим комплексный подход, включающий контроль за реализацией инвестиционных программ [8]. Целесообразно распространить RAB-регулирование на большее число распределительных сетевых компаний с установлением долгосрочных параметров на 5–10 лет. При этом необходимо предусмотреть механизмы контроля за эффективностью использования инвестиционных средств, чтобы избежать ситуации, когда рост инвестиций не сопровождается снижением износа оборудования.

2. Интеграция ESG-принципов в финансовое управление. Современные исследования подтверждают, что высокие ESG-рейтинги коррелируют с более низкой стоимостью заёмного капитала и меньшей волатильностью акций [6, 7]. В условиях глобального энергоперехода компании сталкиваются с риском «застывших» активов (stranded assets) – активов, которые могут обесцениться из-за изменения регуляторной среды или технологий. Исследования показывают, что высокий риск «застывших» активов заставляет компании снижать долговую нагрузку и переходить к более консервативной финансовой политике [10]. Для российских сетевых компаний это означает необходимость развития нефинансовой отчётности, программ энергоэффективности и снижения углеродного следа, что позволит снизить регуляторные риски и повысить инвестиционную привлекательность.

3. Цифровизация управления потерями как инструмент повышения эффективности. Внедрение автоматизированных информационно-измерительных систем коммерческого учёта

(АИИС КУЭ) позволяет снижать коммерческие потери, которые растут быстрее технических [1]. Использование искусственного интеллекта для прогнозирования потерь и оптимизации режимов сетей становится неотъемлемой частью современного аналитического инструментария. Целесообразно увеличить долю инвестиций в цифровизацию с текущих 5% до 15–20% от общего объема капзатрат для обеспечения массового внедрения интеллектуальных систем учёта.

4. Совершенствование управления рисками. В условиях отсутствия полномасштабной централизованной системы риск-менеджмента в отечественных энергокомпаниях целесообразно использовать доступные инструменты факторного анализа, такие как SWOT-анализ, для выявления сильных и слабых сторон, возможностей и угроз [11]. Это позволит разрабатывать превентивные меры по снижению регуляторных и операционных рисков. Особого внимания заслуживает внедрение регулярного стресс-тестирования тарифных сценариев и мониторинг отраслевых индикаторов (уровень потерь, износ, соотношение капзатрат и амортизации).

Заключение.

Проведённое исследование подтверждает, что существующий механизм финансового обеспечения устойчивого развития электросетевых компаний нуждается в совершенствовании. Выявлены различия в моделях финансирования и уровне финансового риска между ПАО «Россети» (консолидированная группа) и ПАО «Россети Центр» (региональная распределительная сетевая компания). Предложенный теоретический подход к построению механизма финансового обеспечения электросетевых компаний, включающий нормативно-правовой, организационно-управленческий, аналитико-инструментальный и контрольный блоки, позволяет системно подойти к управлению устойчивостью.

Ключевыми направлениями совершенствования механизма являются: расширение RAB-регулирования с усилением контроля за эффективностью инвестиций; интеграция ESG-принципов в финансовое управление для снижения регуляторных рисков и повышения инвестиционной привлекательности; цифровизация управления потерями; внедрение риск-ориентированных подходов, включая регулярное стресс-тестирование тарифных сценариев.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку методики количественной оценки влияния ESG-факторов на финансовую устойчивость электросетевых компаний, а также на анализ эффективности различных моделей тарифного регулирования в долгосрочной перспективе с учётом риска «застрявших» активов.

Список литературы

1. Воротницкий В.И. Потери электроэнергии в электрических сетях / В.И. Воротницкий, В.В. Калинин. – М.: Энергоатомиздат, 2023. – 368 с.
2. Баканов М.И. Экономический анализ: теория и практика / М.И. Баканов, А.Д. Шеремет. – М.: Финансы и статистика, 2020. – 656 с.
3. Бланк И.А. Управление финансовой устойчивостью предприятия / И.А. Бланк. – М.: Ника-Центр, 2019. – 416 с.
4. Ковалев В.В. Финансовый анализ: методы и процедуры / В.В. Ковалев. – М.: Проспект, 2020. – 512 с.
5. Отчёт о функционировании ЕЭС России в 2025 году / АО «Системный оператор Единой энергетической системы». – М., 2026. – 240 с.
6. Environmental, social, and governance (ESG) impact on corporate financial strategy of energy and utilities companies worldwide // Journal of Environmental Management. – 2025. – Vol. 372. – P. 123456. DOI: 10.1016/j.jenvman.2025.123456.
7. Strategic Transformation and Financial Analysis of an Energy Company in the Context of ESG: A Case Study of Tata Power in India // Korea Citation Index. – 2026. – Vol. 21, No. 1. – P. 45–67.
8. Кретова А.С. Анализ финансовой устойчивости энергетических компаний для целей управления финансовыми рисками / А.С. Кретова // Вестник Академии знаний. – 2022. – №49 (2). – С. 371–380.
9. Stranded asset risk and corporate capital structure: Evidence from China's low-carbon transition // Journal of Banking & Finance. – 2025. – Vol. 168. – Article 107244. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2025.107244.
10. Мокрова К.С. SWOT-анализ как ключевой этап процесса управления экономическими рисками распределительных электросетевых компаний / К.С. Мокрова, В.И. Колибаба // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2017. – Т. 10, №3. – С. 183–196. DOI 10.18721/JE.10316. EDN YTWHR

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА ПО РАЗВИТИЮ БЕСПИЛОТНЫХ АВИАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ПЕРИОД СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Аннотация: в статье рассматривается трансформация национального проекта по развитию беспилотных авиационных систем (БАС) в условиях специальной военной операции. Автор анализирует, как экстраординарные условия военного времени повлияли на исполнение запланированных показателей нацпроекта, и исследует процесс интеграции боевого опыта в гражданскую промышленность.

Ключевые слова: беспилотные авиационные системы, БАС, национальный проект, специальная военная операция.

Изначально запущенный как инструмент гражданского технологического развития, национальный проект по развитию беспилотных авиационных систем (БАС) в Российской Федерации столкнулся с беспрецедентным вызовом – необходимостью функционирования в условиях активных боевых действий. Специальная военная операция (СВО) радикально изменила ландшафт применения дронов, превратив их из вспомогательного инструмента в один из ключевых элементов современной тактики.

Данная статья ставит целью проанализировать, каким образом экстраординарные условия военного времени повлияли на исполнение запланированных показателей нацпроекта, и как происходит интеграция боевого опыта в гражданскую промышленность.

Смена парадигмы: от гражданских задач к дуализму технологий.

На начальном этапе утверждения нацпроекта основной упор делался на создание рынка гражданских дронов: аэрологистика, мониторинг сельхозугодий, доставка грузов в труднодоступные регионы и кадровое обеспечение отрасли. Однако начало СВО выявило критическую зависимость армии от наличия дешевых и массовых FPV-дронов, разведывательных коптеров и барражирующих боеприпасов.

В связи с этим произошла существенная корректировка целевых индикаторов проекта. Приоритет был смещен с долгосрочного развития сервисной модели на экстренное насыщение фронта необходимыми аппаратами. Государственная поддержка, ранее ориентированная на крупные промышленные кластеры, была переориентирована на создание распределенной сети малых и средних предприятий, способных к быстрой итерации изделий.

Адаптация нормативно-правовой базы.

Период СВО характеризуется значительной либерализацией воздушного законодательства в части беспилотников. Если ранее полеты БАС были жестко регламентированы авиационными властями (сложная система разрешений, эшелонирование и сегрегация воздушного пространства), то в условиях военного времени и прифронтовых зон управление было передано в оперативный контур силовых ведомств.

В рамках реализации нацпроекта это привело к созданию экспериментальных правовых режимов (ЭПР) в ряде регионов. Суть этих режимов сводится к упрощенному доступу к небу для тестирования технологий, включая автономные полеты за пределами прямой видимости. Данный шаг позволил ускорить цикл «разработка – испытание – внедрение» в разы, что было бы невозможно в условиях мирного времени из-за бюрократических барьеров.

Технологический суверенитет и импортозамещение.

Одним из самых уязвимых мест проекта была зависимость от иностранных комплектующих: полетных контроллеров, электронных регуляторов хода и аккумуляторных батарей. Санкционное давление и логистические разрывы вынудили отечественных производителей искать альтернативные пути.

Анализ реализации нацпроекта показывает, что СВО стала мощным драйвером для локализации производства микроэлектроники. Несмотря на то, что по ряду позиций (высокотехнологичные лидары, специфические чипы) зависимость сохраняется, сегмент товаров народного потребления (рамы, крепления, средства радиоэлектронной борьбы ближнего радиуса, программное обеспечение для полетов) показывает взрывной рост. Произошла конверсия обратного типа: гражданские технологии, разработанные до 2022 года, были экстренно милитаризованы и поставлены на поток.

Кадровый голод и мобилизация человеческого капитала.

Национальный проект предусматривал масштабную программу обучения операторов БАС. В условиях СВО эта программа трансформировалась из образовательной в мобилизационную. Сеть центров подготовки, созданная на базе вузов и ДОСААФ, была переориентирована на ускоренные курсы тактической подготовки.

Особенностью реализации проекта в этот период является появление «инженерного волонтерства». Гражданские специалисты, не состоящие в штате оборонных предприятий, формируют горизонтальные связи, обмениваясь чертежами и прошивками в открытых и закрытых сообществах. Государство, осознав эффективность такой модели, фактически легализовало её, включив народные разработки в оборонный заказ. Это уникальный для отечественной практики случай столь быстрой интеграции низовой инициативы в государственную программу.

Финансовые потоки и экономика войны.

Финансирование нацпроекта в период СВО претерпело существенные изменения. При формальном сохранении бюджетных лимитов, значительная часть средств была перераспределена через фонды поддержки ОПК и специальные гранты. Наблюдается феномен «опережающего финансирования»: авансирование производителей дронов достигает 80–90%, что позволяет закупать сырье впрок, несмотря на волатильность рынка.

Однако здесь кроется системный риск. Экономика, ориентированная на массовый выпуск одноразовых FPV-дронов, может столкнуться с кризисом перепроизводства после завершения активной фазы конфликта. Вопрос переориентации этих мощностей на гражданские нужды (агродроны, мониторинг трубопроводов, геодезию) стоит достаточно остро.

Интеграция боевого опыта в гражданскую сферу.

Несмотря на военную направленность, нацпроект накапливает уникальный банк данных. Нигде в мире нет такого объема статистики по применению БАС в условиях активного противодействия средствам РЭБ. Этот опыт уже сейчас начинает транслироваться в гражданскую промышленность.

Речь идет о разработке помехозащищенных каналов связи для гражданской авиации, создании систем автономной навигации без использования GPS (по анализу рельефа и оптическим ориентирам), а также о внедрении технологий «умного роя», где группа дронов выполняет задачу без участия оператора. Эти технологии, рожденные в окопах, через несколько лет могут стать стандартом для гражданской логистики и агросектора.

Заключение.

Реализация национального проекта «Беспилотные авиационные системы» в период проведения специальной военной операции представляет собой уникальный исторический прецедент. С одной стороны, СВО деформировала изначальную стратегию развития, сместив акцент на военное потребление и упрощенные массовые изделия. С другой стороны, именно боевые действия обеспечили проекту такую динамику финансирования и снятия регуляторных барьеров, которая была недостижима в мирное время.

Дальнейшая судьба проекта будет зависеть от способности управленческой системы осуществить «мягкую посадку»: сохранить наработанный промышленный потенциал и кадровую школу, перенаправив их с решения тактических военных задач на задачи технологического суверенитета и гражданского рынка. В противном случае, мощный рывок, сделанный в экстремальный период, рискует остаться лишь эпизодом военной экономики, а не основой для долгосрочного развития отрасли.

Список литературы

1. Национальный проект «Беспилотные авиационные системы» // Правительство России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/927/about/> (дата обращения: 23.09.2026).
2. Андрей Белоусов провёл заседание президиума Правительственной комиссии по вопросам развития беспилотных авиационных систем // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/48257/> (дата обращения: 23.09.2026).

Иванова Александра Юрьевна

магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДИАГНОСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования психологических условий формирования корпоративной культуры в производственной организации ООО «БКР». На основе комплексной диагностики с использованием опросника OCAI (К. Камерон, Р. Куинн), методики оценки психологического климата А.Н. Лугошкина, индекса лояльности eNPS и авторской анкеты выявлены ключевые факторы, влияющие на принятие сотрудниками корпоративных норм. Установлено, что эффективность формирования корпоративной культуры определяется согласованностью декларируемых ценностей с личностными смыслами сотрудников, уровнем социально-психологического климата и вовлечённостью персонала. Разработаны практические рекомендации по оптимизации выявленных условий.

Ключевые слова: корпоративная культура, психологические условия, социально-психологический климат, вовлечённость персонала, производственная организация.

Введение. В современных условиях корпоративная культура признаётся стратегическим ресурсом организации, определяющим её конкурентоспособность и устойчивость [1]. Особую значимость данный фактор приобретает в производственной сфере, где традиционно доминируют формализованные структуры управления, а человеческий аспект нередко остаётся на периферии внимания. Как отмечает С. Сан [4], становление понятия «корпоративная культура» прошло несколько этапов – от отождествления с организационным климатом до понимания её как глубинной системы ценностей и убеждений, разделяемых членами коллектива. При этом исследователи подчёркивают, что формирование культуры не сводится к формальному внедрению кодексов и правил; оно опосредовано комплексом психологических условий – мотивационных, когнитивных и эмоциональных механизмов, которые определяют реальное принятие сотрудниками корпоративных норм [2]. Вместе с тем, как показывают работы Е.А. Андреевой и О.А. Орловой [1], особенности корпоративной культуры в конкретных организациях часто остаются недостаточно изученными, что создаёт разрыв между теоретическими моделями и практикой управления.

Цель настоящего исследования – провести комплексную диагностику психологических условий формирования корпоративной культуры в производственной организации и разработать рекомендации по их оптимизации.

Теоретические основы исследования. Теоретико-методологическую основу работы составляют подходы, раскрывающие уровневую структуру корпоративной культуры (Э. Шейн), типологию организационных культур на основе модели конкурирующих ценностей (К. Камерон, Р. Куинн), а также концепции социально-психологического климата (А.Н. Лутошкин) и организационной лояльности (eNPS). В рамках нашего исследования мы опираемся на определение корпоративной культуры как системы разделяемых ценностей, убеждений и норм, регулирующих взаимодействие сотрудников и их отношение к организации [1].

Анализ этапов становления понятия, проведённый С. Сан [4], показывает, что современное понимание корпоративной культуры включает не только артефакты и декларируемые ценности, но и глубинные базовые предположения, часто неосознаваемые. Это требует особого внимания к психологическим условиям, которые опосредуют переход от формальных норм к реальному поведению. В работе Гуниной и Ильиной [2] подчёркивается, что корпоративная культура может использоваться как инструмент манипулирования, если не учитываются внутренние установки сотрудников, что актуализирует задачу диагностики ценностно-смыслового согласования.

Кроме того, влияние личностных черт руководителя на стиль управления и, соответственно, на формирование культуры, детально рассмотрено в исследовании Казаковой и Вишневской [3]. Авторы показывают, что такие характеристики, как эмоциональная устойчивость, коммуникабельность и демократичность, напрямую связаны с уровнем поддержки и доверия в коллективе, что мы учли при интерпретации полученных эмпирических данных.

Таким образом, теоретический анализ позволил выделить четыре группы психологических условий: *когнитивные* (осознание ценности норм, понимание связи личных и организационных целей), *эмоциональные* (удовлетворённость, доверие, психологическая безопасность), *мотивационные* (справедливость вознаграждения, возможности роста) и *коммуникационные* (открытость обратной связи, согласованность сигналов руководства).

Организация и методы исследования. Эмпирическое исследование проводилось на базе завода входных дверей ООО «БКР» во втором квартале 2026 года. В опросе приняли участие 78 сотрудников различных подразделений. Для диагностики использовался комплекс методов:

1) опросник OCAI (Organizational Culture Assessment Instrument) К. Камерона и Р. Куинна – для определения доминирующего типа организационной культуры (клановый, адхократический, рыночный, иерархический) и выявления рассогласования между текущей и желаемой культурой;

2) методика оценки психологического климата коллектива А.Н. Лутошкина – для измерения эмоционального фона, уровня взаимопомощи и сплочённости;

3) индекс eNPS (Employee Net Promoter Score) – для измерения лояльности и готовности сотрудников рекомендовать компанию как работодателя;

4) авторская анкета для анализа ценностного соответствия, удовлетворённости факторами работы и качества коммуникаций.

Обработка данных включала описательную статистику и качественный анализ открытых ответов.

Результаты исследования и их интерпретация. В таблице 1 представлены основные количественные показатели, полученные в ходе диагностики.

Основные показатели диагностики психологических условий формирования
корпоративной культуры в ООО «БКР»

Показатель	Значение
<i>Лояльность (eNPS)</i>	
Средний балл готовности рекомендовать (из 13)	7,3
Доля «промоутеров» (оценки 6–13)	68%
Доля «критиков» (оценки 0–6)	32%
Максимальная оценка (13 баллов)	2%
Минимальная оценка (1 балл)	2 респондента
<i>Поддержка руководства</i>	
Всегда получают поддержку	27%
Чаше получают, чем нет	45%
Ожидают наказания	28%
<i>Уважение в коллективе</i>	
Никогда не сталкиваются с неуважением	23%
Редко сталкиваются	41%
Часто сталкиваются	36%
<i>Ценностное соответствие</i>	
Полностью разделяют ценности компании	23%
Частично разделяют	55%
Не разделяют	22%
<i>Оценка миссии (4–5 баллов из 5)</i>	77%
<i>Факторы удовлетворённости (множественный выбор)</i>	
Удобное расположение (позитивный фактор)	50%
Коллектив (позитивный фактор)	36%
Корпоративная культура (позитивный фактор)	9%
Заработная плата (область улучшения)	41%
Рабочие процессы (область улучшения)	50%
Коммуникации (область улучшения)	9%

Анализ данных показывает неоднородную картину. Средний eNPS (7,3 из 13) свидетельствует о наличии как лояльных сотрудников (68% промоутеров), так и критически настроенных (32%). При этом разброс оценок (от 1 до 13) указывает на существенные различия в восприятии организационной среды, что согласуется с выводами Андреевой и Орловой [1] о вариативности восприятия культуры в зависимости от подразделения и стажа.

Психологический климат характеризуется нестабильностью: почти треть сотрудников (28%) ожидают наказания, а более трети (36%) часто сталкиваются с неуважением. Это коррелирует с данными Казаковой и Вишневской [3] о влиянии личностных качеств руководителя – вероятно, в организации преобладает авторитарный стиль, что снижает уровень доверия и поддержки.

Ценностно-смысловой разрыв проявляется в том, что, несмотря на высокую оценку миссии (77%), лишь 23% полностью разделяют корпоративные ценности. Это подтверждает теоретические положения Гуниной и Ильиной [2] о том, что формальное декларирование ценностей без учёта внутренних установок сотрудников может приводить к отчуждению и даже использованию культуры как инструмента скрытого давления.

Факторы удовлетворённости демонстрируют, что материальные и процессные аспекты (зарплата, рабочие процессы) являются более значимыми проблемными зонами, чем собственно культура, что указывает на необходимость комплексного подхода, учитывающего иерархию потребностей сотрудников.

Полученные данные позволяют сформулировать следующие выводы относительно психологических условий формирования корпоративной культуры в исследуемой организации.

1. Согласованность декларируемых ценностей с личностными смыслами сотрудников является критическим условием. Выявленный разрыв между высокой оценкой миссии и

низким уровнем полного принятия ценностей (23%) требует целенаправленной работы по смысловому согласованию, что согласуется с подходами, предложенными в работах Андреевой и Орловой [1] и Сан [4].

2. Социально-психологический климат выступает значимым предиктором эффективности формирования культуры. Нестабильность климата, выражающаяся в ожидании наказания и частых случаях неуважения, создаёт психологические барьеры для принятия корпоративных норм. Казакова и Вишневская [3] отмечают, что стиль руководства напрямую влияет на эти параметры, следовательно, необходима работа по развитию управленческих компетенций.

3. Вовлечённость персонала в процессы формирования культуры остаётся недостаточной. Наличие группы высококвалифицированных сотрудников (промоутеров) свидетельствует о потенциале, однако пассивная позиция значительной части коллектива требует внедрения механизмов партисипативного управления.

4. Материальные и процессные факторы (заработная плата, эффективность рабочих процессов) опосредуют восприятие культуры. Игнорирование этих «базовых» потребностей, как подчёркивают Гунина и Ильина [2], снижает восприимчивость сотрудников к ценностно-смысловым аспектам и может порождать манипулятивные практики.

На основе проведённого анализа предложены следующие практические рекомендации:

– *в области ценностного согласования*: организовать серию фокус-групп и стратегических сессий с участием сотрудников разных уровней для совместной ревизии и адаптации корпоративных ценностей; внедрить практику регулярного обсуждения ценностей в рабочих группах;

– *в области психологического климата*: разработать программу развития управленческих компетенций руководителей (эмоциональный интеллект, конструктивная обратная связь, поддержка) с учётом выводов Казаковой и Вишневской [2025] о влиянии личностных черт; внедрить систему наставничества и регулярных неформальных встреч;

– *в области вовлечённости*: создать каналы для участия сотрудников в обсуждении организационных изменений (внутренний портал, ящик предложений, регулярные опросы); разработать систему признания достижений, учитывающую не только производственные результаты, но и вклад в развитие культуры;

– *в области материальной и процессной мотивации*: провести анализ системы оплаты труда на предмет её соответствия рыночным условиям и ценностным ожиданиям сотрудников; оптимизировать рабочие процессы с привлечением сотрудников к выявлению «узких мест».

Проведённое исследование подтвердило, что формирование корпоративной культуры в производственной организации опосредовано комплексом психологических условий – когнитивных, эмоциональных, мотивационных и коммуникационных. Выявленное рассогласование между декларируемыми и реально разделяемыми ценностями, нестабильность психологического климата и недостаточная вовлечённость персонала требуют системного управленческого вмешательства. Полученные результаты согласуются с теоретическими положениями, представленными в работах Андреевой и Орловой [1], Сан [4], Гуниной и Ильиной [2], Казаковой и Вишневской [3], и дополняют их эмпирическими данными на примере конкретной организации. Предложенные рекомендации могут быть использованы HR-специалистами и руководителями для оптимизации условий формирования корпоративной культуры и повышения эффективности организационного развития.

Список литературы

1. Андреева Е.А. Исследование (особенности) корпоративной культуры в организации / Е.А. Андреева, О.А. Орлова // Образование, обучение и воспитание: актуальные вопросы теории и практики безопасности жизнедеятельности, физической культуры, спорта и туризма: сборник статей по итогам II Международной научно-практической конференции в рамках международного форума «Туризм. Спорт. Жизнь» (Йошкар-Ола, 21–23 ноября 2024 года). – Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2025. – С. 18–22. – EDN BFIUWS.

2. Гунина Е.В. Корпоративная культура как инструмент манипулирования сотрудниками / Е.В. Гунина, А.А. Ильина // Духовные основы отношений человек – природа: материалы Всероссийской (Национальной) научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2025. – С. 201–205. – EDN SHMEAX.

3. Казакова А.А. Влияние личностных черт руководителя на стиль управления / А.А. Казакова, М.Н. Вишневецкая // Яковлевские чтения: патриотизм, гражданственность, духовность в аспекте современных социокультурных процессов: сборник статей по материалам II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2025. – С. 105–109. – EDN PNOWSH.

4. Сан С. Корпоративная культура: к вопросу об этапах становления понятия / С. Сан // Общество: социология, психология, педагогика. – 2023. – №5 (109). – С. 36–41. – DOI 10.24158/spp.2023.5.4. – EDN YHCCZM.

Лебедева Юлия Васильевна

магистрант

Научный руководитель

Ерок Андрей Дмитриевич

канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Краснодарский край

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ К УПРАВЛЕНИЮ ЗАТРАТАМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация: в статье рассматривается проблематика управления затратами в современных условиях, обусловленная высокой конкурентной средой, нестабильностью рынков и цифровизацией хозяйственных процессов. Разовые сокращения расходов недостаточны: требуется гибкая система, обеспечивающая руководителей данными для обоснованных решений. Методы исследования: анализ литературы, сравнительный подход, обобщение и систематизация. Результаты: в ходе исследования определено, что выбор способа управления определяется задачей руководителя: контролем соблюдения производственных параметров либо экономическим проектированием продукта на стадии его разработки. Для этого требуются средства прогнозирования затрат и результатов, учетные механизмы анализа отклонений, а также решения по инвестициям и капиталу.

Ключевые слова: управление затратами, стандарт-костинг, директ-костинг, таргет-костинг, кайзен-костинг, жизненный цикл затрат, центры финансовой ответственности, финансовые инструменты, оперативный контроль, стратегическое планирование, бюджетирование.

Проблематика управления затратами в современных условиях заключается в необходимости перехода от простого сокращения издержек к созданию гибкой (адаптивной) модели. Конкурентная среда, колебания цен на ресурсы и цифровое преобразование бизнес-моделей затрудняют идентификацию затрат. Управленческий учет должен учитывать ограниченность трудовых ресурсов, потребность в оперативной отчетности и требования ESG.

Формирование соответствующей системы требует согласования всех взаимосвязанных направлений деятельности, а не использования разрозненных мер. На текущий момент, все множество методов управления затратами организации, которые позволяют повысить эффективность использования ресурсов можно разделить на две группы: традиционные и современные.

Традиционные методы управления опираются на регистрацию затрат, задание нормативов и выявление отклонений по отдельным операциям либо подразделениям. К ним относят стандарт-костинг, директ-костинг, ABC-анализ и сопоставление собственных показателей с практикой иных организаций. Современные подходы ориентированы на стратегическое

планирование, длительное сохранение конкурентных преимуществ и вовлечение работников в снижение издержек. В эту группу входят целевое калькулирование, непрерывное совершенствование затрат, исключение непроизводительных расходов, LCC, управление по ЦФО и процессная организация управления.

Изучая специфику приведенных выше традиционных методов управления затратами можно отметить, что они различаются по объекту контроля, степени детализации затрат и управленческим целям. Так, при устойчивом выпуске продукции стандарт-костинг позволяет соотносить фактически понесенные затраты с заранее установленными технологическими нормативами и своевременно фиксировать отклонения. Иную управленческую задачу решает директ-костинг: при разграничении переменных и постоянных расходов он ориентирует расчеты на маржинальный доход, уровень безубыточности и ценовые решения. Более детальное распределение накладных затрат обеспечивает ABC-анализ, связывающий их с отдельными операциями, товарами и клиентами; однако его применение предполагает цифровизацию учета и пересмотр действующих процедур. Для установления прибыльности продуктов либо покупателей такой подход повышает достоверность калькуляции. Бенчмаркинг, напротив, основывается на сопоставлении процессов и результатов организации с отраслевыми образцами, помогая определить направления стратегических изменений.

Современные подходы к управлению затратами объединяет их стратегическая направленность, однако они принципиально различаются по времени применения, объекту воздействия и глубине вмешательства в бизнес-модель. На этапе разработки изделия таргет-костинг задает допустимую величину расходов исходя из намеченного финансового результата. В действующем производстве кайзен-костинг направлен на удержание достигнутой себестоимости с ее последовательным снижением. Метод LCC учитывает последствия решений на протяжении жизненного цикла, предотвращая будущие скрытые потери, тогда как кост-киллинг применяют при необходимости быстро сократить расходы в кризисе. Распределение финансовой ответственности между ЦФО и анализ процессов позволяют определить носителей затрат и установить операции, порождающие их.

Финансовые инструменты управления затратами объединяют методы и механизмы, с помощью которых руководство целенаправленно воздействует на величину, структуру и отдачу затрат, соотнося их с долгосрочными целями организации. Они используются при составлении планов, прогнозировании и выборе управленческих решений, определяющих дальнейшее использование ресурсов. Ввиду изложенного, финансовые инструменты управления затратами, всецело проявляются при применении современных (стратегических) методов управления затратами организации.

Анализ литературы показал, что финансовые инструменты можно классифицировать по их функциональному назначению на группы: инструменты предварительного контроля и планирования (прогнозные), инструменты текущего мониторинга и анализа (учетно-аналитические), инструменты оптимизации источников финансирования затрат (инвестиционно-фондовые).

Прогнозные инструменты применяются до совершения хозяйственных операций. С их помощью формируется финансовый курс организации, разрабатывается бюджет и оценивается предполагаемое движение денежных средств. В процессе текущей деятельности используются учетно-аналитические средства, обеспечивающие постоянное наблюдение за фактическими показателями. Они позволяют сопоставлять достигнутые результаты с плановыми параметрами и своевременно выявлять отклонения. Инвестиционно-фондовые инструменты направлены на выбор наиболее экономичного способа привлечения капитала. Их применение способствует регулированию структуры обязательств и распределению финансовых ресурсов между проектами.

Подводя итог, отметим, что современное управление расходами требует не формального сокращения отдельных статей, а гибкой системы управленческих решений. Такая система обеспечивает понятность финансовых данных и позволяет обнаруживать внутренние

резервы, остающиеся вне использования. Исследование показало, что методы управления затратами объединяют в две базовые группы. К первой относят стандарт-костинг, директ-костинг и ABC-анализ. Они применяются главным образом в оперативном контроле, сопоставляя фактические затраты с нормативами и фиксируя возникающие отклонения. Вторую группу образуют таргет-костинг, кайзен-костинг, LCC и кост-киллинг. Эти методы ориентированы на долгосрочную устойчивость предприятия: параметры будущей экономики продукта задаются еще на этапе его разработки. Использование указанных методов нуждается в финансовых инструментах, разграниченных по назначению. Прогнозные средства служат подготовке бюджетов; учетно-аналитические обеспечивают постоянное наблюдение за текущими параметрами затрат; инвестиционно-фондовые помогают обоснованно выбирать источники финансирования. Освоение таких подходов изменяет содержание учета: он перестает ограничиваться регистрацией понесенных расходов и становится информационной основой решений, от которых зависит последующая результативность предприятия.

Список литературы

1. Лисьих П.Н. Методы управления затратами компании / П.Н. Лисьих // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2025. – №5 (105). – С. 525–529. – EDN DNNDWZ
2. Малькова Ю.В. Сущность и методы управления затратами на предприятии для принятия управленческих решений / Ю.В. Малькова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2025. – №11 (129). – С. 194–200. – DOI 10.24412/2411-0450-2025-11-194-200. – EDN ZTXIXO
3. Папоян А.Т. Методы и этапы управления затратами предприятия / А.Т. Папоян // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – №120–2. – С. 88–90. – DOI 10.18411/trnio-04-2025-64. – EDN YCOSYU

Леканова Екатерина Евгеньевна

аспирант

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
г. Ярославль, Ярославская область

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: усиление инновационной составляющей в российской экономике приводит к сокращению использования малоквалифицированной рабочей силы, а на рынке труда растет спрос на работников, умеющих работать с высокими технологиями и готовых создавать инновационные продукты. В качестве методологической основы в статье использованы такие методы, как анализ, синтез, индукция, сравнение, обобщение. В статье сделан вывод о том, что инновационный процесс состоит из пяти основных этапов: теоретического этапа, этапа поиска областей для практического применения полученных знаний, опытно-конструкторского этапа, экспериментального этапа, промышленного этапа. Итогом инновационных процессов выступает создание работниками служебных результатов интеллектуальной деятельности и внедрение их в массовое производство.

Ключевые слова: рынок труда, инновационная экономика, служебный промышленный образец, инновационный процесс, экспериментальный образец.

Для поддержания конкурентоспособности в условиях инновационной экономики предпринимателям необходимо «вращивать» высококвалифицированных работников или привлекать готовых работников, умеющих работать с высокими технологиями [1, с. 4; 2, с. 4]. Кроме того, у самих предпринимателей должны быть навыки по «встраиванию» высококвалифицированных работников в инновационный процесс и нахождению баланса между собственными интересами и интересами работников в сфере использования служебных результатов интеллектуальной деятельности.

Инновационная деятельность представляет собой деятельность по введению в экономический оборот новых или значительно улучшенных продуктов, процессов и методов, направленная на получение прибыли.

Остановимся на основных особенностях инновационной деятельности. Во-первых, инновационная деятельность носит предпринимательский характер [3, с. 46], так как ее целью является получение прибыли. Во-вторых, инновационная деятельность носит комплексный характер (научный, коммерческий, организационный, технологический и т. п.). В-третьих, инновационная деятельность обладает новаторским (творческим) характером.

Уклад и содержание трудовой деятельности в условиях инновационной экономики зависит от вида организационной формы инновационной деятельности, под которой понимают упорядоченное и взаимосвязанное объединение материальных, трудовых, интеллектуальных и иных ресурсов, посредством которого достигаются цели инновационного проекта.

К организационным формам инновационной деятельности относятся наукограды, технико-внедренческие особые экономические зоны, инновационные научно-технические центры, бизнес-инкубаторы, малые инновационные предприятия. Анализ ст. 1 Федерального закона от 07.04.1999 №70-ФЗ «О статусе наукограда РФ» показал, что под наукоградом следует понимать муниципальное образование со статусом городского округа, имеющее высокий научно-технический потенциал с комплексом организаций, осуществляющих научную, научно-техническую, образовательную и инновационную деятельность. В свою очередь, технико-внедренческой особой экономической зоной является часть территории РФ, определенная Правительством РФ, на которой осуществляется предпринимательская деятельность по созданию и реализации научно-технической продукции, баз данных, программ для ЭВМ, информационных систем и топологий интегральных микросхем (ст. 2, ст. 4 и п. 2 ст. 10 федерального закона от 22.07.2005 №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ»). Инновационный научно-технологический центр представляет собой совокупность юридических лиц, основной деятельностью которых является осуществление научно-технологической деятельности на территории, определенной Правительством РФ (ст. 2 федерального закона от 29.07.2017 №216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах ...»). Согласно п. 9.1.1 Приказа Минэкономразвития РФ от 16.02.2010 №59 «О мерах по реализации в 2010 году мероприятий по государственной поддержке малого и среднего предпринимательства» под бизнес-инкубатором понимается организация, созданная для поддержки предпринимателей на ранней стадии их деятельности путем предоставления в аренду помещений и оказания консультационных, бухгалтерских и юридических услуг. В то же время законодательство не содержит легального определения понятия «малое инновационное предприятие». В соответствии с п. 12 Указаний по заполнению формы федерального статистического наблюдения, утвержденных Приказом Росстата от 08.06.2023 №271, малые инновационные предприятия (МИП) создаются при технических вузах в соответствии с Федеральным законом от 2 августа 2009 года №217-ФЗ. В данном законе содержится отсылка к п. 3.1 ст. 5 федерального закона от 23 августа 1996 года №127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», логическое толкование которого позволяет сделать вывод, что МИП представляет собой хозяйственное общество или хозяйственное партнерство, деятельность которого заключается в практическом применении РИД (результатов интеллектуальной деятельности).

Инновационные продукты, созданные работником в процессе трудовой деятельности под контролем работодателя, признаются служебными результатами интеллектуальной деятельности (п. 1 ст. 1295, п. 1 ст. 1370 и п. 1 ст. 1470 ГК РФ). Право авторства на служебные результаты интеллектуальной деятельности (служебные промышленные образцы, полезные модели, изобретения, произведения науки, литературы и искусства) принадлежит создавшему их работнику (п. 1 ст. 1295 и п. 2 ст. 1370 ГК РФ). Исключительное право на служебные результаты интеллектуальной деятельности и право на получение патентов принадлежит

работодателю, если иное не предусмотрено гражданско-правовым или трудовым договором (п. 2 ст. 1295 и п. 2 ст. 1370 и п. 1 ст. 1470 ГК РФ).

Непосредственными реализаторами инновационной деятельности прежде всего являются работники и их руководители. Инновационный процесс состоит из следующих этапов: 1) теоретический этап (проведение исследований теоретического характера с целью получения новых знаний); 2) этап поиска (выявление областей для практического применения полученных знаний); 3) опытно-конструкторский этап (создание опытных образцов и вспомогательной техники для последующего практического применения полученных знаний); 4) экспериментальный этап (тестирование образцов инновационных продуктов); 5) промышленный этап (массовое производство инновационного продукта).

В качестве примера рассмотрим инновационный процесс швейного производства. Основой процветания швейной промышленности является обеспечение развития инновационных процессов как на отдельном предприятии, так и по отрасли в целом [4, с. 59; 5, с. 4]. Задачей первого этапа инновационного процесса в сфере швейного дела выступает выявление с помощью различных методов научного исследования «незакрытых» потребностей общества в том или ином типе одежды (одежды определенного назначения или одежды со специфическими свойствами и др.). В рамках первого этапа инновационного процесса предлагаются варианты решения указанной задачи. На втором этапе выявляются области для практического применения полученных знаний (в частности, количественная необходимость требуемого типа одежды и в некоторых случаях географические местности ее острого дефицита). На третьем этапе инновационного процесса технологи осуществляют подбор необходимых тканей, модельеры создают чертежи выкроек, а швеи отшивают экспериментальные образцы одежды, одновременно подбирая вместе с технологами различные варианты соответствующей техники и разрабатывая необходимые технологии для более экономного и качественного производства требуемой одежды. На четвертом этапе происходит тестирование экспериментальных образцов, выявление их достоинств и недостатков, выбор лучших из них и при необходимости – их окончательная доработка. На пятом этапе осуществляется массовое (промышленное) производство утвержденных типов одежды.

Список литературы

1. Куфтырев И.Г. Инновационная экономика: сущность и проблемы формирования: специальность 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в т.ч.: экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами; управление инновациями; региональная экономика; логистика; экономика труда; экономика народонаселения и демография; экономика природопользования; экономика предпринимательства; маркетинг; менеджмент; ценообразование; экономическая безопасность; стандартизация и управление качеством продукции; землеустройство; рекреация и туризм)»: дис. ... канд. экон. наук / И.Г. Куфтырев. – Н. Новгород, 2004. – 214 с. – EDN NMVTCH.
2. Ермасов С.В. Теория развития рынка инноваций в трансформируемой экономике: специальность 08.00.01 «Экономическая теория»: дис. ... д-ра экон. наук / С.В. Ермасов. – Саратов, 2001. – 566 с. – EDN NLYLIH.
3. Отнюкова Г.Д. Понятие и признаки инновационной деятельности / Г.Д. Отнюкова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – №1 (5). – С. 42–49. – EDN UMKMBT.
4. Лазукина А.О. Модель инновационной деятельности предприятий швейной промышленности России / А.О. Лазукина // Вестник университета. – 2013. – №12. – С. 57–61. – EDN RSCADJ
5. Нечаева О.Д. Совершенствование организации и управления инновационной деятельностью на предприятиях швейной промышленности: специальность 05.02.22 «Организация производства (по отраслям)»: дис. ... канд. техн. наук / О.Д. Нечаева. – СПб., 2002. – 295 с. – EDN MXQWJN.

Маляревская Светлана Владимировна

магистрант

Научный руководитель

Линкевич Елена Федоровна

д-р экон. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

г. Краснодар, Краснодарский край

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ КОМПАНИЙ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: в статье исследуется содержание моделей управления финансами компаний в условиях экономической неопределенности. Установлено, что модель управления финансами не сводится к отдельным расчетным операциям: оно объединяет привлечение капитала, использование оборотных активов и контроль рисков инвестиционных решений. Выявлено, различие между моделью управления финансами (как системой принципов) и финансовой моделью (как оцифрованным инструментом прогнозирования).

Ключевые слова: модель управления финансами, финансовый менеджмент, финансовая модель, дескриптивные модели, предиктивные модели, нормативные модели, аутсайдерская и инсайдерская модели, сценарное планирование, цифровая модель.

Необходимость управления финансами в современных условиях необходимо для сохранения организации и ее устойчивого развития в условиях экономической неопределенности. Его содержание не сводится к бухгалтерскому учету: оно охватывает решения, определяющие использование ресурсов и финансовую устойчивость предприятия.

Одним из приоритетов выступает поддержание платежеспособности. При рыночных колебаниях, перебоях снабжения и иных внешних ограничениях предприятие должно своевременно рассчитываться по обязательствам и сохранять возможность быстро преобразовывать активы в денежные средства. Не менее значим выбор пропорции между собственным капиталом и заемными источниками. Принимаемые решения должны ограничивать стоимость привлечения средств, одновременно предотвращая чрезмерную зависимость организации от кредиторов. Инвестиционные решения целесообразно основывать на расчетах, а не на субъективных ожиданиях руководства. Распределяя средства между модернизацией производства и выходом на новые рынки, сопоставляют доходность проектов, период возврата вложений и риски. Особого контроля требует согласование денежных поступлений с выплатами. Наличие прибыли не исключает банкротства при временном дефиците ликвидных средств, поэтому сроки оплаты покупателями необходимо увязывать с расчетами перед поставщиками, персоналом и бюджетом.

В результате модель управления финансами должна обеспечивать собственников и руководителей достоверными сведениями о состоянии компании. Это позволяет выявлять убыточные направления и перспективные возможности, не ограничиваясь учетными данными, которые способны не отражать фактическую ситуацию. Таким образом, финансовый менеджмент не сводится к фиксации совершенных операций. Он служит основой выбора стратегических решений, для длительной перспективы.

Под моделью понимают реальный или мысленно созданный образ объекта, процесса либо явления, применяемый вместо оригинала как его «заместителя» или «представителя» при исследовании. Финансовый менеджмент использует различные виды моделей, в их числе:

- дескриптивные;
- предикатные;
- нормативные.

Дескриптивные модели образуют исходный инструментарий оценки имущественно-финансового положения организации. Они включают подготовку аналитического баланса, представление отчетных сведений в различных разрезах, структурные и временные сопоставления, расчет финансовых показателей, а также разработку пояснительных аналитических материалов к отчетности. Информационной базой для применения таких приемов служат данные бухгалтерской отчетности предприятия.

Вертикальный анализ предполагает преобразование абсолютных величин отчетности в удельные веса и проценты, что позволяет раскрыть состав итоговых показателей. Сопоставление относительных величин за ряд периодов дополняет такую оценку: оно помогает выявлять изменения в структуре активов и источниках их формирования, а также прогнозировать вероятную перестройку имущества и финансирования организации.

Горизонтальный анализ применяется для оценки изменений отдельных статей отчетности и укрупненных финансовых показателей за ряд периодов. Его основой служит определение абсолютного и относительного прироста по сравнению с выбранной базой. Сопоставлению подлежат данные бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах.

Наиболее значимым элементом диагностики финансового состояния считается система финансовых коэффициентов. Ее результаты используют руководители, аналитики, акционеры, инвесторы, кредиторы и иные заинтересованные пользователи. Многообразие расчетных показателей требует их классификации по содержанию. Для обобщенной оценки деятельности предприятия обычно выделяют такие направления: имущественное состояние, платежеспособность, финансовую устойчивость, деловую активность, прибыльность и рентабельность, рыночную привлекательность компании.

Предикатные модели применяют для оценки будущих результатов деятельности предприятия, включая выручку от продаж и уровень финансовой устойчивости. В их составе используют расчет точки безубыточности, определяющий минимальный объем реализации, прогнозные формы отчетности и временной анализ на основе детерминированных факторных моделей и регрессии. Дополнительно формируют сценарии возможного развития компании.

Нормативные модели используются главным образом при внутренней оценке финансовых результатов организации: фактические данные сопоставляются с параметрами, заложенными в бюджет. Анализ начинается с группировки сведений по необходимым разрезам – производственным операциям, видам продукции либо центрам ответственности. Для выбранных доходных и расходных статей устанавливают нормативы, после чего определяют размер отклонений и выявляют обусловившие их причины. Методическая база такого сопоставления опирается на факторные модели, в которых связи между показателями заранее определены и однозначно интерпретируются.

Важным инструментом для анализа и прогнозирования финансовых показателей, является финансовая модель. При этом следует заметить, что в современной литературе термины «модель управления финансами» и «финансовая модель» часто используют как синонимы, однако, по сути, и задачам они различаются. В частности, финансовая модель – расчетный инструмент, чаще всего оформляемый как таблица взаимосвязанных показателей. В нее включают данные о ценах продукции, объемах продаж, налогах и условиях расчетов, что позволяет оценивать влияние изменения исходных параметров на итоговый финансовый результат. Посредством такого расчета сопоставляют варианты развития: повышение цены, увеличение численности работников, запуск нового продукта либо рост расходов. Инструмент применяют при оценке целесообразности проекта, привлечении инвестиций, подготовке бюджета и выявлении рисков.

Для построения модели выделяют четыре взаимосвязанных блока:

- 1) выручка и путь клиента от интереса к покупке;
- 2) затраты: постоянные и переменные (зависящие от объема продаж);
- 3) амортизация, налоги и займы позволяют рассчитать итоговую прибыль;

4) оборотный капитал, движение денежных средств и баланс.

Обычно прогноз охватывает 12 месяцев. Более дальний период возможен при обоснованной оценке изменений компании и рынка. Расчетную часть удобно формировать в Google Таблицах либо в Excel. Также применяют аналитические инструменты. К примеру, для анализа и построения финансовых моделей подходят различные цифровые сервисы, позволяющий автоматизировать финансовый учет без рутины, оптимизировать бизнес-процессы и принимать решения на основе расчетов.

Таким образом, финансовая модель – это оцифрованная схема бизнеса, которая помогает прогнозировать прибыль, расходы и последствия управленческих решений. Она отличается от бизнес-плана и управленческого учета тем, что бизнес-план описывает проект, учет показывает прошлые результаты, а финансовая модель помогает просчитывать будущее, с ее помощью проверяют гипотезы, контролируют точку безубыточности, оценивают риски и принимают решения.

Подводя итог, можно заключить, что модель управления финансами шире системы расчетов: она задает принципы, методы и управленческие процедуры, определяющие организацию денежных потоков компании. Ее содержание охватывает выбор источников финансирования, порядок распределения прибыли, управление оборотными активами, включая запасы и задолженность покупателей, а также инвестиционные решения и риск. Тем самым формируется единая логика финансового руководства, а не совокупность вычислительных операций. В корпоративной практике выделяют аутсайдерскую и инсайдерскую модели, различающиеся целевыми установками и используемыми механизмами.

Список литературы

1. Кравченко Д.В. Применение современных технологий в финансовом планировании компании: перспективы автоматизации / Д.В. Кравченко // Актуальные исследования. – 2023. – №51–2 (181). – С. 14–20. – EDN MNLIEY
2. Родионова Л.Н. Формирование системы устойчивых финансов / Л.Н. Родионова // Финансовый бизнес. – 2026. – №4 (274). – С. 217–221. – EDN YLKRXD
3. Сапаров Я. Управление финансами предприятия / Я. Сапаров // Экономика и социум. – 2025. – №2–1 (129). – С. 1209–1211. – EDN ZSAAIM

Мацкив Макар Вадимович

аспирант

Филиппченкова Светлана Игоревна

д-р психол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»
г. Тверь, Тверская область

КОГНИТИВНЫЕ РЕСУРСЫ И ОШИБОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТОРА В УСЛОВИЯХ ВРЕМЕННОГО ДЕФИЦИТА

Аннотация: исследование направлено на изучение когнитивных ресурсов и механизмов ошибочных действий операторов, выполняющих профессиональную деятельность в условиях временного дефицита и повышенной психофизиологической нагрузки. Доминантными переменными разрабатываемой модели видятся уровень психологического стресса, хроническое утомление, а также копинг-стратегии – проблемно-ориентированные и неадаптивные, которые оказывают влияние на продуктивность и точность выполнения операторских задач в условиях жёсткого временного лимита.

Ключевые слова: когнитивный ресурс, ошибочные действия оператора, временной дефицит, профессиональный стресс, копинг-поведение.

В современной психологии труда особое внимание направлено на изучение психологических аспектов трудовой деятельности операторов разнообразных технических систем. В

профессиональных сферах, связанных с обеспечением безопасности, управлением сложными техническими системами и принятием оперативных решений, возрастает роль человеческого фактора, а именно когнитивных возможностей субъекта деятельности. Несмотря на высокий уровень автоматизации, оператор остаётся ключевым звеном, принимающим решения в условиях ограниченного времени и повышенной психофизиологической нагрузки. В подобных условиях значительно возрастает вероятность совершения ошибочных действий, обусловленных не столько недостатком знаний или навыков, сколько ограниченностью когнитивных ресурсов [5].

Особую значимость имеет изучение когнитивных ресурсов в контексте экстремальных условий деятельности, которые характеризуются воздействием стрессогенных факторов, дефицитом времени и высокой ценой ошибки. В таких обстоятельствах изменяется характер когнитивных процессов: снижается объём и устойчивость внимания, нарушаются процессы обработки информации, повышается роль интуитивных решений, что может как повысить эффективность деятельности, так и привести к систематическим ошибкам.

В научной психологической литературе достаточно подробно исследованы отдельные аспекты когнитивной деятельности, включая внимание, память и принятие решений, а также влияние стресса на психологическое состояние человека. В частности, в рамках когнитивной психологии и теорий ограниченных ресурсов, например, в работах Даниэля Канемана, показано, что когнитивные ресурсы имеют ограниченный характер и подвержены перераспределению в зависимости от условий деятельности. Однако проблема взаимосвязи когнитивных ресурсов и ошибочных действий оператора в условиях временного дефицита, остаётся недостаточно раскрытой. Возникает противоречие между объективной потребностью в повышении точности деятельности операторов и недостаточной изученностью взаимосвязи между состоянием когнитивных ресурсов и характером ошибочных действий в экстремальных условиях.

Формирование надёжности операторской деятельности в условиях временного дефицита определяется комплексным взаимодействием когнитивно-ресурсных и личностно-регуляторных факторов. Предполагается, что высокий уровень психологического стресса и хронического утомления выступают прямыми предикторами снижения продуктивности и точности операторской деятельности, тогда как адаптивные копинг-стратегии выполняют буферную функцию, частично компенсируя негативное влияние стресса. Неадаптивные стратегии, напротив, ускоряют истощение когнитивных ресурсов и повышают вероятность ошибочных действий в условиях жёсткого временного лимита.

Сегодня в психологической науке назрела необходимость систематизации и углубления теоретических представлений о когнитивных ресурсах оператора и механизмах ошибочных действий в условиях временного дефицита. Нами осуществляется осуществлён комплексный анализ взаимосвязей между стрессом, хроническим утомлением, копинг-стратегиями и объективными показателями надёжности операторской деятельности, что позволит уточнить ресурсные теории (Д. Канеман, К. Викенс) и концепцию функциональных резервов (Б.Ф. Ломов, Г.М. Зараковский) применительно к деятельности в экстремальных условиях. Теоретически обосновывается и эмпирически верифицируется психологическая модель предикторов ошибочных действий оператора, учитывающая как когнитивно-ресурсные, так и личностно-регуляторные факторы (копинг-стратегии). Полученные данные расширяют представления о роли копинг-стратегий как буферного механизма, смягчающего негативное влияние стресса и утомления на эффективность профессиональной деятельности.

Под когнитивными ресурсами мы понимаем ограниченный объём ментальной энергии, или «вычислительной мощности», которую человек способен распределять между выполняемыми задачами [6]. Эта ёмкость не бесконечна: в каждый момент времени индивид располагает конечным количеством ресурсов, которые могут быть направлены на восприятие, удержание информации в памяти, принятие решений и реализацию ответных действий. Как

только требования задачи превышают имеющийся объём ресурсов, эффективность деятельности падает – замедляются реакции, растёт число ошибок, сужается поле внимания.

Применительно к деятельности оператора понятие когнитивного ресурса приобретает особую значимость. Труд операторов в различных сферах по своей сути является крайне информационно-насыщенным и зачастую имеет жесткие временные лимиты. Оператор непрерывно решает задачи обнаружения, распознавания, удержания инструкций, диагностики и точного моторного ответа – каждая из которых потребляет ресурс. Пока совокупная нагрузка не превышает имеющуюся ёмкость ресурса, деятельность протекает стабильно. Но при наложении дополнительных стрессоров – таких как временной дефицит, утомление, эмоциональное напряжение – эффективный объём сокращается, и оператор переходит в режим работы «на пределе», где любая дополнительная задача способна спровоцировать ошибку. Необходимо увеличивать скорость переработки, что требует дополнительного усилия и быстрее расходует ресурс [4].

Ошибочное действие оператора понимается нами как действие (или бездействие) оператора, которое отклоняется от заранее установленного, нормативного порядка выполнения операции и приводит – либо с высокой вероятностью способно привести – к нежелательным последствиям. В формулировке, ставшей классической благодаря работам Дж. Ризона, человеческая ошибка определяется как понятие, охватывающее все те случаи, в которых запланированная последовательность действий не достигает намеченной цели при условии, что неудача не связана с какими-либо случайными факторами [3]. Иными словами, об ошибке можно говорить тогда, когда намерение было адекватным, план действий выполнимым, но что-то в процессе реализации пошло не так.

Принципиально важно разграничить ошибку и нарушение. Ошибка представляет собой непреднамеренное отклонение от нормы, а нарушение, напротив, есть сознательное отступление от установленных правил, инструкций, регламентов – оператор знает, как надо, но по каким-то мотивам (например, экономия усилий, переоценка своих возможностей и опыта, давление руководства) выбирает иной способ действий. Таким образом, ошибка лежит в плоскости когнитивных процессов: знал, но не смог, а нарушение – как правило связано с мотивационными факторами. На практике граница не всегда отчетлива. Однако для теоретического анализа и выбора мер профилактики различие принципиально: с ошибками следует бороться через обучение, эргономику и управление нагрузкой, а с нарушениями – через дисциплинарные практики, изменение культуры безопасности.

В современной психологии труда психологии прочно утвердилось понятие копинга – динамического процесса, посредством которого человек отвечает на требования окружающей среды, воспринимаемые как предельные, или превышающие его ресурсы [2]. Это непрерывно меняющиеся когнитивные и поведенческие усилия, направленные на управление специфическими внешними или внутренними требованиями, которые оцениваются как обременительные или превышающие возможности человека. Стоит отметить, что речь идёт об усилиях осознанных и целенаправленных, а не о неконтролируемых автоматических реакциях; копинг не сводится к успешному решению проблемы, а охватывает любые попытки справиться – в том числе и те, что объективно могут оказаться неэффективными.

От защитных механизмов копинг отличается именно мерой осознанности и произвольности. Защита срабатывает непроизвольно, часто искажая восприятие реальности. Копинг же, напротив, предполагает рефлексивную оценку ситуации и выбор стратегии – пусть даже выбор этот совершается в условиях острого дефицита времени и может быть подвержен ошибкам [1]. Следствием осознанности копинга является возможность его тренировки: в отличие от защит, которые трудно поддаются коррекции, копинг-навыки можно целенаправленно формировать и отрабатывать в ходе психологической подготовки операторов различных областей. Копинг оказывается критически важным именно в экстремальных условиях. Оператор, столкнувшийся со сложной нештатной ситуацией неизбежно испытывает состояние

острого стресса. копинг-стратегии выступают тем посредствующим звеном, которое связывает сложность ситуации и её последствия для качества деятельности.

Проводимое исследование направлено на разработку и апробацию комплексного диагностического инструментария для оценки предрасположенности оператора к ошибочным действиям в условиях временного дефицита. Результаты работы используются в практике психологического сопровождения специалистов экстремального профиля (сотрудники МЧС, операторы сложных технических систем, авиадиспетчеры и др.) на этапах профессионального психологического отбора, текущего мониторинга функционального состояния и психологической подготовки к действиям в экстремальных условиях.

На основе эмпирически выявленных предикторов ошибочных действий нами разрабатываются практические рекомендации по оптимизации режимов труда и отдыха, а также программа психологического тренинга, направленная на развитие адаптивных копинг-стратегий и саморегуляции в условиях цейтнота.

Список литературы

1. Баскакова С.А. Современные представления о способах совладания с психическими расстройствами / С.А. Баскакова // Социальная и клиническая психиатрия. – 2010. – Т. 20, №2. – С. 88–96. EDN MRMLBV
2. Водопьянова Н.Е. Копинг-стратегии как фактор профессиональной адаптации / Н.Е. Водопьянова, А.Н. Капустина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 5, №1. – С. 73–82. EDN UBVTML
3. Reason J.T. Human Error / J.T. Reason. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. – XV, 302 p. – DOI: 10.1017/CBO9781139062367.
4. Когнитивная психология: учебник для вузов / И.В. Блинникова, А.Н. Воронин, В.Н. Дружинин [и др.]. – М.: Пер Сэ, 2002. – 479 с.
5. Психология труда: учебник и практикум для вузов / под ред. А.В. Карпова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 364 с.
6. Солсо Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с. EDN QXNTBH

Сапрыкина Алиса Евгеньевна

студентка

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»
г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-169104

КОНТРАГЕНТСКИЙ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ КАК ДРАЙВЕР ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация: в статье рассматривается проблема управления рисками, связанными с контрагентами, как ключевого фактора обеспечения финансовой устойчивости промышленных предприятий в условиях современной экономической неопределенности. Цель работы – систематизировать основные подходы к оценке и минимизации контрагентских рисков, проанализировать современные инструменты и методы управления ими, а также предложить направления повышения эффективности этого процесса для укрепления финансовой стабильности и операционной эффективности бизнеса.

Ключевые слова: контрагентский риск-менеджмент, финансовая устойчивость, промышленное предприятие, оценка рисков, преддоговорная проверка, благонадежность контрагента, цифровизация, автоматизация, скоринг, экономическая безопасность.

Анализ современных публикаций и исследовательских подходов.

Теоретические основы и нормативное регулирование управления контрагентскими рисками. Финансовая устойчивость промышленного предприятия в значительной степени определяется надежностью его партнеров и поставщиков. Управление рисками взаимодействия с

контрагентами – это комплексный процесс, включающий идентификацию, оценку и минимизацию потенциальных угроз, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств. В научной литературе подчеркивается, что эффективность системы управления рисками напрямую зависит от качества методологической базы и глубины проработки оценочных процедур. Исследователи отмечают, что традиционные подходы, основанные на ручном анализе ограниченного набора данных, уступают место комплексным, риск-ориентированным системам, учитывающим финансовые, юридические, операционные и репутационные факторы. При этом основным субъектом, реализующим данные процедуры, выступает служба экономической безопасности предприятия, действующая в тесной взаимосвязи с закупочными и финансовыми подразделениями, что позволяет объединить компетенции для решения масштабных задач минимизации рисков.

Природа механизмов оценки контрагентских рисков. Управление контрагентскими рисками реализуется через широкий спектр инструментов. Ключевым этапом является преддоговорная проверка, которая включает оценку контрагента по нескольким направлениям: легитимность (наличие государственной регистрации, полномочий органов управления), правоспособность (отсутствие судебных запретов на деятельность), благонадежность (отсутствие негативной репутации, задолженностей по налогам, признаков банкротства). В современной практике все большее распространение получают автоматизированные системы и сервисы, позволяющие проводить скоринговую оценку на основе больших массивов данных из открытых источников. Роль автоматизации и цифровых инструментов в управлении рисками. Переход к цифровым методам оценки контрагентов является не просто технологическим трендом, но и стратегической необходимостью. Обработка больших объемов разрозненных данных вручную чревата ошибками, неполнотой анализа и высокими временными затратами. Автоматизация позволяет не только ускорить процесс, но и внедрить сквозной мониторинг контрагентов, оперативно выявляя негативные изменения: снижение кредитного рейтинга, появление арбитражных исков или признаки финансовой нестабильности. Как показывают исследования, использование нейросетевых моделей для оценки надежности поставщиков в металлургии демонстрирует высокую точность прогнозирования, особенно в условиях информационной неопределенности, что подтверждает целесообразность их внедрения в корпоративные информационные системы. Важным элементом становится визуализация связей между контрагентами для выявления конфликтов интересов и структур бенефициаров, что особенно актуально для компаний с государственным участием.

Проблема информационной асимметрии и пути ее преодоления. Одной из ключевых проблем является асимметрия информации – заказчик и поставщик изначально обладают неравным объемом сведений о рисках. Для ее снижения применяются такие инструменты, как предварительный квалификационный отбор и рейтингование контрагентов. Рейтинговая система позволяет не только оценить потенциального партнера, но и сравнить его с другими участниками рынка, что повышает объективность и прозрачность выбора. Комплексный подход к оценке, включающий анализ не только финансовой отчетности, но и операционных, организационных показателей, а также отраслевых бенчмарков, позволяет формировать полный «портрет надежности» контрагента. Это, в свою очередь, способствует снижению производственно-хозяйственных рисков и повышению эффективности закупочной деятельности, как это было внедрено в системе материально-технического снабжения ООО «Компания «Востсибуголь».

Выводы и система мер по повышению эффективности управления контрагентскими рисками.

Проведенный анализ позволяет заключить, что современная система контрагентского риск-менеджмента на промышленных предприятиях демонстрирует переход от реактивных, ручных методов к проактивным, цифровым подходам. Достижением является внедрение скоринговых систем, автоматизация проверок и постоянный мониторинг, которые обеспечивают надежность цепочек поставок и защищают предприятие от финансовых потерь. Однако

остаются нерешенными проблемы, связанные с неполнотой данных по некоторым категориям поставщиков, особенно малым и частным компаниям, а также сложностью интеграции различных систем и методологий оценки в единый контур управления. Дальнейшее развитие этого направления требует системной работы по нескольким ключевым направлениям.

Развитие и интеграция автоматизированных систем оценки. Необходим переход к комплексным платформам, которые обеспечивали бы сбор и анализ данных из всех доступных источников (государственные реестры, СМИ, финансовая отчетность, отраслевые базы) в режиме реального времени. Целесообразно внедрение систем с элементами искусственного интеллекта для прогнозирования рисков банкротства или неисполнения обязательств еще на стадии выбора партнера. Важно обеспечить интеграцию этих систем с корпоративными ERP-системами (например, «1С») для автоматического присвоения уровня риска и формирования электронных досье на каждого контрагента.

Совершенствование методологии и критериев оценки. Требуется пересмотр и унификация критериев оценки контрагентов с учетом отраслевых особенностей и масштаба предприятия. Помимо финансовых показателей, необходимо усилить вес операционных и репутационных факторов, а также разработать четкую методику анализа цепочек владения для выявления конечных бенефициаров и конфликтов интересов. Это позволит повысить эффективность процедур предварительного квалификационного отбора и минимизировать налоговые и производственные риски.

Внедрение системы постоянного мониторинга и «раннего предупреждения». Оценка контрагента не должна быть разовым событием. Необходимо внедрение систем, которые автоматически отслеживают изменения в статусе контрагента в течение всего срока сотрудничества и в случае появления негативных сигналов (снижение рейтинга, иски, смена директора) мгновенно оповещают ответственные службы. Это позволит своевременно корректировать стратегию взаимодействия, пересматривать условия оплаты или искать альтернативных поставщиков.

Формирование культуры риск-менеджмента и обучение персонала. Эффективность любых систем и методик зависит от квалификации и мотивации сотрудников. Необходима разработка внутренних стандартов и регламентов, четко закрепляющих процедуры проверки и мониторинга контрагентов. Регулярное обучение сотрудников закупочных, юридических и финансовых служб современным методам риск-анализа и работе с цифровыми инструментами является критически важным для построения устойчивой системы управления.

Таким образом, повышение эффективности контрагентского риск-менеджмента требует системной трансформации от разрозненных проверок к интегрированной, автоматизированной и постоянно действующей системе. Комплексное применение предложенных мер позволит не только минимизировать финансовые потери от недобросовестных партнеров, но и создать прочную основу для долгосрочной финансовой устойчивости и операционной надежности промышленного предприятия.

Список литературы

1. Ефимова О.В. Финансовый анализ: современный инструментарий для принятия экономических решений: учебник / О.В. Ефимова. – М.: Омега-Л, 2009. – 350 с. EDN QTHYNZ
2. Ковалев П.П. Банковский риск-менеджмент: учебное пособие / П.П. Ковалев. – М.: Курс; Инфра-М, 2013. – 320 с. EDN VEFJYV
3. Моденов А.К. Количественная оценка информационной безопасности в условиях цифровой экономики: модели и методы / А.К. Моденов, В.В. Усков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – Т. 15, №8–1. – С. 318–325. – DOI 10.34670/AR.2025.22.28.033. – EDN LXKAZQ.

Церцейл Юлия Сергеевна

канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»

г. Москва

DOI 10.31483/r-169135

ОБОСНОВАНИЕ РОЛИ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ В ФОРМИРОВАНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИИ

Аннотация: в работе представлена структура финансовых ресурсов малых и средних предприятий в обеспечении их устойчивого развития. Возможность расширения финансовых ресурсов малых и средних предприятий соотносится с возможностью расширения операционного, производственного, инвестиционного потенциала хозяйствующих субъектов. В условиях устойчивого развития, с одной стороны, расширяется спектр используемых финансовых ресурсов. С другой стороны, требует соотнесения деятельности малых и средних предприятий с целями устойчивого развития (далее – ЦУР).

Ключевые слова: малые предприятия, средние предприятия, устойчивое развитие, цели устойчивого развития, цифровые финансовые активы.

В целом понятие «финансовые ресурсы» определено в трудах широкого круга отечественных авторов. Черняева И.В. под финансовым ресурсами понимает объединение двух категорий – финансы и капитал [6]. Маевская Е.Б. под финансовыми ресурсами понимает совокупность финансовых отношений и денежного капитала, авансированного в его финансово-хозяйственную деятельность и характеризующего общую стоимость его имущественного комплекса [2]. В структуре финансовых ресурсов авторы Глотова и др. выделяют совокупность элементов (рис.1).

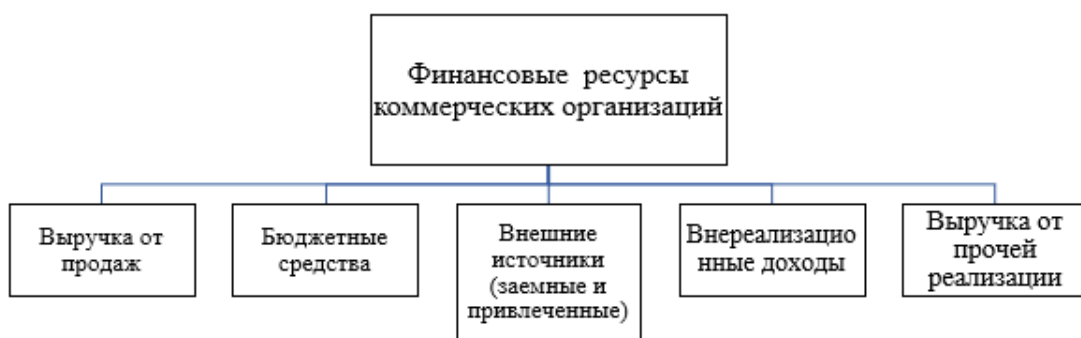

Рис. 1. Структура финансовых ресурсов
Источник: [4]

Расширенная структура финансовых ресурсов малых и средних предприятий может быть представлена в следующем виде (рис. 2).

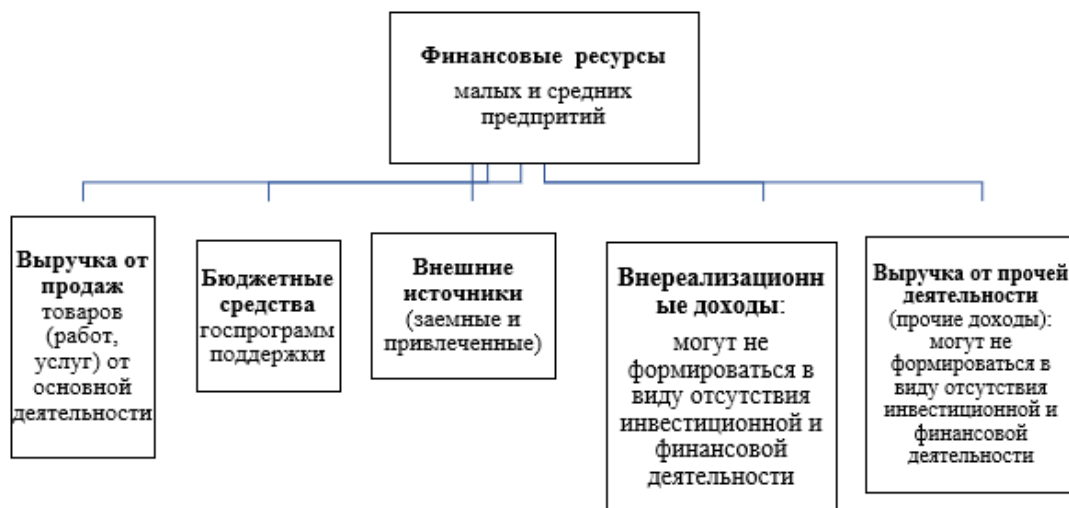

Рис. 2. Структура финансовых ресурсов малых и средних предприятий
Источник: [1]

Помимо этого, авторы выделяют необходимость расширения доступа малых и средних предприятий к финансовым ресурсам с целью получения возможности для поддержания существующего уровня деятельности, расширения объемов производства и пр. Так, Урумов Т.Р. отмечает особую роль цифровых финансовых услуг, финансово-технологических решений в возможности расширения сфер деятельности малыми и средними предприятиями [3].

Под устойчивым развитием малых и средних предприятий нами понимается совокупность параметров, которые обеспечат переход к устойчивому развитию в долгосрочной перспективе [5]. И здесь немаловажную роль играет возможность расширения структуры финансовых ресурсов в долгосрочной перспективе. В данном случае речь идет о возможности включения цифровых финансовых инструментов в качестве самостоятельного блока финансовых ресурсов. В качестве цифровых инструментов выделено:

- утилитарные цифровые права;
- цифровые финансовые активы.

Утилитарные цифровые права (далее – УЦП) – разновидность цифровых прав, которые возникают в инвестиционной платформе, операторы которой внесены Банком России в «Реестр операторов инвестиционных платформ»:

- право требовать передачи вещи (вещей);
- право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Под цифровыми финансовыми активами (далее – ЦФА) [7] понимают цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном Ф3 РФ от 31.07.2020 №259-ФЗ, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Рис. 3. Динамика объемов размещений цифровых финансовых активов России, млрд руб.
Источник: составлено автором по данным [8]

Возможность расширения источников финансирования деятельности малых и средних предприятий России выделяется в качестве одного из драйверов в достижении ими ЦУР.

Список литературы

1. Болвачев А.И. Устойчивое и динамичное развитие малых и средних предприятий России: монография / А.И. Болвачев, Ю.С. Церцеил. – М.: Первое экономическое издательство, 2026. – 186 с. DOI 10.18334/9785912925948. EDN NTDVPY
2. Маевская Е.Б. Современная дефинициология понятия «финансовые ресурсы» хозяйствующих субъектов / Е.Б. Маевская // Научные исследования и разработки. Экономика. – 2017. – Т. 5, №1. – С. 44–48. – DOI 10.12737/24538. – EDN VUKGER.
3. Урумов Т.Р. Доступ малых и средних предприятий к финансированию: новые возможности. Анализ и прогноз / Т.Р. Урумов // Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – №3. – С. 44–50. – DOI: 10.20542/afij-2020-3-44–50 // URL: <https://www.afjournal.ru/files/File/2020-3/URUMOV.pdf> (дата обращения: 09.08.2026). EDN OUOHNZ
4. Церцеил Ю.С. Устойчивое развитие малых и средних предприятий: зарубежный опыт / Ю.С. Церцеил // Экономика, предпринимательство и право. – 2026. – Т. 16, №5. – DOI 10.18334/err.16.5.125988. – EDN ISENDJ.
5. Церцеил Ю.С. Устойчивое развитие малых и средних предприятий: зарубежный опыт / Ю.С. Церцеил // Экономика, предпринимательство и право. – 2026. – Т. 16, №5. – С. 3017–3038. – DOI 10.18334/err.16.5.125988. – EDN ISENDJ.
6. Статья 1. Предмет регулирования и сфера действия закона // Федеральный закон от 31.07.2020 №259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
7. Рынок цифровых финансовых активов России. – URL: <https://цфа.пф/obzor-rynka-za-2025.html> (дата обращения: 09.08.2026).

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Бочков Павел Валерьевич

канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

г. Екатеринбург, Свердловская область

Заинчковский Константин Андреевич

магистрант

Уральский институт управления (филиал)

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ»

г. Екатеринбург, Свердловская область

Блинова Екатерина Алексеевна

аспирант

Уральский институт управления (филиал)

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ»

г. Екатеринбург, Свердловская область

ПРИНЦИПЫ ПРОВЕДЕНИЯ ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ НАЛОГОВЫМИ ОРГАНАМИ В РФ

Аннотация: в статье рассматриваются базовые принципы, на которых строится деятельность налоговых органов Российской Федерации при осуществлении валютного контроля. Авторы анализируют правовую основу полномочий ФНС России как органа валютного контроля, обозначает границы компетенции налоговых органов в сравнении с Банком России и таможенными органами. Особое внимание уделяется таким принципам, как законность, разделение подведомственности, приоритет экономических мер и превентивного воздействия, единство информационного пространства и межведомственного взаимодействия, обоснованность решений, конфиденциальность сведений и презумпция невиновности.

Ключевые слова: валютный контроль, налоговые органы, ФНС России, принципы, валютное законодательство, валютные операции, резиденты, нерезиденты.

Валютный контроль является неотъемлемой функцией государства, направленной на обеспечение стабильности национальной валюты и устойчивости финансовой системы. В Российской Федерации система валютного контроля базируется на Федеральном законе от 10.12.2003 №173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (далее – Закон №173-ФЗ). Особое место в этой системе занимают налоговые органы, которые, наряду с Центральным банком и таможенными органами, выступают агентами и органами валютного контроля.

Деятельность Федеральной налоговой службы (ФНС) в этой сфере строится на ряде фундаментальных принципов, вытекающих из норм права и правоприменительной практики.

Рассмотрим принципы.

1. Принцип законности.

Это базовый принцип, означающий, что деятельность налоговых органов строго регламентирована законодательством. Полномочия ФНС как органа валютного контроля закреплены в ч. 2 ст. 23 Закона №173-ФЗ. Согласно этой норме, налоговые органы вправе контролировать валютные операции резидентов и нерезидентов, не являющихся кредитными организациями или некредитными финансовыми организациями.

При проведении проверок сотрудники инспекций обязаны руководствоваться положениями Налогового кодекса РФ (в части процедур), а также Административным регламентом ФНС. Любое отклонение от установленных процедур влечет признание результатов контроля недействительными.

2. Принцип разделения компетенции (исключительной подведомственности).

Валютный контроль в РФ построен на четком разграничении полномочий. Налоговые органы не подменяют Центральный банк. В соответствии со ст. 22 Закона №173-ФЗ, Правительство РФ распределяет функции между агентами валютного контроля (Постановление Правительства РФ от 17.02.2007 №98).

В компетенцию ФНС входит контроль за:

- соблюдением резидентами сроков репатриации валютной выручки (ст. 19 Закона №173-ФЗ);
- расчетами по внешнеторговым контрактам;
- законностью валютных операций между резидентами (где налоговики видят наибольший риск отмывания средств).

То есть ФНС фокусируется на хозяйствующих субъектах (юрлицах и ИП), в то время как контроль за банковскими операциями и валютной позицией банков осуществляет ЦБ РФ.

3. Принцип приоритета экономических мер и превентивного воздействия.

В соответствии со ст. 3 Закона №173-ФЗ, одним из основных принципов валютного регулирования является приоритет экономических мер в реализации государственной политики. Применительно к контролю это означает, что ФНС в первую очередь ориентируется на анализ данных (риск-ориентированный подход), а не на тотальные проверки.

Налоговые органы активно используют автоматизированные системы (АСК НДС-2, автоматический обмен информацией с банками в рамках ст. 86 НК РФ), чтобы выявлять нарушения еще до того, как они нанесут непоправимый ущерб экономической безопасности. Такой подход позволяет минимизировать административное давление на добросовестных участников ВЭД (Официальный сайт ФНС России, раздел «Валютный контроль»).

4. Принцип единства системы валютного контроля и информационного взаимодействия.

Эффективность валютного контроля невозможна без обмена данными. Налоговые органы действуют в рамках единой системы, взаимодействуя с ЦБ РФ и уполномоченными банками.

Ключевым инструментом здесь является передача информации. Банки обязаны передавать налоговикам сведения о нарушениях валютного законодательства клиентами в порядке, установленном Инструкцией ЦБ РФ (в настоящее время актуальна инструкция Банка России от 16.08.2017 №181-И). ФНС, получив такие сведения, инициирует проверку соблюдения валютного законодательства. Это позволяет создать «цифровой контур», где уход от налогов и валютный контроль рассматриваются как единая зона риска.

5. Принцип обоснованности и мотивированности решений.

При привлечении к административной ответственности за нарушения валютного законодательства (ст. 15.25 КоАП РФ) налоговые органы обязаны доказать вину лица. Протоколы об административных правонарушениях, составляемые ФНС по ст. 15.25 КоАП РФ, должны содержать исчерпывающие доказательства: контракт, ведомость банковского контроля, паспорт сделки (ранее), данные о движении денежных средств и грузов.

Суды часто отменяют постановления ФНС, если налоговый орган не доказал умысел или не принял во внимание меры, предпринятые резидентом для получения выручки (например, претензионную работу с иностранным контрагентом), ссылаясь на разъяснения Верховного Суда РФ (Постановление Пленума ВС РФ №49 от 25.12.2018).

6. Принцип конфиденциальности.

Сведения, получаемые налоговыми органами в ходе валютного контроля, составляют налоговую и банковскую тайну. В соответствии со ст. 102 НК РФ, данные о счетах резидентов, объемах их валютных операций и контрагентах не подлежат разглашению, за

исключением случаев, предусмотренных федеральным законом. За нарушение этого принципа предусмотрена уголовная ответственность (ст. 183 УК РФ).

7. Принцип презумпции невиновности налогоплательщика (участника ВЭД).

Несмотря на то, что производство по делам о валютных правонарушениях ведется по нормам КоАП РФ, на практике применяется общий принцип презумпции невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ). Налоговые органы обязаны толковать неустранимые сомнения в пользу лица, привлекаемого к ответственности. Это особенно важно при оценке «реальности» внешнеэкономических сделок, где бремя доказывания фиктивности операции лежит на инспекции.

Таким образом, принципы валютного контроля, реализуемые ФНС России, демонстрируют переход от формальных проверок к аналитической работе, интегрированной с налоговым администрированием. В условиях цифровизации и либерализации валютного законодательства, налоговые органы сосредотачиваются на противодействии незаконным финансовым схемам, сохраняя баланс между государственными интересами и свободой предпринимательской деятельности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 10.12.2003 №173-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О валютном регулировании и валютном контроле». – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/ (дата обращения: 30.08.2026).

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): от 31.07.1998 №146-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 30.08.2026).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 30.08.2026).

4. Инструкция Банка России от 16.08.2017 №181-И (ред. от 31.03.2026) «О порядке представления резидентами и нерезидентами уполномоченным банкам подтверждающих документов и информации при осуществлении валютных операций, о единых формах учета и отчетности по валютным операциям, порядке и сроках их представления» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.10.2017 №48749). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282089/ (дата обращения: 30.08.2026).

Леканова Екатерина Евгеньевна

аспирант

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный

университет им. П.Г. Демидова»

г. Ярославль, Ярославская область

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАГРЯЗНЕНИЕ, ЗАСОРЕНИЕ И ИСТОЩЕНИЕ ВОДНОЙ СРЕДЫ (СТ. 250 И СТ. 252 УК РФ)

Аннотация: для повышения эффективности борьбы с загрязнением, засорением и истощением водной среды необходимо иметь четкое представление об особенностях экологических преступлений, предусмотренных ст. 250 и ст. 252 УК РФ, для их правильной квалификации и вырабатывать направления совершенствования уголовного законодательства. В качестве методологической основы в статье использованы такие методы, как анализ, синтез, индукция, сравнение, обобщение и формально-юридический метод. Предоставлены рекомендации, касающиеся необходимости редактирования формулировки названия ст. 250 УК РФ. Также обращено внимание на казуистичное изложение ст. 252 УК РФ и необходимость устранения данного недостатка. Кроме того, для эффективной борьбы с «мусорными пятнами» мирового океана требуется добавить термин «засорение» в диспозицию ч. 1 ст. 252 УК РФ.

Ключевые слова: *поверхностные воды, подземные воды, источники питьевого водоснабжения, морская среда, загрязнение, засорение, истощение, Большое тихоокеанское мусорное пятно.*

Во многом неблагоприятная экологическая обстановка вызвана регулярным загрязнением окружающей среды, в том числе сбросами в водные объекты стоков, во много раз превышающих предельно допустимые концентрации [1, с. 3]. Уголовно-правовой запрет на ухудшение состояния водной среды призван выполнять профилактическую функцию и способствует обеспечению экологической безопасности [2, с. 3; 3, с. 4]. В связи с этим изучение и совершенствование содержания ст. 250 и ст. 252 УК РФ является актуальным.

Главным отличием составов преступлений, предусмотренных ст. 250 и ст. 252 УК РФ, является предмет преступления. Поверхностные и подземные воды, а также источники питьевого водоснабжения входят в предмет преступления, предусмотренного ст. 250 УК РФ. В свою очередь, предмет преступления, предусмотренного ст. 252 УК РФ, включает в себя внутренние морские воды, территориальное море РФ, воды исключительной экономической зоны РФ, открытое море [4, с. 849].

Недостатком ст. 250 УК РФ «Загрязнение вод» является неудачность ее названия, которое не отражает весь спектр объективной стороны преступления, предусмотренный диспозицией части первой анализируемой статьи: «Загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств, если эти деяния повлекли причинение существенного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству».

Для устранения данного недостатка необходимо разобраться в соотношении содержания действий, предусмотренных ч. 1 ст. 250 УК РФ.

Загрязнение поверхностных и подземных вод, а также источников питьевого водоснабжения представляет собой сброс или внесение иным способом в указанные водные объекты вредных веществ, ухудшающих их природное качество [5, с. 467]. В свою очередь, засорением поверхностных и подземных вод, а также источников питьевого водоснабжения является сброс или поступление иным образом в водные объекты предметов или взвешенных частиц, ухудшающих состояние и затрудняющих использование водных объектов [6, с. 234]. Под истощением поверхностных и подземных вод законодатель понимает «постоянное сокращение запасов и ухудшение качества поверхностных и подземных вод» (п. 15 ст. 1 Водного кодекса РФ).

Под иным изменением природных свойств поверхностных и подземных вод, а также источников питьевого водоснабжения принято понимать любое другое изменение их физических, химических или биологических свойств [4, с. 846]. Однако подобное изменение возможно только в случае привнесения в воду каких-либо веществ, которые изменяют ее качество, то есть подобное действие будет охватываться понятием «загрязнение». Водный кодекс РФ также не упоминает каких-либо других действий по изменению природных свойств воды, кроме как загрязнение, засорение и истощение. Полагаем, что упоминание об «ином изменении природных свойств» является избыточным в ст. 250 УК РФ, а ее название необходимо дополнить такими действиями, как засорение и истощение.

В свою очередь, недостатком ст. 252 УК РФ «Загрязнение морской среды» является ее казуистичность. Непонятно, зачем законодатель уточняет, что речь идет о загрязнении морской среды именно из находящихся на суше источников или именно с транспортных средств или именно с возведенных в море искусственных островов, установок, сооружений. Также не понятно, для чего специально упоминается в ст. 252 УК РФ такая разновидность загрязнения как загрязнение вследствие нарушения правил захоронения. А если загрязнение произойдет в результате нарушения правил рыболовства или нарушения каких-либо иных правил, то разве оно не должно быть уголовно-наказуемым? Подобного рода подробности законодатель не упоминал при конструировании состава преступления, предусмотренного ст. 250 УК РФ, также не было и нет в них необходимости и в ст. 252 УК РФ.

В то же время при сравнении смежных составов преступлений, предусмотренных ст. 250 и ст. 252 УК РФ, возникает вопрос, почему в ст. 252 УК РФ нет упоминания о засорении или истощении. Оценить степень вины конкретного индивида в истощении морской среды, а также объем самого истощения морской среды, причиненный в результате действий одного индивида, весьма не просто из-за обширности морской среды, в связи с чем термин «истощение» не был включен в диспозицию ч. 1 ст. 252 УК РФ. Однако термин «засорение», напротив, незаслуженно не был отражен в диспозиции ч. 1 ст. 252 УК РФ, так как в морях и океанах встречаются огромные плавающие груды мусора. Экологи насчитали пять «мусорных пятен» в мировом океане [7, с. 38]. Самым большим из них является Большое тихоокеанское мусорное пятно, площадь которого составляет уже примерно 1,6 млн км² и продолжает с каждым годом увеличиваться. Пластиковые отходы, дрейфующие в морской воде, распадаются на мелкие части и поглощаются морскими животными, что в большинстве случаев приводит к гибели последних. В связи с чем термин «засорение» должен быть добавлен в диспозицию ч. 1 ст. 252 УК РФ.

Список литературы

1. Попов И.В. Ответственность за преступное загрязнение вод: по материалам Сибирского и Уральского федеральных округов Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Попов. – Омск, 2003. – 201 с. EDN NODSWJ
2. Филаненко А.Ю. Уголовно-правовая ответственность за загрязнение вод: дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Филаненко. – М., 2002. – 183 с. EDN NMEOVF
3. Романов А.А. Преступное загрязнение вод в России: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Романов. – Челябинск, 2010. – 204 с. EDN QFBHAZ
4. Уголовное право России: части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2016. – 1184 с.
5. Боковня А.Ю. Уголовно-наказуемое загрязнение вод: понятие и вопросы квалификации / А.Ю. Боковня // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – № 2. – С. 464–475. EDN YUNZQD
6. Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Т. 2. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества: учебник для академического бакалавриата / под ред. О.С. Капинус. – М.: Юрайт, 2015. – 504 с.
7. Руденко Н.В. Переработка пластикового мусора мирового океана с помощью возобновляемых источников энергии / Н.В. Руденко, Е.Д. Хирова // Молодой исследователь Дона. – 2023. – №8. – С. 38–40. EDN GCQDEZ

Палёнов Сергей Александрович

магистрант

Научный руководитель

Шалагин Антон Евгеньевич

канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры

ФГКОУ ВО «Казанский юридический институт МВД РФ»

г. Казань, Республика Татарстан

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, ВОВЛЕЧЕННОГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация: статья посвящена криминалистической характеристике личности несовершеннолетнего, вовлечённого в совершение преступления. Отмечается, что, несмотря на снижение общего числа преступлений, совершённых несовершеннолетними, наблюдается рост преступлений, совершаемых подростками в составе организованных групп и преступных сообществ. Обосновывается целесообразность применения к вовлечённому несовершеннолетнему категории «потерпевший» с учётом двойственности его правового положения – одновременно как жертвы взрослого вовлкателя и как субъекта иного противоправного деяния. Предлагается классификация криминалистически значимой информации о личности вовлечённого подростка. Рассматривается дискуссия о нижней возрастной границе потерпевшего по статье 150 УК РФ и анализируется сложившаяся правоприменительная практика. На основе анализа судебной-следственной практики формируется обобщённый криминалистический портрет вовлечённого несовершеннолетнего. Выявляется существенная взаимосвязь между личностными характеристиками вовлкателя и вовлечённого, обусловленная единством образа жизни.

Ключевые слова: несовершеннолетние, вовлечение в совершение преступления, криминалистическая характеристика, потерпевший, подростковая преступность, виктимология, вовлеченный, вовлкатель.

В условиях современного развития российского общества задача защиты подрастающего поколения от разрушительного влияния криминальной среды приобретает особую значимость. Государство на законодательном, правоприменительном и социально-профилактическом уровнях реализует систему мер, направленных на своевременное предотвращение вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Определённые успехи этой работы очевидны: по данным МВД России, количество несовершеннолетних, совершивших преступления, сократилось с 42 504 в 2017 году до 33 575 в 2020 году. Тем не менее анализ судебной и следственной практики показывает, что снижение учтённых показателей может объясняться не только эффективностью профилактики, но и значительной латентностью подростковой преступности – значительная доля преступлений, совершаемых несовершеннолетними, остаётся за пределами официальной статистики.

Однако особую тревогу вызывает динамика преступлений, совершаемых несовершеннолетними в составе организованных групп и преступных сообществ. Этот показатель неуклонно растёт с 2017 года: на июль 2021 года было зафиксировано 74 случая, что превысило уровень 2016 года и практически сравнялось с показателями 2017 и 2020 годов. Приведённая статистика очевидно указывает на то, что влияние взрослых преступников на подростков является если не определяющим, то, безусловно, одним из ключевых факторов, способствующих их криминализации.

Изложенные обстоятельства предопределяют не просто целесообразность, а настоятельную необходимость комплексного исследования криминологически значимых особенностей личности несовершеннолетнего, вовлечённого в совершение преступления.

Хотелось бы сказать, что обоснованно считать применение к несовершеннолетнему, вовлечённому в преступную деятельность, термина «потерпевший». С точки зрения виктимологии жертвой преступления признаётся любое физическое лицо, которому преступлением причинён моральный, физический или имущественный вред, независимо от процессуального оформления этого статуса. Следует, однако, учитывать двойственность правового положения такого подростка: с одной стороны, он выступает потерпевшим от действий взрослого вовлекателя; с другой – становится субъектом иного противоправного деяния, в которое его вовлекли. Аналогичной позиции придерживаются О.В. Яцечко и Е.В. Сокол [7], рассматривающие вовлечённого несовершеннолетнего как фигуру с двойственным правовым статусом [4].

Что касается психологического состояния несовершеннолетнего, вовлечённого в совершение преступлений, имеет ряд устойчивых характеристик. Как отмечают А.И. Семакова и Е.И. Ильянкova [3], подростки, совершающие кражи в группе, демонстрируют средний уровень социальной адаптации с выраженной тенденцией к снижению. Им свойственно состояние эмоционального дискомфорта, проявляющееся в тревожности, подавленности, мрачных предчувствиях, ощущении препятствий при попытках свободно выразить мысли и чувства. Такие подростки в значительной мере управляемы внешними обстоятельствами, склонны к непостоянству поведения, подвержены влиянию случая и эмоциональных порывов, обладают слабой мотивационной структурой. Под влиянием группового мнения или авторитетной фигуры они способны игнорировать социальные нормы и демонстрировать недисциплинированность. Эти черты в полной мере присущи и подросткам, вовлечённым в преступную деятельность взрослыми лицами. При расследовании преступлений этой категории необходимо учитывать данную информацию.

Кроме того, по мнению Н.П. Яблокова [8], криминалистически значимая информация об особенностях личности потерпевшего позволяет более полно охарактеризовать личность преступника, установить мотивы совершения преступления, точнее очертить круг подозреваемых и грамотно спланировать поисковые мероприятия. Сведения о личности потерпевшего и данные, полученные от него, используются при построении следственных версий, планировании первоначального и последующего этапов расследования, разработке мер предупреждения. На первоначальном этапе расследования значимость информации, полученной от потерпевшего, особенно высока: нередко он является основным, а иногда и единственным источником ключевых сведений о происшествии.

Целесообразно классифицировать криминалистически значимую информацию о несовершеннолетнем, вовлечённом в совершение преступления (как потерпевшем), по трём группам. Во-первых, сведения о личностных свойствах и качествах потерпевшего – физических и социально-психологических характеристиках, индивидуальных чертах, темпераменте, уровне интеллектуального и эмоционального развития. Во-вторых, это сведения об образе жизни потерпевшего – круге общения, взаимоотношениях с окружающими и с лицом, вовлекшим его в преступную деятельность, особенностях поведения до, в период и после совершения преступления. В-третьих, данные о преступлении, в которое был вовлечён подросток, – его характере, обстоятельствах, мотивах, которыми руководствовался несовершеннолетний, когда подростки, стремясь заработать себе на лучшую жизнь, втягиваются в правонарушения и даже преступления.

В настоящее время одной из важнейших криминалистически значимых особенностей является возраст вовлечённого лица. Согласно статье 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцать лет. Если верхняя возрастная граница не вызывает разногласий в правоприменении, то нижний предел применительно к статье 150 УК РФ остаётся предметом оживлённой дискуссии.

О.В. Поликашина, опираясь на результаты изучения следственной практики подразделений ГСУ при ГУВД г. Москвы, полагает, что минимальным возрастом вовлечённого должен

считаться возраст наступления уголовной ответственности за то преступление, в которое подросток был вовлечён. Ю.В. Николаева применительно к статье 150 УК РФ предлагает понимать под потерпевшим лицо в возрасте от 14 до 18 лет. В то же время Е.М. Луничев, Е.В. Сокол и Т.К. Бойко придерживаются позиции, согласно которой несовершеннолетним для целей статьи 150 УК РФ следует считать лицо до 18 лет без указания нижнего предела. Последняя точка зрения представляется наиболее последовательной, поскольку уголовный закон призван защищать права и законные интересы всех несовершеннолетних, включая малолетних.

Несмотря на очевидную неопределённость, высшая судебная инстанция до настоящего времени не сформулировала однозначной позиции. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 года №7 не содержало упоминания о нижней возрастной границе несовершеннолетнего, вовлечённого в преступление. Постановление Пленума от 1 февраля 2011 года №1 также не разрешило вопрос о том, следует ли относить к несовершеннолетним малолетних.

Игнорирование этой проблемы приводит к негативным последствиям. Анализ судебной и следственной практики показывает, что правоприменители объясняют термин «несовершеннолетний» достаточно широко. Так, в 2016 году в Волгоградской области к ответственности был привлечён «Н», который 2 июля 2015 года вовлёк в кражу своего малолетнего пасынка «В» 2002 года рождения. В Вологодской области в 2018 году осуждён «К», вовлекший в преступление 12-летнего подростка. В 2015 году Юргинский городской суд Кемеровской области признал виновным «Н», вовлекшего в кражу группой лиц своего тринадцатилетнего брата.

Приведённые примеры демонстрируют, что в России сформировалась устойчивая практика привлечения к ответственности лиц, вовлекших в преступление детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста.

Анализ эмпирических данных позволяет составить обобщённый портрет вовлечённого несовершеннолетнего. В 90% случаев это лица мужского пола. Около половины (50%) – подростки 16–17 лет, в каждом третьем случае возраст составлял 14–15 лет (30%), а доля малолетних составляет 15%.

Возраст лиц, вовлекающих подростков в преступление, нередко составляет от 18 до 20 лет, то есть разница между вовлекателем и вовлечённым может составлять всего 1–4 года. Например, Бабаевским районным судом Вологодской области осуждён гражданин «П», которому на момент совершения преступления было 18 лет, а вовлечённому им подростку – 16 лет.

Если рассматривать образовательный уровень и трудовую деятельность вовлечённых в совершение преступлений, то мы приходим к следующим выводам: около 40% несовершеннолетних потерпевших на момент вовлечения обучались в общеобразовательных школах, 30% – в средних специальных учебных заведениях. Ни один подросток не являлся студентом высшего учебного заведения. Каждый десятый не посещал учебное заведение и не работал. Ни в одном изученном случае несовершеннолетний не был официально трудоустроен.

Подавляющее большинство вовлечённых подростков характеризуются посредственно или отрицательно, прилежная учёба – редкое исключение. Это свидетельствует о крайне низком образовательном уровне данной категории лиц. Лишь единицы из них воспринимают получение знаний как ценность, что подтверждается и исследованиями Д. Ф. Флори.

Нельзя не сказать и о пагубного влияния алкоголя на деструктивное поведение несовершеннолетних. Каждое седьмое преступление совершено вовлечёнными подростками в состоянии алкогольного опьянения, при этом почти половина из них периодически употребляли спиртные напитки. По наблюдениям С. Н. Дубинина, среди несовершеннолетних преступников реже встречаются выпивки исключительно по случаю праздников; мотивы употребления спиртного прямо отражают неблагоприятные социальные условия их жизни. Подростки, объясняя причины совершения преступления в нетрезвом виде, ссылаются на

тяжёлые семейные обстоятельства, жизненные неудачи, стремление заглушить стыд, боль, оскорбление. Любая форма опьянения у подростков является интоксикацией, травмирующей нервную систему и психику, а состояние опьянения выступает провоцирующим фактором при совершении противоправных деяний.

Семья играет ключевую роль в становлении личности несовершеннолетних. Состав семьи вовлечённых подростков в значительной мере предсказуем. Две трети воспитывались в неполных семьях, где родитель либо проводит большую часть времени на работе, либо ведёт асоциальный образ жизни. Подросткам не уделяется должного внимания, у родителя зачастую недостаточно влияния, чтобы оградить ребёнка от преступных факторов, в том числе от нежелательных знакомств. В 25% случаев потерпевшие проживали в полных семьях с нейтральной психологической атмосферой – однако семейное благополучие не всегда уберегает подростка от негативного воздействия. 6% потерпевших воспитывались бабушками и дедушками без участия родителей.

Финансовое положение семей в большинстве случаев нельзя назвать благополучным. Подростковая среда в большей степени, чем другие возрастные группы, восприимчива к экономическим процессам, происходящим в обществе. Вовлекаемые подростки зачастую лишены материальных благ, доступных их сверстникам, что создаёт дополнительную социально-экономическую напряжённость, которая находит выход в преступном поведении.

Также статистические данные говорят о следующем: каждый пятый подросток до факта вовлечения привлекался к уголовной ответственности, чаще всего за совершение краж. Около 8% привлекались к административной ответственности, 22% состояли на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних. У 20% несовершеннолетних потерпевших отмечалась та или иная форма психического расстройства, не исключающего вменяемости – чаще всего лёгкая умственная отсталость, которая лишь облегчала процесс приобщения подростка к криминальному образу жизни [5].

Среди мотивов совершения преступлений, в которые подростков вовлекают взрослые, доминирует корыстный мотив – стремление получить материальную выгоду, что предопределяет совершение преимущественно преступлений против собственности (статья 158 – 85%, статья 161 и другие). Нередко при вовлечении родственником наряду с корыстными побуждениями подросток руководствуется близкими отношениями со взрослым лицом. Такой мотив, лишённый по своей сути антиобщественного содержания, также надлежит учитывать при расследовании.

Анализ показывает наличие существенных связей между вовлекателем и вовлекаемым. Обе категории лиц в большинстве случаев демонстрируют низкий образовательный и культурный уровень, пристрастие к алкоголю, предпреступный тип мышления. Возрастной диапазон виновного лица и потерпевшего в большинстве случаев находится в границах 16–20 лет, что предопределяет общность интересов и совместное времяпрепровождение в одних и тех же компаниях. Экономический аспект также схож: ни взрослые, ни их жертвы, как правило, не имеют собственных легальных источников дохода и предпочитают способы заработка, не требующих значительных усилий и стабильности. По справедливому замечанию Е. В. Кушпель, сходство психологических и нравственных свойств вовлекателя и вовлечённого предопределено единством образа жизни.

Подводя итог, можно сформулировать обобщённую криминалистическую характеристику личности несовершеннолетнего, вовлечённого в совершение преступления. В большинстве случаев это юноша (90%), проживающий в городе или сельской местности, в возрасте 16–17 лет (50%) либо 14–15 лет (30%), обучающийся в общеобразовательной школе или среднем специальном учебном заведении (70%), воспитывающийся в неполной малообеспеченной семье (60%), периодически употребляющий алкогольные напитки, в большинстве случаев не имеющий судимости, но нередко состоявший на профилактическом учёте, с признаками социальной дезадаптации, слабой мотивацией и повышенной виктимностью, обусловленной возрастными, психологическими и социальными факторами.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 27.12.2019). – М.: Омега-Л, 2019. – 247 с.
2. Поликашина О.В. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественных действий: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность»: дис. ... канд. юрид. наук / Поликашина Ольга Владимировна. – М., 2024. – 161 с.
3. Семакова А.И. Психологические аспекты внушаемости несовершеннолетних, совершивших кражи в составе группы / А.И. Семакова, Е.И. Ильянова // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2021. – №1. – С. 73–77. – DOI: 10.24412/2658-638X-2021-1-73-77. – EDN ZSQXZA.
4. Сокол Е.В. Организационно-тактические особенности расследования вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность»: дис. ... канд. юрид. наук / Елена Викторовна Сокол. – Краснодар, 2024. – 213 с.
5. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова [и др.]. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2021. – С. 8.
6. Кравцов Д.А. Следственный комитет как один из субъектов профилактики правонарушений в молодежной среде / Д.А. Кравцов // Российский следователь. – 2019. – №3. – С. 51–53. – EDN ZANFSP.
7. Яцечко О.В. Вопросы теории и практики предварительного расследования и судебного разбирательства преступлений о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность»: дис. ... канд. юрид. наук / Яцечко Олег Викторович. – Барнаул, 2021. – 232 с.
8. Криминалистика: учебник / Т.С. Волчецкая, В.Я. Колдин, В.Л. Крылов [и др.]; под ред. Н.П. Яблокова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2025. – 781 с. – ISBN 5-7975-0728-5.

Сергеева Дарья Александровна

студентка

Научный руководитель

Тихомирова Мария Сергеевна

канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»

г. Санкт-Петербург

DOI 10.31483/r-169276

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОХРАНЫ НАСЛЕДИЯ: ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭТАЛОННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ

Аннотация: статья посвящена определению правового статуса цифровых двойников в сфере сохранения архитектурного наследия. Автор анализирует действующее законодательство, выявляет пробелы и формулирует теоретическую модель, основанную на разделении частноправового и публично-правового аспектов. Вносятся предложения по изменению ГК РФ и 73-ФЗ.

Ключевые слова: цифровой двойник, объект культурного наследия, архитектурное наследие, правовой статус, авторское право, интеллектуальная собственность, смежные права, информационная модель, охрана памятников, цифровизация.

Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. №474 закрепил курс России на цифровую трансформацию, затронув и сферу охраны культурного наследия. Задачи оцифровки объектов культурного наследия (далее – ОКН) обостряются в связи с национальным проектом «Экономика данных и цифровая трансформация государства» и созданием платформы «Цифровая культура».

Такие технологии как лазерное сканирование, BIM развиваются быстрее правовых норм. Именно поэтому, цифровые двойники архитектурных памятников всё чаще применяются при реставрации и вовлекаются в коммерческий оборот, но их юридический статус остаётся неопределённым. Отсутствие легальной дефиниции и ясного правового режима порождает угрозы: риск утраты подлинности объектов; неконтролируемое копирование моделей и их коммерческое использование; невозможность для архитекторов защитить интеллектуальные права.

В этом плане показателен пример реставрации Покровской башни в Пскове. Отсутствие жёсткой цифровой фиксации проектных решений и должного авторского надзора привело к утрате аутентичности памятника и, по-видимому, повлияло на решение ЮНЕСКО не включать псковский ансамбль в список Всемирного наследия.

В инженерной среде цифровой двойник понимается не как статичная копия, а как система, объединяющая цифровую модель физического объекта и двусторонние каналы обмена информацией. Для законодательства такое определение избыточно, но оно помогает разграничить смежные категории. Цифровая копия – простая оцифровка, результат технической фиксации, а не творческого акта; в праве она относится к цифровому образу. Информационная модель (BIM) – структурированный массив данных об объекте, ориентированный на проектирование или эксплуатацию. Применительно к ОКН она фиксирует не только геометрию, но и историко-культурный пласт.

Виртуальный объект не имеет чёткой законодательной фиксации, но в определённой степени регулируется правом и может рассматриваться как широкая категория симуляций, не обязательно привязанных к реальному прототипу.

С учётом этих границ цифровой двойник применительно к ОКН – наиболее сложная разновидность информационной модели. Его отличительные черты: аутентичность, полнота охвата, потенциальная юридическая значимость и возможность использования как эталонного образца при реставрации. Для целей юридического регулирования цифровой двойник памятника архитектуры следует трактовать как структурированный массив данных, зафиксированный в электронной форме. Он с высокой точностью воспроизводит на конкретный временной срез геометрические, физические, историко-культурные и иные параметры объекта и предназначен для его идентификации, учёта, мониторинга и мероприятий по сохранению.

Гражданское законодательство не предусматривает специальных способов защиты цифрового двойника, что порождает конкурирующие доктринальные подходы. По ст. 1259 ГК РФ объектами авторского права являются произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, в том числе в виде проектов, чертежей, изображений и макетов.

Исходя из этого, цифровой двойник может квалифицироваться: 1) как произведение архитектуры – если является результатом творческой интерпретации; 2) как база данных – если творческий вклад состоит в подборе и систематизации сведений; 3) как составное произведение. Ключевой принцип – охраноспособность: объект авторского права должен быть оригинальным и порождённым творческой деятельностью.

Отдельный вопрос – отнесение цифрового двойника к объектам смежных прав. По ст. 1304 ГК РФ к ним относятся, в частности, базы данных, но лишь в части защиты от несанкционированного извлечения материалов.

Наиболее применимой видится конструкция прав публикатора. Большинство архитектурных памятников либо утратили охрану авторского права по сроку, либо изначально ею не охватывались, поэтому лицо, которое посредством лазерного сканирования и обработки данных создаёт эталонную цифровую модель ОКН, по сути впервые обнародует объект в новой, цифровой форме. Это способно сформировать основания для смежного права публикатора сроком 25 лет.

Такой подход имеет преимущества в виде стимуляции создания ачественных моделей, гарантируя временную монополию; защиты государственных интересов при создании модели

по госзаказу; отсутствия требования к доказыванию творческого характера деятельности; обеспечение правовой определённости и единообразия судебного толкования.

Однако цифровой двойник нередко представляет сложный составной объект, включающий охраняемые и неохранные элементы. Коллизии между правами создателя модели и владельца памятника практически неизбежны. Собственник здания не может использовать модель в коммерческих целях без согласия автора. Если исключительное право принадлежит архитектору, договор подряда должен обязательно регулировать правоотношения по поводу цифрового двойника. Это минимизирует риск споров.

Частноправовой механизм не решает главной стратегической задачи – сохранения физического памятника. Он отвечает на вопрос «кто правообладатель модели?», но не на вопрос «каково её место в системе государственной охраны?». Чтобы цифровой двойник стал реальным инструментом сохранения подлинности, нужно определить его публично-правовой статус, закрепить место в охранной документации и реставрационных процедурах.

Исследование показывает, что цифровой двойник имеет не только частноправовую, но и публично-правовую природу. Однако Федеральный закон №73-ФЗ сегодня не предъявляет требований к созданию и ведению цифровых моделей памятников. Сведения об ОКН по-прежнему вносятся в единый государственный реестр в текстовой и графической формах, что не отвечает современным реалиям. Внедрение цифровых моделей, включая цифровых двойников, способно ускорить и упростить выдачу разрешений на реставрацию. Это облегчит реставрацию и предотвратит ошибки. Поэтому обоснованно внести в Федеральный закон №73-ФЗ изменения, предусматривающие обязательное включение эталонной цифровой модели в учётную документацию по проектам реставрации.

На основе принципа дуализма предлагается следующая конструкция правового статуса цифрового двойника объекта архитектурного наследия.

В частноправовой плоскости цифровой двойник может выступать: как объект смежных прав – для моделей, созданных по памятникам, перешедшим в общественное достояние, как объект авторского права – в отношении оригинальных творческих частей, включая методику реконструкции утраченных фрагментов или художественную обработку данных.

В публично-правовой плоскости цифровой двойник следует рассматривать как неотъемлемую часть охранной документации памятника. Его статус предлагается определить как «эталонная информационная модель объекта культурного наследия», утверждаемая уполномоченным органом охраны.

Для реализации концепции необходимы следующие корректировки законодательства.

1. Дополнить ч. 1 ст. 1259 ГК РФ пунктом: «Правовая охрана в качестве произведений архитектуры распространяется также на цифровые информационные модели объектов архитектуры, если они созданы творческим трудом». Это включает цифровые модели в перечень охраняемых объектов авторского права и закрепляет позицию, изложенную в Определении Верховного Суда РФ от 6 сентября 2022 г. №78-КГ22–29-К3: отсутствие новизны, уникальности или оригинальности само по себе не доказывает, что результат не создан творческим путём, и не может служить основанием для отказа в авторско-правовой охране.

2. Дополнить п. 1 ст. 1337 ГК РФ абзацем: «Правила настоящей статьи также распространяются на лицо, впервые осуществившее оцифровку и систематизацию сведений об объекте культурного наследия, перешедшем в общественное достояние, и создавшее на этой основе цифровую модель, удовлетворяющую критериям точности и полноты. На такую модель распространяются положения статей 1338–1340 настоящего Кодекса об исключительном праве публикатора».

3. В Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ целесообразно внести изменения:

– ст. 3 дополнить определением: «Эталонная информационная модель объекта культурного наследия» – совокупная информационная модель объекта, выполненная с использованием лазерного сканирования и фотограмметрии, содержащая исчерпывающие геометрические, физико-технические, историко-архивные и иные сведения об объекте на момент её создания и подлежащая верификации и утверждению органом государственной охраны»;

– ст. 20 дополнить п. 6: «В учётную документацию, хранящуюся в реестре, в обязательном порядке включается эталонная информационная модель объекта культурного наследия в цифровом формате, которая подлежит верификации и утверждению органом государственной охраны, а также обязательному обновлению при изменении состояния объекта и после проведения работ по его сохранению»;

– ст. 45 дополнить п. 11: «Проектная документация на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия подлежит проверке на соответствие эталонной информационной модели такого объекта, утверждённой в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия. Выполненные работы по сохранению объекта культурного наследия вносятся в актуальную версию эталонной информационной модели по мере их принятия органом государственной охраны».

По нашему убеждению, эти дополнения позволят разрешить системные проблемы, сдерживающие эффективную охрану и восстановление ОКН в условиях цифровизации. Легальное признание цифровых информационных моделей объектами авторского права снимет неопределённость их статуса и даст создателям необходимую защиту. Распространение режима прав публикатора на модели объектов, перешедших в общественное достояние, станет дополнительным стимулом для оцифровки и систематизации историко-культурных данных, обеспечивая их сохранность и доступность. Введение понятия «эталонная информационная модель» создаст официальный цифровой эталон состояния объекта наследия.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 21.07.2020 №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – №30. – Ст. 4884.

2. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 10.12.2024 №5 // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://government.ru> (дата обращения: 30.08.2026).

3. Федеральный проект «Цифровая культура» // Паспорт национального проекта «Культура»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 №16. – URL: <https://culture.gov.ru> (дата обращения: 30.08.2026).

4. Постановление Правительства РФ от 17.05.2024 №614 «Об утверждении Правил формирования и ведения информационной модели объекта капитального строительства, состава сведений, документов и материалов, включаемых в информационную модель объекта капитального строительства и представляемых в форме электронных документов, и требований к форматам указанных электронных документов» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – №22. – Ст. 2767.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №52 (1 ч.). – Ст. 5496.

6. Федеральный закон от 25.06.2002 №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №26. – Ст. 2519.

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.09.2022 №78-КГ22-29-К3 (УИД 78RS0016-01-2020-001397-61) // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.08.2026).

8. International Council on Monuments and Sites (ICOMOS) // Официальный сайт ICOMOS. – URL: <https://www.icomos.org> (дата обращения: 30.08.2026).

9. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) // Официальный сайт UNESCO. – URL: <https://www.unesco.org> (дата обращения: 30.08.2026).

10. Кравченко А.А. Природа, сущность и классификация цифровых двойников / А.А. Кравченко // Экономика и управление. – 2025. – Т. 31, №1. – С. 125–134. – DOI 10.35854/1998-1627-2025-1-125-134. – EDN UMYJNQ.

11. «Цифровой двойник» как новый объект смежных прав // ГАРАНТ.РУ. – 2024. – URL: <https://www.garant.ru/article/1585043/> (дата обращения: 30.08.2026).

12. Храмы древнего Пскова – в Списке Всемирного наследия // Официальный сайт Правительства Псковской области. – 09.07.2019. – URL: <https://pskov.ru/press/09.07.19/112628> (дата обращения: 30.08.2026).

Ситдикова Айдана Ленаровна

студентка

Научный руководитель

Тарасова Ольга Евгеньевна

канд. филос. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

УСТАНОВЛЕНИЕ ОТЦОВСТВА И МАТЕРИНСТВА ПО СОВЕТСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Аннотация: изучение вопросов установления материнства и отцовства не будет всесторонним без исследования истории отечественного семейного законодательства. Ретроспективный анализ позволяет выявить преемственность правовых норм и оценить эффективность действующего регулирования.

Ключевые слова: установление отцовства, установление материнства, права ребенка, советское семейное законодательство.

Советскую политику по взаимоотношениям родителей и детей можно охарактеризовать как «этакратическую, когда идеологическая гегемония государства касалась не только супружеских, но и детско-родительских отношений, так как государство провозгласило себя «основным ответственным за воспитание детей» [3, с. 4]. Отношение советской власти к установлению отцовства и материнства менялось на протяжении всего советского законодательства. Изначально надо отметить, что Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, принятом в 1918 г. установил равенство как супругов, так и родителей в отношении прав матери и отца по воспитанию детей. Таким образом, действовавшее на протяжении многих веков правило об единоличной власти отца было отменено. С этого момента отец наравне с матерью имел право записываться отцом ребенка на основании подачи простого заявления, вследствие чего он признавался в качестве отца на юридических основаниях. Но в соответствии со ст. 144 указанного нормативного акта «если суд устанавливал, что лицо, названное отцом ребенка, хотя и было в близких отношениях с матерью ребенка, но «одновременно и с другими лицами», то суд выносил постановление о привлечении последних в качестве ответчиков и возлагал на всех них «обязанность участвовать» в необходимых расходах» [1, с. 53].

Надо сказать, что советское законодательство изначально исходило из материальных интересов ребенка и материальной безопасности матери, которая должна была финансово обеспечить ребенка и себя. В результате у одного ребенка могло появиться несколько отцов, так называемое «коллективное отцовство», которые материально по законодательству должны были обеспечить ребенка, но на практике вряд ли занимались его воспитанием. На наш взгляд такой подход ущемлял права ребенка, который не получал заботы в полном объеме и права мужчин, которые должны были содержать ребенка, в кровном родстве с которым у них не было уверенности. К тому же не надо забывать, что права другой жены могли быть ущемлены в результате признания такого «коллективного отцовства», так как мужчина мог уже состоять в браке и установление отцовства могло привести к разрушению данного брака или же ухудшению материального положения семьи из-за необходимости выплачивать алименты, оказывать поддержку ребенку и его матери.

Многие ученые считают, что принятие подобных положений в первых нормативных правовых актов советской власти закрепило отрицательный образ отца, который не занимается воспитанием своих детей, отца, который пытается уклониться от уплаты алиментов. Государственная политика не просто формировала отрицательного образа, но и способствовала дальнейшему его укреплению в советском законодательстве. Так, в Кодексе законов о браке,

семье и опеке РСФСР от 1926 г., закрепляются нормы, в соответствии с которыми женщина могла с легкостью доказать сам факт существования супружеских отношений со всеми последующими вытекающими последствиями. Все это делало «мужчин совершенно незащищенными перед недобросовестными партнершами, претендовавшими и на площадь, и на часть имущества своего «супруга», требовавшими часто установления отцовства в отношении детей, к которым эти мужчины не имели никакого отношения. Со временем на практике это привело к тому, что мужчины стали вообще остерегаться женщин и бояться вступить с ними в какие бы то ни было интимные отношения» [2, с. 104].

В дальнейшем законодательство пытается решить демографическую проблему путем регулирования семейно-брачных отношений. В середине 1930-х годов принимается ряд нормативных документов, защищающих зарегистрированные браки, по мнению законодателя только они могли породить права и обязанности супругов. Так, в 1936 г. принимается Постановление ЦИК и СНК СССР о запрещении аборт, которое запретило искусственно прерывать беременность. В этом же году принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. о государственной помощи матерям. Можно сказать, что данный документ положил начало развития социальных прав несовершеннолетних и заложил основы политики социальной поддержки материнства [4, с. 38]. С этого момента фактические супружеские отношения не приравнивались к зарегистрированному браку, а мать не имела больше права на обращения в суд с требованием установить отцовство и взыскать алименты на содержания ребенка, которого она родила от лица не состоявшем в зарегистрированном браке. Так, мужчина, живущий с женщиной в гражданском браке и имеющий от нее детей, не мог непосредственно приобрести родительские права и обязанности в отношении родных общих детей. В соответствии со ст. 21 указанного нормативного документа «при регистрации в органах записи актов гражданского состояния рождения ребенка от матери, не состоящей в зарегистрированном браке, ребенок записывается по фамилии матери с присвоением ему отчества по указанию матери».

Следующий Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. дал право матери при вступлении в брак с отцом ребенка признать его официально отцом и ребенком соответственно приравнивался во всех отношениях к детям, которые родились в зарегистрированном браке. Если супруги, родители ребенка, заключили брак после зачатия ребёнка, но до регистрации брака, то мать в момент регистрации брака будучи беременной, одинокой по закону не являлась, и ребенок получал отцовство. Если брак был заключен после рождения ребёнка, то отцовство не признавалось. Что касается детей, рожденных в течении допустимого срока беременности после смерти мужа зарегистрированного в браке с матерью ребенка, то имя ребенка по указанию матери, отчество и фамилия покойного мужа.

Следующие изменения в порядок установления отцовства и материнства детей были внесены после Великой отечественной войны в 1968 г. В 1960-е годы было принято ряд нормативных документов, касающихся непосредственно установления отцовства. С этого момента суд мог принимать во внимание только факт совместного проживания родителей и ведение общего хозяйства матерью и предполагаемого отца ребёнка. Так же учитывалось совместное воспитание детей их материальное и финансовое содержание. Суд так же мог рассмотреть любые достоверные доказательства рождения ребёнка от конкретного лица (ответчика). При этом законодательство закрепило право добровольного установления отцовства. Что касается мужчин, которые не проживали совместно с женщинами родивших ребенка, то такое поведение считалось аморальным, суд имел право не рассматривать заявление об установлении отцовства если мужчина и женщина имели связь, но не имели цель создания семьи. В данном случае мать ребенка имела право только дать свою фамилию ребенку, придумав имя и отчество. С этого момента родить ребенка в СССР как говорится только «для себя» считается крайне аморальным поступком. Это все происходило на фоне так называемой либерализации семейной государственной политики, так как в данный период времени

принимаются нормативные акты, которые легализовали аборт, облегчили бракоразводный процесс и т. д.

Надо отметить, что такое отношение к вопросу установления отцовства и материнства не прошло бесследно. Социологии и педагоги стали отмечать проблему «скрытой безотцовщины». Как отмечали ученые отцы зачастую не принимали участие в воспитании детей. В советском государстве сформировалась особая модель родительства в отношении отцовства: «советское» отцовство, предполагающее главным образом выполнение мужчиной экономических обязательств перед женой и детьми: предоставление в их распоряжение его заработков, а также выплату алиментов и раздел имущества в случае развода» [5, с. 166]. Все это благодаря тому, что семейные родительские отношения находились на периферии семейных отношений. Либерализация семейной политики, отмена сталинских норм (середина 1950-х гг. – 1980-х гг.) в целом повысили социальную значимость института отцовства, но негативные стереотипы и представления о роли отца, которые ранее сформировались в советском обществе, сохранились.

Список литературы

1. Замараева З.П. Особенности трансформации института отцовства в советский период / З.П. Замараева, В.М. Новоселов // Теория и практика общественного развития. – 2012. – №6. – С. 53–56. – EDN OZMMKL
2. Завадская Л.Н. Гендерная экспертиза российского законодательства / Л.Н. Завадская. – М., 2001. – 256 с. – EDN ZGEMHF
3. Кон И.С. Отцовство как социокультурный институт / И.С. Кон // Педагогика. – 2005. – №9. – С. 3–16.
4. Тарасова О.Е. Эволюция развития социальных прав детей / О.Е. Тарасова, А.Ю. Мигла // Право и законность: вопросы теории и практики: сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. (Абакан, 24–25 апреля 2020 г.). – Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2020. – С. 38–40. EDN MDPYVR
5. Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография / отв. ред.: Е. Здравомыслова, А. Темкина. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2007. – 305 с.

Фазылова Алия Нафисовна

магистрант

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

г. Казань, Республика Татарстан

DOI 10.31483/r-169416

ПОВЕДЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ФИНАНСОВОГО РЫНКА КАК ОБЪЕКТ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКА РОССИИ

Аннотация: в статье рассматривается поведение субъектов финансового рынка как самостоятельный объект контрольно-надзорной деятельности Банка России. Раскрывается соотношение категорий «поведение» и «деятельность», анализируются содержание и основные инструменты поведенческого надзора. Российский подход сопоставляется с британским режимом *Consumer Duty* и американской доктриной *UDAAP*. Сделан вывод о необходимости нормативного закрепления понятия поведенческого надзора и критериев оценки добросовестности участников финансового рынка.

Ключевые слова: поведенческий надзор, правовое регулирование, финансовый контроль, поведенческое регулирование.

Развитие финансовых технологий и усложнение финансовых продуктов обуславливают необходимость контроля не только за формальным соблюдением обязательных требований, но и за тем, как финансовые организации взаимодействуют с потребителями. Банк России определяет поведенческий надзор как надзор за таким взаимодействием и использует его для противодействия мисселингу, навязыванию дополнительных услуг, недостаточному информированию и иным недобросовестным практикам.

В финансово-правовой доктрине понятие «поведение» пока не получило однозначного содержания. Между тем его определение необходимо для установления границ надзорного вмешательства и выработки понятных критериев правомерного поведения участников рынка.

Категории «деятельность» и «поведение» взаимосвязаны, но не тождественны. Деятельность финансовой организации характеризует прежде всего совокупность формализованных операций и процессов, тогда как поведение отражает способы взаимодействия с клиентом, включая характер информирования, методы продажи продукта, добросовестность и последствия принимаемых решений.

Следовательно, объектом поведенческого надзора выступает не вся деятельность финансовой организации, а совокупность ее действий и практик, непосредственно влияющих на права и законные интересы потребителя. К ним относятся продвижение и продажа финансовых продуктов, раскрытие существенной информации, содержание договорных условий, клиентская поддержка и исполнение обязательств.

Такой подход позволяет учитывать не только наличие формального нарушения, но и фактический результат взаимодействия сторон. Например, предоставление большого объема юридически достоверной, но сложной и непрозрачной информации способно воспрепятствовать осознанному выбору потребителя, хотя формальные требования к раскрытию сведений могут быть выполнены.

Поведенческий надзор Банка России включает реактивное и превентивное направления. Реактивное направление связано с рассмотрением обращений и жалоб, а превентивное – с самостоятельным выявлением практик, способных причинить вред потребителям, и принятием мер по их устранению.

К основным инструментам относятся:

- анализ обращений потребителей и ответов финансовых организаций;
- риск-профилирование поднадзорных субъектов на основе жалоб;
- изучение договоров, рекламы и информации на сайтах финансовых организаций;
- проведение проверок и контрольных закупок, позволяющих выявлять нарушения до заключения договора;
- подготовка рекомендаций и применение мер надзорного реагирования.

С 1 июля 2024 года обращения потребителей, поступившие в Банк России, по общему правилу направляются в соответствующую финансовую организацию. Она должна ответить в течение 15 рабочих дней; при необходимости срок может быть продлен не более чем на 10 рабочих дней. Такой механизм способствует оперативному урегулированию споров, однако не исключает последующего надзорного вмешательства Банка России.

В Великобритании обязанность действовать в интересах потребителей требует от финансовых организаций действовать для достижения положительных результатов для розничных клиентов. Модель включает потребительский принцип, три сквозных правила и четыре результата: надлежащее качество продуктов и услуг, справедливое соотношение цены и ценности, понимание потребителем предоставленной информации и достаточную клиентскую поддержку. Сквозные правила предписывают действовать добросовестно, предотвращать предвидимый вред и помогать клиентам в достижении финансовых целей.

В США поведенческое регулирование основано на запрете несправедливых, вводящих в заблуждение или злоупотребляющих действий и практик. Практика признается злоупотребляющей, если она существенно препятствует пониманию условий продукта либо использует недостаточную осведомленность потребителя, его неспособность защитить собственные интересы или обоснованное доверие к поставщику финансовой услуги. В отличие от общего требования добросовестности, каждый элемент UDAAP имеет самостоятельные критерии юридической оценки.

Зарубежные модели объединяет ориентация на фактический результат для потребителя, а не только на формальное соблюдение требований. Их отличие от российской модели

заключается в более детальной нормативной формализации стандартов поведения и критериев надзорной оценки.

Российский поведенческий надзор сохраняет преимущественно функциональный характер: его содержание раскрывается через полномочия Банка России, практику защиты прав потребителей и отдельные обязательные требования. Отсутствие единого легального определения осложняет разграничение правонарушения, недобросовестной практики и поведения, которое формально допустимо, но создает риск причинения вреда потребителю.

В связи с этим целесообразно:

- нормативно закрепить понятие и пределы поведенческого надзора;
- установить критерии недобросовестного поведения с учетом характера информации, уязвимости потребителя и последствий реализации продукта;
- развивать проактивный мониторинг на основе жалоб, цифровых данных и контрольных закупок;
- возложить на финансовые организации обязанность оценивать фактические результаты взаимодействия с потребителями;
- определить стандарты поведения сотрудников, непосредственно участвующих в продаже финансовых продуктов.

Поведение субъектов финансового рынка представляет собой самостоятельный объект контрольно-надзорной деятельности Банка России. Оно охватывает способы и фактические результаты взаимодействия финансовых организаций с потребителями, которые не всегда могут быть оценены исключительно через соблюдение формальных требований.

Дальнейшее развитие российской модели требует перехода от реагирования на отдельные нарушения к нормативно определённом контролю за результатами взаимодействия финансовых организаций с клиентами. Для формулирования критериев добросовестности, прозрачности, предотвращения предвидимого вреда и недопустимости использования информационной уязвимости потребителя может быть учтён опыт британской обязанности действовать в интересах потребителей и американского запрета несправедливых, вводящих в заблуждение или злоупотребляющих действий и практик.

Список литературы

1. Поведенческий надзор: практики и рекомендации // Банк России : официальный сайт. – URL: https://www.cbr.ru/protection_rights/behavioral_surveillance/ (дата обращения: 20.09.2026).
2. Направления защиты прав потребителей финансовых услуг: информационно-аналитический материал / Банк России. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/117853/inf_note_jan_1921.pdf (дата обращения: 20.09.2026).
3. Михеева И.В. Поведенческий надзор Банка России в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг / И.В. Михеева, Е.А. Долкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т. 24, №2. – С. 314–334. – DOI 10.22363/2313-2337-2020-24-2-314-334. – EDN DYBJWG
4. Пирогова Т.В. Поведенческий надзор в Российской Федерации: становление и анализ развития в страховании / Т.В. Пирогова, М.А. Селиванова // Сибирская финансовая школа. – 2022. – №2. – С. 104–113. – DOI 10.34020/1993-4386-2022-2-104-113. – EDN EMVSLX
5. Агафонов М.Н. Финансово-правовое регулирование поведенческого надзора Центрального банка Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / М.Н. Агафонов. – Саратов, 2026. – 297 с.
6. Голубитченко М.А. Современные тенденции правового регулирования защиты прав потребителей финансовых услуг Банком России / М.А. Голубитченко // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2025. – №1. – С. 33–39. – DOI 10.34076/22196838_2025_1_33. – EDN XPDMYV
7. Миронов В.Ю. Формирование правовой модели поведенческого надзора как актуальное направление развития риск-ориентированного подхода в банковском надзоре / В.Ю. Миронов // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, №4А. – С. 229–234. – DOI 10.34670/AR.2023.64.39.024. – EDN XWLOJO
8. Ситник А.А. Поведенческий надзор на финансовом рынке / А.А. Ситник // Lex russica. – 2023. – Т. 76, №3 (196). – С. 41–51. – DOI 10.17803/1729-5920.2023.196.3.041-051. – EDN KJLSIB

Халимов Данил Ильич

студент

Научный руководитель

Тарасова Ольга Евгеньевна

канд. филос. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация:** процесс развития детских уполномоченных в настоящее время находится на стадии совершенствования. В статье автор показывает, что на сегодняшний день существует несколько моделей функционирования уполномоченных по правам ребенка в системе власти субъектов РФ.*

***Ключевые слова:** омбудсмен, органы государственной власти, права ребенка, уполномоченный по правам ребенка.*

Институт уполномоченного по правам ребенка в сравнении с другими институтами государственной власти довольно молодой. Он был учрежден в 2009 г. Указом Президента РФ, но в те же время в Российской Федерации за короткое время существования данный институт приобрел собственные черты, характерные для российской системы власти с учетом национальных особенностей. Учитывая то, что Конституция РФ вопросы воспитания, образования детей относит к совместной компетенции федеральных органов власти и субъектов РФ, должность Уполномоченных по правам ребенка является необходимым институтом на уровне субъекта, так как он ведет независимый контроль за соблюдением прав ребенка в конкретном регионе.

В настоящее время должность детского омбудсмена учреждена во всех субъектах Российской Федерации. Начало данному процессу положил Указ Президента РФ от 1 сентября 2009 г. №986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» [3]. Данный указ носил рекомендательный характер, поэтому путь формирования института уполномоченного по правам ребенка в каждом субъекте РФ был свой. К принятию в 2018г. ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» [4] в субъектах РФ уже были учреждены Уполномоченные по правам ребенка, да к тому же следует отметить, что указанный федеральный закон регламентирует деятельность Уполномоченного по правам ребенка в РФ. Данный закон не является правоустанавливающим по отношению уполномоченным по правам ребенка в субъектах, данный вопрос каждый субъект решает самостоятельно.

Исследователи института уполномоченных в субъектах РФ отмечают, что можно выделить несколько моделей функционирования уполномоченных по правам ребенка в субъектах РФ.

Парламентская модель, при которой по словам П.Л. Лихтера «основную роль в формировании института играет законодательный орган субъекта Российской Федерации» [1, с. 18], можно отнести такие субъекты как г. Санкт-Петербург, Владимирская и Кемеровская области, Республики Татарстан, Республика Тыва. Классическая парламентская модель заключается в следующем: порядок назначения регионального детского омбудсмена основывается на том, что именно законодательный орган (представительный) избирает (назначает) данное должностное лицо. Таким образом, выделяя данную модель ученые, основывались именно на порядке назначения уполномоченного по правам ребенка в субъекте РФ законодательным органом субъекта РФ, что дает ему относительную независимость и стабильность. Например, в Республике Хакасия Уполномоченным по правам ребенка назначается решением

Верховного Совета путем голосования, большинством голосов [2, с. 143]. В большинстве регионах кандидатуру на пост уполномоченного по правам ребенка представляет глава субъекта, но есть отдельные субъекты, где данным правом наделены и другие. Парламентская модель, на наш взгляд, наиболее предпочтительна так как при ней обеспечивается оптимальное разграничение полномочий и взаимодействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации и уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации.

Исполнительная модель действия уполномоченного по правам ребенка в субъектах РФ выделяется в связи с тем, что глава субъекта назначает уполномоченного и осуществляет контроль за его деятельностью. Законодательной основой действия уполномоченного в данном случае может быть как законодательный акт от законодательного органа субъекта, так и нормативный акт от главы субъекта. К примеру, в Удмуртской Республики компетенции Уполномоченного установлены Постановлением Правительства УР. При данной модели уполномоченный встраивается в структуру административно-исполнительного аппарата. Например, в Кабардино-Балкарской Республике Уполномоченный по правам ребенка назначает и освобождается от должности главой Республики, к тому же он входит в состав администрации и имеет статус заместителя Руководителя Администрации Главы Кабардино-Балкарской Республики. Такое положение уполномоченного по правам ребенка дает повод для ученых говорить о малоэффективности данного института. Следует заметить, что в зарубежной практике имеются такие модели функционирования уполномоченного по правам ребенка и за время своего существования они зарекомендовали себя как эффективные и перспективные (например, во Франции и Австрии).

Третья модель функционирования уполномоченного по правам ребенка в субъекте РФ называется «омбудсмен при омбудсмене», когда Уполномоченный назначается Уполномоченным по правам человека в субъекте и осуществляет свои полномочия в его аппарате власти. Например, в Пензенской области уполномоченный по правам ребенка является заместителем Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ, при этом он назначается с согласия парламента. Отношение к такой модели у исследователей не однозначное. С одной стороны, они отмечают экономию бюджетных средств, тесная связь двух уполномоченных может давать эффективную работу. С другой стороны, уполномоченный по правам ребенка вынужден действовать через уполномоченного по правам человека и тем самым его действия скованы, он не имеет необходимой свободы в принятии решений.

Уполномоченные по правам ребенка в субъектах РФ являются государственными должностными лицами в соответствии в Указом Президента РФ, в котором сказано, что данные должности включены в перечень типовых государственных должностей субъектов Российской Федерации, что по мнению Ф.Р. Сайфутдиновой «свидетельствует о признании высокого статуса этого института» [5, с. 175]. Данное положение Указа Президента РФ является ориентиром для органов государственной власти субъектов РФ при решении вопроса о статусе уполномоченного по правам ребенка.

В заключение отметим, что на сегодняшний день отсутствует единая правовая база на уровне регионов по организации и деятельности уполномоченного по правам ребенка, поэтому в субъектах сложилась различная практика функционирования института детского омбудсмана. В ряде субъектов уполномоченные входят в систему органов исполнительной власти, в других субъектах функционируют относительно автономно благодаря избранием уполномоченного законодательным органом власти. Организационно-правовые основы деятельности уполномоченных в субъектах РФ на федеральном уровне не регламентируются, что обусловило наличием нескольких способов закрепления и функционирования данного института.

Уполномоченный по правам ребенка в субъектах РФ необходимый институт в системе органов государственной власти субъекта. Несмотря на то, что он не имеет продолжительной истории своего функционирования, тем не менее зарекомендовал себя как институт,

отвечающий основным задачам национальной стратегии действий в интересах детей. Его необходимость связана не только с причинами роста детской преступности, нарушении прав и законных интересов несовершеннолетних, но прежде всего с тем, что уполномоченный по правам ребенка самый открытый орган для оказания содействия в решении проблем ребенка.

Список литературы

1. Лихтер П.Л. Методология оценки деятельности Уполномоченного по правам ребенка: постановка проблемы / П.Л. Лихтер // Диалог. – 2017. – №2 (7). – С. 19–23.
2. Николаева Е.А. Уполномоченный по правам ребенка в Республике Хакасия: к характеристике системы разделения властей / Е.А. Николаева, О.Е. Тарасова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – №8–2 (58). – С. 143–145. – EDN TVXIKX
3. Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: Указ Президента Рос. Федерации от 01.09.2009 №986 // Российская газета. – 2009. – 04 сент.
4. Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации: Федер. закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ // Российская газета. – 2018. – 29 дек.
5. Сайфутдинова Ф.Р. Институт уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации: организационно-правовые формы / Ф.Р. Сайфутдинова // Вестник экономики, права и социологии. – 2013. – №1. – С. 174–176. – EDN PYQOAP

Якимова Ульяна Алексеевна

студентка

Научный руководитель

Юн Лариса Владимировна

канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

«УМНЫЙ ГОРОД» КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация: в статье рассмотрены вопросы развития «Умного города», являющегося одним из инструментов цифровизации современного общества, представлены дефиниции умного города, обозначены преимущества реализации инициативы по внедрению проекта «Умный город», направленного на усовершенствование процессов управления муниципалитета на основе цифровых инструментов сбора и анализа данных.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, «Умный город».

В современный период не существует единого мнения о том, какова единая структура концепции «умный город». Согласно определению Международного Союза Электросвязи ООН: «Умный» устойчивый город представляет собой инновационный город, использующий цифровые технологии с целью повышения уровня жизни, эффективности деятельности предоставляемых услуг в городах, а также развитию здоровой конкуренции при одновременном обеспечении удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений в отношении экономических, социальных, экологических [5] и культурных индикаторов [1].

Умный город должен основываться на ряде ключевых принципах таких как ориентация на личность [6], технологичность городской инфраструктуры, увеличение качества управления ресурсами субъекта, комфортная, безопасная и экологичная среда, акцент на экономической эффективности, в том числе, сервисной составляющей городской среды [2].

Применение обозначенных принципов зависит от уровня внедрения передовых технологий, использования современных архитектурных решений в строительстве модернизированных зданий и сооружений, а также цифровизации городского хозяйства. Все это в купе предоставляет возможность создания высокого, комфортабельного и достойного уровня жизни граждан Российской Федерации путем повышения уровня их правопонимания и правовой культуры [4; 7; 9].

На данный период современные технологии и IT-инструменты одним из которых является умный город, сформированные практикой [8] для решения вопросов местного значения, в крупных городах России помогают результативно повысить уровень коммуникационного взаимодействия, сформировать возможности в цифровой форме, осуществлять общественный и муниципальный контроль.

Важно подчеркнуть тот факт, что умные города в большей степени отличаются от других городов и других населенных пунктов. В данном городе основополагающее положение занимают IT технологии, интернет вещей. Самое интересное заключается в том, что их корреляция со внешним миром происходит без участия человека.

Агентство городского развития «Умный город» имеет собственное представление на этот счет. Оно считает, что умный город это тот, в котором органами власти и населением применяются технологии для осуществления коммуникации, с целью плодотворного использования имеющихся ресурсов для повышения уровня жизни, в том числе на муниципальном уровне власти, меньшей степени нанесения вреда окружающей среде, для поддержки внедрения инноваций, а также для рационального использования энергии и экономии затрат [3].

На основании этого суждения можно выделить основную цель умных городов – сделать жизнь горожан удобнее и безопаснее, а также экономить городские средства и пространство. В нем обозначенные технологии встречают жителей на каждом шагу, образуя единую экосистему и отвечая за все аспекты жизни человека: от передвижения на общественном транспорте до переработки мусора. Самым явным примером реализации этой концепции можно считать уличное освещение, автоматически включающееся при нехватке естественного. Обычные фонари тоже безопасны, однако умные выходят гораздо дешевле, поскольку происходит экономия электроэнергии, так как свет не горит понапрасну.

Что же делает город умным? Во-первых, это единая база данных, способствующая быстрой реакции и использование необходимой информации. Так, примером может служить следующая ситуация: служба спасения, в которую по номеру 112 обратился потерпевший, попавший в трудную жизненную ситуацию, моментально узнать информацию о местонахождении этого человека, а больница, в свою очередь, при его госпитализации получили бы данные из электронной медкнижки. Также можно создать универсальное городское приложение, через которое можно будет отслеживать полезные извещения, а еще пользоваться такими услугами, как вызов такси, оплата счетов и многое другое. В этом городе на дороге можно будет встретить беспилотный автомобиль, который считывает дорожную разметку, получает информацию об авариях на дороге и свободных местах на парковках. Не стоит забывать и о заботе об экологии. Умный город предусматривает альтернативный способ добычи электроэнергии при помощи солнечных батарей. Появление в домах таких устройств, как противопожарные датчики, в которых встроены микрофон, модуль связи и солнечная батарея, смогли бы через сообщения информировать соседей и пожарную часть о возникшем происшествии. Это позволило бы намного раньше предотвратить его. В умном городе умными были бы даже урны. Благодаря своему уникальнейшему строению они не загрязняли бы окружающую среду и сами бы сообщали информацию мусороуборочным службам о том, что урна заполнена.

Умный город будучи инструментом цифровизации современного общества позволит органам публичной власти решать стратегически важные задачи и цели эффективно, уменьшить количество жалоб от населения по поводу нереализованных проектов, оказанных услуг, создаст возможность предусмотреть множество различных функций с помощью которых будет создаваться оперативное решение актуальных и потенциальных проблем, станет незаменимым помощником в обеспечении и охране прав граждан.

На сегодняшний день субъекты Российской Федерации стремятся к использованию цифровых технологий в решении вопросов местного значения, городского управления и взаимодействия с населением путем проведения онлайн конференций, форумов и т. д. Однако правовое регулирование указанного вопроса требует дальнейших исследований в данной сфере.

Цифровизация общества и государства свидетельствует о том, что с каждым годом возникает необходимость в совершенствовании, систематизации, модификации и модернизации всей нормативно-правовой базы, связанной с защитой и реализацией цифровых прав граждан.

Список литературы

1. «Умные» устойчивые города. – URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/backgrounders/Pages/smart-sustainable-cities.aspx> (дата обращения: 10.09.2026).
2. Проект цифровизации городского хозяйства «Умный город». – URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/> (дата обращения: 10.09.2026).
3. Мыслящие пространства: почему о концепции «умного города» должен знать каждый // Официальный сайт Агентства городского развития «Умный город». – URL: <http://city-smart.ru/info/124.html>. (дата обращения 10.09.2026).
4. Юн Л.В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства / Л.В. Юн // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44. – EDN PMWNWS
5. Юн Л.В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы / Л.В. Юн // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – №3 (23). – С. 130–134. – EDN CCNRY5
6. Юн Л.В. Обеспечение экологической безопасности в национальном и международном праве / Л.В. Юн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2023. №1. С. 110–118. DOI 10.18384/2310-6794-2023-1-110-118. EDN KETCBO
7. Юн Л.В. Современное правопонимание в эволюции российской правовой культуры постсоветского периода: дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Юн; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2019. – EDN NGTYTL
8. Юн Л.В. Клиническое юридическое образование в истории Университета управления «ТИСБИ» / Л.В. Юн // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сборник статей / редкол.: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. – 2017. С. 281–285. – EDN ZOJCQD
9. Юн Л.В. Эволюционное развитие правовой культуры и регулирования трудовых отношений / Л.В. Юн // Современные технологии управления. – 2017. – №4 (76). – С. 69–72. – EDN YLKMZH

Якимова Ульяна Алексеевна

студентка

Научный руководитель

Юн Лариса Владимировна

канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация: в статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты реализации конституционного судопроизводства в Российской Федерации, определены ключевые признаки конституционного судопроизводства, выделены некоторые проблемы, возникающие в данном виде судопроизводства и обозначены пути их решения.

Ключевые слова: конституционное правосудие, охрана и защита прав граждан, Российская Федерация.

Конституционное правосудие представляет собой важную сферу современного конституционализма, одной из важных целей которого является охрана и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина [8]. Осуществление конституционного правосудия в разных государствах обусловлено своими индивидуальными особенностями [7].

Для наиболее детального анализа конституционного правосудия в Российской Федерации необходимо определить, какими же признаками оно обладает. К ключевым признакам конституционного правосудия относятся (самостоятельность, независимость, наличие субъектов в лице должностных лиц органов государственной власти, специальных процессуальных норм, а также возникающие правоотношения между Конституционным Судом и иными участниками конституционного судопроизводства).

В ч. 2 ст. 118 Конституции России конституционное судопроизводство определено как самостоятельный вид судопроизводства, посредством которого осуществляется судебная власть [1]. Конституционное судопроизводство представляет собой структурированные элементы тесно взаимосвязанные между собой процессуальных действий Конституционного Суда Российской Федерации, имеющей своей итоговой целью разрешение дел на основании возложенных на него полномочий для соблюдения Основного закона российского государства и общества [4]. Конституционное судопроизводство является независимым ввиду того, что Конституционный Суд не подчиняется никому кроме Конституции Российской Федерации. Конституционное судопроизводство отличается от других видов тем, что оппонентом заявителя всегда являются представители органов государственной власти Российской Федерации в лице их должностных лиц. Возникающие правоотношения между Конституционным Судом и другими участниками конституционного судопроизводства обусловлены своими индивидуальными чертами такими как возможность обжалования последнего вынесенного судебного акта судом общей или арбитражной юрисдикции в течении одного года, рассрочка уплаты государственной пошлины в случае наличия причин, обозначенных в налоговом законодательстве [5], возможность представления интересов в случае предъявления удостоверения адвоката или диплома о наличии ученой степени.

Рассмотрев теоретические аспекты конституционного судопроизводства, отметим, что в ходе осуществления конституционного судопроизводства могут возникать абсолютно разные по своему содержанию, форме и структуре проблемы между участниками конституционного судопроизводства. Одной из ключевых и особенно важных проблем, возникающих при осуществлении конституционного правосудия, является проведение судебных экспертиз.

Экспертная деятельность в сфере конституционного судопроизводства занимает одно из актуальных вопросов современной функционирующей и динамично развивающейся судебной системы.

Судебная экспертиза представляет собой отличную от других специфическую разновидность экспертизы, обладающая особым статусом. Сходство ее с экспертизами в других сферах человеческой деятельности заключается в том, что она, по сути, является исследованием, основанным на использовании специальных знаний. Однако далеко не любое исследование может именоваться судебной экспертизой, поскольку эти экспертизы выполняются в ходе судебного исследования по гражданским и уголовным делам, делам по административным правонарушениям. Кроме того, судебные экспертизы производятся при рассмотрении дел в Конституционном Суде Российской Федерации [2, с. 50].

В ходе проведения судебных экспертиз в конституционном судопроизводстве может возникнуть ряд непредвиденных обстоятельств, которые впоследствии окажут негативное последствие для затягивания рассмотрения материалов дела, находящихся в производстве Конституционного Суда. Так, к примеру, эксперт, который проводит исследование по материалам дела, может уйти на больничный, либо же организация, проводящая исследование, будет реорганизована, и вновь созданная организация откажется участвовать в роли эксперта в данном исследовании. Например, в период внезапно возникшей неблагоприятной эпидемиологической обстановки [6] в ряде государств, к большому сожалению, никто не может быть застрахован от развития негативных обстоятельств, которые могут по каким-либо причинам затянуть судебный процесс, при этом, нарушив права и свободы граждан.

Проанализировав федеральное законодательство, можно прийти к выводу, затрагивающему тему отсутствия нормы о том, что в случае болезни либо иной причины, другое лицо

(эксперт) либо иная экспертная организация может взять на себя соответствующие обязательства по проведению исследования и, соответственно, составлению экспертного заключения.

На наш взгляд, данная правовая неопределенность, появившаяся в действующем законодательстве, способствует возникновению ряда правовых коллизий и возникновению впоследствии правовых рисков, которые несут, прежде всего, участники конституционного судопроизводства.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что было бы верным решить данный вопрос с учётом внесения дополнений в федеральное законодательство в вопросе о замене эксперта либо же экспертной организации в случае возникновения форс-мажорных обстоятельств. Закрепление данной нормы способствовало бы урегулированию ряда вопросов, возникающих в конституционном судопроизводстве, связанных с привлечением сведущего лица. Впоследствии это помогло бы решить ряд крайне важных задач (восстановление и защита нарушенных прав российских граждан в установленный законом срок, отсутствие затяжного судопроизводства).

Следует отметить, что экспертное заключение должно содержать указание на методику, использованную при подготовке заключения, воспроизведение текста присяги эксперта, содержащегося в пункте 2 параграфа 44 Регламента Конституционного Суда Российской Федерации, подпись эксперта под текстом заключения, заверенную в установленном законодательством порядке [3].

В качестве решения обозначенной проблемы считаем необходимым дополнить федеральное законодательство нормой, в которой будет детально регламентирован порядок отсутствия, замены эксперта в случае его отсутствия по уважительным причинам и невозможности проведения экспертизы в конституционном судопроизводстве.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что существует ряд актуальных проблем, связанных с процессуальным порядком проведения судебных экспертиз в конституционном судопроизводстве. Благодаря данным экспертным заключением возможно получение не только установления правовой определённости, но и защите, охране и восстановлению нарушенных прав российских граждан, что способствует эффективному развитию судебной системы в целом и конституционного правосудия в частности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.08.2026).
2. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма; Инфра-М, 2020. – 82 с. EDN OVFXQT
3. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.08.2026).
4. Юн Л.В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства / Л.В. Юн // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44. EDN PMWNWS
5. Юн Л.В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы / Л.В. Юн // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – №3 (23). – С. 130–134. EDN CCNRY5
6. Юн Л.В. Обеспечение экологической безопасности в национальном и международном праве / Л.В. Юн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – №1. – С. 110–118. DOI 10.18384/2310-6794-2023-1-110-118. EDN KETCBO
7. Юн Л.В. Модели конституционного правосудия как важный элемент конституционной юстиции: зарубежный опыт / Л.В. Юн // Российский судья. – 2021. – №2. – С. 52–54. DOI 10.18572/1812-3791-2021-2-52-54. EDN MXYVXJ
8. Юн Л.В. Судебная защита прав граждан как конституционная гарантия: актуальные вопросы / Л.В. Юн // Экономика и право: монография / гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары, 2021. – С. 138–154. EDN EIWHKN

Якимова Ульяна Алексеевна

студентка

Научный руководитель

Юн Лариса Владимировна

канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК ВАЖНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: в статье рассматривается конституционное судопроизводство как один из ключевых элементов правового государства в Российской Федерации, определены ключевые признаки конституционного судопроизводства, выделены некоторые проблемы, возникающие в данном виде судопроизводства и обозначены пути их решения.

Ключевые слова: конституционное правосудие, правовое государство, Российская Федерация.

Конституционное правосудие занимает одно из важнейших мест в развитии современного правового, демократического, федеративного, социального государства, поскольку осуществление конституционного правосудия направлено на обеспечение, защиту, охрану и восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Конституционное правосудие находит свое отражение через призму конституционного судопроизводства, под которой, в свою очередь, понимается деятельность органов конституционного контроля [2, с. 67]. Основополагающими полномочиями данного органа власти является осуществление проверки издаваемых органами законодательной власти нормативных правовых актов и реализуемых органами исполнительной власти на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации [1].

Отметим, что крайне важной является роль конституционного правосудия в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, так как у граждан имеется возможность обращения в судебные органы конституционного контроля [3; 11] за защитой и восстановлением нарушенных конституционных прав. Их обращения связаны с несоответствием норм, вынесенных органами государственной власти нормам, положениям и принципам Основного закона государства, федеральным законам и иным нормативным правовым актам.

Следует сделать акцент на том, что весьма значительный перечень прав человека и гражданина уже получил свое закрепление в главе второй Конституции Российской Федерации, которая, будучи учредительным актом государства в целом, устанавливает общие принципы деятельности всех уровней публичной власти. Наиболее частым способом защиты прав для индивидов и организаций является обращение в Конституционный Суд с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан.

Одной из них является то, что в ходе осуществления конституционного судопроизводства возникают проблемы, не всегда положительно оказывающие свое воздействие на рассмотрение материалов дела, поступивших в суд.

На наш взгляд, одной из таких проблем является возможность подачи жалобы субъектом только в течение года после завершения рассмотрения дела в суде общей или арбитражной юрисдикции [10; 12]. Она должна содержать в себе аргументы, которые могут повлиять на итоговое решение судебного органа конституционного контроля, но подача жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации значительно увеличивает сроки подачи такого заявления. Это будет являться своего рода проблемой для заявителя, чьи права нарушены, а восстановить он хочет их в кратчайший срок.

Другой проблемой является то, что вынесенный судебный акт в рамках конституционного судопроизводства не является сто процентной гарантией восстановления нарушенного конституционного права и одномоментное внесение изменений в норму федерального закона или другого нормативного правового акта который по мнению субъекта противоречит нормам Конституции Российской Федерации.

Считаем важным подчеркнуть, что выносимые решения высшим органом судебного конституционного контроля играют важную роль для веры граждан в законное, обоснованное и доступное правосудие [6]. Их решения не должны позволять российским гражданам сомневаться в компетентности правоприменителей осуществляющих правосудие.

Органы конституционной юстиции с помощью специальных средств поддержки обеспечивают надежную защиту прав и свобод человека и гражданина. Функционирование Конституционного Суда обеспечивает предоставление гарантий со стороны государства [5].

Таким образом, всестороннее и комплексное изучение обозначенных проблем позволяет обосновать нам гипотезу в целях: единообразия конституционного правосудия на всей территории Российской Федерации; эффективности защиты конституционных прав и свобод граждан в регионах РФ [4; 7–9]; минимизации правовых коллизий в решении правовых конфликтов между гражданами Российской Федерации, обращающихся за защитой в Конституционный Суд Российской Федерации.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что конституционный контроль является одним из наиболее важных элементов в развитии современного российского конституционализма. Будучи органом судебного конституционного контроля, Конституционный Суд Российской Федерации имеет своей целью восстановление и защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, что в свою очередь является важным признаком в построении современного демократического, правового государства. Следует отметить, что обозначенные в исследовании проблемы, как мы считаем, можно решить лишь совместными усилиями граждан и государства, так как активное взаимодействие поможет решить ряд важнейших задач для построения гражданского общества и развития правового государства.

Важно подчеркнуть, что у граждан Российской Федерации есть возможность обжалования конституционных норм, нарушающих их конституционные права и свободы в высшем судебном органе конституционного контроля.

В связи с этим хотелось бы отметить, что конституционный контроль безусловно необходим. Данный исследованный вопрос, касающийся ряда важных проблем, связанных с осуществлением конституционной юстиции, безусловно, требует пристального внимания как со стороны органов государственной власти Российской Федерации, так и конституционно-правовой науки.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).
2. Остасович И.Ю. Судебный конституционный контроль и нормотворчество: проблемы соотношения: учеб. пособие / И.Ю. Остасович. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. – 230 с.
3. Юн Л.В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства / Л.В. Юн // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44. – EDN PMWNWS
4. Юн Л.В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы / Л.В. Юн // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – №3 (23). – С. 130–134. – EDN CCNRY5
5. Юн Л.В. Обеспечение экологической безопасности в национальном и международном праве / Л.В. Юн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – №1. – С. 110–118. – DOI 10.18384/2310-6794-2023-1-110-118. – EDN KETCBO
6. Юн Л.В. Модели конституционного правосудия как важный элемент конституционной юстиции: зарубежный опыт / Л.В. Юн // Российский судья. – 2021. – №2. – С. 52–54. – DOI 10.18572/1812-3791-2021-2-52-54. – EDN MXYVXX

-
7. Юн Л.В. Судебная защита прав граждан как конституционная гарантия: актуальные вопросы / Л.В. Юн // Экономика и право: монография / гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары, 2021. – С. 138–154. – EDN EIWHKN
8. Юн Л.В. Актуальные проблемы судебной защиты прав и свобод человека и гражданина: теория и практика / Л.В. Юн, В.А. Бирюкова // Право и наука в современном мире: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Пермь, 2021. – С. 104–107. EDN GEMPAR
9. Юн Л.В. Эволюционное развитие правовой культуры и регулирования трудовых отношений / Л.В. Юн // Современные технологии управления. – 2017. – №4 (76). – С. 69–72. – EDN YLKMZH
10. Юн Л.В. Современное правопонимание в эволюции российской правовой культуры постсоветского периода: дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Юн; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2019. – EDN NGTYTL
11. Юн Л.В. Клиническое юридическое образование в истории Университета управления «ТИСБИ» / Л.В. Юн // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. ст. / редкол.: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. – 2017. – С. 281–285. – EDN ZOJCQD

Якимова Ульяна Алексеевна

студентка

Научный руководитель

Юн Лариса Владимировна

канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРАВО НА ЗАЩИТУ ГОСУДАРСТВОМ СЕМЬИ, МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА КАК ВАЖНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО ХХІ ВЕКА

Аннотация: в статье рассматривается право на защиту государством семьи, материнства и детства, являющегося одним из ключевых социальных прав российских граждан, определены ключевые проблемы, возникающие при выплате различных пособий, пенсий и иных социальных льгот, положенных по нормам федерального законодательства и обозначены пути их решения.

Ключевые слова: социальные права, семья, материнство, детство, Российская Федерация.

В современный период стремительного развития Российской Федерации как социального государства анализируемое право на защиту государством семьи, материнства и детства является основополагающим социальным правом [1] требующим детального теоретико-практического анализа [2, с. 194].

Стратегия национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 №400 [3] закрепляет положения о том, что особое внимание должно уделяться поддержке семьи, материнства, отцовства и детства, активно формироваться условия для достойной жизни старшего поколения, а семья отнесена к традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

Безусловно в любом правовом, демократическом и социальном государстве должны осуществляться все меры поддержки со стороны органов публичной власти для защиты семей, в особенности многодетных, материнства путем выплат материнского капитала и пособий по уходу за ребенком и т. д., отцовства и детства путем выплат льгот и пособий.

Формирование условий для достойной жизни старшего поколения должно обеспечиваться путем ежегодной инфляции пенсий по старости, по инвалидности, по потери кормильца.

Семья как традиционная российская духовно-нравственная ценность предполагает, что государство создает различные меры поддержки, осуществляет многочисленные гарантии, направленные на реализацию права на защиту государством семьи, материнства и детства.

На сегодняшний день выплаты пенсий по старости осуществляются исходя из накопленных пенсионных баллов. При этом важно подчеркнуть, что если их не хватает к моменту выхода пенсионера на заслуженный отдых он не должен покупать их за свой счет потому что данный аспект может неблагоприятно отразиться на его финансовом положении. Государство должно предусмотреть меры социальной поддержки для таких граждан.

Относительно выплат пенсий по инвалидности возникает следующая проблема. Если человек до выхода на пенсию по старости получил звание ветерана труда и впоследствии стал инвалидом он автоматически его лишается, ввиду того, что государство не может предоставлять одинаковый пакет социальных услуг для пенсионера. Безусловно, меры социальной поддержки не могут дублироваться, но тем не менее звание, присвоенное гражданину Российской Федерации до выхода на пенсию должно за ним сохраняться.

Выплаты пенсий по потери кормильца также не должны прекращаться, даже если в семье остаются трудоспособные граждане, получающие доход в виде заработной платы или же являющиеся самозанятыми.

Реализация права на защиту государством семьи, материнства и детства происходит через различные органы государственной власти, наделенные соответствующими полномочиями на выплату пособий, пенсий, стипендий и иных социальных льгот положенных российским гражданам в случае наступления того или иного правоотношения в социальной сфере жизнедеятельности общества.

Одним из самых важных органов социальной защиты в Российской Федерации является Социальный фонд России который осуществляет важные полномочия, связанные с выплатой социальных льгот, субсидий, пенсий, пособий российским гражданам.

Другим не менее важным является федеральный фонд обязательного медицинского страхования, осуществляющий функции и полномочия, связанные с выплатой льгот в случае болезни или иного страхового случая [5], связанного с жизнью и здоровьем российских граждан [6].

Помимо государственных органов существуют также различные фонды, осуществляющие помощь детям инвалидам, содержащим многочисленные хосписы и другие детские учреждения, помогающие в трудных жизненных ситуациях.

Важную юридическую помощь, связанную с правильным расчетом, обжалованием в органы публичной власти незаконных решений осуществляют юридические клиники, принимающая социально-незащищенных граждан с целью оказания им правовой помощи в досудебном порядке [4; 11–13]. Впоследствии граждане имеют возможность обратиться в органы судебной власти для восстановления своих нарушенных конституционных прав [7–10].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что право на защиту государством семьи, материнства и детства представляет собой основополагающее значение для правовой системы России, а его реализация помогает гражданам получить справедливую выплату или иную социальную льготу необходимые им для обеспечения достойного уровня жизни в государстве.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).
2. Нарутто С.В. Конституционное право России: учебник / С.В. Нарутто, Н.Е. Таева. – 3-е изд. – М.: РИОР; ИНФРА-М, 2026. – 504 с.
3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

-
4. Юн Л.В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства / Л.В. Юн // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44. – EDN PMWNWS
 5. Юн Л.В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы / Л.В. Юн // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – №3 (23). – С. 130–134. – EDN CCNRY5
 6. Юн Л.В. Обеспечение экологической безопасности в национальном и международном праве / Л.В. Юн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – №1. – С. 110–118. – DOI 10.18384/2310-6794-2023-1-110-118. – EDN KETCBO
 7. Юн Л.В. Модели конституционного правосудия как важный элемент конституционной юстиции: зарубежный опыт / Л.В. Юн // Российский судья. – 2021. – №2. – С. 52–54. – DOI 10.18572/1812-3791-2021-2-52-54. – EDN MXYVXJ
 8. Юн Л.В. Судебная защита прав граждан как конституционная гарантия: актуальные вопросы / Л.В. Юн // Экономика и право: монография / гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары, 2021. – С. 138–154. – EDN EIWHKN
 9. Юн Л.В. Актуальные проблемы судебной защиты прав и свобод человека и гражданина: теория и практика / Л.В. Юн, В.А. Бирюкова // Право и наука в современном мире: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Пермь, 2021. – С. 104–107. EDN GEMPAР
 10. Юн Л.В. Эволюционное развитие правовой культуры и регулирования трудовых отношений / Л.В. Юн // Современные технологии управления. – 2017. – №4 (76). – С. 69–72. – EDN YLKMZH
 11. Юн Л.В. Современное правопонимание в эволюции российской правовой культуры постсоветского периода: дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Юн; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2019. – EDN NGTYTL
 12. Юн Л.В. Клиническое юридическое образование в истории Университета управления «ТИСБИ» / Л.В. Юн // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. ст. / редкол.: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. – 2017. – С. 281–285. – EDN ZOJCQD

Якимова Ульяна Алексеевна
студентка

Научный руководитель

Юн Лариса Владимировна
канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ПРАВО СВОБОДНО РАСПОРЯЖАТЬСЯ СВОИМИ СПОСОБНОСТЯМИ К ТРУДУ И ПРАВО НА ОТДЫХ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Аннотация: в статье рассматриваются права на свободное распоряжение своими способностями к труду и на отдых, определены ключевые проблемы, возникающие при трудоустройстве на работу, переводе на другую работу и на компенсацию в виде отпускных за отработанные дни. Автором исходя из обозначенных проблем предложены пути их решения.

Ключевые слова: социальные права, свободное распоряжение своими способностями к труду, право на отдых.

С одной стороны, на первый взгляд, может возникнуть вопрос, как связаны между собой представленные в проводимом исследовании права на свободное распоряжение своими способностями к труду и на отдых [1]. Сразу поясним, что у этих двух прав есть очень тесная корреляция, а если посмотреть с другого ракурса на изучаемые права то можно увидеть, что одно право помогает в реализации другого. То есть если человек имеет официальное место труда, то он имеет полное право на установленный нормами Трудового кодекса [3] право на отдых.

В современной юридической науке ученые проводят детальный теоретико-правовой анализ данных прав, раскрывая их дефиниции. Так, например, С.В. Нарутто и Н.Е. Таева определяют право на свободное распоряжение своими способностями к труду как возможность выбора рода деятельности и профессии [2, с.93].

Данную мысль, сформированную учеными конституционалистами следует дополнить, сказав о том, что такой выбор возможен в случае выполнения нескольких условий, таких как достижение возраста совершеннолетия, получения необходимого среднего специального или высшего образования, наличие полной дееспособности, отсутствие судимости для некоторых профессий таких как воспитатель, учитель в школе, педагог высшей школы и при необходимости удостоверения о повышении квалификации. То есть, даже при наличии конституционного права на распоряжение своими способностями к труду не каждый гражданин сможет официально трудоустроиться по трудовой книжке и получать в последующем социальные льготы и пособия в случае наступления страхового случая, например болезни.

Безусловно, следует отметить и тот факт, что не все условия на практике соблюдаются ввиду чего – либо работодатель вынужден заплатить штраф в качестве административного наказания за их несоблюдение, либо работник работает неофициально, не предъявляя претензии в последующем о невыплате заработной платы, пособия, пенсии и т. д.

Естественно, также следует пояснить, что отсутствие вышеуказанных условий не мешает выполнять сезонную работу, быть самозанятым, но при условии достижения возраста совершеннолетия, оказывать бытовые услуги получая за это вознаграждение. Но при этом работник должен четко для себя осознавать все последствия, в том числе и не совсем благоприятные такие как внезапное увольнение без объяснения причин, невыплата заработной платы за выполненную работу, отсутствие права на отдых в случае если работодателю необходимо срочно выполнить какие-либо работы.

В ходе проведения детального теоретико-правового анализа указанных прав могут возникнуть еще ряд проблем, таких как перевод на иную оплачиваемую работу без согласия работника, отказ в предоставлении оплачиваемого отпуска, ввиду появившихся форс-мажорных обстоятельств (например, стихийное бедствие) [5,6].

Реализация права на распоряжение своими способностями к труду может быть нарушена ввиду того, что работодатель ввиду определенных причин без объяснения переводит работника на другую работу, не получив его официального согласия. Работник с низким уровнем правопонимания соглашается на перевод, не зная о том, что он должен написать официальное заявление и поставить свою подпись, подтвердив тем самым свое согласие.

Реализация права на отдых также не всегда возможна, вследствие появления форс-мажорных обстоятельств, таких как сокращение штата работников, ухода в декретный отпуск другого работника и др. В таком случае работодатель может обратиться к работнику и попросить его отложить свой отпуск до решения последним всех обозначенных вопросов. При этом компенсацию за неиспользованный отпуск работодатель не платит. Работник вновь соглашается, не зная о том, что в этом случае он вправе потребовать выплатить ему компенсацию за неиспользованный отпуск [4; 11; 12].

При этом важно отметить, что в случае нарушения указанных прав работник имеет право обратиться в юридическую клинику в досудебном порядке [13] или впоследствии в органы судебной власти, получив справедливую компенсацию [7–10].

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем, что несмотря на гарантированные государством конституционные права на свободное распоряжение своими способностями к труду и на отдых, зачастую на практике возникают сложности, связанные с их реализацией. Необходимо более регламентированно проработать вопрос правового регулирования данных прав с целью избежания обозначенных в исследовании проблем.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

-
2. Нарутто С.В. Конституционное право России: учебник / С.В. Нарутто, Н.Е. Таева. – 3-е изд. – М.: РИОР; Инфра-М, 2026. – 504 с.
 3. Трудовой кодекс Российской Федерации: от 30.12.2001 №197-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 15.05.2026) // Российская газета. – 2001. – №256.
 4. Юн Л.В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства / Л.В. Юн // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44. – EDN PMWNWS
 5. Юн Л.В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы / Л.В. Юн // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – №3 (23). – С. 130–134. – EDN CCNRYS
 6. Юн Л.В. Обеспечение экологической безопасности в национальном и международном праве / Л.В. Юн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – №1. – С. 110–118. – DOI 10.18384/2310-6794-2023-1-110-118. – EDN KETCBO
 7. Юн Л.В. Модели конституционного правосудия как важный элемент конституционной юстиции: зарубежный опыт / Л.В. Юн // Российский судья. – 2021. – №2. – С. 52–54. – DOI 10.18572/1812-3791-2021-2-52-54. – EDN MXYVXJ
 8. Юн Л.В. Судебная защита прав граждан как конституционная гарантия: актуальные вопросы / Л.В. Юн // Экономика и право: монография / гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары, 2021. – С. 138–154. – EDN EIWNKN
 9. Юн Л.В. Актуальные проблемы судебной защиты прав и свобод человека и гражданина: теория и практика / Л.В. Юн, В.А. Бирюкова // Право и наука в современном мире: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Пермь, 2021. – С. 104–107. EDN GEMPAR
 10. Юн Л.В. Эволюционное развитие правовой культуры и регулирования трудовых отношений / Л.В. Юн // Современные технологии управления. – 2017. – №4 (76). – С. 69–72. – EDN YLKMZH
 11. Юн Л.В. Современное правопонимание в эволюции российской правовой культуры постсоветского периода: дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Юн; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2019. – EDN NGTYTL
 12. Юн Л.В. Клиническое юридическое образование в истории Университета управления «ТИСБИ» / Л.В. Юн // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. ст. / редкол.: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. – 2017. – С. 281–285. – EDN ZOJCQD

Якимова Ульяна Алексеевна

студентка

Научный руководитель

Юн Лариса Владимировна

канд. юрид. наук, доцент

Казанский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
г. Казань, Республика Татарстан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ОРГАНАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Аннотация: в статье рассмотрены теоретико-правовые вопросы цифровизации органов местного самоуправления, инструменты эффективности корреляции населения с органами местной власти, обозначены преимущества реализации инициативы по внедрению проекта «Умный город», направленного на усовершенствование процессов управления муниципалитета на основе цифровых инструментов сбора и анализа данных, предложены рекомендации по активизации участия муниципального управления в решении общенациональных задач.

Ключевые слова: цифровизация, местное самоуправление, Интернет, информационные технологии, «Умный город».

В современном мире ежедневно происходят глобальные изменения, затрагивающие все сферы жизнедеятельности общества. Сделав ретроспективный анализ, отметим, что если в

XIX и начале XX века все силы были задействованы для развития промышленности, то в XXI веке основополагающее положение занимает информация, поскольку с каждым годом все больше видов деятельности человека осуществляются посредством информационных технологий. В связи с этим аспектом важно чтобы права граждан были защищены, в том числе и на муниципальном уровне власти [7,8]. На данном этапе интерес всего человечества к сети «Интернет» растет в геометрической прогрессии. Так, на октябрь 2025 года общая доля пользователей данной сети составила 94% россиян [1].

Данные показатели свидетельствуют о том, что потребность в информационно-коммуникационной сети велика. Именно поэтому обращение любого жителя, проживающего в крупном мегаполисе или же в небольшом населенном пункте, к ресурсам Интернета – это задача, которая подлежит решению в самое ближайшее время. Во многом это обусловлено тем, что данная сеть, представляет собой площадку, которая обеспечивает свободный доступ к различного рода информации, а также является основой процесса цифровизации в современных реалиях и развитию уровня правовой культуры граждан, правопонимания [4] как на национальном, так и на международном уровне [9].

В последние годы цифровизация стала важным трендом развития общества и государства. Она представляет собой процесс, который повсеместно внедряет цифровые технологии в различные сферы жизнедеятельности [5,6], подчиняя таким образом всю планету и даже пространство, находящееся за ее пределами. В широком смысле под этим термином понимается современное общемировое направление развития общества, ведущее к улучшению качества жизни [2, с. 118].

Так, созданное единое информационное пространство является не только критерием эффективной деятельности органов власти и должностных лиц, но и условием корреляции с гражданами. Цифровизация муниципалитетов представляет собой особый механизм, благодаря которому осуществляется решение вопросов местного значения путем участия в территориальном общественном самоуправлении, внесении инициативных проектов и многое другое. Если движение в данном темпе продолжится и дальше, не исключено, что в ближайшем будущем органы местного самоуправления в процессе совершенствования правового регулирования смогут перейти от уже обычного информационного присутствия к интерактивному взаимодействию.

Отражение данного процесса рассматривается и в городской среде, предусматривая под собой создание современного города, при управлении которым применяются новейшие технологии нашего времени. Сюда входят: информатизация, компьютеризация, а также цифровая связь. Города с развитой инфраструктурой открыты к достижению всех новых высот. Все это приводит к улучшению структуры муниципальной власти, в том числе и при регулировании вопроса о трудовых отношениях [10], которая вовлекает в данный процесс значительную часть населения, и способствует гибкому реагированию на запросы местных жителей.

В первую очередь, цифровизация затрагивает хозяйственную и бытовую деятельность того или иного населенного пункта. Информационные технологии используются для максимального улучшения качества управления городскими ресурсами. В то же время эффективность работы муниципальных и государственных служб в городах повышается.

В период пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19 многие сферы жизнедеятельности были переведены на дистанционный режим, в том числе и работа органов местного самоуправления [3]. Взаимодействие органов местного самоуправления и граждан, решение вопросов местного значения (публичные слушания, обсуждения, опросы, сходы) осуществлялись на основании интернет-платформ в онлайн режиме. Общепризнанным представляется мнение, что вынужденные ограничения опосредовали «цифровой скачок» в каждом муниципальном образовании.

Во время пандемии коронавирусной инфекции Covid-19 население нашей планеты больше времени начало уделять социальным сетям и Интернету. Согласно статистике, нагрузка на сеть увеличилась практически на 50%, однако скорость соединения при этом не

упала. Во многом это стало реальным благодаря проектам «Умный город», который поддерживали многие города нашего государства во время пандемии. В данном формате проект реализуется с позапрошлого года. В планы городов-участников входит: установка дистанционных систем передачи данных, энергоэффективных светильников, создание автоматизированной системы учета потребления коммунальных ресурсов, систем мониторинга движения коммунальной техники и школьных автобусов, умных пешеходных переходов и еще многое другое. Исходя из этого, можно утверждать, что цифровизация затрагивает множество различных сфер. Такое динамичное и всеобъемлющее развитие интернет-связи позволяет внедрять цифровые технологии в транспорте, образовании, строительстве, лесном и сельском хозяйстве, а также в сфере государственного управления.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что цифровые технологии существуют и активно используются во всех сферах жизнедеятельности нашего государства. Также активное внедрение IT-технологий способствует эффективному взаимодействию местных органов власти с гражданами Российской Федерации путем систем электронного документооборота, что способствует успешному управлению и деятельности органов местного самоуправления.

Список литературы

1. Социальные сети и статистика интернета в России на 2026 год – цифры и тренды. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/socialnye-seti-i-statistika-interneta-v-rossii-na-2026-god-cifry-i-trendy/> (дата обращения 10.08.2026).
2. Халин В.Г. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В.Г. Халин, Г.В. Чернова // Управленческое консультирование. – 2018. – №10. – С. 118. DOI 10.22394/1726-1139-2018-10-118-125. EDN VLOXXW
3. Экспертные дискуссии о влиянии последствий пандемии на развитие городов // Материалы сайта Шугриной Е.С., доктора юридических наук, профессора, эксперта в сфере местного самоуправления и муниципального права. – URL: <http://shugrina.ru/content/ekspertnye-diskussii-o-vliyanii-posledstviy-pandemii-narazvitiye-gorodov.html> (дата обращения 10.09.2026).
4. Юн Л.В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства / Л.В. Юн // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44. EDN PMWNWS
5. Юн Л.В. Судебная защита экологических прав человека и гражданина в национальном праве: актуальные проблемы / Л.В. Юн // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – №3 (23). – С. 130–134. EDN CCNRY5
6. Юн Л.В. Обеспечение экологической безопасности в национальном и международном праве / Л.В. Юн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2023. – №1. – С. 110–118. DOI 10.18384/2310-6794-2023-1-110-118. EDN KETCBO
7. Юн Л.В. Актуальные проблемы судебной защиты прав и свобод человека и гражданина: теория и практика / Л.В. Юн, В.А. Бирюкова // Право и наука в современном мире. материалы всероссийской научно-практической конференции. – Пермь, 2021. С. 104–107. EDN GEMPAР
8. Юн Л.В. Судебная защита прав граждан как конституционная гарантия: актуальные вопросы / Л.В. Юн // Экономика и право: монография / гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары, 2021. – С. 138–154. EDN EIWHKN
9. Гарифуллина А.Р. Контроль за деятельностью муниципальных органов: зарубежный опыт / А.Р. Гарифуллина, Л.В. Юн // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – №6. – С. 57–61. DOI 10.18572/1813-1247-2020-6-57-60. EDN GBGULD
10. Юн Л.В. Эволюционное развитие правовой культуры и регулирования трудовых отношений / Л.В. Юн // Современные технологии управления. – 2017. – №4 (76). – С. 69–72. EDN YLKMZH

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Голыгина Анастасия Сергеевна

преподаватель

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»

Министерства культуры, по делам национальностей

и архивного дела Чувашской Республики

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

***Аннотация:** статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем педагогики, а именно, воспитание молодежи, особенно подросткового возраста, в условиях мультикультурной и полиэтнической среды. В статье рассматривается проблема формирования этнокультурной компетентности в условиях поликультурной среды на основе русского фольклора, а также роль образовательных учреждений в реализации данного процесса в котором закладываются основы этнокультурного развития и воспитания, развивается способность к конструктивным диалогам между представителями разных культур и их партнёрскому сотрудничеству.*

***Ключевые слова:** этнокультурная компетентность, компетенции, подростки, обучающиеся, этнопедагогика.*

В условиях многонациональной России существует потребность в формировании поликультурной личности. Образовательное пространство Российской Федерации представляет собой многообразие различных взаимосуществующих культур и культурных традиций. В отечественной педагогике явно прослеживается мысль о том, что нынешних реалиях, требуется как учитывать в образовании этнокультурные факторы, так и создавать условия для познания и постижения культур других народов многонационального государства.

Во многом формирование этнокультурной компетентности учащихся возможно при активном участии образовательного учреждения, закладывающей основы культурного развития, моральных качеств и установок. Приобретается опыт взаимодействия и деятельности с народной культурой. Поэтому, наиболее актуальной для современных педагогов становится проблема воспитания подрастающего поколения и их жизни в условиях разнообразия этнической среды, за счёт высоко развитой этнокультурной компетентности.

Воспитательное значение народной музыки трудно переоценить. Оно воздействует на слушателя посредством эмоциональности куда ярче, чем другие виды искусства, по причине чего занимает ведущее место в воспитании подрастающего поколения. На сегодняшний день, когда музыкальный мир представлен особенно широким спектром разных, отличных друг от друга, стилей и направлений, наиболее актуальной становится проблема воспитания у обучающихся хорошего вкуса, помогающего отличать высокохудожественные музыкальные произведения от низкопробных. Наиболее важным является формирование у подростков высокой духовной потребности и разносторонних художественных способностей личности. Поэтому именно лучшие примеры музыкального искусства различных национальных культур, а в первую очередь музыку своего народа, необходимо широко использовать в повседневной практике обучения и воспитания подрастающего поколения.

Проблема развития этнокультурной компетентности привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Впервые понятие «компетентность» появилось в 1959 году в статье американского психолога Роберта Уайта «Пересмотр понятия мотивации: концепция компетенции». В этой статье компетентность человека сформулирована в

качестве концепции, определяющей «органическую возможность, эффективного взаимодействия с окружающим миром» [4, с. 53]. Если исходить из исследований доктора психологических наук, профессора, действительного члена РАО Ирины Алексеевны Зимней [3], изложенных в труде «Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия», по её мнению, компетентность объясняется как интеллектуальный и личностный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека, который основывается на знаниях, полученных в течение жизни.

В широком понимании компетентность представляет собой обладание сведениями, необходимыми для суждения о чем-либо. Компетентность также можно сравнить с грамотностью или информированностью, что появляется у человека со временем, преобразуясь в способность применения полученных в течении жизни умений и навыков.

На протяжении всей жизни, у человека приобретаются те или иные компетенции. Их выделяют несколько видов:

- *поведенческая или индивидуальная компетентность*, характеризует индивидуальность человека, его знания, навыки, поведение при выполнении им своих профессиональных обязанностей, способствующие повышению эффективности работы и взаимодействия с другими людьми;
- *техническая или профессиональная компетентность*, относится к тем знаниям и навыкам, которые характерны в конкретной профессиональной области;
- *общая или основная компетентность*, относится к общим навыкам и позволяет организовывать группы людей;
- *специальная компетентность*, необходима для выполнения конкретных профессиональных обязанностей;
- *пороговая компетентность*, считается одной из базовых компетентностей и позволяет человеку выполнять порученные ему профессиональные обязанности;
- *исполнительская компетентность*, позволяет сохранить возможность совершенствования профессионального мастерства;
- *дифференциальная компетентность*, позволяет на поведенческом уровне ожидать тех или иных форм человеческого поведения при выполнении поставленных задач и позволяет согласовывать профессиональные обязанности между руководителем и исполнителем.

О положительном влиянии фольклорных произведений на формирование социально-личностного опыта позволяют судить исследования, основанные на эмпирической базе взаимодействия обучающихся и педагогов. Одним из основополагающих работ научной педагогики написаны К. Д. Ушинским [5]. Он видел в народной культуре самый первый институт воспитания. По его мнению, воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у других народов.

Многие современные труды, связанные с фольклором, функциями и практическим применением, опираются на высказывания Э. Тейлора, как основателя эволюционной теории культуры, в которой обозначены и применены новые методы изучения народного творчества и, сведённые в единое целое, процессы становления общества. Большой вклад в собирательство фольклора внёс А. Н. Афанасьев, написавший множество научных работ по славянскому фольклору. В русской философии фольклор выделен в качестве отдельной темы у Е. Н. Трубецкого в работе «Иное царство». В ней подчёркивается несколько функциональных значений народного творчества, среди которых компенсаторная, социализирующая и мировоззренческая функции.

Если опираться на философские основания фольклора, как элемента воспитательной культуры, можно отметить, что для народного творчества, как особого мировосприятия, характерны целостность и общность взглядов на мир, обращение к народным истокам, интеграция объективного и субъективного восприятия мира, доминирование эмоционально-образных структур, присутствие мифических и фантастических элементов. Это позволяет

сделать вывод, что фольклор, в современном образовании, может выполнять воспитательную, эстетическую и познавательную функции.

Стоит обратить внимание на исследование А. О. Гавриловой «Условия реализации педагогического потенциала русской народной культуры в процессе развития творческих способностей подростка» [2]. Русская народная культура представляет собой одно из важнейших обстоятельств нравственно-эмоционального воздействия на личность. Целенаправленное и поступенное развитие творческих способностей подростков должно строиться на основе русского фольклора, как имеющего ценные воспитательные и образовательные возможности. Применение русской народной культуры, реализация её педагогического потенциала в учебно-воспитательном процессе помогает эффективно формировать творческие способности обучающихся, духовно-нравственные качества, а также воспитывать высокую культуру личности. Вместе с развитием творческих способностей важно воспитание патриотических чувств к своей родине, приобщение к национальным традициям, обычаям, фольклорным песням, танцам, играм и глубина знаний в области этической культуры у обучающихся. Необходимо формировать у подростков чёткую установку на решение творческих задач, ориентировать на этнокультурные ценности как основополагающие, воспитывать нравственные качества личности.

Основой составляющей фольклора в педагогике, её применением и развитием занимается этнопедагогика. Большая часть исследований по этнопедагогике отражает анализ различных сторон воспитательной практики тех или иных этносов, на основе изучения традиций, обычаев, фольклора.

Этнопедагогическими исследованиями занималась Г.В. Нездемковская. В её работах были разработаны «Теоретико-методологические основы исследования генезиса этнопедагогики России и её развития в современных условиях как междисциплинарной отрасли системы гуманитарного знания», «Становление этнопедагогики России как междисциплинарной отрасли гуманитарного знания», «Концептуальные основы развития этнопедагогики в контексте приоритетов российского образования на современном этапе».

По своей значимости исследования Г.В. Нездемковской увеличивают цель и задачи осмысления теоретических и теоретико-методологических основ этнопедагогики. Происходит изучение этнопедагогики в качестве учебной дисциплины и реализация практических задач внедрения народной педагогики в процессе этнопедагогизации образования.

Актуальна также точка зрения, принадлежащая исследователям Л.Н. Бережновой, И.Л. Набок, В.И. Щеглова и заключается она в том, что этнопедагогические исследования осуществляются на основе культурного образования. Выделяются: культура этноса; этническая культура; национальная культура в контексте современной социокультурной ситуации; моноэтническая и полиэтническая среда жизнедеятельности человека; полиэтническая образовательная среда и культуроемкость этой образовательной среды.

Ключевые мысли авторов на основе культурообусловленности образования выражены: в культурном развитии личности; богатстве человеческой индивидуальности, которая во многом складывается и обеспечивается в социально-культурных условиях жизнедеятельности; в художественной среде, представляющей собой повседневный человек. Образование, держащее в своей основе фольклор, многосторонне и динамично, включает в культурное пространство сложившиеся формы общения, этнические и нравственные ценности, искусство, значимые события и символы. Содержание и качество культурной среды неуклонно переходят в иное измерение – культурно-образовательное. В культурологической стратегии образования совпадают цели развития художественной культуры и образования.

Культурологический подход позволяет проанализировать этнопедагогические явления как комплекс культурных компонентов, беря в учет локальные культурные ситуации, происходящие на социокультурном фоне, а также проанализировать этнокультурные объекты как феномены фольклора. Приобщение обучающихся к этнокультурным ценностям народного искусства можно рассмотреть на различных уровнях.

На *микроуровне* подросток проживает духовно-нравственные ценности своей семьи. В результате чего он приобщается к этнической культуре, вбирая в себя определенные формы художественно-творческой деятельности.

Мезоуровень связан с деятельностью отдельных образовательных организаций. Через них происходит постижение подростком общечеловеческих ценностей сквозь осознание ценности искусства своего региона.

К *макроуровню* можно отнести государственно-общественную систему образования, то есть различные всероссийские олимпиады, конкурсы, форумы, завязанные на этнокультурных особенностях как всей страны в целом, так и множества народов, что проживают в Российской Федерации. На этом уровне выявляется единство социокультурных устремлений этнических групп, и происходит постижение разнообразия средств этнохудожественной выразительности, формируется ценностное отношение к культуре других народов.

Наибольшего внимания заслуживает уровень развития этнокультурной компетентности подростков, поскольку именно в этом возрасте (согласно учению о возрасте Л.С. Выготского) начинает формироваться мировоззрение, складывается новое представление об окружающем мире и о себе, возникает потребность в самоутверждении и самовыражении [1]. Подростки представляют собой возрастную группу, которая является наиболее социально и психологически неустойчивой, морально не до конца подготовленной для взаимодействия с другими этническими группами. Это может вылиться в отчуждение или агрессию по отношению к представителям других этносов.

Период отрочества человека благоприятен для развития многих сторон его личности, особенно для познавательной. Наиболее важен в этом плане возраст 12–17 лет. Именно в это период подросток удовлетворяет потребности в самопознании и самоопределении себя как личность. У него не просто проявляется уверенность в собственных силах и способность полагаться на себя, но и формируются способы поведения в различных жизненных ситуациях. Поэтому возможность педагога положительно повлиять на то, чтобы из обучающихся выросла полноценная, многоступенчато развитая личность, крайне важна. Воздействие на подрастающее поколение путём сообщения ему научных, достоверных знаний, направленных на формирование позитивного отношения как в своему, так и другим народам, является одним из возможных способов. Это способствует развитию у обучающихся этнокультурной компетентности. Обладая этой компетентностью, подросток становится достаточно опытным в области этнокультурного и межкультурного взаимодействия, чтобы его умения и знания позволили принять своеобразие чужого образа жизни, правильно оценить особенности и условия общения с их представителями иных этносов, находить подходящие модели поведения и поддерживать благоприятную атмосферу для дальнейшей совместной деятельности.

Из этого можно сделать вывод, что народное творчество являет собой хорошую основу для формирования этнокультурной компетентности. Оно таит в себе неисчерпаемые возможности для пробуждения у обучающихся познавательной активности, самостоятельности, яркой индивидуальности, возможности коммуницировать с разными этническими группами нашей многонациональной страны. Поэтому необходимо как можно шире использовать фольклор в воспитании и обучении, начиная с самого раннего возраста и продолжать на протяжении всей жизни. Этнокультурная компетенция для подростков, как ещё недостаточно сформировавшихся в эмоциональном плане личностей, является залогом их духовного роста и развития в национальной культурной среде, формирует в них национальное самосознание и патриотизм.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
2. Гаврилова А.О. Условия реализации педагогического потенциала русской народной культуры в процессе развития творческих способностей подростка / А.О. Гаврилова // Новый взгляд. Международный научный вестник. – 2014. – №3. – С. 105–116. EDN: SAITSV

3. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов / И. А. Зимняя. – 2-е изд., доп., исправл. и перераб. – М.: Логос, 2000. – 384 с.

4. Кулакова Е.Н. Компетенции: из прошлого в настоящее / Е.Н. Кулакова, В.И. Болотских, Т.Л. Настаушева // Медицинское образование и профессиональное развитие. – 2014. – №2 (16). – С. 52–60. EDN: STBPMJ

5. Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании / К.Д. Ушинский. – URL: http://dugward.ru/library/pedagog/ushinskiy_narodn_vospit.html (дата обращения 21.07.2026).

Жирнов Андрей Александрович

студент

Васильев Петр Семенович

канд. искусствоведения, профессор

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Министерства культуры, по делам национальностей
и архивного дела Чувашской Республики
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ П.И. ЧАЙКОВСКОГО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: статья посвящена исследованию роли музыкального наследия П.И. Чайковского в формировании межкультурного пространства современной России. На основе музыкально-педагогического анализа «Баркареры» («Июнь») из фортепианного цикла «Времена года» рассматриваются вопросы сохранения и популяризации классического музыкального наследия в системе современного музыкального образования. Обосновывается значение кантиленной музыки в воспитании исполнителей на народных инструментах (баяне). Представлены результаты авторского переложения произведения для готово-выборного баяна, а также методические рекомендации по его освоению. Доказано, что обращение к классическому наследию через адаптацию для народных инструментов способствует расширению межкультурного диалога, формированию эстетического вкуса и патриотическому воспитанию молодежи.

Ключевые слова: Чайковский П.И., «Времена года», «Баркарера», баян, переложение, кантилена, межкультурное пространство, музыкальное образование.

В условиях глобализации и усиливающейся унификации культурных практик особую остроту приобретает проблема сохранения национальной культурной идентичности. Важнейшим инструментом ее сохранения выступает система музыкального образования, которая не только транслирует технические навыки, но и формирует ценностные ориентиры подрастающего поколения. В этом контексте обращение к наследию выдающихся композиторов прошлого приобретает не только педагогическое, но и глубокое социально-культурное значение.

Музыкальное образование в современной России переживает период активного развития и совершенствования методических подходов. Особое место в системе музыкально-педагогического образования занимает изучение произведений классической музыки, адаптированных для различных инструментов. Баян, как один из ведущих народных инструментов, обладает богатыми выразительными возможностями и способен передать всю глубину и красоту произведений мировой классики. Обращение к наследию великих русских композиторов, среди которых выдающееся место занимает Петр Ильич Чайковский, является важнейшим фактором сохранения и развития межкультурного пространства современной России.

Цель настоящего исследования – проанализировать «Баркареру» П.И. Чайковского как объект музыкально-педагогического изучения, разработать авторский вариант переложения

для баяна и обосновать роль классического музыкального наследия в формировании межкультурного пространства России.

Творчество П.И. Чайковского (1840–1893) занимает особое место в истории русской и мировой музыки. Фортепианный цикл «Времена года» (ор. 37-bis), созданный в 1876 году по заказу издателя Н.М. Бернарда для журнала «Нувеллист», представляет собой уникальное явление в камерной музыке XIX века. Б.В. Асафьев назвал цикл «Времена года» образцом «поэтической звукописи впечатлений от русской природы и быта» [1, с. 26]. Двенадцать пьес цикла, каждая из которых посвящена определенному месяцу года и снабжена поэтическим эпиграфом из произведений русских поэтов, мастерски воплощают образы природы и человеческих переживаний.

«Баркарола» («Июнь») занимает центральное место в цикле, являясь одной из наиболее поэтичных и популярных миниатюр композитора. Выбор эпиграфа из стихотворения А.Н. Плещеева задает романтическую, созерцательную атмосферу произведения, отражающую характерные черты русского культурного кода.

Баркарола (итал. *barcarola*, от *barca* – лодка; франц. *barcarolle*, нем. *Barkarole*) – первоначально песня венецианских гондольеров (называется также гондольерой), «песня на воде». Для народной баркаролы типичны размер 6/8, мягкое, «колеблющееся» движение мелодии, монотонный ритмический рисунок сопровождения, ассоциирующийся с ударами весел, покачиванием лодки на волнах, минорный лад. Характер баркаролы – лирический, нередко с оттенком меланхолии или светлой мечтательности [2, стб. 328]. Чайковский мастерски воплотил все эти признаки в своем произведении, создав образ тихого летнего вечера на воде, однако использовал нетрадиционный для жанра размер 4/4, что свидетельствует о творческой переработке жанровой модели.

Произведение написано в тональности *g-moll*, которая придает музыке особую элегичность и задумчивость, свойственные лирическим высказываниям Чайковского. Темп *Andante cantabile* (умеренно, певуче) подчеркивает напевный характер основной мелодии. Структура произведения представляет собой сложную трехчастную форму с кодой (A-B-A1-Coda), где средний раздел (часть B) написан в одноименном мажоре и создает образно-эмоциональный контраст.

Музыкально-теоретический анализ «Баркаролы» выявляет мастерство композитора в работе с малой формой. Произведение демонстрирует органичное сочетание классической ясности формы с романтической свободой высказывания, претворение жанровых признаков баркаролы с индивидуальным авторским стилем. Особую ценность представляет гармоническое богатство, изысканность фактурных решений и выразительность мелодики, что делает это произведение подлинной жемчужиной русской фортепианной миниатюры и привлекательным материалом для переложения на другие инструменты.

Певучая природа «Баркаролы», подчеркнутая авторским указанием *Andante cantabile*, предопределяет особый подход к ее исполнению. Для адекватной передачи этого лирического высказывания на баяне исполнителю необходимо в совершенстве владеть искусством кантилены. Именно поэтому обращение к данному произведению представляет собой уникальную возможность для воспитания певучего звука у баяниста и требует глубокого понимания природы кантиленного интонирования на этом инструменте.

Проблема исполнения кантиленной музыки занимает одно из центральных мест в системе подготовки баяниста-профессионала. Искусство пения на инструменте, способность передать выразительность вокальной мелодии средствами баяна являются показателем высокого исполнительского мастерства и важнейшим критерием художественной зрелости музыканта.

Специфика баяна как инструмента с непрерывно звучащим тоном создает особые условия для исполнения кантилены. В отличие от фортепиано, где звук после извлечения неизбежно затухает, баян позволяет поддерживать звук любой длительности без прерывания. Это свойство инструмента приближает его к вокальному и духовому звучанию, открывая широкие

возможности для передачи протяженных мелодических линий. Однако именно эта особенность требует от исполнителя особого внимания к звуковедению и артикуляции.

Меховедение представляет собой один из важнейших аспектов баянной техники. Мех баяна выполняет функции, сопоставимые с дыханием певца или смычком скрипача, позволяя создавать динамические волны, филировать звук, достигать эффектов *crescendo* и *diminuendo* на протяженных звуках. Длинные фразы Чайковского, характерные для его лирических пьес, требуют особенно тщательного планирования меховедения.

Значение кантиленного репертуара в воспитании баяниста трудно переоценить. Именно через работу над певучими произведениями формируется художественный вкус исполнителя, развивается его эмоциональная сфера, совершенствуется техника звукоизвлечения. Кантилена учит музыканта чувствовать форму произведения в целом, выстраивать крупные построения, создавать драматургию музыкального развития.

Однако одного лишь владения приемами кантиленной игры недостаточно для исполнения фортепианной «Баркаролы» на баяне. Существенное различие в конструктивных особенностях и фактурных возможностях фортепиано и баяна требует дополнительной творческой работы. Возникает необходимость в переложении – адаптации авторского нотного текста к специфике инструмента, которая позволит сохранить художественный замысел композитора, максимально используя при этом преимущества баяна в воплощении певучей мелодики.

Проблема переложения музыкальных произведений, созданных для одних инструментов, для исполнения на других имеет многовековую историю и остается актуальной в современной исполнительской и педагогической практике. Готово-выборный баян, обладающий уникальными тембральными характеристиками и широким диапазоном технических возможностей, способен открыть перед исполнителями богатейший пласт мировой фортепианной литературы.

Процесс переложения фортепианного произведения для баяна не может рассматриваться как механическое перенесение нотного текста. основополагающим принципом любого переложения является сохранение художественной концепции произведения. Транскриптор должен стремиться максимально приблизиться к авторскому тексту, понять логику развития музыкального материала, драматургию произведения, его образный строй. Особенно это касается произведений романтической эпохи, к которым относится и наследие П.И. Чайковского, где важнейшую роль играют тонкие нюансы динамики, агогики и колористических эффектов.

При создании авторского варианта переложения были определены следующие основные принципы.

1. *Принцип максимальной сохранности авторского текста.* Первостепенной задачей являлось бережное отношение к оригинальному нотному тексту Чайковского, сохранение всех мелодических линий, гармонической структуры и динамического плана произведения. Любые изменения вносились исключительно в силу технических особенностей баяна и были направлены на более полное воплощение авторского замысла.

2. *Принцип инструментальной целесообразности.* Фактура произведения адаптирована с учетом специфики звукоизвлечения на баяне, особенностей расположения клавиатур и возможностей меховедения. При этом учитывались как технические ограничения инструмента, так и его преимущества перед фортепиано в области динамической гибкости и возможностей *crescendo-diminuendo* на длительных звуках.

3. *Принцип педагогической направленности.* Переложение создавалось с учетом его использования в учебном процессе, поэтому особое внимание уделялось продуманной аппликатуре, логичному распределению фактуры между руками с целью преодоления технических трудностей.

Важнейшим аспектом переложения является работа с аппlikатурой. Аппlikатурные принципы баяна существенно отличаются от фортепианных. Хроматическое расположение кнопок на баяне, система трех рядов на правой клавиатуре требует специфических решений.

При работе над переложением необходимо тщательно продумывать аппликатуру, учитывая не только удобство исполнения, но и логику фразировки, артикуляцию, возможность исполнения *legato* в мелодической линии.

Регистровка является специфическим выразительным средством баяна, не имеющим прямого соответствия на фортепиано. Использование той или иной регистровой комбинации кардинально меняет тембральную окраску звучания. В переложении регистровка должна не только отражать динамический план произведения, но и раскрывать его образное содержание, подчеркивать контрасты между разделами формы.

Разработанное переложение создает основу для практической работы над произведением. Однако его успешное воплощение в живом звучании требует не только технического освоения нотного текста, но и глубокой методической проработки всех этапов интерпретации. Учитывая высокие художественные требования, предъявляемые к исполнению музыки Чайковского, процесс разучивания «Баркаролы» должен строиться на основе продуманной системы методических рекомендаций.

Работа над «Баркаролой» Чайковского в классе баяна требует комплексного подхода, включающего как технические, так и художественные аспекты освоения произведения. На основе проведенного исследования были разработаны практические рекомендации для исполнителей и педагогов.

Начальный этап работы предполагает ознакомление с произведением через прослушивание фортепианных записей, изучение нотного текста, анализ формы и драматургии. Важно создать у учащегося целостное представление об образном содержании произведения, его эмоциональном строе. Полезно использовать пение мелодии как способ осознания ее интонационного строя и фразировки.

Технический этап включает отработку отдельных элементов фактуры: соотношения мелодической линии с аккомпанементом и подголосками. Особое внимание уделяется кантиленному звукоизвлечению – достижению связного, певучего **legato** в мелодии. Важно работать над динамической дифференциацией голосов, чтобы мелодия всегда была слышна на фоне сопровождения.

Художественный этап направлен на создание целостной интерпретации. Исполнитель должен найти свой темп, характер звучания, динамические и агогические нюансы. Важно выстроить драматургию произведения, показать контраст между разделами формы. В репризе возможна демонстрация нового освещения тематического материала с использованием динамических, гармонических и тембровых красок баяна.

Особого внимания заслуживает работа над средним разделом (часть В), где происходит переключение на выборную систему левой клавиатуры. Здесь важна четкость звукоизвлечения и тщательное прослушивание басового голоса. В кульминационной зоне необходима координация динамического нарастания обеих рук с активным меховедением.

В коде заключительные такты требуют особого внимания к постепенному угасанию звучности. Применяется комбинация динамического *diminuendo* (за счет уменьшения силы нажима и замедления движения меха) и тембрального угасания (за счет последовательного отключения регистров). Последние аккорды исполняются на едва уловимом звучании, создавая эффект растворения музыки в тишине.

Обращение к наследию П.И. Чайковского через его адаптацию для народных инструментов играет важнейшую роль в формировании межкультурного пространства современной России. Этот процесс имеет несколько ключевых аспектов.

1. Сохранение культурной преемственности. Исполнение классической музыки на народных инструментах способствует передаче культурных ценностей от поколения к поколению, формирует у молодежи уважение к национальному культурному наследию. П.И. Чайковский явился создателем высочайших образцов во всех музыкальных жанрах своего времени – от симфонии и оперы до романса и детской песни. Его творчество стало неотъемлемой частью русской и мировой музыкальной культуры.

2. Развитие диалога между академической и народной традициями. Переложение фортепианной музыки для баяна создает мост между академической и народной инструментальными культурами. Баян, имеющий глубокие народные корни, обогащается за счет освоения классического репертуара, в то время как классическая музыка получает новое звучание и расширяет свою аудиторию.

3. Формирование эстетического вкуса молодежи. Включение произведений П.И. Чайковского в репертуар молодых исполнителей способствует воспитанию художественного вкуса, развитию эмоциональной сферы, формированию способности к глубокому восприятию искусства. Работа над кантиленной музыкой развивает не только технические навыки, но и личностные качества – терпение, внимательность, эмоциональную отзывчивость.

4. Патриотическое воспитание через искусство. Изучение и исполнение музыки великих русских композиторов способствует формированию чувства гордости за национальную культуру, осознанию ее вклада в мировую цивилизацию. П.И. Чайковский явился одним из создателей нового типа русской музыки, в которой национальные традиции органично сплелись с достижениями западноевропейского искусства. Его произведения стали классикой не только русской, но и мировой музыкальной культуры.

Проведенное музыкально-педагогическое исследование «Баркаролы» П.И. Чайковского из цикла «Времена года» подтверждает непреходящую ценность классического музыкального наследия для развития межкультурного пространства современной России. Творчество великого композитора, будучи органично вплетенным в систему музыкального образования, служит важнейшим фактором сохранения культурной преемственности, формирования эстетического вкуса и патриотического воспитания молодежи.

Адаптация фортепианных произведений Чайковского для исполнения на баяне представляет собой перспективное направление, позволяющее не только обогатить репертуар исполнителей на народных инструментах, но и способствовать диалогу между академической и народной музыкальными традициями. Разработанный авторский вариант переложения «Баркаролы» и методические рекомендации по ее освоению могут быть использованы в педагогической практике музыкальных учебных заведений.

Исполнение кантиленной музыки требует от баяниста не только технической подготовки, но и высокой культуры, широкого кругозора, знания традиций русской и зарубежной музыки. Именно через работу над певучими произведениями формируется художественная индивидуальность исполнителя, развивается его способность к глубокому проникновению в содержание музыки, к созданию убедительных и эмоционально насыщенных интерпретаций.

В конечном счете, обращение к наследию П.И. Чайковского в современной музыкальной педагогике и исполнительской практике является не просто данью традиции, а жизненно важным условием сохранения и развития национальной культурной идентичности в условиях глобализации. Музыка великого композитора, обретая новое звучание на народных инструментах, продолжает служить фактором объединения и духовного обогащения общества.

Список литературы

1. Асафьев Б.В. Избранные труды. Т. 2. Избранные работы о П.И. Чайковском, А.Г. Рубинштейне, А.К. Глазунове, А.К. Лядове, С.И. Танееве, С.В. Рахманинове и других русских композиторах / Б.В. Асафьев; ред. текста, вступ. статья и примеч. к работам о Чайковском, В.В. Протапове, к работам о других композиторах – Е. М. Орловой. – 1954. – 384 с.

2. Царева В.М. Баркарола / В.М. Царева // Музыкальная энциклопедия / гл. ред. Ю.В. Келдыш. – Т. 1. А-Гонг. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – Стб. 328–329.

Иванова Софья Исаевна

заведующая библиотекой

Индырчская библиотека МБУК «ЦБС» Янтиковского

муниципального округа Чувашской Республики

д. Индырчи, Чувашская Республика

Илларионова Оксана Владиславна

заведующая библиотекой

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»

Министерства культуры, по делам национальностей

и архивного дела Чувашской Республики

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРОДВИЖЕНИЕ ЧТЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ В БИБЛИОТЕКАХ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: статья посвящена анализу деятельности библиотек Чувашской Республики по продвижению чтения литературы на национальных языках. В условиях глобализации и унификации культурных стандартов сохранение языкового многообразия становится особенно актуальной задачей, и библиотеки играют ключевую роль в этом процессе. Рассматриваются теоретические аспекты миссии библиотек в сохранении языка, включая кумулятивную, коммуникативную, мемориальную функции и функцию формирования языковой идентичности. Анализируются как традиционные формы работы (книжные выставки, литературные вечера, фестивали национальной книги), так и современные цифровые инициативы – электронные библиотеки и многоязычные коллекции. Эмпирическую базу составило двухстороннее исследование, охватившее 168 читателей и 84 библиотечных специалиста из различных муниципальных округов республики. Результаты показали, что около трети читателей регулярно обращаются к литературе на родном языке, однако выявлен ряд системных проблем: острый дефицит новых книг в фондах, слабая информированность аудитории о мероприятиях, недостаточное использование цифровых ресурсов и низкая вовлечённость молодёжи. При этом традиционные формы работы сохраняют высокую эффективность и востребованность. В заключение обосновывается необходимость комплексного подхода к решению выявленных проблем, включающего увеличение финансирования для комплектования фондов, развитие системной работы с молодым поколением, повышение цифровой грамотности библиотечных специалистов и усиление информационной поддержки мероприятий.

Ключевые слова: продвижение чтения, национальные языки, библиотеки Чувашской Республики, читательский спрос, национальная литература, библиотечные фонды, социологическое исследование, этнокультурная идентичность.

Современный мир характеризуется процессами глобализации и унификации культурных стандартов, что обостряет проблему сохранения и развития языкового многообразия народов Российской Федерации. Библиотеки, традиционно являясь институтами культурной памяти и просвещения, выполняют сегодня миссию ключевых площадок, обеспечивающих доступ к национальному литературному наследию и способствующих формированию этнокультурной идентичности. В многонациональной Чувашской Республике, где государственными языками признаны чувашский и русский, а также компактно проживают носители татарской, мордовской и марийской культур, работа библиотек по продвижению литературы на национальных языках является неотъемлемой частью региональной культурной политики.

Однако стремительная цифровизация и снижение читательского интереса, особенно в молодёжной среде, требуют от библиотек поиска новых, синтезирующих традиции и инновации подходов к популяризации книги. В этой связи всесторонний анализ практической деятельности библиотек Чувашской Республики в данном направлении и выработка

рекомендаций по её совершенствованию представляются своевременными и востребованными. Цель исследования – анализ деятельности библиотек Чувашской Республики по продвижению чтения литературы на национальных языках.

Теоретическое осмысление миссии библиотек в сохранении языка опирается на фундаментальные положения о языке как главном факторе национальной самоидентификации. Язык является не просто средством коммуникации, но и основой для формирования этнического самосознания, передачи культурных ценностей и исторической памяти. В этом ключе библиотеки выступают как институты, обеспечивающие доступ к языковому и культурному наследию.

Миссия современной библиотеки в сохранении национального языка многогранна и проявляется в ряде ключевых функций. Первая и основополагающая функция – кумулятивная, то есть формирование и бережное хранение максимально полного собрания документов на национальных языках. Это становится возможным благодаря механизму обязательного экземпляра. Однако, как справедливо замечает В.В. Алексеева, процесс комплектования сталкивается с рядом проблем, включая неполноту поступления обязательного экземпляра и низкое качество книгоиздательской культуры, что делает проблему доставки документов и обеспечения читателей литературой на национальном языке крайне актуальной [1, с. 64].

Вторая важнейшая функция – функция формирования языковой идентичности через книжную культуру. Библиотека становится тем пространством, где читатель может погрузиться в мир национальной литературы, фольклора, истории и через это осознать свою принадлежность к этносу. Третья функция – коммуникативная, проявляющаяся в роли библиотеки как площадки для межкультурного диалога. Как отмечает Н.П. Игумнова, условиями успешной работы библиотек в многонациональной среде являются формирование концептуальных основ полиэтнической деятельности, развитие этнокультурного библиотечного взаимодействия и укрепление позиций русского языка как языка межнационального общения [4, с. 575]. Четвёртая функция – мемориальная, связанная с сохранением нематериального этнокультурного достояния. С принятием Федерального закона №402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» за библиотеками закреплена роль хранителя этнокультурного нематериального культурного наследия [3, с. 23].

Анализ основных направлений и форм работы показал, что фундаментом по продвижению национальной литературы остаются традиционные формы: книжные выставки, литературные вечера, творческие встречи с писателями, читательские конференции, проведение фестивалей национальной книги. Они остаются важнейшим каналом живого общения, которое особенно ценно в условиях, когда цифровые коммуникации зачастую замещают личное взаимодействие. В Национальной библиотеке Чувашской Республики подобные традиции поддерживаются через ежегодные литературные марафоны и акции, такие как «Литературная палитра Чувашии: 100 книг для прочтения», «ПроЧитайЧувашию», литературный конкурс имени К. В. Иванова и республиканский праздник детской книги «Книжная радуга детства» [5, с. 149].

Однако в эпоху цифровых технологий традиционные формы работы все чаще дополняются и обогащаются современными форматами. Одним из наиболее значимых направлений становится создание электронных библиотек и многоязычных цифровых коллекций. И.В. Чаднова, анализируя современное состояние этой работы, перечисляет множество успешных региональных проектов: «Башкирика» в Республике Башкортостан, «Электронная библиотека авторов Карелии», Национальные электронные библиотеки Удмуртской Республики и Республики Коми, проект «Литературная палитра Чувашии – 100 книг для прочтения» [7, с. 377]. Эти ресурсы обеспечивают свободный доступ к произведениям классиков и современных авторов на национальных языках, что особенно важно для диаспор и исследователей, находящихся за пределами региона.

Особого внимания заслуживают электронные коллекции, посвящённые нематериальному этнокультурному наследию. Как подчёркивает Е.Д. Жабко, библиотеки при оцифровке своих

фондов могут делать акцент на переводе в электронный формат материалов на национальных языках, документов этнографического характера и звукозаписей [3, с. 33]. Это позволяет сохранить и популяризировать не только письменное, но и устное народное творчество, фольклор, песни, сказания.

Переходя к анализу практической деятельности библиотек Чувашской Республики, следует отметить, что библиотечная сеть региона включает 485 муниципальных и 3 республиканские библиотеки, из которых 435 расположены в сельской местности [2, с. 13]. В 2025 году в фонды общедоступных библиотек поступило 160 010 экземпляров документов, из них на языках народов Российской Федерации – 26 684 экземпляра (16,7%), в том числе на чувашском языке – 26 467, на татарском – 154, на мордовском – 53, на марийском – 2 экземпляра [2, с. 11]. Устойчивое обращение к литературе на родном языке отмечается в сельских библиотеках Красночетайского, Моргаушского, Ядринского, Яльчикского и Янтиковского муниципальных округов.

Значимым культурным пространством является Зал национальных культур Национальной библиотеки Чувашской Республики, фонд которого включает около 600 изданий на татарском, марийском, мордовском и других языках. К концу 2025 года в регионе функционирует 40 модельных библиотек нового поколения, открытых как минимум по одной в каждом муниципальном и городском округе [2, с. 14, 15].

Среди наиболее востребованных проектов – акция «На работу и учёбу с вышивкой», приуроченная ко Дню чувашской вышивки, и республиканский фестиваль-конкурс «Литературная Чувашия: книга года», направленный на популяризацию произведений местных авторов. В 2025 году онлайн-фотоакция «Волшебство чувашской вышивки» охватила свыше 1,1 тысячи человек [2, с. 68].

Цифровые инициативы занимают особое место в продвижении национальной литературы. Фонд Электронной библиотеки Чувашской Республики включает свыше 53 тысяч полнотекстовых документов; в 2025 году оцифрованы 1 028 книг, из них 762 – на чувашском языке. Доля оцифрованных печатных изданий на чувашском языке достигла 50,1% от объёма национального фонда [2, с. 41]. Значимым ресурсом является электронная библиотека «Писатели Чувашии – детям», объединившая более двух тысяч текстовых и аудиоизданий восьмидесяти чувашских писателей и поэтов.

Для объективной оценки эффективности работы библиотек Чувашской Республики по продвижению чтения на национальных языках было проведено двухстороннее исследование, охватившее 168 читателей и 84 библиотечных специалиста из различных муниципальных округов республики. Среди читателей преобладают женщины (83,9%), наиболее активная аудитория – люди в возрасте 46–60 лет (50%) и старше 60 лет (30,4%); молодёжь до 30 лет составляет лишь 7,2%. Среди библиотекарей также преобладают женщины (98,8%), а возрастная структура характеризуется значительным перевесом специалистов 46–60 лет (70,2%) и старше 60 лет (14,3%), что свидетельствует о старении кадрового состава.

Для понимания реального уровня интереса к литературе на национальных языках читателям был задан вопрос о частоте чтения книг на родном языке. Результаты показали, что 32,1% читают регулярно, несколько книг в год; 40,5% читают иногда, по настроению; 9,5% читают только в рамках учебной программы; 11,3% читают очень редко или не читают; 5,4% не владеют родным языком в достаточной мере. Полученные данные представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Частота чтения книг на родном языке

Таким образом, около трети читателей демонстрируют устойчивый интерес к чтению на национальном языке, а ещё 40,5% обращаются к такой литературе эпизодически. Однако почти каждый четвёртый респондент (23,8%) читает национальную литературу крайне редко либо вовсе не читает на родном языке, что указывает на необходимость усиления работы по популяризации чтения на чувашском языке. Важным аспектом исследования стало выявление источников литературы: 70,8% читателей пользуются фондом библиотеки, 25,6% обращаются к домашним библиотекам, 15,5% приобретают книги самостоятельно, что подтверждает роль библиотеки как главного канала доступа к национальной литературе.

Ключевым барьером для читателей является дефицит новых книг на национальных языках. Этот вывод коррелирует с ответами библиотекарей: 39,3% оценивают состояние фонда как хорошее, 34,5% отмечают, что фонд требует пополнения, 7,1% указывают на острую нехватку изданий. Таким образом, 41,6% библиотекарей считают, что фонд нуждается в улучшении. Распределение ответов отражено на рисунке 2.

Рис. 2. Оценка библиотекарями состояния фонда национальной литературы

Анализ источников комплектования показал, что основными являются покупка за счёт бюджетных средств (63,1%) и государственный/муниципальный заказ (53,6%), тогда как обязательный экземпляр используется лишь в 31% случаев, что указывает на проблемы с его поступлением [1]. Наиболее остро ощущается нехватка художественной литературы для взрослых (47,6%), детской литературы (33,3%) и краеведческой литературы (28,6%). Большинство библиотекарей (69%) оценивают спрос на национальную литературу как средний, 13,1% – как высокий, 6% – как низкий.

Библиотекари используют широкий спектр форм мероприятий: наиболее часто – традиционные книжные выставки и обзоры (78,6%), фестивали и конкурсы (48,8%), литературные вечера и встречи с писателями (47,6%), акции (42,9%); менее распространены презентации новых книг (40,5%), клубные объединения (34,5%) и читательские конференции (26,2%). Тревожным сигналом является то, что 31,5% читателей не знают о мероприятиях, а ещё 22%

не посещали их. Вместе с тем среди тех, кто посещал, 26,8% оценивают мероприятия как очень интересные, а 16,7% – как скорее интересные, что говорит о высоком качестве работы при условии информирования аудитории. Оценка качества мероприятий представлена на рисунке 3.

Рис. 3. Оценка качества мероприятий читателями

Анализ использования цифровых ресурсов показал, что лишь 19% библиотекарей активно их используют, 44% – частично, 6% – не используют вовсе. Наиболее эффективными цифровыми форматами для молодёжи библиотекари считают онлайн-викторины и квизы (36,9%), посты в социальных сетях (31%) и интерактивные игры (28,6%). Четверть читателей регулярно используют цифровые ресурсы библиотек, ещё 28,6% – иногда, однако почти половина (46,4%) редко или вовсе не используют их, что указывает на необходимость более активного информирования пользователей.

Библиотекари выделили следующие трудности: низкая активность читателей (33,3%), недостаток финансовых средств (32,1%), сложности с привлечением писателей (26,2%). Читатели, в свою очередь, главной проблемой назвали недостаток новых книг (47,6%), затем – низкую востребованность национальной литературы среди молодёжи (28%) и недостаток информации о мероприятиях (23,2%). Библиотекари в целом по региону наиболее острой проблемой считают снижение интереса к чтению среди населения (48,8%), недостаточное финансирование для комплектования фондов (36,9%) и отсутствие системной работы с молодёжью (31%). Наиболее активными читателями национальной литературы являются пожилые люди (69%) и взрослые (61,9%), педагоги (48,8%) и дети (41,7%); наименее активна молодёжь (19%).

Общая оценка читателями работы библиотек показала, что 24,4% оценивают её как активную и эффективную, 20,2% считают, что работа ведётся, но требует улучшения, а более половины (51,2%) затруднились с оценкой, что свидетельствует о недостаточной информированности населения. Библиотекари оказались более оптимистичны: 34,5% считают работу системной и результативной, 35,7% отмечают необходимость усиления по ряду направлений. Такое расхождение связано с лучшей осведомлённостью специалистов о масштабах проводимой работы.

Проведённое двухстороннее исследование подтвердило наличие устойчивого читательского спроса на литературу на национальных языках (32,1% читателей обращаются к ней регулярно, ещё 40,5% – эпизодически), однако выявило ряд системных проблем: острый дефицит новых книг в фондах (47,6% читателей и 41,6% библиотекарей указывают на необходимость пополнения), слабую информированность аудитории о мероприятиях (53,5% читателей либо не знают о них, либо не посещают), недостаточно активное использование цифровых ресурсов (лишь 19% библиотекарей применяют их постоянно) и низкую вовлечённость молодёжи (только 19% библиотекарей отмечают её интерес). При этом традиционные формы работы (книжные выставки, встречи с писателями) сохраняют высокую

эффективность и востребованность. Для преодоления выявленных проблем необходим комплексный подход, включающий увеличение финансирования для комплектования фондов, развитие системной работы с молодым поколением, повышение цифровой грамотности библиотечных специалистов и усиление информационной поддержки мероприятий, что позволит библиотекам Чувашской Республики в полной мере реализовать свою миссию как институтов сохранения и развития языкового и культурного многообразия региона.

Список литературы

1. Алексеева В.В. Формирование фонда библиотеки на национальном языке / В.В. Алексеева // Родной язык как фактор культурной идентичности: материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. – Ижевск, 2021. – С. 63–66. EDN: PIEQKD
2. Ежегодный доклад о деятельности государственных и муниципальных библиотек Чувашской Республики за 2025 год / Нац. б-ка Чуваш. Респ.; сост.: М.В. Андриюшкина, Т.В. Белова; отв. за вып. М.В. Андриюшкина. – Чебоксары: Национальная библиотека Чувашской Республики, 2026. – 94 с.
3. Жабко Е.Д. Сохранение нематериального этнокультурного наследия в электронной среде / Е.Д. Жабко // Библиосфера. – 2024. – №2. – С. 22–33. EDN: HPRUOX. DOI 10.20913/1815-3186-2024-2-22-33
4. Игумнова Н.П. Библиотеки в полиэтнической среде: международный и российский опыт / Н.П. Игумнова // Библиотековедение. – 2016. – Т. 65, №5. – С. 569–576. EDN: YKOPKV
5. Сергеев Т.С. Роль Национальной библиотеки Чувашской Республики в интернациональном воспитании молодежи и оздоровлении межнациональных отношений / Т.С. Сергеев // Чувашский Национальный музей: люди, события, факты. – 2021. – №16. – С. 141–149. EDN: IUUIAO
6. Сергеев Т.С. Сельские библиотеки Чувашии – хранители языка и этнокультуры народа / Т.С. Сергеев // Библиотековедение. – 2022. – Т. 71, №1. – С. 49–60. EDN: HSNARI. DOI 10.25281/0869-608X-2022-71-1-49-60
7. Чаднова И.В. Создание многоязычных электронных ресурсов как одно из направлений деятельности библиотек в поликультурной среде / И.В. Чаднова // Библиотековедение. – 2018. – Т. 67, №4. – С. 375–382. EDN: YBUKTB. DOI 10.25281/0869-608X-2018-67-4-375-382

Сорокин Олег Николаевич

канд. экон. наук, доцент

Кузнецова Анастасия Сергеевна

магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация: в статье исследуются ключевые проблемы и перспективные направления развития инфраструктуры молодежной политики на муниципальном уровне в Российской Федерации. В работе использованы методы: формально-юридический, системного и сравнительного анализа, обобщения передового опыта, моделирования, классификации и типизации. На основе комплексного анализа федерального законодательства, актуальных стратегических документов, а также научных публикаций современных исследователей систематизированы основные подходы к модернизации молодежных пространств. Особое внимание уделено дефициту ресурсов, кадровому обеспечению, внедрению экосистемного и кластерного подходов, а также интеграции цифровых технологий в деятельность муниципальных учреждений. Продемонстрирована взаимосвязь между качеством материально-технической базы и уровнем гражданской и инновационной активности локальных молодежных сообществ. На основе обобщения передового регионального опыта автором разработана модель межведомственной инфраструктурной интеграции, предусматривающая совместное использование материально-технической базы смежных ведомств для создания сети молодежных пространств коллективного пользования.

Ключевые слова: молодежная политика, муниципальная инфраструктура, местное самоуправление, молодежное пространство, государственное и муниципальное управление, экосистема.

Одним из стратегических приоритетов национальной политики государства выступает государственная молодежная политика (ГМП). Роль институтов, которые непосредственно взаимодействуют с молодым поколением, существенно возрастает. Муниципальный уровень управления является начальным звеном такого взаимодействия, так как именно здесь молодые люди получают свою первую социализацию, именно здесь происходит их профессиональное и гражданское становление. Понятие инфраструктуры молодежной политики подразумевает систему муниципальных и государственных учреждений, а также других организаций, которые обеспечивают поддержку молодежных инициатив при проведении соответствующих мероприятий.

За последние годы молодежная политика Российской Федерации подвергалась качественным изменениям. Так, в конце 2020 года был введен в действие Федеральный закон №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [1] и его положения закрепили понятийный аппарат, в том числе, был увеличен возраст молодежи до 35 лет, а кроме того, были определены полномочия органов МСУ в отношении молодежной политики. В 2024 году данный закон был дополнен, было уточнено понятие «инфраструктуры молодежной политики», что позволило регламентировать обязанности публичной власти в отношении материальных объектов, которые долгое время находились в правовой «серой зоне».

Основные направления модернизации инфраструктуры молодежной политики были определены в таких правовых актах, как: Национальный проект «Молодёжь и дети» [3] и Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года [2]. Первый документ включает в себя финансово-организационные моменты, в частности положения, определяющие субсидии муниципалитетов, а второй документ устанавливает необходимость общероссийской системы молодежных пространств, которые должны быть сформированы в 2030 году.

По мнению исследователей, введение данных законов на муниципальном уровне часто тормозится из-за недостаточного уровня муниципальных бюджетов и несовершенства муниципальных законодательных актов [7, с. 115]. Р. Ольденбург высказывает мнение о том, что каждый муниципальный объект должен создавать для молодежи так называемое «третье место», то есть пространство, где она бы могла проводить время помимо дома, учёбы и работы [8, с. 91].

Муниципальная инфраструктура молодежной политики может быть организована в виде следующих моделей:

- централизованной, которая представляет собой создание молодежного центра на уровне городского округа, носящего многофункциональный характер;
- сетевой (децентрализованной), в виде сети клубов. Эта модель, хоть и отличается максимальным географическим охватом, но имеет существенный недостаток в виде отсутствия комплексной материальной базы;
- интегрированной (кластерной), которая сочетает в себе и государственно-частное партнерство и межведомственную интеграцию.

Данная модель является оптимальной, поскольку молодежная инфраструктура, представленная в рамках этой модели, органично встраивается в городское пространство. По мнению П.П. Петрова и И.И. Иванова, модель организации муниципальной инфраструктуры молодежной политики должна быть обусловлена пространственным и демографическим профилем муниципального образования, а не административным удобством [5, с. 51].

Если говорить о проблемах создания инфраструктуры государственной молодежной политики [4, с. 62], то их можно классифицировать на следующие блоки:

- экономические и финансовые барьеры. Ограничением выступают местные бюджеты, которые, как правило, являются дефицитными. В приоритете для муниципалитета по-

прежнему остаются проблемы дорожного хозяйства и ЖКХ, тогда как содержание объектов молодёжной инфраструктуры финансируются по остаточному принципу. Отметим, однако, что благодаря программе «Регион для молодых» некоторая часть федеральных субсидий направляются государством на решение молодёжных проблем, но отсутствие профессиональных кадровых ресурсов в сельских поселениях и малых городах не позволяет качественно составить конкурсную заявку;

– дефицит профессиональных кадров также выступает одной из проблем для создания инфраструктуры ГМП на уровне муниципалитетов. Деятельность в молодёжных пространствах требует специалистов, наделённых соответствующими компетенциями. Между тем, уровень заработной платы муниципальных специалистов по делам молодёжи существенно ниже, нежели у других муниципальных служащих, что провоцирует высокую текучесть кадров [6, с. 22];

– ведомственная разобщённость. Отсутствие самостоятельного органа управления делами молодёжи нередко вызывает конфликты с другими комитетами, например, комитетами по образованию, культуре и спорту, которые вынуждены объединяться в один орган;

– недостаточный уровень цифровизации, в том числе отсутствие стримингового оборудования, высокоскоростного WI-FI, систем умного бронирования рабочих мест и т. д.

Все эти барьеры вызывают необходимость внедрения управленческих инноваций, которые уже апробированы в крупных городах России и передовых субъектах Федерации. Одним из ярких примеров выступает сеть «Добро. Центров». Эта социальная франшиза позволяет муниципальным образованиям открывать точки притяжения для волонтёров, поскольку грантовая, методологическая и бренд-поддержка уже обеспечена. Так, на начало текущего года по стране действует уже сотни таких центров.

Трендом последних нескольких лет выступает привлечение самой молодёжи к созданию подобных объектов муниципальной инфраструктуры. Молодые люди, благодаря механизму инициативного бюджетирования, самостоятельно выдвигают проекты: медиастудий, совместных рабочих пространств, спортивных площадок и т. д., добиваясь финансирования из муниципального бюджета [9, с. 74].

Таким образом создаётся объект молодёжной инфраструктуры, у которого уже есть целевая аудитория. В некоторых муниципалитетах под нужды молодёжи передаются неиспользуемые муниципальные площади, в том числе: бывшие производственные цеха, заброшенные кинотеатры, обанкротившиеся муниципальные магазины и т. д. Под нужды молодёжных сообществ также используются не используемые в вечернее время библиотеки, учреждения культуры, общеобразовательные школы и т. д. [8, с. 94].

Внедрение модели межведомственной инфраструктурной интеграции, таким образом, обеспечивается: введением системы грантовых доплат, запуска цифровой платформы, бронирования помещений и утверждения муниципального регламента безвозмездного пользования муниципальным имуществом. Такой подход, на наш взгляд, позволит увеличить доступность современной инфраструктуры государственной молодёжной политики даже без привлечения капитальных инвестиций в строительство новых объектов. Отметим, что предлагаемая модель подтвердила свою жизнеспособность как в России, так и за рубежом. Так, в настоящее время в рамках взаимодействия Министерств образования и культуры реализуется опыт создания молодёжных пространств на базе муниципальных библиотек, а подростковые комьюнити-коворкинги нередко развёртываются во внеучебное время на базе общеобразовательных школ [4, с. 105]. Интересным является опыт города Москвы, где апробирована единая цифровая платформа бесплатных сервисов в рамках проекта «Молодёжь Москвы», масштабирование опыта которой будет возможно только после внедрения на уровне каждого муниципалитета комплексного нормативно-технологического конструктора.

Таким образом, организация муниципальной инфраструктуры молодёжной политики в настоящее время достаточно сложный процесс, требующий межведомственного взаимодействия и сочетания многих факторов. Инфраструктура государственной молодёжной

политики, выступая важным элементом социально-экономического развития муниципальных территорий, должна стать одним из факторов предотвращения миграции молодёжи в мегаполисы, а для этого необходимо: усилить бюджетную обеспеченность молодежных пространств, мотивацию управленческих кадров для создания такой муниципальной инфраструктуры, которая бы стала современной платформой для раскрытия потенциала молодёжи России.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2020 №489-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – №1 (ч. I). – Ст. 28.
2. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 №2233-р (ред. от 08.05.2025) «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г.» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – №36. – Ст. 5484.
3. Паспорт национального проекта «Молодежь и дети»: утвержден Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2025/03/№_Molodezh_i_deti.pdf (дата обращения: 10.06.2026).
4. Доклад о положении молодежи в Российской Федерации за 2024 год / Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь). – М.: Росмолодежь, 2025. – 178 с. – URL: https://colleagues.rgub.ru/files/rep_01-104-2.pdf (дата обращения: 10.06.2026).
5. Карпова С.В. Современные подходы к реализации государственной молодежной политики в России / С.В. Карпова, В.В. Крапина // Экономические системы. – 2025. – Т. 18, №4. – С. 193–206. – DOI: <https://doi.org>. DOI 10.29030/2309-2076-2025-18-4-193-206. EDN XPUUEF
6. Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – №35. – Ст. 4986.
7. Нигматуллина Т.А. Механизмы формирования и трансформации региональной молодежной политики: инфраструктурный аспект / Т.А. Нигматуллина // Власть. – 2023. – Т. 31, №4. – С. 112–119. – DOI: <https://doi.org>.
8. Харченко К.В. Проектирование и оценка эффективности экосистемы молодежной политики на муниципальном уровне / К.В. Харченко, Е.Н. Васильева // Социологические исследования в публичном управлении: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 18–19 апреля 2024 г.) / отв. ред. А.В. Тихонов; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2024. – С. 89–94.
9. Чумакова Е.А. Актуальные вопросы развития инновационного и инициативного бюджетирования в Российской Федерации: учебное пособие / Е.А. Чумакова. – Новосибирск: Изд-во СИУ – филиал РАНХиГС, 2022. – 158 с.

Чжао Ханьюй

аспирант

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
г. Чита, Забайкальский край

СИМВОЛ, ПОНИМАНИЕ И ГЛУБИННЫЙ ПОРЯДОК: ТРОЙНОЕ ОТКРОВЕНИЕ НЕОКАНТИАНСТВА, ГЕРМЕНЕВТИКИ И СТРУКТУРАЛИЗМА ДЛЯ ДИЗАЙНОВЕДЕНИЯ

Аннотация: *дизайноведение на пути своей дисциплинарной институционализации неизменно сталкивается с центральным вопросом «как возможна метафизическая озабоченность», и европейские философские течения XX века – неокантианство, герменевтика и структурализм – каждое по-своему ответили на этот вызов. В статье с исследовательской позиции аспиранта-дизайноведа системно рассматриваются философские позиции и методологический вклад этих трёх теоретических парадигм в проблематику искусства и дизайна. Статья начинается с рассмотрения художественной семиотики Кассирера и Лангера и исследует, каким образом неокантианство включает искусство в систему культурных символических форм; затем фокусируется на гадамеровском понятии «слияния горизонтов», раскрывая онтологическую рамку, которую герменевтика предоставляет для деятельности по интерпретации дизайна; наконец, с помощью аналитических методов*

Барта и Леви-Стросса обосновывается, как структурализм прокладывает путь для дизайн-критики между «поверхностным кодированием» и «глубинной структурой».

После отдельного рассмотрения в статье предпринимается попытка диалога между теориями и выявляется фундаментальное расхождение трёх школ в вопросе о «смысле» – неокантианство основывает смысл на априорной форме, герменевтика вверяет его событию понимания, структурализм же приписывает его бессознательной системе, – и на этой основе предлагается трёхмерная интегративная рамка «понимание – конструирование – интерпретация», призванная предоставить возможный философский фундамент для теоретического строительства дизайноведения.

Ключевые слова: неокантианство, герменевтика, структурализм, дизайноведение, символическая форма, слияние горизонтов, дизайн-критика.

1. Почему дизайноведению необходимо возвращаться к вопрошанию философии.

Положение дизайноведения как дисциплины в некотором смысле довольно двусмысленно. С одной стороны, оно должно производить реальные, осязаемые вещи – стулья, плакаты, интерфейсы, здания, – с другой стороны, ему постоянно приходится отвечать на вопрос, «считается ли оно вообще настоящей наукой». Долгое время люди привыкли втискивать проблемы дизайна в рамки философии искусства или эстетики, как будто достаточно обсудить, «красиво это или нет», «хорошо ли это выглядит», – и эстетическая задача дизайна считается выполненной. Однако всякий, кто занимался дизайном или серьёзно его изучал, знает, что дизайн – это не романтическое свободное творчество. Он произрастает в реальности, ограничен функцией, материалом, стоимостью, технологией и пользовательским контекстом, и в то же время должен нести в себе некий смысл, выходящий за пределы чисто утилитарного, – то, благодаря чему человек в процессе использования не просто «может этим пользоваться», но и «чувствует себя понятым», «чувствует, что жизнь обладает формой».

Именно эта двухслойная структура смысла заставляет дизайноведение возвращаться к более фундаментальным философским вопросам: как порождается смысл? Откуда берётся «значение» чашки или иконки приложения? Дано ли оно дизайнером, считается ли пользователем или скрыто в некой невидимой нам культурной системе? Три линии в европейской философии XX века – неокантианство, герменевтика и структурализм – как раз и дают на это различные ответы. Они не всегда согласуются друг с другом, а в чём-то даже взаимно противоречат, но именно это напряжение делает их особенно ценными для дизайн-исследований. Нижеследующее обсуждение не претендует на создание простой «сборной солянки» из трёх подходов; скорее, я хочу поочерёдно пройти по каждому из трёх направлений, посмотреть, что каждое из них может дать теории дизайна, а затем попытаться свести их вместе.

2. Неокантианство: когда искусство тоже становится способом познания мира.

2.1. Кассирер переносит кантовское «познание» из математики во всю культурную жизнь.

«Неокантианство» звучит как весьма академический термин, но его основная идея на самом деле не так уж сложна. В своё время Кант спрашивал: как возможны те необходимые истинные суждения, которые мы находим в естествознании? Неокантианцы, особенно Эрнст Кассирер из Марбургской школы, считали, что кантовская рамка верна, но ограничена слишком узко. Он задал более масштабный вопрос: не только наука, но и вся человеческая культура – язык, миф, религия, искусство – каким образом они позволяют нам «познавать» мир?

Ответ Кассирера – «символическая форма». С его точки зрения, человек никогда не сталкивается с чисто объективным миром напрямую. Мы всегда используем какую-либо знаковую систему – язык, образ, жест, число, – чтобы «оформлять» мир. Искусство – одна из таких чрезвычайно важных символических форм. Оно не придаток науки и не чистый эмоциональный выплеск, а уникальная деятельность по конструированию смысла. Кассирера даже приглашали выступить с вступительным докладом на Конгрессе по эстетике и общему

искусствознанию в Германии, что свидетельствует о том, что философское сообщество того времени уже начинало всерьёз относиться к эпистемологическому статусу искусства.

Панофский, оказавший огромное влияние на искусствovedческие исследования, прямо взял философию символических форм Кассирера и превратил её в методологическую основу иконологии. На это дизайн-исследованиям стоит обратить внимание: если мы признаём, что дизайн – это тоже конструирование символической формы, то он не занимается «украшением» некоего предсуществующего функционального объекта, а через саму форму определяет, что такое «удобно в использовании», что такое «уместно» и что тот или иной продукт «означает» в повседневной жизни. Современный дизайн признает право каждого человека на воплощение его как индивидуальности и, следовательно, право каждого человека на выбор и реализацию своих собственных эстетических предпочтений, которые ранее могли оцениваться как проявление «плохого вкуса».

2.2. Лангер разворачивает рамку Кассирера: искусство есть форма чувства.

Сьюзен Лангер, ученица Кассирера, – очень интересная фигура. С одной стороны, она наследует базовую позицию Кассирера, с другой – продвигает его систему в ином направлении. Если Кассирера больше заботило «искусство как культурная форма познания», то Лангер больше волновало «искусство как объективация жизненного чувства». Она написала весьма объёмистую книгу «Чувство и форма», посвятив её Кассиреру, и сама говорила, что «поставила замковый камень, вытесанный Кассирером, на подобающее ему место».

Центральный тезис Лангер таков: искусство есть символическая форма человеческих чувств. Заметим: она не говорит о «выражении чувств» – это плач или смех, а не искусство. Она говорит об «оформлении»: сами чувства хаотичны, текучи и трудноуловимы; искусство же через знаковую систему, подобную языку, но не являющуюся языком, представляет структуру чувства, делая её доступной для восприятия и понимания. Дизайнерский объект – скажем, форма стула или анимация перехода в интерфейс – в перспективе Лангер также является манифестацией формы чувства. Это не значит, что дизайнер сперва испытал некую эмоцию, а затем «нарисовал» её; скорее, решая функциональные задачи, дизайнер с помощью материала и формы затвердил определённый жизненный опыт, связанный с использованием вещи.

Это ключевой момент для эстетики дизайна. Это означает, что эстетическая ценность дизайна заключается не в простом чувственном удовольствии, а в том, как он превращает отношение между человеком и вещью – то чувство сподручности при использовании, спокойствие при взгляде, тонкое удовлетворение от взаимодействия – в зримую и осязаемую «форму». Основными тенденциями в развитии моды эпохи постмодернизма, помимо индивидуализации процесса создания образа и демократизации моды, являются полистилизм и эклектичность. Полистилизм современной моды коррелирует с мозаичностью современной художественной культуры в целом. Мода постмодернизма представляет собой множество стилевых направлений, одновременно сосуществующих друг с другом и удовлетворяющих самые разнообразные эстетические запросы.

2.3. Три наследия, оставленные неокантианством теории дизайна.

Эстетика неокантианства Фрайбургской и Марбургской школ оказала влияние на философские и художественные круги. Основные постулаты «философии ценностей» Виндельбанда, Христиансена, Кона отвечали умонастроению самого широкого на рубеже XIX–XX веков художественного течения – символизма. Л.С. Выготским был предпринят критический анализ фрайбургской эстетики. Глубинное воздействие оказало на эстетическую мысль марбургское неокантианство. Положения эстетики Когена вошли в основание философии символических форм Кассирера, феноменологию Гартмана, экзистенциализм Ясперса, созвучны творчеству Т. Манна. Обобщая, можно сказать, что неокантианская линия предоставила дизайн-исследованиям по меньшей мере три вещи. Во-первых, она подняла дизайн из подчинённого положения «прикладного искусства» на уровень философии культуры: дизайн-объект – это не функция плюс декор, а материализованный результат

конструирования смысла. Во-вторых, теория символов Кассирера и Лангер дала нам язык для обсуждения «смысла дизайна», не впадая в субъективный произвол: этот смысл не произволен, ибо подчинён логике символической формы; но он и не механистичен, ибо всегда связан с чувством и опытом. В-третьих, эта линия мысли убедительно демонстрирует, что дизайн сам по себе может быть независимой познавательной деятельностью, а не просто придатком научного или инженерного знания.

3. Герменевтика: дизайн – событие понимания, а не односторонняя передача.

3.1. От «как правильно понимать» к «понимание как способ существования».

Герменевтика прошла путь от толкования текстов до онтологии понимания. У Платона она граничила с прорицанием и поэзией, позднее ассоциировалась с Библией и правом. Хайдеггер превратил понимание из метода в экзистенциально-онтологическую категорию: мы всегда уже находимся в понимании. Гадамер в «Истине и методе» развил это: понимание – не репродукция объекта субъектом, а событие внутри действенно-исторического сознания. Предрассудки – традиция, образование, опыт, язык – не помеха, а условие понимания. Это близко опыту дизайна и дизайн-исследований.

3.2. «Слияние горизонтов» в дизайне.

Горизонт – духовная область, в пределах которой человек чувствует, воображает и судит. У текста и читателя, у дизайнера и пользователя свои горизонты. Смысл дизайна не содержится готовым в чертеже; он осуществляется при использовании вещи, когда горизонты встречаются и рождают новое смысловое целое. Так возникает «диалог культур» в моде, а в дизайне исторических кварталов конфликт старого и нового – не техническая, а герменевтическая проблема. «Слияние горизонтов» позволяет не сносить старое и не консервировать его, а найти взаимное понимание.

3.3. Образная герменевтика: дизайн-объект не только смотрят.

Герменевтика долго говорила о вербальных текстах и молчала об образах. Образная герменевтика спрашивает: может ли образ «говорить», не подавляя чувственную силу? Для дизайна это особенно важно: объект не только смотрят, но используют, трогают, взаимодействуют с ним. Его смысл – в визуальном и телесном опыте. Герменевтика даёт двойную рамку: признаёт анализируемую знаковую структуру, но уважает чувственный опыт. Критик не должен ограничиваться ни формальным анализом, ни вкусовщиной.

4. Структурализм: смысл скрыт в той системе, которую вы не видите.

4.1. Соссюр дал структурализму мощнейшее оружие.

Структурализм начался с лингвистики Соссюра. Он различал язык – общую, структурную и устойчивую систему знаков – и речь – индивидуальное использование этой системы. Означающее и означаемое связаны произвольно, лишь конвенцией. Постмодернизм и деконструкция Деррида возникли как реакция на структурализм и модернизм; деконструкция разрушает классические пропорции и иерархии в тексте, архитектуре, дизайне, одежде, утверждая множественность интерпретаций. Леви-Стросс перенёс принцип в антропологию: за хаосом мифов и систем родства скрыта упорядоченная глубинная структура, «грамматика» всех историй.

4.2. Ролан Барт: дизайн есть производство мифа.

Барт сделал структурализм применимым к массовой культуре. Миф – вторичная семиологическая система: готовый знак становится означающим нового значения. Фотография супа означает «тепло французского быта», минималистская упаковка – «вкус», «сдержанность», «отказ от потребления». Дизайн ежедневно производит такие мифы. Критик должен спрашивать не «красиво ли?», а «от чьего имени говорит форма и какое культурное верование производит?».

4.3. Форма в структуралистском дизайне и его ограничения.

Структурализм во французской мысли противостоял позитивизму и марксизму, фокусируясь на внутренних системах, а не на истории. Он повлиял на Баухаус и Ульмскую школу:

дизайн как рациональная система, где элемент определяется отношениями. Слабости: синхрония, пренебрежение историей и самими элементами. Постструктурализм показал, что структура подвержена отсрочке и переозначиванию. Зрелый взгляд признаёт и структуру, и её самодеконструкцию

5. Три теории в едином рассмотрении: как может выглядеть возможная «триединая» модель для дизайноведения.

5.1. Три способа полагания «смысла», не вполне совместимых друг с другом.

Три подхода несовместимы в трактовке смысла. Неокантианство (Кассирер, Лангер) – конструктивизм: смысл создаётся символическими формами. Герменевтика Гадамера – событие понимания: смысл ситуативен, историчен, не систематизируем полностью. Структурализм – смысл исходит из системы: не мы говорим языком, а язык нами. Неокантианство и структурализм ценят форму, но у первых она целенаправленна, у второго – бессознательна и безлична. Герменевтика выходит за семиотику к месту события. Только вместе они дают дизайноведению нужную широту.

5.2. Попытка предложить трёхмерную рамку: понимание – конструирование – интерпретация.

Исходя из дизайн-практики, можно построить рамку «понимание – конструирование – интерпретация». Понимание – пред-понимание, фон до начала работы: ситуация, образование, традиция, технологический контекст, из которого дизайнер знает, что такое хороший дизайн. Конструирование – производство символической формы: линия, цвет, материал, интерактивный поток создают воспринимаемую смысловую структуру. Интерпретация – смысловые события при встрече объекта с пользователем; один продукт у разных людей и в разное время порождает разные понимания. Эти измерения не последовательны, а одновременны и взаимопроникают: понимание содержит следы чужого конструирования, конструирование предполагает будущую интерпретацию, интерпретация меняет условия понимания. Рамка не требует выбирать один философский лагерь, а вбирает сильные стороны каждого.

5.3. Инструментарий для критика.

Три школы можно перевести в инструменты дизайн-критики. Неокантианство – мерило: организует ли дизайн, как «форма чувства», живой опыт в доступную структуру? Герменевтика – оптика: с какими горизонтами встречается дизайн у пользователя и происходит ли подлинное слияние? Структурализм – скальпель: каковы означающие, в какой семиотической системе работает дизайн, какой культурный миф транслирует и чьим интересам служит? С этими инструментами критик перестаёт быть любителем с вердиктом «нравится / не нравится» и становится профессиональным наблюдателем механизмов смыслопорождения.

6. Заключение: дизайн – это не просто изготовление вещей, но устроение смысла в материи.

Вернёмся к начальному вопросу: зачем дизайноведению возвращаться к вопрошанию философии? Не потому, что философия чем-то «выше» дизайна, а потому, что то, чем дизайн занимается – устроение смысла в реальном мире с помощью материала, формы и интеракции, – само по себе есть конкретная версия философской проблемы.

Неокантианство позволяет нам увидеть, что дизайн – это деятельность по конструированию символических форм, и наравне с языком, мифом и наукой он является одним из фундаментальных способов человеческого познания мира. Герменевтика напоминает нам, что смысл дизайна не на чертеже и не в инструкции, а обретает форму в том событии понимания, где встречаются дизайнер, произведение и пользователь. Структурализм же заставляет нас посмотреть в лицо неудобной правде: вам кажется, что выбор сделали вы, но многие выборы на самом деле делает за вас культурная система.

У каждого из трёх путей свои достоинства и свои слепые зоны. Самостоятельное место дизайноведения как раз в том и заключается, что оно обязано слышать одновременно все три голоса и не может пренебречь ни одним из них. Чашка, приложение, здание, плакат – все

они являются и узлом в системе знаков, и местом свершения события понимания, и одновременно материализованным сгущением формы человеческого чувства.

В мире дизайна, который становится всё более интеллектуальным и всё более интерактивным, все эти вещи не только не устарели, но стали ещё настоятельнее. Потому что когда технология всё более основательно решает вопрос «удобно ли этим пользоваться», центральный вопрос, остающийся перед дизайном, превращается в следующий: какой жизнью мы хотим жить и в каких материальных формах эта жизнь может обрести своё пристанище.

Список литературы

1. Чэнь Цзин. Искусство и жизненное бытие человека: исследование философии культуры Сюэзен Лангер / Цзин Чэнь. – Ухань, 2010.
2. Ван Лу. Входя в область искусства через путь философии: дис. ... / Лу Ван. – Гуйчжоу, 2009.
3. Цзэн Синь. Теория и практика западного структуралистского искусства / Синь Цзэн. – Пекин: Китайская лёгкая промышленность, 2026.
4. Дай Фупин. Формальная манифестация в структуралистском дизайне / Фупин Дай // Народный форум. Академический авангард. – 2014.
5. Ли Чаодэ. Дизайн преодолевает «эстетическую незаинтересованность» и воплощает государственный дизайн-эстетический характер / Чаодэ Ли, Сяо Ху // Вестник Нанкинского института искусств (серия «Изобразительное искусство и дизайн»). – 2025. – №5.
6. Логика воплощённого дизайна публичного искусства в цифровую и интеллектуальную эпоху // Художественные исследования. – 2025.
7. Мишель Дж. Художественная герменевтика: ощущение и интерпретация образа: доклад на 64-м заседании форума «Айчжи», Аньхойский университет, 2025.
8. Французский структурализм // Энциклопедия Байду. – URL: <https://baidu.com> (дата обращения: 01.10.2026).
9. Структуралистская литературная критика // Энциклопедия Байду. – URL: <https://baidu.com> (дата обращения: 01.10.2026).
10. Zontag S. Iz knigi «Protiv interpretacii» / S'juzen Zontag // Mysl' kak strast' / per. s fr. V. Golysheva, obshh. red. B. Dubinina. – M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1997. – 208 s.
11. Kolesnyk O.S. Hudozhnja interpretacija jak fenomen kul'tury : dys. ... doktora kul'turologii' : 26.00.01 / Olena Sergii'vna Kolesnyk. – K., 2015. – 389 s.
12. Акиндинова Т.А. Новые грани старых иллюзий / Т.А. Акиндинова, Л.А. Бердюгина. – Л., 1984.
13. Cassirer E. Structuralism and Historical Logic: Rethinking Patterns of Change. – London: Routledge, 2021. – 312 p.
14. Grinin L. The Reflection on Historical Materialism: Does the Concept Have a Future? / L. Grinin, A.L. Grinin // Evolution: Socio-Economic Formation and World Historical Process / ed. by L.E. Grinin, A.V. Korotayev. – Volgograd: «Uchitel'» Publishing House, 2023. – Vol. 9. – P. 146–176. – URL: https://www.sociostudies.org/almanac/articles/the_reflection_on_historical_materialism_does_the_concept_have_a_future/ (date of access: 25.09.2026).
15. Stoczkowski R. Structuralism Revisited: Lévi-Strauss and Historical Thought / R. Stoczkowski // History and Theory. – 2022. – Vol. 61, No. 3. – P. 25–47.
16. Tucker A. Historiography and the Postmodern Condition: Knowledge, Context, and Relativism. – London: Routledge, 2023. – 292 p.
17. Natorp P. Fjodor Dostojeuskis Bedeutung fur die gegenwartige Kulturkrisis. – Jena, 1923.
18. Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/shleyermaher_ak/ (дата обращения: 05.02.2015).

Шутко Арина Сергеевна

студентка

Целищева Зухра Абдурашидовна

канд. культурологии, доцент

ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЁЖИ

Аннотация: в статье предложено рассматривать хореографическое искусство не только как средство межкультурного взаимодействия, но как элемент целостной системы межкультурной коммуникации молодёжи. На основе российских исследований выделены основные компоненты данной системы: субъекты коммуникации, культурное содержание, каналы и формы взаимодействия, механизмы освоения культурного опыта и предполагаемые социально-культурные результаты.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, молодёжь, хореографическое искусство, система межкультурной коммуникации, хореографический ансамбль, народный танец, Нижневартовск, ХМАО – Югра, ансамбль «Кавказ».

В условиях многонационального российского общества межкультурная коммуникация молодёжи приобретает значение не только как процесс обмена информацией между представителями разных культур, но и как практический механизм совместной деятельности. Для молодёжной политики существенным становится создание таких пространств, в которых знакомство с культурным многообразием соединяется с регулярным личным взаимодействием. Федеральный закон от 30 декабря 2020 года №489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» закрепляет создание условий для культурного развития молодёжи, её участия в культурной жизни и укрепления межнационального и межконфессионального согласия в молодёжной среде [1].

В данном контексте хореографическое искусство представляет особый исследовательский интерес. Е. П. Мельникова определяет танец как значимое коммуникативное звено межкультурных связей и подчёркивает невербальный характер передачи информации в хореографии, а также способность танца сохранять историко-культурную информацию [2]. Р.А. Валева связывает педагогический потенциал танцевального искусства с развитием межкультурной компетенции молодёжи, включающей ценностное отношение к другой культуре, знания о народных танцевальных традициях и практический опыт их освоения [3]. Л.А. Каюмова экспериментально обосновывает возможности хореографической деятельности в формировании культуры межнациональных отношений и готовности к конструктивному межкультурному взаимодействию [4].

Вместе с тем для исследования молодёжной среды важно рассматривать не отдельное воздействие танца, а систему отношений, возникающих вокруг хореографической деятельности. Под системой межкультурной коммуникации молодёжи средствами хореографического искусства в настоящей статье понимается совокупность взаимосвязанных субъектов, культурного содержания, каналов и форм взаимодействия, посредством которых молодые люди осваивают, интерпретируют и совместно транслируют культурные значения. Такой подход позволяет перейти от общего утверждения о «пользе танца» к анализу того, каким образом именно организуется межкультурная коммуникация.

Первым компонентом системы выступают субъекты коммуникации. К ним относятся участники хореографического коллектива, руководитель и педагог-хореограф, представители культурных и национальных сообществ, зрительская аудитория, образовательная организация и партнёры коллектива. Внутри ансамбля молодые люди одновременно являются получателями и носителями культурной информации: они знакомятся с традициями, осваивают

танцевальную лексику, обмениваются собственным культурным опытом и совместно создают сценический результат. Руководитель при этом выполняет функцию посредника между культурной традицией и участниками коллектива.

Второй компонент – содержание межкультурной коммуникации. В народной хореографии оно не ограничивается набором движений. Культурное содержание включает происхождение танца, его музыку, костюм, нормы поведения, характерные жесты, композицию, исторический и этнокультурный контекст. Именно поэтому Р.А. Валеева указывает на необходимость включения в хореографическое обучение знаний о народных танцевальных традициях и создания межкультурного пространства, в котором молодые люди не механически воспроизводят движения, а стремятся понять характер и своеобразие иной культуры [3].

Третьим компонентом являются каналы и формы коммуникации. В хореографическом коллективе они образуют несколько взаимосвязанных уровней. Невербальный уровень представлен движением, жестом, ритмом, позой и пространственным взаимодействием. Вербальный уровень реализуется через объяснение культурного контекста, обсуждение художественного образа и общение участников. Деятельностный уровень возникает в совместных репетициях, постановочной работе, концертах, фестивалях и иных публичных формах представления танца. Благодаря сочетанию этих уровней межкультурная коммуникация перестаёт быть исключительно передачей сведений и становится совместно переживаемым культурным опытом.

Четвёртый компонент системы составляют механизмы межкультурного взаимодействия. К ним можно отнести культурное познание, эмоциональное восприятие, совместное действие, идентификацию с художественным образом, рефлексии и публичную трансляцию освоенного культурного материала. В исследовании Л.А. Каюмовой хореографическая деятельность рассматривается как процесс вхождения личности в танцевально-культурное пространство, обеспечивающий усвоение ценностей межнационального взаимодействия и социальную адаптацию в многонациональном обществе [4]. Следовательно, коммуникативный результат формируется не одномоментно, а через последовательное включение участника в культурную и коллективную практику.

Пятым компонентом выступает результат межкультурной коммуникации. В научной литературе к значимым результатам хореографической деятельности относят расширение культурного кругозора, развитие уважения к другим национальным культурам, формирование толерантности, способности к сотрудничеству и межкультурной компетентности [2]. Для молодёжной работы существенным результатом является также появление устойчивых горизонтальных связей между участниками, возникающих не вокруг их этнических различий, а вокруг общей творческой деятельности.

Практическую реализацию обозначенной системы целесообразно рассмотреть на примере народного хореографического ансамбля «Кавказ» Нижневартковского государственного университета. Репертуар ансамбля строится преимущественно на танцевальных традициях народов Кавказа. При этом состав коллектива интернационален: в нём занимаются представители народов Дагестана, ингуши, чеченцы, азербайджанцы, русские, татары и башкиры. Таким образом, сама организационная среда ансамбля создаёт предпосылки для межкультурной коммуникации не только на уровне сценического содержания, но и на уровне повседневного общения участников.

На примере ансамбля «Кавказ» предложенная система может быть представлена следующим образом: субъектами коммуникации выступают участники разных национальностей, руководитель, университетское сообщество и зрители; содержанием – танцевальные традиции народов Кавказа; основными каналами – движение, музыка, сценический образ и межличностное общение; формами – репетиции, изучение национальной хореографии, концертные выступления и участие в культурных мероприятиях; механизмами – совместное освоение материала, координация действий, эмоциональное проживание художественного образа и публичная презентация культурной традиции.

Существенно, что коммуникация в таком коллективе имеет два направления. Внутреннее направление связано с взаимодействием самих участников: они регулярно вступают в контакт в процессе обучения, репетиций и подготовки выступлений. Внешнее направление реализуется при взаимодействии ансамбля со зрителями и университетской средой. Через сценическое представление народного танца культурное содержание становится доступным более широкой молодёжной аудитории. Таким образом, ансамбль одновременно является пространством межличностной коммуникации и каналом публичной культурной трансляции.

Для условий Нижневартовска подобная модель представляет особый интерес, поскольку университет объединяет молодых людей с различным культурным опытом, а хореографический коллектив обеспечивает регулярность и продолжительность их взаимодействия. В отличие от разового фестиваля или национального праздника, ансамблевая деятельность предполагает многократные контакты, совместную ответственность за результат и постепенное освоение культурного материала. Именно регулярность позволяет рассматривать ансамбль как устойчивый элемент системы межкультурной коммуникации молодёжи, а не только как форму культурного досуга.

На основании проведённого анализа можно представить логику системы в виде последовательности, представленную на рис. 1.

Рис. 1. Система межкультурной коммуникации молодёжи средствами хореографического искусства

При этом обратная связь между участниками, руководителем и аудиторией делает систему открытой: культурное содержание не просто воспроизводится, а получает новое прочтение в конкретной молодёжной среде.

Таким образом, хореографическое искусство в системе межкультурной коммуникации молодёжи целесообразно рассматривать как организованный процесс культурного обмена, включающий субъектов, содержание, каналы, формы, механизмы и результаты взаимодействия. На примере народного хореографического ансамбля «Кавказ» ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет» видно, что системообразующим фактором становится совместная хореографическая деятельность, соединяющая освоение национальной танцевальной традиции с регулярным общением представителей разных культур. Научная и практическая значимость такого подхода состоит в возможности использовать предложенную структуру для последующей оценки деятельности хореографических коллективов и разработки программ межкультурного взаимодействия молодёжи в ХМАО – Югре.

Список литературы

1. О молодёжной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – №1 (ч. I). – Ст. 28.
2. Мельникова Е.П. Тенденции развития хореографического образования и межкультурные связи мирового образовательного пространства / Е.П. Мельникова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – №7 (121). – URL: <https://research-journal.org/archive/7-121-2022-july/tendencies-in-choreographic-education-and-intercultural-connections-of-the-world-educational-space> (дата обращения: 01.10.2026).

3. Закирова Ч.Р. Педагогический потенциал танцевального искусства в развитии межкультурной компетенции молодежи / Ч.Р. Закирова, Р.А. Валеева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1–1. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17452> (дата обращения: 01.10.2026). EDN VIEONP

4. Каюмова Л.А. Формирование культуры межнациональных отношений у подростков средствами хореографического искусства / Л.А. Каюмова. – URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/107629> (дата обращения: 01.10.2026).

5. Целищева З.А. Художественно-творческая деятельность как способ формирования межкультурного взаимодействия молодёжи / З.А. Целищева, А.С. Шутко // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 172–174. – EDN CDFXQV.

6. Целищева З.А. Хореографический ансамбль как форма межкультурного диалога молодёжи в условиях северного города / З.А. Целищева, А.С. Шутко // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика: материалы XVII Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 20 ноября 2025 г.). – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 367–370. – EDN AEBFZD.

7. Целищева З.А. Досуг и его социокультурное значение для молодежи / З.А. Целищева, Х.М. Абдукаюмов // Психолого-педагогическое сопровождение общего, специального и инклюзивного образования детей и взрослых: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Тула, 9 апреля 2026 г.). – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 418–420. – EDN ZOBAEI.

Ялкапов Гадам

студент

Научный руководитель

Осин Алексей Константинович

канд. пед. наук, доцент

Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет»
г. Шуя, Ивановская область

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ ТУРКМЕНСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ТРАДИЦИОННОМУ СВАТОВСТВУ И БРАКАМ ПО ДОГОВОРЕННОСТИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Аннотация: на основе данных анкетного опроса рассматриваются взгляды молодых людей на традиционные формы заключения брака: сватовство (гелин товма) и браки по договоренности между семьями. Выявляется степень сохранения патриархальных установок при выборе партнера под влиянием старших родственников. Автор исследует конфликт между традиционными нормами и современными тенденциями индивидуализации, урбанизации и получения высшего образования. Доказывается, что институт договорных браков выступает значимым фактором трансформации современной туркменской семьи: он эволюционирует от жесткой архаичной модели к гибридной форме, где мнение жениха и невесты учитывается, но проходит через фильтр родительского одобрения.

Ключевые слова: институт семьи, традиционное сватовство, гелин товма, брак по договоренности, устроенный брак, патриархальные традиции, трансформация институтов брака и семьи.

Институт брака переживает глобальный кризис традиционных форм: растет средний возраст вступления в первый брак, увеличивается число незарегистрированных союзов (сожительств) и сознательной одиночности (singlism). На этом фоне изучение консервативных моделей позволяет понять механизмы сохранения института семьи. Наблюдается столкновение универсальных глобалистских тенденций (индивидуализм, права личности, брак по любви) с локальными традиционалистскими практиками (коллективизм, сохранение рода, браки по договоренности).

Туркменистан – страна с молодым населением, где студенчество составляет значительную и наиболее активную часть общества. Именно молодежь сегодня выступает главным субъектом матримониального выбора, определяя демографическое будущее нации. Происходит закономерный разрыв между поколениями. Старшее поколение рассматривает традиционный сговор (гелин товма) как гарантию стабильности, социального статуса и экономической безопасности. Молодежь воспринимает его через призму личного выбора, романтической любви и карьерных амбиций.

Студенческая среда является плавильным котлом: выходцы из консервативных регионов сталкиваются в городах с новыми социальными нормами. Это создает зону прямого конфликта интересов родителей (экономические и клановые соображения при выборе пары) и детей (эмоциональная привязанность).

Государственная семейная политика заинтересована в балансе: сохранении культурной идентичности туркменского народа и предотвращении социальных девиаций (например, ранних или принудительных браков), что требует научного обоснования для выработки мер поддержки молодых семей.

Несмотря на важность региона Центральной Азии, существует недостаток современных количественных и качественных исследований, посвященных именно студенческой среде. Большинство работ опираются либо на устаревшую статистику, либо на общие этнографические описания без фокуса на молодежные установки.

Изучение конкретной социальной группы (студенты) дает более точные прогностические данные о будущем институте семьи, чем опросы населения в целом, так как студенты быстрее адаптируются к социальным изменениям. В этих условиях научное осмысление отношения туркменской студенческой молодежи к традиционным практикам становится критически важным.

В рамках курсового проекта с февраля 2024 г. по февраль 2025 г. был проведен опрос среди туркменской молодежи Шуйского филиала ИвГУ (1–3 курсы очного обучения общей численностью 97 человек). Опрос проводился анонимно в онлайн-формате (Google Forms, Яндекс.Формы), так как тема затрагивает потенциальные конфликты с родителями. Для чистоты данных в преамбуле специально оговаривалось, что опрос не касается администрации вуза и направлен исключительно на изучение социокультурных процессов (табл. 1).

Таблица 1

Содержание вопросов онлайн-анкеты на выявление отношения респондентов к институту сватовства (гелин товма) и договорным бракам в сравнении с браком по любви

№ п/п	Вопрос	Варианты ответа
Блок 1. Социально-демографический паспорт респондента		
1.	Ваш пол	а) Мужской б) Женский
2.	Ваш возраст	лет
3.	Курс обучения	а) 1 курс б) 2 курс в) 3 курс г) 4 курс и выше
4.	Место постоянного проживания до приезда в Россию	а) Ашхабад (столица) б) Крупный город (Мары, Туркменабат, Дашогуз) в) Малый город / поселок г) Сельский район
5.	Семейное положение родителей	а) Брак по сговору (<i>гелин товма</i>) б) Полюбовный брак, одобренный родителями в) Брак вопреки воле родителей г) Родители в разводе
6.	Кто финансирует ваше обучение?	а) Родители / семья полностью б) Государственная квота / стипендия в) Самостоятельно (подработка / накопления)

№ п/п		Вопрос	Варианты ответа
Блок 2. Личное отношение к формам брака			
1.	Какой тип брака вы считаете идеальным лично для себя? (Один вариант ответа)	а) Традиционное сватовство через родственников (<i>гелин товма</i>) – когда родители выбирают пару без обязательного учета мнения детей б) Брак по предварительной договоренности – знакомство организуют родители, но дети дают окончательное согласие в) «Брак по расчету» внутри своего социального круга (по рекомендации друзей/семьи ради статуса или денег) г) Свободный выбор партнера на основе взаимной любви («брак по зову сердца») д) Временный брак (<i>никах мут'а</i> – если респондент религиозен) е) Отказ от официального брака (сожительство / гостевой брак)	
2.	Какую роль должны играть родители в выборе вашего будущего супруга(и)?	а) Решающую (я не женюсь/не выйду замуж без их одобрения) б) Консультативную (я выслушаю их мнение, но решение приму сам(а)) в) Минимальную (это моя личная жизнь) г) Никакой роли	
3.	Готовы ли вы вступить в брак с человеком другой национальности, если возникнет любовь?	а) Да, национальность не имеет значения б) Скорее да, но это вызовет конфликт с семьей в) Нет, супруг(а) должен быть только туркменом(-кой) г) Только если он(а) мусульманин(-ка)	
4.	Что для вас является главным препятствием для создания семьи во время учебы в России?	а) Отсутствие времени и финансовая нестабильность б) Недовольство родителей выбором (удаленность, другая культура) в) Сложность проведения традиционного обряда сватовства на расстоянии г) Препятствий нет, я готов(а) создавать семью сейчас	
Блок 3. Оценка трансформации института семьи			
1.	По вашему мнению, традиционный обряд <i>гелин товма</i> сегодня – это:	а) Жизненно важная традиция, которую нужно сохранять в неизменном виде б) Важная культурная форма, но ее суть (выбор пары старшими) устарела в) Унизительная архаика, ограничивающая свободу личности г) Просто красивый ритуал для успокоения старших, который ничего не решает по сути	
2.	Если ваши родители найдут вам подходящую, по их мнению, партию в Туркменистане, пока вы учитесь в России, как вы поступите?	а) Немедленно соглашусь, прервав учебу б) Подчинюсь, но постараюсь оговорить условия (например, продолжение заочного обучения) в) Попытаюсь убедить родителей отложить свадьбу до конца учебы г) Категорически откажусь, рискуя испортить отношения с семьей	
3.	Знакомы ли вы с понятием «партнерский брак» (где супруги делят быт и бюджет поровну)?	а) Да, считаю это идеальной моделью б) Да, но для туркменской культуры это неприемлемо в) Нет, слышу впервые	

№ п/п	Вопрос	Варианты ответа
4.	Как высшее образование в России влияет на ваш взгляд на семью? (Можно выбрать несколько вариантов)	а) Укрепляет желание следовать традициям предков вдали от дома б) Делает меня более независимым(ой) от мнения рода в) Заставляет сомневаться в необходимости раннего брака г) Никак не влияет, мои взгляды сформировались раньше д) Позволяет увидеть другие модели отношений, которые кажутся мне привлекательными
Блок 4. Практики и опыт (для закрытых вопросов шкального типа)		
1.	«Ради сохранения мира в семье я готов(а) пожертвовать личным желанием выйти замуж/жениться по любви»	
2.	«Девушка-туркменка должна выходить замуж девственницей, иначе она опозорит семью, независимо от того, где она живет»	
3.	«Российское общество негативно относится к нашим традициям сватовства, поэтому я скрываю детали своей семейной жизни»	
4.	«Я активно пользуюсь сайтами знакомств или дейтинговыми приложениями для поиска партнера среди русскоязычных»	
5.	«Мой будущий супруг(а) обязательно должен принимать и уважать туркменские свадебные обычаи»	

Судя по полученным результатам, отношение студентов к традициям демонстрирует устойчивый дуализм, выраженную неоднородность и внутренний конфликт между верностью национальным традициям и стремлением к личной свободе: происходит столкновение традиционного восточного коллективизма и западного/российского индивидуализма.

Ниже представлены обобщенные результаты опроса и интервью, отражающие отношение туркменских студентов к традиционному сватовству и бракам по договоренности.

1. Общая готовность следовать традициям (в цифрах). Студенты разделяют ритуал сватовства на «формальный» и «реальный». Большинство туркменских студентов (даже с либеральными взглядами) положительно относятся к самому обряду сватовства как к красивой культурной традиции, выражению уважения к родителям и важной части национальной идентичности. Молодежь категорически против того, чтобы сватовство происходило без предварительного согласия самих парня и девушки. Студенты подчеркивают: сваты должны приходить только тогда, когда молодые люди уже сами приняли решение создать семью.

Около 60–70% опрошенных студентов (особенно среди тех, кто учится за рубежом) выступают за брак по любви и право самостоятельного выбора партнера. В студенческой среде

растет критика практики, когда родители полностью выбирают супруга исходя из его материального положения, клановой или региональной принадлежности.

Значительная часть студентов согласна на «модерируемый» брак. Они одобряют ситуацию, когда родителей знакомят их с потенциальным кандидатом, но окончательное слово остается за молодыми. Студенты аргументируют это тем, что «родители желают добра и видят людей лучше».

Девушки-студентки чаще высказывают скрытое или явное несогласие с давлением семьи, так как браки по договоренности сильнее ограничивают их личную и профессиональную свободу. При этом открытый протест против воли родителей в туркменском обществе все еще остается редкостью [1].

Таким образом, выделяются три основные группы среди опрошенных студентов: а) традиционалисты (около 35–40%) полностью поддерживают выбор родителей; считают, что старшему поколению виднее, а брак по договоренности – гарантия стабильности и одобрения со стороны родственников; б) адаптивные модернисты (около 45–50%) как самая крупная группа выступают за компромиссный вариант; хотят сами выбирать партнера (в том числе во время учебы в РФ), но окончательное решение и ритуал сватовства («гудачылык») обязательно должны пройти через одобрение и благословение родителей; в) радикальные модернисты (около 10–15%) категорически против браков по расчету или указке; приезд в РФ и сепарация от семьи усиливают их стремление к индивидуальному выбору на основе личных чувств.

2. Гендерное различие в восприятии. Юноши чаще относятся к бракам по договоренности лояльно. Для них это социально одобряемый шаг, который укрепляет статус в общине и гарантирует, что будущая жена будет соответствовать традиционным ценностям. Девушки, обучающиеся в РФ, демонстрируют более критический настрой. Получение высшего образования за рубежом повышает их требования к личной свободе. В анкетах они чаще отмечают страх «потерять право выбора» и стремятся отложить замужество до окончания вуза.

3. Фактор этнической эндогамии (брак внутри своего этноса). Даже те студенты, которые против «договорных» браков, в абсолютном большинстве (более 75–80%) отмечают, что планируют связать жизнь с представителем своей национальности. Обучение в РФ меняет их взгляды на способ знакомства (они хотят влюбиться сами), но не на этнический выбор партнера.

4. Трансформация института сватовства. Традиционное сватовство перестает быть жестким принуждением. Опросы показывают, что современная модель выглядит так: молодые люди знакомятся в РФ (часто в стенах вуза или через землячества); начинают общаться; просят родителей инициировать формальное традиционное сватовство, чтобы соблюсти обычаи и не обидеть родных. Таким образом, внешняя форма сохраняется, но внутреннее содержание меняется в сторону свободы выбора.

5. Влияние среды обучения на автономию. Чем дольше студент находится в России, тем сильнее падает авторитет института брака по договоренности. На 1–2 курсах уровень конформизма (согласия с волей родителей) выше. К 4 курсу и магистратуре под влиянием российской студенческой среды и финансовой подработки ценность личной независимости резко возрастает.

6. Интервью со студентами показывают, что наибольшее отторжение вызывают финансовые обязательства, навязанные традициями. Студенты критикуют чрезмерно высокие размеры калыма, из-за которых молодым парням приходится годами копить деньги или уезжать на заработки, откладывая учебу и брак. Молодежь все чаще голосует за камерные форматы свадеб. Обязанность устраивать пышные тои на сотни человек ради «сохранения лица» семьи перед родственниками и соседями воспринимается студентами как нерациональный кабальный долг.

Проведенное исследование подтвердило исходную гипотезу о глубокой трансформации матримониальных установок туркменской студенческой молодежи под влиянием образовательной миграции.

В ходе анализа полученных данных было установлено, что в сознании респондентов происходит фундаментальный сдвиг от коллективистской парадигмы брака (как инструмента укрепления родовых связей и экономического союза) к индивидуалистической (как партнерского союза, основанного на психологической совместимости и романтической любви). Традиционное сватовство (*гелин товма*) перестало восприниматься как безальтернативный сценарий создания семьи. Для большинства опрошенных оно либо превратилось в формальный ритуал для легитимации уже сложившегося самостоятельного выбора перед лицом старшего поколения, либо расценивается как обременительная архаика.

Эмпирически доказано, что пребывание в инокультурной среде российского вуза выступает мощным катализатором модернизации взглядов. Студенческая молодежь демонстрирует высокий уровень запроса на браки по любви и партнерские отношения с эгалитарным распределением бытовых обязанностей. При этом образовательный статус становится для студентов новым социальным капиталом, позволяющим им аргументированно противостоять давлению родителей и отстаивать право на отсроченный брак ради построения карьеры.

Однако трансформация института семьи носит не линейный, а гибридный характер. Полный разрыв с традицией наблюдается лишь у незначительной части респондентов. Выявлен феномен «ситуативного традиционализма»: находясь в России, студенты активно используют свободу личного выбора партнера, но при этом сохраняют высокую степень лояльности к родителям. Фактор семейного одобрения остается ключевым сдерживающим барьером – категорический отказ от воли старших способен привести к острому внутрисемейному конфликту и социальной изоляции. Кроме того, сохраняется влияние этноконфессиональных фильтров: требование принадлежности супруга к мусульманской культуре или туркменскому этносу часто оказывается более устойчивым, чем сама форма организации брака.

Таким образом, институт семьи в исследуемой группе находится в состоянии транзиту. Студенты из Туркменистана конструируют новую модель матримониального поведения, которая представляет собой сложный синтез: содержательно это современный союз двух равноправных личностей, выросший из взаимной симпатии, но формально упакованный в традиционные обрядовые формы для сохранения социального мира.

Список литературы

1. Барсукова С.Ю. Банковские кредиты vs долг в рамках социальных сетей: опыт Средней Азии / С.Ю. Барсукова // *Terra Economicus*. – 2022б. – Т. 20, №3. – С. 87–97. DOI 10.18522/2073-6606-2022-20-3-87-97. EDN WKPRTE
2. Барсукова С.Ю. Отношение московских студентов из Центральной Азии к традиционной свадьбе / С.Ю. Барсукова // *Социологические исследования*. – 2023. – №5. – С. 70–81. DOI 10.31857/S013216250021652-0. EDN BZWRYC
3. Барсукова С.Ю. Ритуальная экономика, или Сколько тратят на свадьбу в Средней Азии / С.Ю. Барсукова // *Journal of Institutional Studies*. – 2022а. – Т. 14, №3. – С. 46–58. DOI 10.17835/2076-6297.2022.14.3.046-058. EDN JLXRJK
4. Апрелова Т.А. Педагогическое сопровождение процесса усвоения семейных ценностей детьми-сиротами / Т.А. Апрелова // *Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. – Чебоксары, 2026. – С. 11–18. EDN RXUWGF

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Бородина Викторина Николаевна

канд. психол. наук, доцент

Лазукова Эльвира Константиновна

магистрант

ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет

путей сообщения императора Александра I»

г. Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Аннотация: статья посвящена рассмотрению направленности личности у студентов. В проведенном эмпирическом исследовании показано, что у девушек более выражена направленность «на себя». У них преобладают собственные интересы, стремление к самоутверждению, престижу и личному благополучию. Юноши ориентированы на общение и поддержание хороших отношений с окружающими. Сделан вывод о том, что юношам и девушкам, ориентированным «на себя», для будущей профессиональной деятельности необходимо уделить внимание развитию навыков сотрудничества, что позволит добиться высокой эффективности в работе группы. Данные исследования могут быть использованы в учебном процессе вуза с целью формирования деловой направленности у студентов.

Ключевые слова: направленность личности, направленность на себя, направленность на взаимодействие, направленность на дело, девушки, юноши.

Направленность – это важнейшая характеристика личности, ведь она задаёт вектор развития, фильтрует внешние влияния через призму внутренних приоритетов и превращает потребности в осмысленную деятельность. Понимание своей направленности помогает «не плыть по течению», а осознанно выбирать путь и сохранять целостность в постоянно меняющемся мире.

Опираясь на исследования отечественных (А.Б. Ананьев, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, А.С. Прангишвили и др.) и зарубежных (А.Адлер, Ш.Бюллер, Г. Олпорт, Э. Фромм, К.Юнг и др.) ученых, которые изучали данный феномен, можно заключить, что проблема направленности личности сложная не только в вопросах раскрытия содержания, но и выделения видов направленности. Примечательно, что в зарубежной психологии при исследовании категории направленности акцент смещается в сторону функционального анализа данной проблемы и фокусируется на процессе развития личности и ее жизненных ориентациях. В отличие от иностранных авторов отечественные ученые рассматривают данную проблему и с позиции структурного подхода, выявляя системообразующие свойства у данного феномена, соотношения между структурными компонентами, представленными как в сознании, так и вне его и которые определяют гармоничное или дисгармоничное развитие личности, а также их связь с другими психологическими образованиями в структуре личности.

Данное понятие было введено в научный оборот советским психологом С.Л. Рубинштейном. Под направленностью личности он понимает «динамические тенденции», источник разнообразных видов деятельности, включающий в себя потребности, мотивы, интересы, установки. По мнению ученого, гармоничное развитие личности возможно лишь при совпадении «должного» (внешних требований) и «желаемого» (внутренних устремлений) [4]. Для достижения гармонии необходимы осознанное понимание собственных потребностей и ценностей, критическое осмысление внешних требований, согласование целей и средств

деятельности так, чтобы они соответствовали и социальным ожиданиям, и личным мотивам, способность адаптировать приоритеты при изменении обстоятельств.

Цель исследования – выявление особенностей направленности личности у юношей и девушек.

В нашем исследовании приняли участие 38 девушек и 38 юношей, студентов одного из российских вузов, обучающихся на 2 и 3 курсах. Нами была использована методика «Ориентировочная анкета» Т. Смекала и М. Кучера в адаптации Н.М. Пейсахова [3].

Анализ результатов исследования всей выборки (76 человек), показал следующее.

1. Средние значения шкал «Направленность на себя» ($30,961 \pm 3,489$), «Направленность на взаимодействие» ($29,263 \pm 2,955$), «Направленность на дело» ($29,776 \pm 2,464$) в равной степени выражены, что характеризуется гибкостью поведения, способностью эффективно решать задачи, поддерживать конструктивные отношения в коллективе и при этом учитывать собственные интересы и потребности, гармонично сочетая деловую активность, коммуникабельность и заботу о себе.

2. Доминирующей направленностью является «Направленность на дело» у 29% от всей респондентов (23 чел.), что характеризуется наличием мотивов, связанных с содержанием деятельности. Далее равномерно выявились «Направленность на себя» и «Направленность на взаимодействие» по 19% (по 14 чел.), т.е. на тех, кто ориентирован на собственное благополучие, престиж и на склонных отдавать приоритет поддержанию хороших межличностных отношений. Кроме того, у трети респондентов 33% (25 чел.) не было выделено доминирующей направленности, так как показатели всех трех шкал находятся на одинаковом уровне.

С помощью t-критерия Стьюдента выявлены значимые различия показателей шкал исследования у юношей и девушек. По шкале «Направленность на себя» ($t = 3,910$, при $p \leq 0,01$) выявлены наиболее высокие значения у студенток ($M = 32,4$), чем у студентов-юношей ($M = 29,5$). В их мотивации преобладают собственные интересы, стремление к самоутверждению, престижу и личному благополучию. Девушки склонны ставить свои цели выше коллективных задач, фокусироваться на личной выгоде и признании, а в принятии решений в первую очередь учитывать собственные потребности и амбиции. Шкала «Направленность на взаимодействие» имеет наиболее высокие значения у юношей ($M = 30,2$), чем у девушек ($M = 28,3$) ($t = -2,843$, при $p \leq 0,01$). Для студентов-юношей, в первую очередь, важны общение и поддержание хороших отношений с окружающими. Они проявляют интерес к совместной деятельности зачастую даже в большей степени, чем успешному выполнению работы.

Полученные результаты согласуются с исследованием, проведенном Н.П. Никандровой среди студентов Сибирского государственного университета путей сообщения, в котором приняли участие 58 человек. Выявлено, что у девушек наиболее проявилась личная направленность (90%), а у юношей, наоборот, направленность «на себя» представлена всего в 10% от всей выборки [2].

При направленности «на себя» респонденты мужского и женского пола менее активно отстаивают свою собственную позицию, избегают принятия ответственности за решение возникших проблем, а также положительной переоценки негативной ситуации и извлечения из нее позитивных смыслов, предпочитают не уходить от появившихся трудностей. При направленности «на взаимные действия» с одной стороны у юношей и девушек структурируется процесс поиска решения проблемы, что повышает вероятность ее успешного разрешения, но с другой стороны, они могут не признавать появившиеся проблемы, чтобы избежать конфликта с группой и уступают ее давлению [1].

В результате проведенного исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Направленность личности – сложный многокомпонентный психологический феномен, представляющий собой устойчивую систему побуждений, которая предопределяет избирательность отношений и активность человека. Она складывается из взаимосвязанных элементов: потребностей, интересов, мотивов, убеждений, идеалов и мировоззрения, – формируясь

под влиянием социальных условий и индивидуального опыта. Эта система фильтрует внешние воздействия через призму внутренних приоритетов, превращая потребности в осмысленную деятельность и задавая общий вектор развития личности.

2. Девушки в большей степени ориентированы «на себя» – в их мотивации преобладают собственные интересы, стремление к признанию и личному благополучию. Они чаще ставят свои цели выше коллективных. Для юношей характерна направленность «на взаимодействие». Для них важнее общение, поддержание хороших отношений с окружающими, иногда даже в ущерб конечному результату.

3. Юношам и девушкам, ориентированным «на себя», для будущей профессиональной деятельности целесообразно уделить внимание развитию навыков сотрудничества через участие в общественной жизни вуза, тренингах командообразования, что позволит добиться высокой эффективности в работе группы.

4. При низкой деловой направленности студентов, что может быть связано с началом изучения дисциплин профессионального цикла, следует сделать обучение более практико-ориентированным и использовать на занятиях интерактивные методы обучения – кейс-стади, дискуссии, дебаты, деловые игры, проекты.

Список литературы

1. Бородина В.Н. Специфика взаимосвязи тревожности, прокрастинации, направленности личности и совладающего поведения у студентов и студенток вуза // В.Н. Бородина, Э.К. Лазукова // International Journal of Medicine and Psychology. – 2026. – Т. 9, №5. – С. 235–241. DOI 10.58224/2658-3313-2026-9-5-235-241. EDN ZFMDUO

2. Никандрова Н.П. Изучение направленности личности студентов / Н.П. Никандрова // Личность, семья, общество: вопросы педагогики и психологии. – 2015. – №53. – С. 68–74. EDN TWNWHV

3. Психологические и психофизиологические особенности студентов / под ред. Н.М. Пейсахова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 298 с.

4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн – М.: Наука, 1946. – 543 с. EDN YXGBWP

Будняя Мария Владимировна

студентка

Целищева Зухра Абдурашидовна

канд. культурологии, доцент

ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

г. Нижневартовск, ХМАО – Югра

ОСОБЕННОСТИ PR-КОММУНИКАЦИЙ ДЛЯ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация: в статье анализируются особенности молодежной аудитории как объекта PR-коммуникаций. Рассматриваются специфика восприятия информации digital-поколением (клиповое мышление, визуальность, интерактивность, доверие к горизонтальным связям), а также методы построения эффективной коммуникации: омниканальность, PESO-модель, контент-стратегия, работа с лидерами мнений, геймификация, партнерские инструменты. Учитывается региональная специфика ХМАО-Югры и подходы к оценке эффективности.

Ключевые слова: молодежная аудитория, digital-поколение, коммуникация, социальные сети, вовлеченность, контент-стратегия, молодежная политика.

Работа с молодежью является одним из наиболее сложных и перспективных направлений PR-деятельности в условиях высокой конкуренции за внимание аудитории и перенасыщения информационных каналов. Современное коммуникационное пространство характеризуется высокой конкуренцией за внимание аудитории, развитием цифровых технологий и перенасыщением информационных каналов [9]. В этих условиях работа с молодежью становится

одним из наиболее сложных и перспективных направлений PR-деятельности. Молодежь представляет собой социально-демографическую группу, выделяемую на основе возрастных особенностей, социального положения и специфических интересов и ценностей. К ней традиционно относят лиц в возрасте от 14 до 35 лет [7].

Молодежь как особая PR-аудитория выполняет воспроизводственную, инновационную и трансляционную социальные функции [7]. Именно инновационная функция делает ее особенно восприимчивой к новым форматам коммуникации, цифровым платформам и нестандартным PR-решениям. Молодежная аудитория отличается динамичностью ценностных ориентиров, высоким уровнем цифровой грамотности, критическим отношением к традиционным формам коммуникации и преимущественным пребыванием в онлайн-пространстве [1]. Молодые люди живут в формате «сейчас или никогда» и лучше всего откликаются на динамичный, визуально насыщенный и интерактивный контент [4]. Клиповое мышление требует от PR-специалистов умения говорить коротко, динамично и визуально.

Молодежная аудитория неоднородна и требует сегментации по возрасту, интересам, уровню вовлеченности и географии проживания [1]. Единая универсальная PR-стратегия не может быть эффективной. Важно подчеркнуть, что PR в сфере молодежной политики отличается от коммерческого маркетинга. Маркетинг нацелен на стимулирование продаж, а PR работает на долгосрочную репутацию и доверие. PR-стратегия представляет собой долгосрочный план коммуникаций, определяющий, как организация выстраивает отношения с целевой аудиторией, партнерами, СМИ и обществом [9]. В молодежной политике PR-стратегия позволяет трансформировать восприятие государственных инициатив от формальных мероприятий до ожидаемых социальных событий [1].

Специфика восприятия информации современной молодежью позволяет сделать анализ и выделить несколько ключевых характеристик.

Во-первых, клиповое мышление и фрагментарность восприятия. Молодые люди привыкли к быстрой смене контента, коротким сообщениям и визуальным образам [10]. Длинные тексты и отсутствие визуального ряда снижают вероятность прочтения и осмысления. Это требует адаптации форматов, например, короткие видео, инфографика, карточки, сторис, мемы, подкасты [9].

Во-вторых, визуальность и эмоциональность. Для молодежной аудитории характерна ориентация на эмоционально окрашенный контент. Сообщение должно вызывать отклик, удивление, интерес, желание поделиться. Поэтому активно используются сторителлинг, юмор, мемы, скетчи, челленджи и тренды с вирусными звуками [4].

В-третьих, интерактивность и потребность в диалоге. Молодежь не хочет быть пассивным объектом воздействия. Она ожидает обратной связи, возможности высказать мнение, повлиять на содержание и формат коммуникации. PR должен создавать экосистему диалога, в которой молодой человек чувствует себя равноправным участником [4]. Это предполагает использование опросов, голосований, прямых эфиров, комментариев, чат-ботов, интерактивных карт.

В-четвертых, доверие к горизонтальным связям и лидерам мнений. Молодая аудитория в значительно большей степени доверяет мнению знакомых блогеров, инфлюенсеров и сверстников, чем официальным источникам [6]. Привлечение лидеров мнений, амбассадоров и микроблогеров позволяет повысить доверие к инициативе и расширить охват [9].

В-пятых, ценностная динамика и критичность. Ценностные ориентации молодежи находятся в процессе активного формирования и могут существенно меняться. Это требует постоянного мониторинга ценностных трендов и оперативной адаптации коммуникационных стратегий [7]. Молодежь чувствительна к формализму и ожидает искреннего, живого и релевантного диалога.

В-шестых, высокая скорость потребления информации. Молодые люди получают информацию из множества источников одновременно, часто в режиме многозадачности.

Оперативность реакции на тренды, события и запросы аудитории становится конкурентным преимуществом [4].

Таким образом, специфика восприятия информации современной молодежью требует отказа от монологических и формальных подходов. Эффективная коммуникация должна быть диалоговой, визуальной, эмоциональной, интерактивной и персонализированной.

Построение эффективной коммуникации предполагает комплексное использование каналов, форматов и инструментов. Методы построения эффективной коммуникации с digital-поколением следующие.

1. Омниканальность и PESO-модель. Для систематизации каналов активно используется PESO-модель. Для молодежной аудитории приоритетными являются Shared и Paid каналы, прежде всего социальные сети и таргетированная реклама [4].

2. Приоритет цифровых каналов. Цифровые медиа обладают оперативностью, возможностью двусторонней коммуникации, таргетированием и измеримостью [9]. Среди них особое место занимают ВКонтакте. Важно не просто присутствовать в этих сетях, а использовать их специфические форматы: короткие видео, мемы, опросы, прямые эфиры, сторис, челленджи.

3. Контент-стратегия и сторителлинг. Контент должен быть ценностно-насыщенным и эмоционально вовлекающим. Он должен не только информировать о дате и месте, но и рассказывать истории, показывать «закулисы», демонстрировать реальные изменения с участниками [1]. Важную роль играет единый визуальный и смысловой стиль.

4. Работа с лидерами мнений и амбассадорами. Привлечение лидеров мнений на мероприятие, их участие в качестве спикеров или амбассадоров, создание совместного контента повышает доверие и расширяет охват [6]. Формальное, «назначенное» амбассадорство не работает. Особую ценность представляют микроблогеры и локальные лидеры мнений [4].

5. Партнерские инструменты. В контексте ХМАО-Югры важным ресурсом является взаимодействие с НКО, молодежными объединениями, образовательными учреждениями и бизнесом. Партнерство расширяет ресурсную базу и обеспечивает проникновение в молодежную среду через доверенные каналы [1]. Важным партнерским ресурсом выступает АНО «Молодежный центр Югры» [5], а также цифровая платформа «Единый личный кабинет активиста Югры» (ЕЛКА) [3].

6. Интерактивные и игровые форматы. Квесты, конкурсы, розыгрыши, голосования, чат-боты превращают пассивного потребителя в активного участника. Мероприятия с элементами геймификации демонстрируют значительно более высокий уровень вовлеченности [2]. Геймификация может выражаться в баллах, статусах, бонусах, соревновательных механизмах [9].

7. Интеграция онлайн- и офлайн-активностей. Офлайн-активности сохраняют значимость: личные встречи, презентации в учебных заведениях, уличные акции, флешмобы, воркшопы создают «эффект присутствия». Важно, чтобы они были интегрированы с онлайн-коммуникацией в единое информационное поле [1].

8. Учет региональной специфики. ХМАО – Югра – регион с огромной территорией и низкой плотностью населения. Значительная часть населенных пунктов труднодоступна, что создает вызовы для продвижения. PR-коммуникации должны учитывать географическую разобщенность и предлагать доступные форматы: онлайн-трансляции, цифровые платформы для дистанционного участия, мобильные приложения [1]. В регионе действует развитая система грантовой поддержки молодежных проектов, что создает дополнительные возможности для PR-продвижения через истории успеха грантополучателей [8].

9. Оценка эффективности. Система оценки должна основываться на комбинации количественных и качественных KPI. Рекомендуется использовать систему АМЕС [1]. Важно оценивать и отложенный эффект: узнаваемость бренда, устойчивую аудиторию.

Среди типичных ошибок коммуникации с молодежью можно выделить: бюрократизированность сообщений, копирование «взрослых» шаблонов, игнорирование обратной связи, отсутствие единого стиля, использование одного канала, отсутствие сегментации, редкое

обновление контента, неумение работать с трендами. Преодоление этих ошибок требует системного подхода, гибкости и готовности к экспериментам [1].

Таким образом, работа с молодежной аудиторией в PR-коммуникации требует глубокого понимания специфики этой аудитории, особенностей мероприятий и регионального контекста. Молодежь как целевая аудитория характеризуется динамичностью ценностных ориентаций, высоким уровнем цифровой грамотности, критическим отношением к формальным коммуникациям и потребностью в диалоговом взаимодействии. Мероприятия в сфере молодежной политики имеют некоммерческий, социально ориентированный характер, что требует от PR-стратегии акцента на ценностях и смыслах, а не на материальных выгодах. Системный PR-подход является не декоративным элементом, а фактором трансформации восприятия государственных молодежных инициатив от формальных мероприятий до ожидаемых социальных событий.

Список литературы

1. Будняя М.В. PR-стратегия продвижения региональных мероприятий в сфере молодежной политики (на примере ХМАО – Югры) / М.В. Будняя, З.А. Целищева. – Чебоксары: Среда, 2025. – С. 116–119. – URL: <https://phsreda.com/e-publications/e-publication-10819.pdf> (дата обращения: 01.10.2026). EDN DXCOHT
2. Геймификация и интерактивность в маркетинге 2026 года: тренды и примеры. – URL: <https://dzen.ru/a/acN68GcCN1sYnEPE> (дата обращения: 01.10.2026).
3. Единый личный кабинет активиста Югры (ЕЛКА). – URL: <https://www.elkanko.ru/> (дата обращения: 01.10.2026).
4. Коршунова О.О. Практика применения PR-технологий в деятельности «Росмолодежь» / О.О. Коршунова, Е.М. Литвинова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-pr-tehnologii-v-deyatelnosti-rosmolodezh> (дата обращения: 01.10.2026).
5. Молодежный центр Югры. – URL: <https://ougra.ru/> (дата обращения: 01.10.2026).
6. От «лайков» к реальным действиям: в Национальном центре РОССИИ состоялась дискуссия о том, как лидеры общественного мнения влияют на ценности молодежи. – URL: <https://en.russia.ru/news/ot-laikov-k-realnym-deliyam-v-nc-rossii-obsudili-kak-lidery-mnenii-vliiaut-na-cennosti-molodezi> (дата обращения: 01.10.2026).
7. Ростовская Т.К. Молодежная политика в современной России / Т.К. Ростовская, Е.А. Князькова. – М.: Юрайт, 2020. – 155 с. – URL: <https://molod.rgub.ru/ebook/?id=464#page/6> (дата обращения: 01.10.2026). EDN AORBEF
8. Целищева З.А. PR-стратегии продвижения молодежных мероприятий: теоретические аспекты и региональный опыт (на примере ХМАО – Югры) / З.А. Целищева, М.В. Будняя // Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 192–194. – URL: <https://phsreda.com/e-publications/e-publication-10899.pdf> (дата обращения: 01.10.2026). EDN PJYJWD
9. Чумиков А.Н. Связи с общественностью: теория и практика / А.Н. Чумиков, М.П. Бочаров. – М.: Дело, 2006. – 552 с. – URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=https://www.phantastike.com/wealth/public_relations_theory/doc/ (дата обращения: 01.10.2026).
10. Яременко Н. Клиповое мышление: вызовы для образования и журналистики в эпоху короткого видео / Н. Яременко. – М.: Финансовый университет, 2025. – URL: <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/klipovoe-myshlenie-vyzovy-dlya-obrazovaniya-i-zhurnalistiki-v-epokhu-korotkogo-video> (дата обращения: 01.10.2026).

Дубров Алексей Александрович
соискатель, преподаватель
Глазкова Галина Борисовна
канд. пед. наук, доцент
Васина Полина Сергеевна
студентка

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова»
г. Москва

DOI 10.31483/r-169411

ЭКОСИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАДАПТАЦИИ ВETERANОВ БОВЕЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК УСЛОВИЕ ИХ СОЦИАЛИЗАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация: *проблема формирования новой социальной идентичности и профессионального статуса ветеранов боевых действий (ВБД) детерминирует переход от монодисциплинарных подходов к комплексному сопровождению экс комбатантов, в том числе и членов их семей, междисциплинарной командой специалистов. Анализ научно-методической литературы, анкетирования потребностей ветеранов (n = 296) и членов их семей (n = 112), а также экспертного интервью (n = 31) педагогов, психологов и социальных работников, позволил разработать модель экосистемы социально-психологической реадaptации на основе концепции посттравматического роста личности. Определены структурные компоненты экосистемы, механизмы взаимодействия и основные реадaptационные направления (физкультурно-спортивное, психологическое, педагогическое, социальное, семейное). Обоснована роль университетов как интеграторов экосистемы, обеспечивающих социализацию, профессиональную переподготовку и личностное развитие целевой группы.*

Ключевые слова: *социализация, профессиональное становление, ветераны боевых действий, члены их семей, междисциплинарная экосистема, социально-психологическая реадaptация, образовательная среда.*

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова».

Одной из приоритетных социально-экономических задач, декларируемых российским обществом, является социализация и «новое» профессиональное становление ветеранов боевых действий (ВБД). Возвращение указанной категории граждан к мирной жизнедеятельности, а также наличие существующего контингента ветеранов предыдущих локальных конфликтов, детерминирует необходимость выстраивания многоуровневой системы ресоциализации (социально-психологической и профессиональной) [2; 7].

Специфика современной боевой психотравмы, изменения в личностной сфере, нарушение социальных связей и проблемы профессионального восстановления ВБД требует междомственного взаимодействия междисциплинарных команд для эффективного сопровождения целевой группы в мирной жизни [4; 6]. При этом успешность социализации, профессионального становления зависит от того, насколько точно специалисты понимают и учитывают насущные интересы и потребности ветеранов боевых действий, в том числе и членов их семей, как первого реадaptационного круга взаимодействия в процессе их ресоциализации [5].

В научном дискурсе активно обсуждается проблематика социально-психологической реадaptации ветеранов и членов их семей: переход реадaptации ВБД к концепции посттравматического роста ВБД (Н.П. Андриюшкова, 2024); механизмы ресоциализации (А.Г. Караяни, С.А. Проценко, Н.В. Трофимов), психологическое сопровождение членов их семей (О.А. Ульянина, А.В. Ермолаева, Д.С. Волков, О.С. Комолова, 2024), вопросы

профессионального образования ВБД (Е.В. Семелева, Е.В. Плигина, Н.М. Селезнева, 2026) и профессионально-психологической реабилитации (Н.М. Борозинец, М.Г. Водолажская, О.Д. Сальникова, О.В. Соловьева, Т.С. Шеховцева, 2023) [1; 3; 7–9]. Однако сохраняется дефицит эмпирических исследований, отражающих субъективную оценку интересов и потребностей целевой группы (ветераны и члены их семей), результатов получения ими доступных форматов помощи; интересов и потребностей сопровождающих специалистов междисциплинарной команды.

Цель исследования – разработка обоснование экосистемы социально-психологической реадaptации ВБД и их семей для эффективной социализации и успешного профессионального становления целевой группы.

Эмпирическая база: анализ литературы; анкетирование ветеранов боевых действий (n=296) и членов их семей (n = 112); экспертное интервьюирование междисциплинарной команды (МДК) специалистов (n = 31).

Анализ анкетирования ВБД позволил сформировать профиль ветеранов: ядро выборки составили экс комбатанты в возрасте 35 лет и выше с высоким образовательным уровнем (53,38% – высшее образование), состоящие в браке (73,52%), имеющие двух и более детей (51,26%).

Важным фактором, определяющим специфику социализации и профессионального становления целевой группы, выступает состояние здоровья (83,04% опрошенных имеют различные отклонения в состоянии здоровья, 32,44% – инвалидность), каждый пятый респондент находится в поиске стабильной работы, актуализируя необходимость профессиональной образовательной и консультационной поддержки.

Зафиксирована низкая обращаемость за психологической помощью у ВБД и членов их семей (66,55% и 44,64%, соответственно, никогда не обращались к специалисту), в числе основных причин – уверенность респондентов в способности справиться самостоятельно. Семья выступает главным драйвером и «точкой входа» в социально-психологическую реадaptацию ВБД (32,4% членов семей готовы к семейной терапии, 35,71% – скорее готовы). Образовательный потенциал указанной категории граждан достаточно высок: 84,46% экс комбатантов и 77,68% членов их семей заинтересованы в обучении и профессиональном развитии. Приоритетные направления профессионального образования и, соответственно, сфер трудовой деятельности представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Приоритетные направления обучения ВБД и членов их семей

По сравнению с ветеранами члены семей проявляют более высокий интерес к психолого-педагогическим направлениям (28,81% против 14,54%), что показывает их потребность в психологических знаниях и применении различных психолого-педагогических методик в социально-психологической реадaptации семейных отношений. Критически важными элементами образовательных программ для всей целевой группы являются гарантия трудоустройства, возможность выбора форм обучения и наставничество.

Стоит отметить, что физическую активность и спорт респонденты рассматривают как значимый нестигматизирующий канал социализации:

- 50,33% ВБД занимаются спортом регулярно или эпизодически, предпочитая индивидуальные доступные виды двигательной деятельности (ходьба, бег, силовые тренировки, плавание);

- доля ВБД, желающих участвовать в ветеранских соревнованиях (24,32%) вдвое выше, чем в общих (12,84%), что свидетельствует о наличии запроса, реализация которого возможна при условии повышения информированности и адаптации форматов соревнований;

- члены семей ВБД выбирают участие в командных видах спорта (22,86%), семейных и массовых соревнованиях (по 11,43%), ориентированные на объединение семьи через спортивные мероприятия.

На основе анализа анкетирования указанной категории граждан разработана концептуальная модель междисциплинарной экосистемы социально-психологической реадaptации экс комбатантов и членов их семей, включающая взаимосвязанные блоки: концептуально-целевой, содержательно-деятельностный, организационно-технологический, оценочно-результативный.

Междисциплинарная команда (педагоги, в том числе по физической культуре и спорту, психологи, социальные работники) как основной элемент и «оркестратор» сопровождения экосистемы, координирует ресурсы социально-психологической реадaptации целевой группы по следующим направлениям: физкультурно-спортивное, психологическое, педагогическое (образовательно-профессиональное), социальное и семейное. При этом, физкультурно-спортивное и семейное направления выступают «низкопороговыми входами», где психологическая помощь «мягко» интегрируется в практические форматы всех направлений реадaptации.

Структурные компоненты экосистемы:

- субъектный (ВБД, члены их семей и междисциплинарная команда специалистов как субъектное ядро экосистемы);

- институциональный (государственные институты и некоммерческие социально-направленные организации (НКО), образовательные и физкультурно-спортивные учреждения, работодатели);

- технологический (социально-психологические, педагогические, физкультурно-спортивные и цифровые технологии);

- ресурсный (кадровые, финансовые и материально-технические ресурсы); нормативно-правовой (федеральное и региональное законодательство).

Образовательные организации (среднего профессионального, высшего и дополнительного образования) выступают основными институтами профессионального становления и личностного развития целевой группы.

Университеты, как интеграторы экосистемы, позволяют объединить образовательные ресурсы (программы бакалавриата, магистратуры, дополнительной профессиональной подготовки и переподготовки), социально-психологическое и физкультурно-спортивное сопровождение, кадровый потенциал и научно-исследовательскую поддержку; соответствующую инфраструктуру, а также государственных и негосударственных партнеров.

Экспертное интервьюирование специалистов МДК позволило выявить их профессиональные ресурсы и дефициты, образовательные потребности:

– более половины педагогов, демонстрируя готовность к работе с указанными целевыми группами, нуждаются в специальных знаниях в области психологии и коммуникативных навыках;

– психологи отмечают необходимость знаний по доказательным протоколам диагностирования психологического здоровья участников и ветеранов боевых действий, кризисной интервенции и военной культуре;

– социальные работники указывают фрагментарность информации о психологическом состоянии ВБД, трудности взаимодействия и обмена информацией между специалистами МДК, дефицит цифровых компетенций.

Таким образом, университеты могут выступать и координаторами междисциплинарной команды, обеспечивая подготовку и повышение квалификации специалистов для работы с ветеранами и членами их семей, научно-методическое сопровождение, мониторинг эффективности и масштабирование эффективных технологий и практик.

Проведенное исследование позволило разработать и обосновать модель экосистемы социально-психологической реадaptации ВБД и членов их семей для эффективной социализации и профессионального становления целевой группы. Полученные эмпирические данные свидетельствуют о высоком образовательном и профессиональном потенциале данной категории граждан в личностно-профессиональном развитии и формировании «нового» социального и профессионального статуса для успешной жизнедеятельности в мирном обществе. Выявленные значимые элементы образовательных профессиональных программ для ВБД и членов их семей (гарантия трудоустройства, выбор форм и времени обучения, наставничество) определяют необходимость проектирования гибких, практико-ориентированных образовательных траекторий с высоким уровнем адаптивности к индивидуальным возможностям ветеранов и членов их семей.

Результаты исследования могут служить научно-методической основой для проектирования региональных моделей междисциплинарной экосистемы социально-психологической реадaptации ветеранов боевых действий и членов их семей, ориентированных на содействие успешной социализации и формирование эффективного профессионального статуса целевой группы.

Список литературы

1. Андриюшкова Н.П. Психологическое благополучие личности в контексте посттравматического роста / Н.П. Андриюшкова // Научно-методологические основы психологической помощи и междисциплинарного сопровождения ресоциализации, реабилитации и реадaptации ветеранов и участников боевых действий, членов их семей и других затронутых категорий населения: сборник материалов Международной конференции. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024. – С. 120.
2. Ахмадуллин В.А. Проблемы адаптации ветеранов специальной военной операции / В.А. Ахмадуллин // Власть. – 2024. – №5 (32). – С. 88–93. – DOI: 10.24412/2071-5358-2024-5-88-93. EDN LQMBWO
3. Концепция профессионально-психологической реабилитации лиц с инвалидностью, приобретенной в процессе боевых действий и специальных военных операций, в контексте ресурсного потенциала образовательных организаций высшего образования / Н.М. Борозинец, М.Г. Водолажская, О.Д. Сальникова [и др.] // Психологическая наука и образование. – 2023. – №6 (28). – С. 53–61. – DOI: 10.17759/pse.2023280605. EDN JWCDNI
4. Васильева Е.В. Оказание социально-психологической помощи участникам боевых действий / Е.В. Васильева, Н.И. Комарова; КГБУСО «Краевой кризисный центр для мужчин». – Барнаул, 2024. – 61 с.
5. Модель физической реадaptации ветеранов боевых действий и членов их семей / Г.Б. Глазкова, А.А. Дубров, Ю.А. Давыдова, Н.В. Лебедева // Теория и практика физической культуры. – 2026. – №4. – С. 68–70. EDN NBRJXX
6. Караяни А.Г. Социально-психологическая реабилитация участников боевых действий: монография / под ред. А.Г. Караяни. – СПб., 2022. – 368 с.
7. Караяни А.Г. Социальные ожидания в обществе как механизм ресоциализации участников боевых действий / А.Г. Караяни, С.А. Проценко, Н.В. Трофимов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2025. – Т. 30, №4 (103). – С. 378–391. – DOI: 10.24412/1999-6241-2025-4103-378-391. EDN XEJUKQ

8. Семелева Е.В. Образование после СВО: путь к новым вершинам в мирной жизни / Е.В. Семелева, Е.В. Плигина, Н.М. Селезнева. – Известия ВГПУ. – 2026. – С. 70–74.

9. Модель психологического сопровождения семей участников (ветеранов) специальной военной операции / О.А. Ульянина, А.В. Ермолаева, Д.С. Волков, О.С. Комолова. – М.: МГППУ. – 2024. – 40 с. EDN KVXSNS

Ёлдашов Алыджан

студент

Научный руководитель

Осин Алексей Константинович

канд. пед. наук, доцент

Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет»
г. Шуя, Ивановская область

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ У УЧАЩИХСЯ ЛИЦЕЕВ И ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛ (НА ПРИМЕРЕ КРУПНОГО ГОРОДА ТУРКМЕНИСТАНА)

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования мотивации достижения у учащихся старших классов лицеев и общеобразовательных школ одного из крупных городов Туркменистана. Актуальность работы обусловлена реформированием национальной системы образования и необходимостью дифференцированного подхода к обучению подростков с разным уровнем притязаний. Выявлена корреляция между типом образовательного учреждения и доминирующими мотивами учебной деятельности. Результаты могут быть использованы школьными психологами и администрацией образовательных организаций при разработке программ психолого-педагогического сопровождения старшеклассников

Ключевые слова: мотивация достижения, учебная деятельность, лицей, общеобразовательная школа, подростковый возраст, образовательная среда, Туркменистан, профильное обучение.

В условиях социально-экономических трансформаций в Центральной Азии образование становится главным социальным лифтом. В крупных городах Туркменистана наблюдается четкое расслоение учебных заведений: с одной стороны – статусные лицеи и гимназии с углубленным изучением предметов, с другой – массовые общеобразовательные школы. Различия в образовательных программах неизбежно формируют разную конкурентную среду, что напрямую влияет на формирование мотивационно-волевой сферы подростков. Понимание этих различий необходимо для разработки адресных программ психологической поддержки и профориентации.

Мегаполис Туркменистана – это прежде всего Ашхабад. Образовательная среда здесь имеет уникальные черты, влияющие на мотивацию: 1) статусность лицеев (лицеи в Ашхабаде часто являются школами с углубленным изучением иностранных языков (английского, турецкого, китайского) или естественных наук; поступление туда требует сдачи экзаменов или высокого балла, что изначально формирует у детей и родителей установку на высокие достижения; 2) языковой фактор (в условиях перехода преподавания на туркменский язык и нехватки современной терминологии в естественно-научных дисциплинах, учащиеся лицеев, ориентированных на международные стандарты, получают мощную инструментальную мотивацию: знание русского и английского языков воспринимается ими как пропуск к качественному высшему образованию и карьере; 3) социальный капитал (обучение в престижном лицее дает доступ к определенному социальному кругу; мотивация здесь

подпитывается желанием соответствовать окружению («все готовятся к поступлению за рубеж – и я буду»). Обобщенно указанное представлено в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ факторов мотивации

Фактор	Учащиеся лица	Учащиеся общеобразовательной школы
Ведущий тип мотивации	Внутренняя познавательная и прагматическая (карьера, эмиграция, международный бакалавриат).	Смешанная: оценочная (получить аттестат), социальная (не отставать от класса) и утилитарная (найти работу внутри страны).
Отношение к профильным предметам	Высокая вовлеченность. Предметы специализации воспринимаются как инвестиция в будущее. Часто выбираются добровольно.	Нейтральное или формальное. Профиль может быть назначен школой без учета реальных интересов ученика.
Реакция на неуспех	Высокий уровень фрустрации, но быстрая мобилизация. Неудача воспринимается как угроза будущей конкурентоспособности.	Склонность к выученной беспомощности. Низкая оценка оправдывается сложностью системы или предвзятостью учителя.
Источник авторитета	Учитель-эксперт, носитель уникальных знаний; зарубежные преподаватели (если есть).	Классный руководитель, администрация школы, родители.
Горизонт планирования	Долгосрочный (5–10 лет): поступление в зарубежный вуз, работа в международных компаниях.	Краткосрочный (до конца учебного года): сдача годовых контрольных, получение диплома.

Изучение различий в стремлении к успеху между учащимися общеобразовательных школ и лицеистами (гимназиями) в мегаполисе Туркменистана выявляет существенную разницу, обусловленную как спецификой отбора учеников, так и особенностями образовательной среды.

Согласно исследованию мотивации учебной деятельности у подростков, достоверные различия между этими двумя группами подтверждены статистически ($p < 0,05$). Основные отличия заключаются в следующем.

1. Соотношение мотивации достижения успеха и избегания неудач. У лицеистов этот показатель практически в два раза выше, чем у учащихся обычных средних школ. Это означает, что подростки в лицеях чаще ориентированы на активную реализацию своих способностей и получение высокого результата, в то время как школьники массовых школ чаще действуют из страха совершить ошибку или получить плохую оценку: среди лицеистов ярко выраженная мотивация достижения зафиксирована у 34% учащихся; в общеобразовательных школах этот показатель составляет лишь 22%.

2. Уровень притязаний и конкурентная среда. Лицеи в крупных туркменских городах (таких как Ашхабад) обычно имеют статус элитных учебных заведений с повышенными требованиями при поступлении. Попадание туда уже является первым «достижением» для ребенка и его семьи. Это формирует установку на поддержание высокой планки. В обычной школе социальная среда более однородна, отсутствует жесткий академический отбор, что снижает общий уровень конкуренции и потребность постоянно доказывать свое превосходство ради сохранения статуса ученика.

3. Целеполагание и временная перспектива. Для лицеистов стремление к успеху носит инструментальный характер: высокие баллы необходимы для поступления в престижные национальные или зарубежные вузы. Их деятельность направлена в далекое будущее. У школьников массовой школы учебная мотивация часто остается утилитарной – сдать текущий зачет, избежать наказания родителей, закончить учебный день. Долгосрочное планирование карьеры развито слабее.

Различия в мотивации также усиливаются под влиянием внешних социально-экономических факторов.

1. Коррупционный барьер. Поскольку доступ в престижные вузы и некоторые элитные школы может быть связан со значительными неофициальными расходами (упоминаются суммы до 10 000 долларов), учащиеся лицеев зачастую происходят из семей с высоким социальным капиталом, где ценность успеха транслируется родителями наиболее интенсивно.

2. Языковой фактор. Переход преподавания на туркменский язык создал дефицит современной научной терминологии. Лицеи, стремящиеся дать образование мирового уровня, вынуждены компенсировать это дополнительными занятиями (часто на русском или английском языках), что требует от учеников гораздо большей самоотдачи и концентрации на результате по сравнению со стандартной программой.

3. Реформы и идеология. Несмотря на государственную политику модернизации образования и строительство новых корпусов, содержание программ в обычных школах сильно идеологизировано (изучение трудов президента, предметов вроде «Здоровье и гигиена» по книгам главы государства). Такая программа меньше стимулирует соревновательность и критическое мышление, необходимые для формирования амбициозного стремления к личному успеху, перенося фокус на коллективную лояльность.

Для повышения качества мотивации детей на основе психологических принципов формирования учебной деятельности. Можно предложить использовать следующие приемы:

- для лицеев: внедрение автономии, предоставление старшеклассникам возможности самостоятельно выбирать факультативы, глубину изучения тем и форматы отчетности (проект вместо теста);

- для общеобразовательных школ: создание ситуаций гарантированного успеха, разбиение сложных задач на микрошаги, чтобы преодолеть феномен выученной беспомощности и вернуть ученику чувство компетентности;

- для обеих групп: усиление практической значимости, демонстрация связи между абстрактными формулами химии/физики и реальными бытовыми проблемами или перспективами трудоустройства в развивающихся секторах экономики Туркменистана.

Таким образом, лицеисты в крупном туркменском городе демонстрируют профиль «активного деятеля», нацеленного на преодоление трудностей ради будущей карьеры. Школьники же общеобразовательных учреждений чаще проявляют адаптивную стратегию поведения, направленную на минимизацию рисков и избегание проблем в рамках существующей системы.

Список литературы

1. Барковская М.Г. Исследование мотивации педагогической деятельности / М.Г. Барковская, А.К. Осин // Успехи современного естествознания. – 2013. – №10. – С. 129–132. EDN QZFDYL
2. Мартемьянова А.А. Мотивация: взгляд вчера и сегодня / А.А. Мартемьянова, А.К. Осин // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – №7–1. – С. 124–126. EDN SDKPCL
3. Ветошева В.И. Особенности мотивации учебной деятельности у подростков, обучающихся в лицее и в общеобразовательной школе / В.И. Ветошева, О.Д. Артемова // Педагогика и психология образования. – 2018. – №3. – С. 151–164. EDN YMBMPR

Мижеева Зоя Витальевна

заведующая библиотекой

Яншихо-Норвашская библиотека МБУК «ЦБС»

Янтиковского муниципального округа Чувашской Республики

с. Яншихово-Норваши, Чувашская Республика

Илларионова Оксана Владиславна

заведующая библиотекой

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»

Министерства культуры, по делам национальностей

и архивного дела Чувашской Республики

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОТРЕБНОСТИ БИБЛИОТЕЧНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация: статья посвящена выявлению особенностей и определению направлений совершенствования удовлетворения профессиональных информационных потребностей библиотечных специалистов в условиях цифровой трансформации. Рассматриваются теоретические аспекты сущности информационных потребностей и трансформации профессиональных компетенций библиотекаря, выделяются три уровня потребностей: базовый, расширенный и опережающий. Анализируются новые профессиональные роли, формирующиеся под влиянием цифровизации. Цель исследования – выявить особенности и определить направления совершенствования удовлетворения профессиональных информационных потребностей библиотечных специалистов в условиях цифровой трансформации. Эмпирическую базу составило анкетирование 83 библиотечных специалистов Чувашской Республики из различных типов библиотек, проведённое в марте-июне 2026 г. Результаты показали, что профессиональные информационные потребности библиотекарей трансформируются под влиянием цифровизации: наиболее востребованными становятся знания о новых технологиях и программных продуктах, проектной деятельности, организации онлайн-мероприятий и искусственном интеллекте. При этом значительная часть специалистов уже использует инструменты искусственного интеллекта в профессиональной деятельности. Основными барьерами остаются дефицит времени, недостаток доступа к профессиональным базам данных, технические ограничения и недостаточная информированность о существующих ресурсах. Традиционные формы работы и очные форматы обучения сохраняют высокую востребованность, что подтверждает необходимость смешанного подхода к организации профессионального развития.

Ключевые слова: профессиональные информационные потребности, библиотечные специалисты, цифровая трансформация, повышение квалификации, Чувашская Республика, цифровые компетенции, информационная поддержка, библиотечное образование.

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровой трансформацией всех сфер жизнедеятельности, что не могло не затронуть библиотечно-информационную деятельность. Цифровизация, будучи приоритетным направлением развития отрасли согласно «Стратегии развития библиотечного дела до 2030 г.», кардинально трансформирует не только технологические процессы и спектр предоставляемых услуг, но и профессиональные роли библиотечных специалистов. Традиционная модель «хранителя знаний» уступает место многопрофильному специалисту, владеющему не только классическими библиотечными компетенциями, но и навыками работы с цифровыми ресурсами, автоматизированными системами и современными медиа.

Однако, несмотря на осознание необходимости перемен, на практике наблюдается объективный разрыв между ускоряющимся технологическим развитием и готовностью кадрового

состава к этим изменениям. В этой связи особую актуальность приобретает своевременное и точное выявление профессиональных информационных потребностей библиотечных специалистов, так как без понимания их реальных запросов и дефицитов невозможно грамотно организовать систему их информационного обеспечения, повышения квалификации и профессионального развития. Цель исследования – выявить особенности и определить направления совершенствования удовлетворения профессиональных информационных потребностей библиотечных специалистов в условиях цифровой трансформации.

Теоретическое осмысление проблемы опирается на фундаментальные положения о сущности информационных потребностей, разработанные в трудах М. Ю. Нещерет [4], а также на исследования трансформации профессиональных компетенций библиотекаря в цифровую эпоху Р. А. Барышева [1], Н. В. Лопатиной [3], В. К. Пушиной и Н. А. Турапиной [5]. Профессиональные информационные потребности библиотечного специалиста представляют собой сложный и динамичный феномен, не сводящийся лишь к поиску справочной или методической информации, а включающий широкий спектр знаний и навыков для работы с пользователями, управления цифровыми коллекциями, освоения новых технологий и реализации социокультурных проектов. В структуре этих потребностей выделяются три ключевых уровня: базовый (связанный с выполнением повседневных операций), расширенный (обусловленный изменением функциональных обязанностей в информационном обществе) и опережающий (ориентированный на прогнозирование будущих изменений в отрасли).

Цифровая трансформация кардинально меняет профессиональные роли и компетенции библиотекаря. Среди новых профессиональных ролей, формирующихся под влиянием цифровизации, можно выделить библиотекаря-технолога, специалиста по управлению электронными коллекциями, медиа-куратора, специалиста по data-менеджменту, навигатора в цифровом пространстве. Как отмечает Р. А. Барышев, «цифровая компетенция библиотечного специалиста предполагает наличие профессионально значимого качества личности, проявляющегося в умении эффективно решать социальные и профессиональные задачи с помощью информационно-коммуникационных технологий, совершенствовать свои навыки в сфере цифровых технологий, адаптировать профессиональные знания к меняющимся условиям цифрового общества» [1, с. 129]. Соответственно трансформируются и профессиональные информационные потребности: если ранее они в основном были связаны с традиционными библиотечными процессами и фондами, то сегодня всё большее значение приобретают знания в области цифровых технологий, IT-решений, социальных медиа, кибербезопасности и управления электронными коллекциями.

Переходя к анализу практической ситуации в Чувашской Республике, следует отметить, что библиотечная сеть региона включает 3 государственные и 485 муниципальных библиотек. За последние пять лет достигнуты значительные успехи в информатизации: все 26 централизованных библиотечных систем переведены на единую платформу САБ «ИР-БИС64/128», создана сеть из 40 модельных библиотек нового поколения, совокупный объём электронных каталогов превысил 5,9 млн записей [2, с. 14, 38, 40]. Однако кадровый состав библиотек характеризуется устойчивым старением: доля сотрудников старше 55 лет достигла 34%, а в пяти муниципальных округах полностью отсутствуют сотрудники в возрасте до 35 лет [2, с. 82]. Эти противоречия обуславливают необходимость детального изучения того, как процессы цифровизации влияют на профессиональные информационные потребности библиотечных специалистов в конкретном регионе.

Для выявления реального состояния профессиональных информационных потребностей библиотечных специалистов Чувашской Республики было проведено эмпирическое исследование. Сбор данных осуществлялся с помощью анкетирования, которое проводилось в период с марта по июнь 2026 г. В анкетировании приняли участие 83 библиотечных специалиста из различных типов библиотек региона: муниципальных централизованных библиотечных систем (33,7%), сельских библиотек (34,9%), библиотек образовательных организаций (24,1%), городских и районных библиотек (4,8%), а также государственных библиотек

(2,4%). Такой состав респондентов позволяет получить объективную картину профессиональных информационных потребностей специалистов, работающих в разных условиях.

Анализ социально-демографических характеристик показал, что наиболее многочисленную группу респондентов (43,4%) составляют специалисты в возрасте 36–45 лет; вторую по численности (32,5%) – специалисты 46–55 лет; доля респондентов старше 55 лет составляет 18,1%. Гендерный состав ожидаемо представлен преимущественно женщинами (98%). Образовательный уровень: высшее библиотечное образование имеют 37,3% опрошенных, высшее небиблическое – 31,3%, среднее профессиональное библиотечное – 16,9%, среднее профессиональное небиблическое – 13,3%. Таким образом, общая доля специалистов с библиотечным образованием составляет 54,2%, что несколько ниже средних показателей по отрасли (58,8%), а доля специалистов без профильного образования (44,6%) требует внимания, поскольку они испытывают объективные трудности в профессиональной деятельности.

Рис. 1. Использование цифровых технологий и инструментов в профессиональной деятельности (%)

Для понимания уровня цифровой готовности библиотечных специалистов был задан вопрос об используемых в работе цифровых технологиях и инструментах. Результаты показали, что наиболее широко используемыми инструментами являются сайт библиотеки (71,1%) и социальные сети для ведения библиотечной деятельности (69,9%). Электронные каталоги используют 56,6% респондентов, автоматизированную библиотечно-информационную систему (АБИС) – 31,3%. Важно отметить, что 53,0% респондентов уже используют инструменты искусственного интеллекта (GigaChat, ChatGPT, DeepSeek и др.), что свидетельствует о высокой заинтересованности библиотекарей в освоении новых цифровых технологий. Вместе с тем, относительно низкий процент использования электронных библиотек и профессиональных онлайн-платформ (28,9% и 32,5% соответственно) может свидетельствовать о недостаточной информированности специалистов о существующих ресурсах или об отсутствии доступа к ним на рабочем месте. Распределение ответов респондентов представлено на рисунке 1.

Оценка уровня оснащённости библиотек современным цифровым оборудованием показала, что 43,4% респондентов оценивают его как средний, 26,5% – как высокий, 24,1% – как низкий. Таким образом, более половины специалистов (67,5%) сталкиваются с недостатком или устареванием цифрового оборудования, что создаёт объективные ограничения для их профессиональной деятельности. Этот вывод согласуется с результатами анализа текущего состояния цифровой среды библиотек республики: лишь 45% библиотек имеют скорость интернета свыше 10 Мбит/с, а в ряде ЦБС доля компьютеров старше 10 лет превышает 50% [2, с. 36–38].

Рис. 2. Направления профессиональной информации, в которых библиотекари испытывают потребность (%)

Анализ актуальных направлений профессиональной информации, в которых библиотечные специалисты испытывают потребность, показал, что лидирующую позицию занимают новые технологии и программные продукты для библиотек – 65,1% респондентов. Высокую востребованность также имеют проектная деятельность и грантовая работа (41,0%), организация онлайн-мероприятий и виртуальных выставок (37,3%). Значительное число респондентов испытывают потребность в информации об использовании искусственного интеллекта в библиотечной деятельности (31,3%), управлении электронными ресурсами и цифровыми коллекциями (26,5%), а также создании и продвижении контента в социальных сетях и мессенджерах (21,7%). Это свидетельствует о понимании библиотекарями важности цифровых компетенций для работы с новыми форматами информации и продвижения библиотечных услуг в интернет-пространстве. Полученные данные отражены на рисунке 2.

Предпочтения респондентов в форматах получения профессиональной информации распределились следующим образом: наиболее востребованными являются очные семинары, конференции и стажировки (63,9%), вебинары и онлайн-курсы (59,0%), консультации с коллегами и наставничество (47,0%). Профессиональные сообщества в социальных сетях выбирают 36,1% респондентов, видеоуроки и мастер-классы – 33,7%. Таким образом, наблюдается постепенный переход к цифровым форматам, однако традиционные печатные источники и очные мероприятия сохраняют свою актуальность для значительной части специалистов, что подтверждает необходимость смешанного (гибридного) подхода к организации системы повышения квалификации.

Частота обращения к профессиональным источникам информации показала, что 30,1% респондентов обращаются к ним только при возникновении острой необходимости, несколько раз в месяц – 24,1%, несколько раз в неделю – 18,1%, ежедневно – лишь 9,6%. Таким образом, регулярно (ежедневно или несколько раз в неделю) профессиональную информацию изучают только 27,7% специалистов, что свидетельствует о недостаточно сформированной привычке к систематическому профессиональному самообразованию у значительной части библиотекарей. Вместе с тем, почти треть опрошенных (30,1%) обращаются к источникам лишь в случае острой необходимости, что может быть связано с дефицитом времени и высокой занятостью.

Основным фактором, затрудняющим удовлетворение профессиональных информационных потребностей, является дефицит времени (высокая занятость) – 77,1% респондентов. Отсутствие доступа к современным профессиональным базам данных отметили 27,7% опрошенных, отсутствие возможности обучаться – 25,5%, низкую скорость интернета и технические ограничения на рабочем месте – 25,3%. Недостаток информации и знаний о возможностях применения искусственного интеллекта указали 24,1%, сложность поиска нужной информации – 19,3%, недостаточную поддержку со стороны руководства – 13,3%. Таким образом, профессиональные информационные потребности специалистов сталкиваются с

комплексом организационных, технических и личностных барьеров, что требует системного подхода к их решению. Распределение ответов представлено на рисунке 3.

Рис. 3. Факторы, затрудняющие удовлетворение профессиональных информационных потребностей (%)

Оценка доступности и актуальности методической поддержки со стороны Национальной библиотеки Чувашской Республики и других региональных методических центров показала, что 47% респондентов оценили её как полностью удовлетворяющую, 43,4% — как частично удовлетворяющую, 1,2% — как не удовлетворяющую, а 8,4% отметили, что не знакомы с деятельностью методических служб. Оценка курсов повышения квалификации, организуемых Чувашским государственным институтом культуры и искусств, показала, что 60,2% респондентов оценивают их как высокие, 9,6% — как средние, а 30,1% не знакомы с деятельностью ЧГИКИ в этой сфере. Таким образом, среди специалистов, знакомых с деятельностью института, преобладает положительная оценка, однако почти каждый третий респондент не осведомлён о возможностях повышения квалификации, что подтверждает необходимость более активного информационного сопровождения.

Наиболее востребованными темами для повышения квалификации являются: искусственный интеллект в библиотечной работе (51,8%), организация виртуальных выставок и онлайн-мероприятий (47%), цифровые и информационные технологии в библиотеках (47%), проектная деятельность и грантрайтинг (36,1%), работа с электронными ресурсами и базами данных (36,1%), создание и продвижение библиотеки в социальных сетях (36,1%). Актуальными также признаны современные методы библиотечного обслуживания (31,3%), современные АБИС и автоматизация библиотечных процессов (24,1%). Предпочтения по форме повышения квалификации: смешанный формат — 37,3%, очное обучение — 33,7%, онлайн-обучение — 28,9%.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что профессиональные информационные потребности библиотечных специалистов Чувашской Республики находятся в процессе активной трансформации под влиянием цифровизации. Специалисты осознают необходимость освоения новых компетенций, однако сталкиваются с комплексом организационных, технических и информационных барьеров: дефицит времени, недостаток доступа к профессиональным базам данных, технические ограничения, а также недостаточная информированность о существующих ресурсах. При этом традиционные формы работы и очные форматы обучения сохраняют высокую востребованность, что подтверждает необходимость смешанного подхода. Для преодоления выявленных проблем необходим комплексный подход, включающий улучшение информирования о существующих ресурсах, обновление содержания и форматов повышения квалификации (внедрение коротких практико-ориентированных модулей по искусственному интеллекту, проектной деятельности, цифровому маркетингу), развитие системы наставничества и стажировок на базе модельных библиотек, а

также улучшение технической базы библиотек, без чего любые курсы по цифровым технологиям будут иметь лишь теоретический эффект. Реализация предложенных мер позволит создать условия для непрерывного профессионального развития кадрового потенциала библиотечной отрасли региона в условиях цифровой трансформации.

Список литературы

1. Барышев Р.А. Формирование модели цифровых компетенций сотрудников университетских библиотек / Р.А. Барышев // Научные и технические библиотеки. – 2021. – №9. – С. 129–149. EDN: KGEESV. DOI 10.33186/1027-3689-2021-9-129-149
2. Ежегодный доклад о деятельности государственных и муниципальных библиотек Чувашской Республики за 2025 год / Нац. б-ка Чуваш. Респ.; сост.: М.В. Андриюшкина, Т.В. Белова; отв. за вып. М.В. Андриюшкина. – Чебоксары: Национальная библиотека Чувашской Республики, 2026. – 94 с.
3. Лопатина Н.В. Библиографическая профессия: перспективы развития в цифровом мире / Н.В. Лопатина // Научные и технические библиотеки. – 2021. – №10. – С. 29–44. EDN: SKRRDF. DOI 10.33186/1027-3689-2021-10-29-44
4. Нещерет М.Ю. Профессиональные информационные потребности библиотечных специалистов России / М.Ю. Нещерет // Библиотековедение. – 2021. – Т. 70, №1. – С. 7–20. EDN: DBGRDJ. DOI 10.25281/0869-608x-2021-70-1-7-20
5. Пушина В.К. Трансформация профессиональных компетенций библиотекаря в цифровую эпоху / В.К. Пушина, Н.А. Туралина // Библиотека. Культура. Общество: материалы международной научно-практической конференции. – Орел, 2025. – С. 142–146. EDN: DNFNFM

Наумов Илья Павлович

старший преподаватель, майор полиции

Пережогин Даниил Сергеевич

преподаватель, лейтенант полиции

Никишкин Александр Владимирович

канд. юрид. наук, доцент, член-корреспондент

Российской академии естественных наук (РАЕН), полковник полиции

Девяшиов Максим Вадимович

курсант, рядовой полиции

ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»

г. Санкт-Петербург

ВОЕННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ИГРЫ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация: *ключевой темой статьи является эффективность традиционной системы подготовки сотрудников органов внутренних дел в условиях современной оперативной обстановки. В качестве эффективного и доступного инструмента решения данной проблемы предлагается страйкбол. Страйкбол является не просто видом активного отдыха, а эффективным и экономически доступным инструментом повышения профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, обладающим высокой степенью реализма и подтвержденным положительным опытом использования в России и за рубежом. Страйкбол органично дополняет традиционную систему подготовки, позволяя отрабатывать тактическое взаимодействие личного состава подразделений полиции.*

Ключевые слова: *страйкбол, военно-тактические игры, подготовка сотрудников органов внутренних дел, тактическая подготовка, физическая подготовка, стрессоустойчивость.*

Современная служебная деятельность сотрудников органов внутренних дел предъявляет высокие требования к уровню их тактической, психологической и физической подготовки. Реалии современного мира таковы, что сотрудники полиции всё чаще сталкиваются не

только с преступниками одиночками, но и с личным составом диверсионно-разведывательных групп, обладающим не только физической и тактической подготовкой, но и высокой мотивированностью. В этих условиях традиционная система подготовки не в полной мере отвечает требованиям современности. Главный пробел – это невозможность полноценно смоделировать ситуацию реального боестолкновения, где на сотрудника одновременно воздействуют психологический стресс, страх ранения, физическая усталость и необходимость мгновенно принимать решения в ответ на действия активно противодействующего противника.

Страйкбол – командная военно-спортивная игра, вид активного отдыха, ролевая командная игра военно-тактического направления, в ходе которой участники, имитируя действия различных вооруженных структур, выполняют поставленные сценарием задачи. Участники используют копии реального вооружения, называемые «приводами», которые работают от электродвигателя с аккумулятором, сжатого газа или ручной пружины и ведут стрельбу пластиковыми шариками калибра 6 мм. Ключевой особенностью страйкбола является кодекс чести: из-за того, что шарики не оставляют видимых следов, игрок обязан честно признать попадание в любую часть тела или снаряжения, после чего поднять руку и покинуть поле в сторону зеленой зоны.

Форматы игры разделяются на спортивный страйкбол, который с 2021 года признан официальным видом спорта в России и проводится по строгим правилам в форматах «4 x 4», «2 x 2» и «1 x 1», и на тактический страйкбол (игры выходного дня), включающий короткие интенсивные бои с возможностью «воскрешения», а также масштабные военно-исторические симуляции (Милсим), длящиеся до нескольких суток, а так же ролевые игры по мотивам вселенных из книг и компьютерных игр.

Военно-тактическая игра, в частности страйкбол – развивает комплекс физических, ментальных, тактических и коммуникативных навыков, превращая обычного человека в более выносливого, быстрого, хладнокровного и командного бойца. С физической точки зрения игра развивает выносливость за счет многочасовых игр и бега в тяжелом снаряжении весом до 15 кг, координацию и ловкость через перезарядку под огнем и стрельбу из неудобных положений, скорость реакции, позволяющую быстрее видеть противника и принимать решения, а также вестибулярный аппарат во время резких перебежек и часовых маршей в полной экипировке. На ментальном уровне страйкбол воспитывает стрессоустойчивость, уча мозг не паниковать, когда рядом летят шарики на скорости до 150 м/с. В социальном и командном плане игра учит командному взаимодействию – прикрывать напарников, использовать голосовые команды и жесты, доверять командиру группы, а также развивает коммуникабельность и порядочность, так как кодекс чести страйкбола обязывает честно признавать попадания, что воспитывает уважение к сопернику и нетерпимость к неспортивному поведению.

Одним из наиболее значимых преимуществ страйкбола, как инструмента профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел является его комплексное воздействие на физические качества обучаемого. В отличие от традиционных занятий по физической и огневой подготовке, которые часто носят изолированный характер (бег отдельно, силовые упражнения отдельно), страйкбол интегрирует развитие физических кондиций непосредственно в тактический контекст, максимально приближенный к реальной обстановке.

В первую очередь страйкбол развивает общую и специальную выносливость. Типовая тактическая игра выходного дня может длиться от 4 до 8 часов непрерывного движения с редкими паузами для восстановления. Крупные милсим-мероприятия и вовсе длятся от 24 до 54 часов, где боец находится в постоянной готовности к выполнению задач. При этом игроки перемещаются по пересеченной местности (лес, овраги, руины зданий, многоэтажные строения) в полной боевой экипировке, масса которой варьируется от 8 до 15 кг в зависимости от класса защиты, боекомплекта и дополнительного снаряжения. Регулярное участие в таких нагрузках приводит к адаптации сердечно-сосудистой системы: увеличивается ударный объем сердца, снижается частота пульса в состоянии покоя и значительно повышается

порог анаэробного обмена. Для сотрудника органов внутренних дел, это напрямую означает способность преследовать правонарушителя на длительные дистанции, сохранять работоспособность в ходе многочасовых мероприятий и быстро восстанавливаться после кратковременных интенсивных нагрузок.

Вторым критически важным качеством, которое развивает страйкбол, является координация движений и ловкость. В ходе боестолкновения сотрудник вынужден одновременно выполнять несколько действий: контролировать пространство, вести наблюдение за противником, управлять оружием (перезарядка, смена магазина, устранение задержек при стрельбе), перемещаться между укрытиями и поддерживать голосовую связь с напарниками. Причем многие из этих действий осуществляются в неудобных и нестабильных положениях – из-за укрытия, лёжа на боку, стоя на одном колене, в узких дверных проемах или на лестничных маршах.

Страйкбол также эффективно тренирует вестибулярный аппарат и пространственную ориентацию. Специфика игры предполагает постоянную смену положения тела: резкие ускорения из положения стоя в пригнутый бег, мгновенные падения в укрытие, перекаты, стрельба с колена и лёжа, быстрые повороты корпуса на 90–180 градусов. Всё это происходит на фоне ведения прицельной стрельбы, что требует от вестибулярной системы высокой устойчивости. У сотрудника с тренированным вестибулярным аппаратом не возникает головокружения и дезориентации после резких движений, он сохраняет способность точно определять направление на источник угрозы и эффективно применять оружие даже после падения или кувырка

Проведенный анализ позволяет сделать вывод: страйкбол представляет собой не просто вид активного отдыха, а эффективный и доступный инструмент повышения профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Авторы считают, что страйкбол обладает рядом уникальных характеристик: высокая степень реализма; комплексное развитие профессионально значимых качеств; экономическая доступность; наличие положительного опыта использования в России и за рубежом. При этом страйкбол не заменяет, а дополняет традиционную подготовку, позволяя отрабатывать то, что невозможно с боевым оружием: тактическое взаимодействие, действия в условиях активного противодействия, психологическую подготовку к стрессовым факторам.

Список литературы

1. Применение соревновательного метода в организации обучения физической подготовке в образовательных организациях МВД России / Н.Н. Силкин, А.В. Никишкин, С.А. Шабловский, А.С. Куляшов // Педагогический журнал. – 2026. – Т. 16, №1–1. – С. 356–364. – DOI 10.34670/AR.2026.88.82.041. – EDN JNPPEP.
2. Применение боевого оружия курсантами и слушателями Академии национальной гвардии в условиях террористических угроз / В.А. Торопов, А.В. Никишкин, Р.Б. Хыбыртов, М.Л. Куликов // Педагогический журнал. – 2026. – Т. 16, №1–1. – С. 324–333. – DOI 10.34670/AR.2026.17.84.037. – EDN UKVARQ.
3. Пупков П.В. Теоретико-экспериментальное обоснование составного критерия оценки профессиональной подготовленности выпускников учреждений МВД России для повышения их двигательной адаптоспособности / П.В. Пупков, С.В. Никишов, А.В. Никишкин // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. – 2025. – Т. 20, №1. – С. 402–407. – EDN NGPUDB.
4. Торопов В.А. Теоретические аспекты готовности к служебно-профессиональной деятельности / В.А. Торопов, А.В. Никишкин, С.В. Никишов // Актуальные вопросы современной науки и образования: материалы XIII Международной научно-практической конференции (Мурманск, 27 февраля 2026 года). – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 248–250. – EDN YRAQSV.
5. Торопов В.А. Влияние физической культуры на формирование всесторонне развитой личности / В.А. Торопов, А.В. Никишкин, С.В. Никишов // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 453–455. EDN SFEWES
6. Халиков А.А. К вопросу о применении страйкбола на занятиях по огневой подготовке с сотрудниками органов внутренних дел / А.А. Халиков // Вестник УЮИ. 2016. №2 (72).

Пудова Ольга Александровна

канд. филол. наук, доцент

ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт МВД РФ»

г. Красноярск, Красноярский край

**ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СО СЛУШАТЕЛЯМИ ФАКУЛЬТЕТА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ВУЗОВ МВД РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ
ДИСЦИПЛИНЫ «ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО И ДОКУМЕНТАЦИОННОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. РУССКИЙ ЯЗЫК
В ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ. КУЛЬТУРА РЕЧИ»)**

Аннотация: в статье обзорно рассматриваются важные аспекты системы теоретической и практической подготовки сотрудников органов внутренних дел в корпусе обозначенной дисциплины. Анализируются методические аспекты развития базовых лингвистических компетенций слушателей, включающие освоение норм современного русского языка и стилистики речи. Особое внимание уделяется практической составляющей подготовки, направленной на развитие умений компилировать текст официально-делового стиля речи.

Ключевые слова: слушатели вузов МВД, практическая подготовка, базовые лингвистические компетенции.

В современной системе высшего образования заслуживает внимания развитие и актуализация, а также активизация базовых лингвистических компетенций слушателей непрофильных вузов. В нашем случае обратимся к особенностям развития профессиональной языковой компетенции сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД). Под особенностями работы со слушателями на факультете профессиональной подготовки в рамках дисциплины «Основы организационного и документационного обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации. Русский язык в деловой документации. Культура речи» мы понимаем спецификацию архитектуры учебного занятия и подбор языкового тематического материала – эти компоненты создают условия для овладения слушателями общепрофессиональной компетенции «Способен логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь с единообразным и корректным использованием профессиональной юридической лексики» [2]. Приведенную компетенцию мы также можем отнести к корпусу базовых лингвистических компетенций, дополнив значимостью актуализации применения на занятиях по обозначенной дисциплине орфографических, грамматических и пунктуационных норм.

Качественная обучение сотрудников ОВД на факультете профессиональной подготовки, способных эффективно работать в условиях роста социальной нестабильности, становится одной из приоритетных задач преподавателя-лингвиста. Практическое применение актуального языкового материала на учебных занятиях для слушателей является наиболее важным компонентом с методической и тематической точек зрения.

Современные подходы к обучению кадров для ОВД в рамках факультета профессиональной подготовки базируются на системности и комплексности мониторинговых мер, охватывающих все аспекты учебного процесса. На начальном этапе проводится входная диагностика остаточных знаний в области русского языка для выявления проблемных зон в подготовке и определения индивидуальных образовательных потребностей группы слушателей. Поскольку группы факультета профессиональной подготовки – это разный контингент слушателей с разным уровнем образования, опыта, направления подготовки, создание и подбор индивидуальной траектории обучения каждой учебной группы в контурах содержания существующей учебной программы дисциплины выступает необходимым условием эффективности и предопределяет особенности работы со слушателями. Эффективность мер обеспечивается индивидуализацией (для группы) обучения, постоянным мониторингом результатов и

активным внедрением современных образовательных технологий в благоприятной образовательной среде.

В контексте работы со слушателями факультета профессиональной подготовки в корпусе обозначенной дисциплины применяется «компетентностный поход» [3]: чтение, грамматическая и синтаксическая работа с текстом, стилистический рерайтинг текстового материала, акцентная работа на применение норм современного русского языка, решение ситуативных тематических кейсов: развитие устойчивых навыков устной и письменной речи сотрудника ОВД.

В рамках особенностей работы со слушателями на факультете профессиональной подготовки в рамках дисциплины «Основы организационного и документационного обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации. Русский язык в деловой документации. Культура речи» особое внимание следует уделить актуализации и практическому применению норм современного русского языка в профессиональном регистре сотрудников ОВД.

Рассмотрим этот процесс на примере обозначенной дисциплины. Именно языкознание и культура речи являются базовыми для развития устойчивости, грамотности и культуры речи слушателей.

Подбор языкового тематического материала начинается с систематизации текстов (примеров протоколов, рапортов, актов, докладных записок и др.). Слушатели учатся идентифицировать тексты по языковым признакам, исправлять деформированный текст документа, устно представлять объяснения в официально-деловом стиле, оценивать результаты работы друг друга.

В контуре работы с текстами документов на учебных семинарских занятиях по дисциплине слушатели осваивают комплекс применения языкового материала, переформатирования корпуса текстов, подбор синонимов и лингвистических средств.

При актуализации навыков применения орфографических норм слушатели применяют алгоритмизацию, создают опорные схемы и варианты письменных текстов с применением вербального комментирования.

Особое внимание в работе со слушателями на дисциплине уделяется синонимическим ресурсам языка. Сотрудники ОВД работают с неполными текстами, которые необходимо дополнить синонимами разных лексических групп, для этого используются кейсовые приемы (описание ситуаций), вспомогательным элементом может служить визуализация и художественно-литературный материал, который требует перефразирования и адаптации. При организации работы с текстом слушатели используют технологии смыслового чтения, составляют вопросы разного уровня сложности.

Дополнение иллюстративного материала текстовым письменным или вербальным создает эффективную платформу для отработки навыков применения норм современного русского языка и составляющих элементов культуры речи. Особая архитектура семинарских занятий способствует развитию коммуникативных компетентностей слушателей внутри группы, положительному психологическому климату и максимальной вовлеченности в учебный процесс.

Практическое обучение аудитории строится на определении, освоении и демонстрации умений, знаний и видов речевой деятельности в профессиональном регистре, которые позволят эффективно работать со сложным контингентом граждан, стоять деловую коммуникацию с учетом норм современного литературного языка. В процессе семинарского занятия слушатели работают по группам, в парах, предполагаются задания с рокировкой численного состава групп. Презентуют свои работы и смотрят обучающие видеоролики с последующим комментированием и парированием сторон.

Важным является процесс подбора ситуативных кейсов, а также возможен разбор и обсуждение действительных случаев из служебной практики сотрудников ОВД. Иногда формат семинарских занятий предполагает самостоятельное изучение теоретического материала

через видеолекции, учебно-методические пособия, а в аудиторное время устное обсуждение и разбор сложных вопросов.

Важным компонентом работы со слушателями является развитие культуры коммуникации с учетом индивидуальных речевых ситуаций, при этом важно учитывать уровень подготовленности самих слушателей. Особое внимание фиксируется на разработке дифференцированных заданий и использовании цифровых инструментов обучения, разнообразных образовательных платформ, тестовых заданий на платформе Moodle.

Для осуществления продуктивной работы со слушателями в рамках обозначенной дисциплины основополагающим принципом, на наш взгляд, является симбиоз не только разных видов деятельности на семинаре, но и интегративный комплекс тематического материала, дополняющий, противоречащий или иллюстрирующий основной тематический концепт занятия по теме дисциплины. Обозначенная конфигурация предполагает элементы расследования или корректирующих «имитативных» [1, с. 5]. действий в заданной тематической траектории семинара.

Например, после анализа ситуативного кейса, группе слушателей предлагается составить текст в официально-деловом стиле, раскрывающий предполагаемый мотив совершенного преступления, который был изложен в кейсе, а также дополнительную информацию о предлагаемых профилактических работах по предотвращению рецидива. Подобная консолидация содержательного пласта дисциплины в профессиональную сферу сотрудника ОВД призвана не только повысить внимание к предмету, но и отработать профессиональные компетенции.

По результатам мониторинга имеющейся подготовки слушателей необходимо вносить коррективы в используемые методы и приемы работы в рамках заявленной дисциплины. Данное действие поможет усилить индивидуализацию работы с группой, скорректировать уровень сложности заданий, расширить или аспектно сконцентрировать содержание материала, изменить формы подачи материала или способы закрепления знаний. Такой гибкий подход, основанный на постоянном анализе результатов, позволяет повысить эффективность и обозначить особенности работы с разными группами слушателей на семинарских занятиях факультета профессиональной подготовки, добиться устойчивого улучшения интереса и вовлеченности аудитории в образовательный процесс.

Итак, в качестве ключевого компонента особенности работы с контингентом слушателей факультета профессиональной подготовки в корпусе дисциплины «Основы организационного и документационного обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации. Русский язык в деловой документации. Культура речи» можно рассматривать комплексный подход, сочетающий теоретический и практический сегменты. Особое внимание уделяется освоению диагностического инструментария, использованию современных образовательных технологий, методик индивидуализации обучения групп с учетом профессиональных направлений. Система мониторинга и анализа результатов позволяет гибко корректировать методы работы и обеспечивать устойчивое повышение качества обучения.

Список литературы

1. Буслаева Е.Л. Особенности мотивации и самоконтроля курсантов вузов МВД России на разных этапах обучения / Е.Л. Буслаева, Н.В. Власова // Психология и право. – 2023. – Т. 13, №2. – С. 2–13. – DOI 10.17759/psylaw.2023130201. – EDN DCAMHW
2. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция: приказ Минобрнауки России от 13 авг. 2020 г. №1011 (в ред. от 27.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://consultant.ru> (дата обращения: 27.09.2026).
3. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования / А.В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – №2. – URL: <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2003-2/klyuchevie-kompetencii-kak-komponent--lichnostno-orientirovannoiy-paradigmi-obrazovaniya> (дата обращения: 27.09.2026). – EDN SGUKTL

Пыркина Алина Анатольевна

студентка

Илларионова Лилия Владимировна

доцент, декан

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»

Министерства культуры, по делам национальностей

и архивного дела Чувашской Республики

г. Чебоксары, Чувашская Республика

СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ: КРИЗИС ТРАДИЦИИ И РЕСУРСЫ БИБЛИОТЕЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация: в условиях трансформации духовно-ценностных основ общества особую актуальность приобретает возрождение традиций семейного чтения как базового фактора приобщения детей к книжной культуре. Цель исследования – теоретически обосновать и практически определить роль и потенциал семейного чтения как основы приобщения детей к чтению. Материалами послужили теоретические труды российских библиотековедов и педагогов, нормативно-правовые акты, отчётные документы библиотек Чувашской Республики за 2025 год, а также данные эмпирического исследования 2026 года. Методы исследования включают теоретический анализ и синтез, социологический опрос (анкетирование 65 родителей и 65 детей), статистическую и сравнительную обработку данных. Выявлено, что семейное чтение прошло сложную историческую эволюцию и переживает глубокий кризис на рубеже XX–XXI веков. Установлено, что регулярные совместные чтения вслух практикуют лишь 21,5% семей, а 46,1% детей развиваются в условиях минимального объёма домашнего книжного собрания. Основными барьерами являются дефицит времени у родителей (64,6%) и конкуренция с цифровыми устройствами (53,8%). Результаты исследования представляют интерес для специалистов библиотечной сферы и могут найти применение в практике работы с семьёй.

Ключевые слова: семейное чтение, приобщение детей к чтению, библиотека семейного чтения, читательская культура, детское чтение, Чувашская Республика, социологическое исследование, читательская социализация.

Социальная ситуация в России начала XXI века характеризуется прежде всего трансформацией духовно-ценностных основ общества, разрушением традиционных нравственных норм во взаимоотношениях людей, приоритетом развлекательных предпочтений перед познавательными и многими другими явлениями, связанными с информатизацией, интернетизацией, глобализацией.

Общественная озабоченность состоянием современной духовной культуры актуализировала многие нюансы сферы чтения и книжности, в частности, повысилось значение книги как средства воспитания, связи между культурами разных поколений. В связи с чем имеет важное значение возрождение чтения в условиях семейных отношений, общения посредством книги родителей и детей. Семейное чтение – это культурная форма внутрисемейного общения, специфический способ организации досуга всех членов семьи, выступающий системообразующим фактором формирования духовных, морально-этических и интеллектуальных ценностей подрастающего поколения.

Одним из проектов, направленных на возрождение традиций семейного чтения, является создание библиотек (или центров) семейного чтения. Согласно Ежегодному докладу о деятельности библиотек Чувашской Республики за 2025 год, в регионе функционирует 485 муниципальных библиотек, из которых 435 расположены в сельской местности. В 2025 году в рамках национального проекта «Семья» и государственной программы Чувашской

Республики «Развитие культуры» было модернизировано 12 библиотек, а общее количество модельных библиотек нового поколения достигло 40 единиц [1, с. 14–15]. Именно эти учреждения становятся центрами поддержки и развития традиций семейного досуга.

Семейное чтение в рамках современной антропоцентрической и библиотковедческой парадигмы детерминируется как сложный, полисубъектный феномен. Данный процесс представляет собой специфическую форму внутрисемейной коммуникации и досуговой практики, базирующуюся на интересубъективной триаде «автор – взрослый – ребёнок» и предполагающую обязательную последующую рефлекссию – совместное вербальное обсуждение и психологическое сопереживание прочитанного текста. Высокая педагогическая и культурная ценность семейного чтения обусловлена его полифункциональной структурой (культурно-трансляционная, психотерапевтическая, когнитивно-развивающая и гедонистическая функции).

Историко-ретроспективный анализ продемонстрировал, что традиции домашней грамотности эволюционировали от сакрально-нормативного поучения (период средневекового «Домостроя») к светской модели коллективного чтения вслух в дворянской и интеллигентной среде XIX века, сменившись в советский период институционально стимулируемым и идеологически детерминированным культом книги. Трансформационные процессы на рубеже XX–XXI веков, вызванные интенсивным развитием информационного пространства, коммерциализацией досуговой сферы и цифровизацией, обусловили трансформацию структуры детского чтения. В семейно-бытовой сфере зафиксировано появление феноменов «нечитающего родителя» и снижения уровня межпоколенческого взаимодействия. Специфика функционирования современных центров семейного чтения, модернизированных в рамках национального проекта «Культура», заключается в формировании безбарьерной развивающей среды, универсальном комплектовании фондов и преодолении организационно-технологического разрыва между детским и взрослым обслуживанием. Для эффективного восстановления читательских традиций библиотечно-информационным учреждениям необходим переход к инновационным, интерактивным, геймифицированным и проектным технологиям взаимодействия с семейными союзами.

Переходя к анализу практической ситуации, следует отметить, что базой исследования выступила МБУК «Централизованная библиотечная система» Комсомольского муниципального округа Чувашской Республики. Библиотечная сеть округа имеет давнюю историю: первая публичная библиотека открылась здесь в 1919 году, а в 1992 году система переехала в специализированное здание, первый этаж которого был отдан под Детскую библиотеку. В 2023 году в рамках национального проекта «Культура» Центральная библиотека была модернизирована и преобразована в Этнобиблиотеку нового поколения. Это обеспечило рост основных показателей: число посещений увеличилось на 4,7%, а охват населения библиотечным обслуживанием достиг 78,9% [1, с. 20–21]. При библиотеках округа действуют 20 клубов по интересам и 10 школ компьютерной грамотности.

Для получения объективных данных о состоянии культуры семейного чтения в рамках настоящего исследования было проведено эмпирическое социологическое исследование. Сбор первичной информации осуществлялся методом анонимного анкетирования на базе двух структурных подразделений МБУК «ЦБС» – Детской библиотеки и Центральной библиотеки. Для обеспечения принципа триангуляции сбор данных проводился параллельно по двум целевым аудиториям: анкета для родителей «Семейное чтение в зеркале современной семьи» (65 респондентов) и анкета для детей и подростков «Книга, библиотека и я» (65 респондентов в возрасте от 7 до 14 лет). Общий объём выборочной совокупности составил 130 человек.

Анализ возрастного состава родительской аудитории показал, что основное ядро составляют лица в возрасте от 31 до 40 лет (52,3%). Подавляющее большинство респондентов (83,1%) составили матери, что указывает на дефицит мужских моделей читательского поведения в семейно-бытовой сфере.

Личная читательская активность родителей выступает значимым фактором, детерминирующим отношение ребёнка к книге. Полученные данные фиксируют латентную социокультурную проблему: устойчивая потребность в ежедневном чтении сформирована лишь у 13,8% взрослых респондентов, а более половины опрошенных демонстрируют пассивное отношение к книжной культуре. Анализ обеспеченности семей домашними библиотеками показал, что лишь 10,8% респондентов располагают фондом, превышающим 100 экземпляров, в то время как 46,1% семей функционируют в условиях минимального объёма книжного фонда. В данных условиях ведущая роль по компенсации дефицита качественной детской литературы перекладывается на библиотечную систему округа.

Совместное чтение вслух выступает базовым компонентом формирования культуры семейного чтения. Полученные данные фиксируют существенное противоречие в структуре досуговых практик: регулярное совместное чтение вслух практикуют лишь 21,5% опрошенных родителей, в то время как 40,0% семей обращаются к данной форме коммуникации крайне редко или полностью исключили её из повседневного обихода. Данная тенденция указывает на ослабление внутрисемейной трансляции читательских традиций.

Анализ регулярности обсуждения прочитанных произведений показал, что лишь четверть родителей (24,6%) всегда обсуждают с ребёнком книги, а 21,6% делают это редко или никогда. Отсутствие последующей рефлексии и совместного вербального анализа текстов снижает продуктивность читательской деятельности несовершеннолетнего, что актуализирует необходимость разработки специалистами библиотечной системы научно-методических памяток-навигаторов для развития родительских компетенций. Распределение ответов респондентов представлено на рисунке 1.

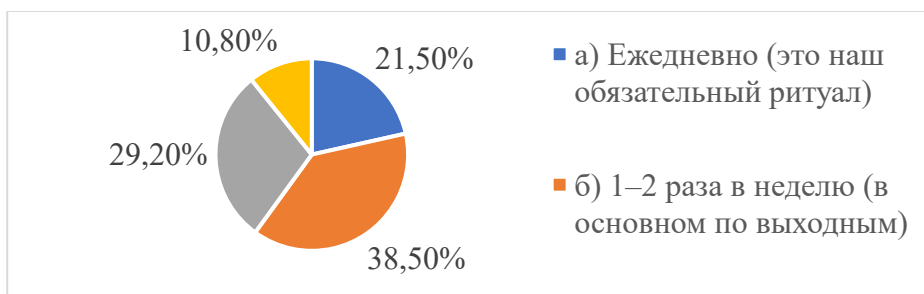

Рис. 1. Систематичность семейного чтения вслух, %

Иерархия ключевых деструктивных факторов, препятствующих формированию культуры семейного чтения, распределилась следующим образом: дефицит свободного времени у родителей (64,6% респондентов); интенсивная конкуренция печатной книги с цифровыми устройствами и гаджетами (53,8%); экономический фактор, выраженный в высокой стоимости печатной продукции на книжном рынке (47,7%). Распределение ответов представлено на рисунке 2.

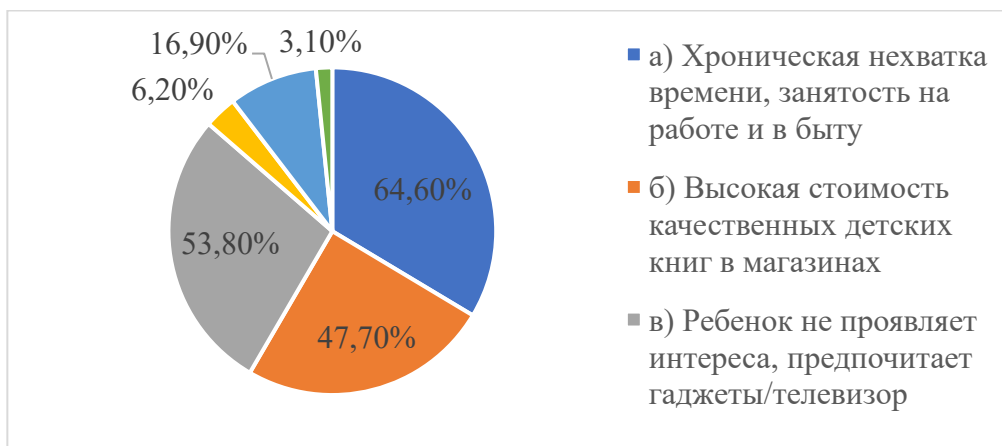

Рис. 2. Доминирующие барьеры в организации семейного чтения, %

Влияние цифровой среды на досуговые практики актуализирует необходимость реализации библиотеками программ по формированию информационной культуры семьи. Модернизированная библиотечная система обладает ресурсами для частичной минимизации указанных барьеров: безвозмездное предоставление пользователям новинок книжного рынка нивелирует экономический барьер, а интеграция геймифицированных форматов позволяет библиотеке успешно конкурировать за внимание ребёнка с мобильными приложениями.

Оценка родителями деятельности библиотечной системы показала, что абсолютное большинство (80,0%) дают ей позитивную оценку. Это подтверждает продуктивность проведённой модернизации и внедрения интерактивных форматов. В то же время 47,7% опрошенных семей используют ресурсы библиотеки исключительно в утилитарных целях – как пункт выдачи литературы, не включаясь в её социально-культурную деятельность. Наличие группы респондентов (13,8%), заявляющих о потребности в «более современных формах работы», указывает на необходимость расширения спектра досуговых услуг, в частности через организацию семейных клубных пространств выходного дня.

Изучение читательской микросреды со стороны несовершеннолетних пользователей позволило сопоставить субъективные оценки родителей с реальным восприятием книги детьми. В данном блоке исследования приняли участие 65 пользователей в возрасте от 7 до 14 лет. Преобладание в выборке младшего школьного возраста (58,5%) свидетельствует о том, что данная группа выступает наиболее массовой категорией пользователей и характеризуется высокой восприимчивостью к библиотечно-информационному воздействию.

Вопрос анкеты «Любишь ли ты читать книги?» направлен на диагностику внутренней мотивации подрастающего поколения. Суммарный показатель положительного отношения к чтению составил 67,7%. Однако высокая доля респондентов, выбравших позицию «люблю избирательно» (40,0%), указывает на неустойчивость читательского интереса современных несовершеннолетних, что актуализирует необходимость индивидуализации библиотечного руководства чтением и точечного подбора книжного репертуара.

Вопрос анкеты «Как часто ты видишь своих родителей с книгой в руках?» выполняет контролирующую и верифицирующую функцию в структуре проведённого исследования. Полученные результаты показали, что 55,4% детей крайне редко или никогда не наблюдают за чтением родителей, что верифицирует данные родительской выборки и подтверждает дефицит наглядного читательского примера в семейно-бытовой сфере. Это детерминирует восприятие текстовой деятельности как нормативно-принудительной обязанности, локализованной в рамках школьного обучения.

Анализ источников авторитетного влияния при выборе книг детьми выявил доминирующую роль библиотечного специалиста (33,9%) в качестве основного субъекта формирования

круга детского чтения. Данный показатель непосредственно обусловлен результатами модернизации Центральной библиотеки, функционирующей в статусе этнобиблиотеки нового поколения, а также активной проектно-программной деятельностью Детской библиотеки. Рекомендации членов семьи сохраняют приоритетное значение для 27,7% опрошенных детей. Одновременно с этим фиксируется растущее влияние цифровой среды и референтных групп сверстников (13,8%), приобретающее особую выраженность в подростковом возрасте.

Изучение жанрово-тематических предпочтений детской аудитории показало, что в структуре досуговых интересов несовершеннолетних пользователей доминируют жанры фэнтези и приключенческой литературы (63,1%), а также визуально-текстовые форматы – комиксы и манга (50,8%). Зафиксированный устойчивый интерес к сказкам и легендам (43,1%) формирует содержательную платформу для деятельности модернизированной центральной библиотеки по популяризации чувашского фольклора и этнокультурного наследия в рамках краеведческой программы «Моя малая Родина». Распределение ответов представлено на рисунке 3.

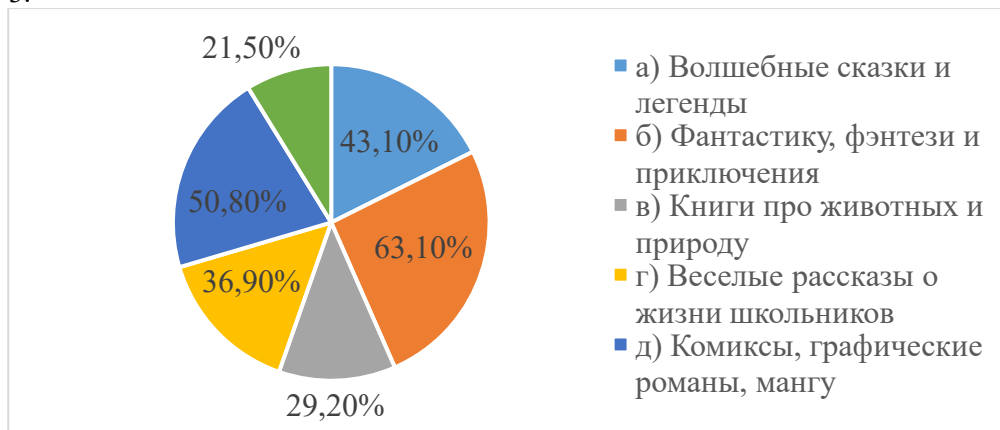

Рис. 3. Структура жанровых предпочтений подрастающего поколения, %

Вопрос анкеты «Чему ты отдаёшь предпочтение в своё свободное время?» позволил зафиксировать смещение структуры досуговых практик несовершеннолетних в сторону цифровых форматов. В общем рейтинге досуговых предпочтений чтение художественной литературы занимает периферийную (четвёртую) позицию, уступая приоритетное значение экранному времени коммуникации в социальных сетях и мобильным игровым приложениям. Для частичной минимизации данного дисбаланса МБУК «ЦБС» осуществляет оптимизацию библиотечно-информационных технологий посредством интеграции элементов геймификации в рамках реализации профильных программ «Читаем с увлечением» и «Мой друг – компьютер».

Вопрос анкеты «Зачем ты приходишь в библиотеку?» направлен на выявление ведущих мотивов посещения. Наибольший удельный вес занимает участие в интерактивных социально-культурных мероприятиях (32,3%). Обращение к фондам с целью досугового чтения зафиксировано у 29,2% респондентов, а прагматичный запрос, обусловленный школьной программой, – у 21,6%. Полученные результаты подтверждают продуктивность модернизации МБУК «ЦБС» в рамках национального проекта «Культура». Библиотечная система успешно трансформировала традиционную модель книгохранилища и воспринимается пользователями как полифункциональное общественное пространство (концепция «третьего места»), ориентированное на развитие, творческую самореализацию и интеллектуальный досуг.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что семейное чтение прошло сложную историческую эволюцию от сакрального семейного поучения в средневековой Руси к

светскому ритуалу вечерних чтений вслух в дворянских усадьбах и квартирах интеллигенции XIX века, а в советский период приобрело характер массового, государственно стимулируемого и идеологически маркированного культа книги. Кардинальный излом на рубеже XX–XXI веков, вызванный информационным взрывом, коммерциализацией досуга и цифровизацией, привёл к глубокому кризису детского чтения: появился феномен «нечитающего родителя» и «цифрового сиротства», что выразилось в утрате взрослыми роли читательского ориентира и деструкции межпоколенческих связей.

Эмпирическое исследование на базе МБУК «ЦБС» Комсомольского муниципального округа Чувашской Республики подтвердило наличие устойчивого институционального доверия к библиотечной системе на фоне снижения качественных параметров читательской культуры внутри семейного института: регулярные совместные чтения вслух практикует лишь незначительная часть семей, многие дети развиваются в условиях минимального объёма домашнего книжного собрания и крайне редко наблюдают за чтением родителей. Ключевыми барьерами выступают дефицит свободного времени у взрослой аудитории, высокий уровень цен на печатную продукцию и конкуренция с цифровыми устройствами.

В качестве прикладного проектного решения, направленного на минимизацию выявленных деструктивных факторов, предложен к внедрению на базе этнобиблиотеки семейный научно-практический семинар «Семейное чтение как инвестиция в будущее: составляем инвестиционный портфель чтения», основанный на ценностно-прагматической модели формирования человеческого капитала. Реализация предложенного формата позволит интенсифицировать использование материально-технического потенциала модернизированной библиотеки нового поколения и перевести пассивные группы пользователей в категорию активных субъектов читательской деятельности, что будет способствовать утверждению традиций семейного чтения в качестве базового фактора приобщения подрастающего поколения к книжной культуре.

Список литературы

1. Ежегодный доклад о деятельности государственных и муниципальных библиотек Чувашской Республики за 2025 год / Нац. б-ка Чуваш. Респ.; сост.: М.В. Андрюшкина, Т.В. Белова; отв. за вып. М.В. Андрюшкина. – Чебоксары: Национальная библиотека Чувашской Республики, 2026. – 94 с.

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ НА АКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВА

Кислицына Наталия Геннадьевна

учитель

МБОУ «СОШ №35 с УИОП»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

Панфилова Валентина Никандровна

учитель

МБОУ «Лицей №2»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ФИЗИКИ

Аннотация: в статье представлена модель интеграции финансовой грамотности в курс физики с учётом поэтапного изучения тем «Тепловые явления» и «Электрические явления», которые вводятся с 8 класса. Предложены практико-ориентированные задачи, кейсы, домашние мини-исследования и долгосрочные проекты, позволяющие формировать у обучающихся навыки расчёта стоимости энергопотребления, анализа тарифов и оценки окупаемости энергосберегающих решений. Представленный материал показан в контексте требований ФГОС ООО и СОО к обучению и воспитанию личностных качеств ученика. Практическая значимость работы заключается в доступности предлагаемых методов для использования в учебном процессе и возможности организации дифференцированного подхода.

Ключевые слова: финансовая грамотность, функциональная грамотность, физика, ФГОС, методика преподавания физики, интеграция.

Финансовая грамотность – одна из составляющих функциональной грамотности, закреплённая в обновлённых ФГОС ООО и СОО. Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры ставит задачу охватить 100% обучающихся образовательными программами по финансовой грамотности к 2030 году. Физика позволяет формировать финансовую грамотность обучающихся через бытовые расчёты: стоимость работы, топлива, отопления, электроэнергии. При этом темы «Тепловые явления» и «Электрические явления» в школьном курсе вводятся только с 8 класса (по линии учебников А.В. Пёрышкина). Это требует чёткой дифференциации: в 7 классе финансовая грамотность формируется через механику и плотность, в 8–11 классах – через тепловые и электрические расчёты.

Наиболее продуктивные результаты в нашей работе даёт модель интеграции финансовой грамотности с учётом этого поэтапного построения.

1. Механизмы интеграции финансовой грамотности в содержание курса физики.

В своей работе мы используем следующие механизмы интеграции:

- *предметный:* использование физических формул для расчёта стоимости потребления ресурсов (работа, мощность, КПД, количество теплоты, электрический ток);
- *методологический:* применение методов физики (измерение, оценка погрешности, моделирование, КПД) для анализа эффективности финансовых решений;
- *деятельностный:* проектная и исследовательская деятельность, позволяющая получить практический продукт (паспорт энергопотребления, тарифный калькулятор, рекомендации по экономии).

2. Практико-ориентированные методы формирования финансовой грамотности:

- 1) сопоставление некоторых тем физики и возможных финансовых вопросов через решение задач.

Например, в 7 классе при изучении тем «Механическая работа», «Мощность», «КПД» можно ввести решение задач на определение стоимости работы, оплаты труда, экономии ресурсов. В 9 классе при изучении тем «Законы сохранения, КПД механизмов» можно оценить окупаемость оборудования, бизнес-расчёты. В 10–11 классах при изучении тем «Электродинамика, переменный ток» учащимся можно предложить решить задачи на применение многотарифных счётчиков, оптимизации потребления.

Например, для 8 класса при изучении темы «Количество теплоты, теплопередача» можно решить задачу на определение стоимости отопления, выбора энергоносителя: «Для нагрева 100 л воды от 10 до 60 °С требуется некоторое количество теплоты. Удельная теплоёмкость воды 4200 Дж/(кг·°С). Рассчитайте количество теплоты и стоимость нагрева при использовании электрического водонагревателя (КПД 98%) и газового котла (КПД 90%). Тариф на электроэнергию 5,03 руб./(кВт·ч), цена газа – 8,3 руб./м³ (теплота сгорания газа 35 МДж/м³)».

2) кейс-технологии.

Кейс 1 для 8 класса: «Неожиданная квитанция». Семья получила квитанцию за электроэнергию на 35% выше обычного. Обучающиеся анализируют список приборов, их мощности и типичное время работы, рассчитывают ожидаемое потребление и сравнивают с показаниями счётчика, анализируют возможную причину перерасхода энергии, предлагают меры её экономии.

Кейс 2 для 10 класса: «Выбор тарифа» Обучающиеся оценивают режим потребления семьи (работа, учёба, хобби) и рассчитывают выгоду от перехода на двух- или трёхтарифный учёт. Учитывают стоимость установки счётчика и срок окупаемости;

3) домашние мини-исследования:

– «Транспортные расходы» – расчёт работы и мощности при ходьбе/езде на велосипеде, сравнение с затратами на общественный транспорт;

– «Скрытое потребление» – измерение мощности зарядных устройств и адаптеров в режиме ожидания;

– «Теплопотери окна» – оценка разницы температур у окна и в центре комнаты, расчёт потерь тепла;

4) проекты. Пример проекта: «Электропотребление в моём доме». Ежегодно реализуется нами в 8 классах при изучении тем «Работа и мощность электрического тока» раздела «Электрические явления». Учащиеся определяют местоположения прибора учёта электроэнергии в доме, изучают его особенности, узнают стоимость единицы измерения по тарифу в своём жилом помещении. В ходе изучения соответствующих тем, ученики осваивают методы расчёта электроэнергии как совершаемой работы электрического тока, оценивания стоимости потребляемых ресурсов.

Дифференцированный подход. Предлагаем учащимся вариантов «маршрутных листов» к проекту (Приложения 1, 2). При реализации проекта для учащихся с разными условиями проживания можно выбрать подходящий способ выполнения проекта по определению потреблённой электроэнергии:

1) для проживающих в квартире или частном доме при наличии электросчётчика, можно организовать процесс прямых измерений электроэнергии по счётчику и дальнейших расчётов затраченной энергии и её стоимости;

2) у кого отсутствует доступ к электросчётчику или его нет (например, в общежитиях), можно организовать предварительное исследование характеристик электроприборов, которыми регулярно пользуется семья, с дальнейшими расчётами затраченной энергии и её стоимости.

Обязательным этапом в реализации проекта является *рефлексия* (3–5 минут), которую можно провести при защите проекта: учащиеся фиксируют, какие этапы работы вызвали трудности, анализируют, в какие дни электропотребление было больше, как можно снизить затраты электроэнергии и, следовательно, финансовые расходы;

5) индивидуальный проект (10 класс).

Индивидуальный проект в старшей школе является элементом модели и соответствует требованиям ФГОС. В качестве примера рассмотрим проект «Энергетический паспорт квартиры».

Цель проекта: составить энергетический паспорт квартиры и предложить меры по снижению расходов на энергопотребление.

Задачи: провести инвентаризацию электроприборов и освещения; оценить среднее время работы каждого прибора; рассчитать месячное и годовое потребление электроэнергии; определить долю каждого прибора в общем потреблении; предложить 2–3 меры по экономии и рассчитать их окупаемость.

Этапы и примерные сроки реализации: 1. Инвентаризация и сбор данных (1 неделя). 2. Расчёты потребления и стоимости (1 неделя). 3. Анализ структуры потребления (1 неделя). 4. Подбор мер экономии и расчёт окупаемости (2 недели). 5. Оформление паспорта и презентации (1–2 недели). Итого: 6–7 недель.

Результаты проекта: учеником выявляется количество используемых приборов, предлагается замена ламп на светодиодные, установка умной розетки для контроля «скрытого» потребления, даются рекомендации по замене части электроприборов с учетом их окупаемости.

Образовательные результаты:

1) *предметные:* применение формул работы, мощности, КПД;

2) *метапредметные:* планирование, анализ данных, аргументация;

3) *финансовые:* расчёт стоимости, оценка окупаемости, принятие решений. И главное, *личностные результаты:* формирование экологического мышления, понимания влияния социально-экономических процессов на состояние природной и социальной среды; приобретение опыта эколого-направленной деятельности.

3. Возрастная дифференциация.

Постепенно учащиеся осваивают новые методы расчётов физических величин и навыки работы с различными приборами. В *7 классе* учащимися выполняются простые расчёты, рассматриваются бытовые примеры, акцент ставится на механике и плотности вещества (без тепловых и электрических формул). В *8 классе* осуществляется введение тепловых и электрических расчётов, школьники производят первые расчёты стоимости энергии. В *9 классе* учащиеся производят более сложные расчёты, окупаемость, бизнес-логика. В *10–11 класс* используются многотарифные расчёты, анализ эффективности, проектная деятельность.

В заключение мы хотим отметить, что реализуемая нами модель позволяет системно формировать финансовую грамотность через курс физики, учитывая поэтапное введение тем «Тепловые явления» и «Электрические явления» с 8 класса. Практико-ориентированные задачи, кейсы и проекты обеспечивают достижение предметных, метапредметных и финансовых результатов, соответствующих требованиям ФГОС. Модель может быть адаптирована под региональные тарифы и особенности учебного плана школы. Использование предметных знаний обучающихся по физике позволяет на более раннем этапе их жизни способствовать формированию финансовой и естественно-научной грамотности детей, а также подготавливает к жизни ребенка как активного гражданина, способного осознано в дальнейшем относиться к вопросу природопользования, а также продуманном распределении финансовых средств.

Проект «Электропотребление в моём доме» / Вариант 1.		
ФИО	Класс	
Сроки реализации:		
Исследование условий объекта электропотребления:		
1) Вид жилого помещения (нужное подчеркнуть): квартира / частный дом / комната в общежитии / _____		
2) Вид плиты: газовая / электроплита / _____		
3) Наличие и доступность использования электрического счётчика: есть		
4) Вид (модель) электросчётчика:		
Снятие показаний прибора (электросчётчика):		
Дата снятия показаний	Показание счётчика	Единица измерения
. . 202 г.	$A_0 =$	кВт · ч
. . 202 г.	$A_1 =$	кВт · ч
. . 202 г.	$A_2 =$	кВт · ч
...		
Расчёт затрат электроэнергии за выбранный период: $\Delta A = A_2 - A_0 =$ _____ = _____ кВт · ч		
Тариф оплаты электроэнергии (указан в квитанции кварплаты): $c = \dots\dots$ руб / кВт · ч.		
Расчёт стоимости оплаты за затраченной электроэнергии: $Z = \Delta A \cdot c =$ _____ = _____ руб.		
Примечание:		
Можете также провести сравнение затрат электроэнергии за каждый день в течение недели.		
Предложения по экономии электроэнергии: _____		

Проект «Электропотребление в моём доме» / Вариант 2		
ФИО	Класс	
Сроки реализации:		
Исследование условий объекта электропотребления:		
1) Вид жилого помещения (нужное подчеркнуть): квартира / частный дом / комната в общежитии / _____		
2) Вид плиты: газовая / электроплита / _____		
3) Наличие и доступность использования электрического счётчика: нет		
Снятие показаний прибора (электросчётчика):		
Вид электроприбора	Мощность электроприбора	Время работы (в рамках дня)
	$P_1 =$ _____ Вт	$t_1 =$ _____ ч
	$P_2 =$ _____ Вт	$t_2 =$ _____ ч
	$P_3 =$ _____ Вт	$t_3 =$ _____ ч
...		
Расчёт затрат электроэнергии каждым электроприбором и вместе: $A_1 = P_1 \cdot t_1 =$ _____ = _____ кВт · ч $A_2 = P_2 \cdot t_2 =$ _____ = _____ кВт · ч $A_3 = P_3 \cdot t_3 =$ _____ = _____ кВт · ч ... $A = A_1 + A_1 + A_1 =$ _____ = _____ кВт · ч		
Тариф оплаты электроэнергии (указан в квитанции кварплаты): $c = \dots\dots$ руб / кВт · ч.		
Расчёт стоимости оплаты за затраченной электроэнергии: $Z = A \cdot c =$ _____ = _____ руб.		
Примечание:		
Можете также провести сравнение затрат электроэнергии каждым прибором в течение дня.		
Предложения по экономии электроэнергии: _____		

Список литературы

1. Векторы развития современного образования: от финансовой грамотности к финансовой культуре: сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. (27 нояб. 2023 г., г. Уфа) / отв. ред. Е.Р. Ковлясова. – В 2 т. Уфа, 2023. – 168 с.
2. Лабезникова А.Ю. Практическая реализация задачи повышения финансовой грамотности школьников: состояние и проблемы / А.Ю. Лабезникова // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2017. – Т. 1, №2 (37). – С. 22–30. – EDN YLJWTJ
3. Мякишев Г.Я. Физика: 10 класс: учебник: базовый и углублённый уровни / Г.Я. Мякишев, Б.Б. Буховцев, Н.Н. Сотский; под ред. Н.А. Парфентьевой. – 11-е изд., стер. – М.: Просвещение, 2024. – 432 с.
4. Парфентьева Н.А. Сборник задач по физике. 10–11 классы: пособие для учащихся общеобразоват. учреждений: базовый и профил. уровни / Н.А. Парфентьева. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 2010. – 206 с. – EDN QJXMJF
5. Перышкин И.М. Физика: 8-й класс: учебник: базовый уровень / И.М. Перышкин, А.И. Иванов. – 4-е изд., стер. – М.: Просвещение, 2024. – 255 с.

Пенчук Алина Юрьевна

студентка

Сукиева Айша Магомед-Гиреевна

студентка

Пинаев Олег Сергеевич

студент

Научный руководитель

Богославцева Людмила Викторовна

канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
г. Ростов-на-Дону, Ростовская область

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация: статья посвящена вопросам патриотического воспитания обучающихся с учетом современных реалий. Анализируются результаты реализации федерального проекта «Патриотическое воспитание» и его практического внедрения на примере высшего учебного заведения, а также раскрываются стратегические направления патриотического воспитания в стране. Особое внимание уделяется проблемам негативного антироссийского влияния в социальных сетях и формального участия детей и молодежи в патриотических мероприятиях. Обосновывается необходимость создания условий для внутреннего принятия обучающимися патриотических взглядов.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, обучающиеся, молодежь, гражданская идентичность, воспитательная работа, преемственность поколений.

Патриотизм у обучающихся и молодых людей остается важным аспектом в становлении личности: патриотизм помогает осознать принадлежность к своему народу, значимость подвигов, совершенных предками, ценность традиций, семьи, культуры и труда. Это способствует развитию нравственности человека, а также его желанию совершить собственный вклад и в определенных ситуациях отказаться от личной выгоды в пользу улучшения благосостояния страны. Отсюда вытекает и необходимость патриотизма с точки зрения интересов государства, поскольку только граждане с активной жизненной позицией, любящие свою страну, и готовые не только пользоваться ее благами, но и участвовать в ее совершенствовании, способны обеспечить государству надежное будущее.

В Распоряжении Правительства РФ от 29.05.2015 г. №996-р утверждена стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [1], одной из целей которой является формирование у детей патриотизма, чувства гордости за свою Родину. Для этого в образовательных учреждениях стал меняться подход к воспитанию обучающихся. Так преподаватели, в особенности гуманитарных предметов, раскрывают тему патриотизма, что призвано обеспечить на основе знания истории, культуры и духовных ценностей формирование собственной гражданской позиции школьников и студентов.

В рамках национального проекта «Образование» с 2019 по 2024 год был запущен федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» [3]. К результатам реализации данного проекта можно отнести следующие показатели:

- более 1,7 млн человек стали участниками различных патриотических мероприятий;
- более 4,5 млн человек приняли участие в мероприятиях в рамках системы обеспечения преемственности поколений;
- проведено более 188 мероприятий, направленных на популяризацию отечественной истории;
- более 1,75 млн детей вовлечены в деятельность детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «ЮНАРМИЯ»;
- в 23 действующих исторических парках «Россия – Моя история» было обновлено экспозиционное оборудование.

Все проводимые мероприятия отражают отечественные национальные ценности и традиции, которые направлены на воспитание патриотичного и социально ответственного гражданина. Таким образом, данный проект помог вывести патриотическое воспитание в России на новый уровень: патриотические мероприятия вовлекли миллионы людей, получила развитие деятельность детско-юношеских движений, активизировался межпоколенческий диалог. Одновременно, все проводимые мероприятия создают реальную возможность для развития потенциала каждого обучающегося, как составляющей патриотического воспитания социально ответственной личности.

Однако важно понимать, действительно ли проведенные мероприятия развивают чувство любви к Родине в школьниках и молодежи или же участие в них носит формальный характер, можно ли считать пассивное посещение мероприятия элементом воспитывающей среды в отечественной системе образования. Как укрепить гражданские ценности обучающихся и молодежи в условиях информационной войны и фейков. С началом специальной военной операции и огромного потока информации в социальных сетях воспитание патриотизма у подрастающего поколения стало еще более приоритетной задачей. Распространители ложной информации, чтобы спровоцировать людей и настроить их против России, искажают историю и события, а школьники и молодежь, зачастую не обладающие окрепшей психикой и легко поддающиеся влиянию, принимают ложь за действительность. Трудно не согласиться с доцентом Карамовой А.С. в том, что «искусственное насаждение западных образцов не свойственных нашему народу стереотипов поведения» [4] не способствует укреплению национальной гордости и пониманию роли нашего народа и нашей страны в мировом развитии. Поэтому важно развивать у школьников и студентов критическое мышление и так называемый «ценностный иммунитет», который отражает ценностный суверенитет страны и фактически обеспечивает внутреннюю национальную безопасность.

В Распоряжении Правительства РФ от 23 октября 2025 г. N 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года» утвержден комплекс мер по патриотическому и духовно нравственному воспитанию молодежи [2], в том числе:

- привлечение участников СВО к преподаванию учебного предмета «Основы безопасности и защиты Родины», а также к деятельности военно-патриотических объединений (клубов);

- проведение ежегодных всероссийских и международных патриотических мероприятий (форумов);
- проведение молодежных историко-культурных мероприятий, Всероссийской военно-патриотической игры «Зарница 2.0» и других мероприятий.

Это способствует формированию у подрастающего поколения устойчивой системы ценностей, направленной на любовь к своей стране и гордость за предков, а общение с участниками СВО и участие в военно-патриотических клубах обеспечивает личную передачу опыта и преемственность поколений, а также условия для неформального вовлечения молодежи в патриотическую деятельность, что ведет к развитию внутренней мотивации.

Вышеупомянутые меры реализуются и в высших учебных заведениях. «Заслуживает внимания опыт работы Центра патриотического воспитания РГЭУ (РИНХ). Центр создан и развивается в целях использования лучших практик взаимодействия в молодежной среде, изучения истории и традиций страны, а также в целях гражданско-патриотического воспитания обучающихся» [6, с. 307]. На базе Центра патриотического воспитания действует студенческий патриотический клуб «Я горжусь!», который организует и проводит множество мероприятий патриотической направленности: встреча с ветеранами специальной военной операции в рамках проекта «Диалог с героем», передача гуманитарной помощи в зону проведения СВО, поздравление ветеранов Великой Отечественной войны, благоустройство мемориалов и мест захоронения героев, проведение «Диктанта Победы» [5] РГЭУ (РИНХ) также входит в Ассоциацию образовательных организаций высшего образования по сохранению традиционных ценностей российского казачества, что очень символично для донского региона.

Важно отметить, что знание и сохранение традиций и понимание современной ситуации позволяет студентам осознанно участвовать в различных мероприятиях. Важно найти и реализовать себя в любых направлениях: освоении профессиональных компетенций; развитии студенческой науки; студенческом спорте; творческой деятельности; студенческом самоуправлении. И, конечно, важна поддержка студенческих инициатив технологической направленности, которая способствует подготовке технологических лидеров в условиях мировой инновационной конкуренции. Студенты вовлечены в патриотическое воспитание не через теоретическое просвещение, а через личное участие в общественно-значимых делах.

Таким образом, патриотическое воспитание через реализацию потенциала каждого представляет собой важный аспект в формировании гражданской идентичности и ответственности за будущее Родины. Стоит отметить, что чрезмерная настойчивость и навязывание определенной позиции могут сформировать у человека не чувство патриотизма, а, напротив, ощущение принуждения, из которого возникает отторжение. Поэтому ключевая задача педагогов, образовательных организаций и государства в целом – активно вовлекать обучающихся в патриотическую деятельность, одновременно работая с внутренними установками личности, а именно создавать условия для внутреннего и осознанного принятия патриотических ценностей человеком через живой опыт.

Список литературы

1. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957260/> (дата обращения: 26.09.2026).
2. Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года: Распоряжение Правительства РФ от 23.10.2025 № 2970-р. – URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-23102025-n-2970-r-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 26.09.2026).
3. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» // Минпросвещения России. – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 26.09.2026).
4. Карамова А.С. Воспитание патриотизма среди молодежи и подростков / А.С. Карамова // Форум молодых ученых. – 2024. – №5 (93). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-patriotizma-sredi-molodezhi-i-podrostkov> (дата обращения: 26.09.2026).

5. СПК «Я горжусь!» Центр патриотического воспитания РГЭУ (РИНХ) «Я горжусь» – Ассоциация студенческих патриотических клубов. – URL: <https://ягоржусь.рус/club/czentr/> (дата обращения: 26.09.2026).

6. Щербакова В.А. Патриотическое воспитание как элемент образовательного процесса и развития молодежи / В.А. Щербакова, В.В. Кульчитская, Л.В. Богославцева // Социально-экономические процессы современного общества: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 305–308. – EDN LFIAOT.

Салищева Ольга Гурьевна

старший преподаватель

ФГКВОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина

Краснознаменная академия связи

им. Маршала Советского Союза С.М. Буденного»

Министерства обороны Российской Федерации

г. Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВОЕННОГО ВУЗА НА НРАВСТВЕННОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ

Аннотация: в статье рассматривается влияние культурно-образовательной среды военного вуза на процесс нравственного становления курсантов. Анализируются основные компоненты этой среды, ее воспитательный потенциал и механизмы воздействия на формирование морально-этических качеств будущих офицеров. Особое внимание уделяется роли культурных традиций, творческой деятельности и духовно-нравственных ценностей в формировании профессиональной этики военнослужащего. Автор приходит к выводу, что целенаправленная организация культурно-образовательной среды является важным фактором воспитания высоконравственной личности курсанта.

Ключевые слова: культурно-образовательная среда, нравственное воспитание, курсанты, военный вуз, духовно-нравственные ценности, воспитательная работа, личность офицера, профессиональная этика.

Влияние культурно-образовательной среды военного вуза на нравственное становление курсантов представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором переплетаются институциональные традиции, педагогические технологии и индивидуальные траектории личностного роста. В отличие от гражданских учебных заведений, военный вуз изначально позиционирует себя не только как центр трансляции профессиональных знаний, но и как кузницу моральных качеств, необходимых для службы Отечеству. Это накладывает особый отпечаток на все элементы среды: от архитектурного пространства до ритуалов повседневной жизни, от уставных норм до неформальных коммуникаций внутри курсантского коллектива.

Прежде всего, следует определить само понятие культурно-образовательной среды. В контексте военного вуза она включает в себя три взаимосвязанных уровня: материально-предметный, социально-психологический и духовно-ценностный. Материальный уровень – это плацы, казармы, учебные корпуса, музеи боевой славы, а также эстетика форменной одежды и строевых смотров. Социально-психологический уровень охватывает систему межличностных отношений, иерархию, традиции наставничества, стиль руководства командиров. Духовно-ценностный уровень включает в себя официальную идеологию, кодекс чести, историческую память, а также те негласные моральные правила, которые передаются от поколения к поколению курсантов. Именно взаимодействие этих уровней создает уникальное нравственное поле, в котором происходит становление личности.

Ключевым механизмом нравственного формирования является погружение курсанта в структурированную повседневность. Каждое утро начинается с построения, где физическая дисциплина сочетается с символическим единением коллектива. Принятие присяги становится не просто формальным актом, а эмоциональным переломным моментом, после

которого у курсанта формируется внутреннее обязательство перед обществом и самим собой. Последующие будни – от несения караульной службы до участия в парадах – закрепляют эти первичные нравственные импульсы. Важно, что такая регулярность создает предсказуемую модель поведения, в которой понятия долга, ответственности и взаимовыручки не остаются абстрактными категориями, а превращаются в ежедневную практику. Курсант учится принимать решения не только исходя из личных желаний, но и сообразуясь с интересами подразделения, что является фундаментом коллективистской этики.

Существенное влияние оказывает и историко-мемориальная составляющая среды. Военные вузы, как правило, бережно хранят память о своих выпускниках, погибших при исполнении воинского долга. Экспозиции музеев, мемориальные доски, вечера памяти, встречи с ветеранами – все это создает эмоциональный мост между прошлым и настоящим. Курсант, находясь в таком пространстве, невольно идентифицирует себя с героическими образцами, что стимулирует формирование таких качеств, как мужество, верность слову и готовность к самопожертвованию. Однако, как показывает практика, пафосная риторика без личной рефлексии может привести к формальному принятию ценностей. Поэтому эффективность этого механизма напрямую зависит от того, насколько преподаватели и командиры способны превратить исторические факты в личные смыслы, побуждая курсантов к диалогу и собственным нравственным выводам.

Не менее значимым является социально-психологический климат учебной группы. В условиях жесткой субординации и соревновательности, которые неизбежны в военной среде, курсант сталкивается с ситуациями морального выбора. Например, когда необходимо сообщить о нарушении товарища или когда требуется признать собственную ошибку перед коллективом. Культурно-образовательная среда военного вуза, если она построена на принципах справедливости и прозрачности, помогает развивать в курсанте честность и внутреннюю устойчивость. Наоборот, атмосфера круговой поруки или двойных стандартов способна деформировать нравственное сознание, приучая к конформизму. В этом смысле ключевой фигурой является курсовой офицер и преподаватель, которые служат живым примером. Их профессиональная этика, умение признавать свои слабости и демонстрировать последовательность в действиях становятся более убедительным аргументом, чем любые уставные требования.

Отдельно стоит рассмотреть роль образовательного контента. Гуманитарные дисциплины – философия, этика, культурология, военная психология – занимают в военном вузе особое место. Они не просто снабжают курсантов теоретическими знаниями, но и предоставляют инструментарий для осмысления собственного опыта. Анализ военных конфликтов с моральной точки зрения, обсуждение дилемм чести и долга, изучение биографий выдающихся полководцев, которые сочетали стратегический талант с высокими нравственными принципами, – все это способствует тому, что нравственность перестает быть декларацией и становится предметом интеллектуальной работы. Однако эффективность таких занятий напрямую зависит от формы их проведения. Лекционный монолог уступает место дискуссиям, кейс-стади и ролевым играм, где курсант вынужден аргументировать свою позицию, сталкиваясь с противоположными взглядами, что неизбежно укрепляет его моральную зрелость.

Культурно-досуговая сфера также вносит свой вклад. Художественная самодеятельность, театральные постановки, творческие вечера, хор и оркестр позволяют курсанту раскрыть эмоциональную сторону личности, которая часто подавляется строгим регламентом. Участие в таких формах деятельности развивает эмпатию, умение видеть красоту и понимать чужие переживания. Это особенно важно, поскольку нравственность не сводится к соблюдению правил, но включает в себя способность к состраданию и моральной чувствительности. Показательно, что именно в творческих коллективах курсанты часто проявляют наиболее глубокие человеческие качества, которые потом переносят в служебную деятельность.

Вместе с тем нельзя игнорировать и потенциальные риски. Чрезмерная милитаризация среды может привести к формированию ригидного мышления, где нравственность отождествляется исключительно с исполнительностью. В таком случае курсант может потерять способность к самостоятельному моральному суждению, подменяя его буквальным

следованием инструкциям. Это опасная тенденция, которая противоречит самой сути нравственности как осознанного выбора. Поэтому культурно-образовательная среда должна быть сбалансированной, включая в себя элементы открытости, диалогичности и критического мышления. В этом смысле важна интеграция военного вуза в более широкое культурное пространство города, страны, мира – через обмены, конференции, участие в гражданских научных и социальных проектах.

Подводя итог, следует отметить, что влияние культурно-образовательной среды военного вуза на нравственное становление курсантов носит тотальный характер, но оно не является автоматическим. Это результат сложного взаимодействия между внешними предписаниями и внутренними мотивами личности. Цель такой среды – воспитать человека с крепким моральным стержнем, способного принимать взвешенные решения в любых обстоятельствах, человека, для которого честь, достоинство и ответственность являются не внешними требованиями, а внутренними принципами. Именно такая личность станет настоящим защитником Отечества, несущим в себе не только силу оружия, но и силу духа.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. – URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-11-05-02-specialnye-radiotekhnicheskie-sistemy-95> (дата обращения: 18.08.2026).
2. Отев Д.П. Педагогические условия нравственного формирования личности будущих офицеров в образовательном процессе военного вуза / Д.П. Отев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2007. – №3 (25). – С. 51–54. EDN IJULSN
3. Прокофьева В.А. Морально-нравственные качества в структуре личности будущего офицера войск национальной гвардии Российской Федерации / В.А. Прокофьева // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. – 2024. – №3. – С. 30–36. EDN ZTEVTK

Стяжкина Елизавета Павловна
студентка

Уколова Анастасия Юрьевна
студентка

Филиппова Екатерина Николаевна
студентка

Тимофеева Наталья Борисовна
старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева»
г. Красноярск, Красноярский край

СИНЕРГИЯ ТРАДИЦИЙ И САМОУПРАВЛЕНИЯ: МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ ИНСТИТУТА НАСТАВНИЧЕСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОГО СОВЕТА

Аннотация: в статье рассматривается проблема повышения эффективности воспитательной работы и развития студенческого самоуправления в образовательных организациях высшего образования. Анализируется потенциал объединения двух ключевых институтов – системы наставничества и деятельности студенческих советов. Предлагается концептуальная модель их интеграции, описываются механизмы взаимодействия, ожидаемые результаты для всех участников образовательного процесса (студентов первых курсов, наставников из числа старшекурсников, профессорско-преподавательского состава, администрации вуза).

Ключевые слова: наставничество, тьюторство, кураторство, студенческое самоуправление, студенческий совет, первокурсник, адаптация, социальная среда, корпоративная культура, образовательная организация.

Современный российский университет переживает этап трансформации, смещая фокус с исключительно образовательной функции на комплексную подготовку специалиста, включающую формирование гибких навыков, гражданской позиции и профессиональной идентичности [1, 3]. В условиях высокой конкуренции за талантливую молодежь перед педагогическим вузом стоит задача не только привлечь абитуриента, но и удержать его, обеспечив быструю и безболезненную интеграцию в новую социальную среду.

Традиционно две структуры несут основную нагрузку по внеучебной социализации студентов: институт наставничества и органы студенческого самоуправления. Из опыта работы мы можем констатировать что зачастую они функционируют параллельно, дублируя некоторые функции или оставляя не большие зоны ответственности для членов студенческого совета. Наставническая работа носит во многом формальный характер и замыкается на академических показателях, тогда как студенческий совет воспринимается частью студенчества как закрытый «клуб активистов», оторванный от рядовых обучающихся. Объединение этих ресурсов позволит создать единую экосистему поддержки, где административные задачи встречаются со студенческой инициативой. В данной статье мы предлагаем разработку модели такой интеграции.

Институт наставничества в российских вузах имеет глубокие исторические корни, восходящие к советской системе воспитания. Сегодня он реализуется преимущественно через введение должностей кураторов учебных групп (из числа преподавателей или сотрудников администрации, дирекции института) и тьюторов (часто – аспирантов или специально подготовленных студентов старших курсов). Основная цель данного института – социально-психологическая и организационная адаптация первокурсников. Задачи куратора традиционно включают контроль посещаемости, информирование о правилах внутреннего распорядка, помощь в решении бытовых вопросов в общежитии и проведение профилактических бесед. Однако при таком подходе студент часто остается пассивным объектом воздействия, а наставник перегружен бюрократической отчетностью.

Студенческий совет представляет собой орган студенческого самоуправления, наделенный полномочиями представлять интересы обучающихся перед администрацией, распределять часть стипендиального фонда, организовывать досуговые мероприятия и реализовывать социальные проекты. Это площадка для проявления лидерских качеств, получения первого управленческого опыта и формирования социального капитала. Проблема заключается в том, что актив студенческого совета редко превышает 5 – 7% от общей численности контингента, в то время как остальные обучающиеся остаются лишь потребителями контента мероприятий, не вовлекаясь в процессы принятия решений.

Разрыв между этими структурами очевиден: куратор отвечает за дисциплину и успеваемость конкретного первокурсника, а студсовет формирует общую повестку института. Между ними отсутствует связующее звено, которое могло бы перевести первокурсника из статуса подопечного в статус активного участника жизни института.

Для полной и четко заданной интегративной формы «Наставник + Студенческий совет» обратимся к определениям таких понятий как наставничество, наставник, наставляемый, студенческий совет.

Институт наставничества регулирует концепция развития наставничества до 2030 года, где подробно отражены следующие понятия:

- «наставничество – социально-педагогическая технология сопровождения личностного и профессионального развития человека, формирования у него традиционных российских духовно-нравственных ценностей»;
- «наставник – носитель значимого опыта, традиционных российских духовно-нравственных ценностей, осуществляющий наставничество в отношении наставляемого»;
- «наставляемый – человек, в отношении которого осуществляется наставничество» [8].

Обращаясь к нормативным локальным документам КГПУ им. В.П. Астафьева, мы находим основные задачи, которые выполняет студенческий совет. Вот задачи, которые напрямую касаются проблематики, поднимаемой в нашей работе:

- «организация адаптации первокурсников и наставничества над ними»;
- «развитие системы кураторства/наставничества (в том числе помощь в учебе и работа со старостами)» [6].

Таким образом, опираясь на приведённые определения и задачи, мы можем наблюдать, что наставничество не ограничивается передачей опыта или сопровождения отдельного обучающегося [6, 8]. Наставничество – это социально-технологическая технология, инструмент в опытных руках, который способен стать связующим звеном между разрозненными элементами студенческой жизни. Мы предлагаем рассматривать студенческий совет как площадку для связи между наставником и наставляемым. Именно здесь связь обретает институциональную форму. Студсовет – это орган самоуправления, который обладает ресурсами для организации системного взаимодействия: не только распределение стипендиального фонда и организация мероприятий, но и целенаправленное вовлечение первокурсников в реальную деятельность через институт наставничества. Именно при таком взаимодействии наставляемый перестаёт быть пассивным потребителем контента и становится активным участником принятия решений, а наставник из куратора-контролёра превращается в проводника в мир студенческого самоуправления. Возникает интегративная форма «Наставник + Студенческий совет», где наставничество служит механизмом преодоления разрыва между активом института (5% – 7%) и остальными обучающимися, а студсовет – средой, в которой этот механизм реализуется системно и целенаправленно.

Интеграция должна строиться по нашему мнению не на поглощении одной структуры другой, а на создании симбиотического механизма и мы предлагаем назвать его «Наставническим кластером» внутри студенческого совета. Кластер выступает профильным направлением студсовета, курирующим всю вертикаль адаптации и состоит из трех уровней.

Рассмотрим трёхуровневую модель «Наставнический кластер».

Таблица 1

Трёхуровневая модель «Наставнический кластер»

Уровень	Название	Ключевые задачи и содержание	Ответственные и участники	Результат
1	Инкубатор	– открытый конкурс среди студентов 2–5 курсов. Критерии отбора: коммуникативные навыки, эмпатия, мотивация (не только отличная учёба); – обучение силами студсовета совместно с психологической службой; – Программа: тренинги по конфликтологии, тайм-менеджменту, основам проектной деятельности, профилактики девиантного поведения	Студсовет – выполняет роль кадрового агентства и тренингового центра. Психологическая служба – координатор обучения. Кандидаты в наставники – студенты 2–5 курсов	Повышение качества человеческого ресурса; подготовка компетентных наставников, способных работать с первокурсниками
2	Акселератор	– роль наставника трансформируется из контролёра в продюсера студенческой инициативы; – за учебной группой закрепляется микро-группа (3–4 человека) наставников-студентов во главе со старшим куратором из числа студсовета;	Наставники-студенты; старший куратор (из числа студсовета); студенческий совет; учебная группа как	Сплочение группы, вовлечение первокурсников в активную деятельность, замена формального контроля

Уровень	Название	Ключевые задачи и содержание	Ответственные и участники	Результат
2		– деятельность меняется: от протокольных собраний – к проектам; – в первые 2 месяца адаптации – создание общего проекта группы; – наставник – фасилитатор, помогающий группе сплотиться; – студсовет – ресурсная поддержка	объект сопровождения	реальной проектной работой
3	Экосистема	Формируется понятная траектория роста студента-лидера, что делает работу в органах самоуправления прозрачной и привлекательной	Студсовет – как среда для реализации карьерного трека. Наставники – как проводники и примеры для подражания. Активные студенты – участники траектории	Обеспечении преемственности, горизонтальных связей и мотивации к участию в самоуправлении; превращение студсовета в привлекательную площадку для развития лидеров

Из представленной таблицы мы видим: трехуровневая модель «Наставнический кластер» образует единую систему, где студенческий совет последовательно выступает как кадровое агентство, ресурсный центр и среда для профессионального роста. Ярким примером работы кластера служит карьерный трек студента-лидера, который наглядно демонстрирует, как наставничество превращается в непрерывный механизм воспроизводства управленческих кадров:

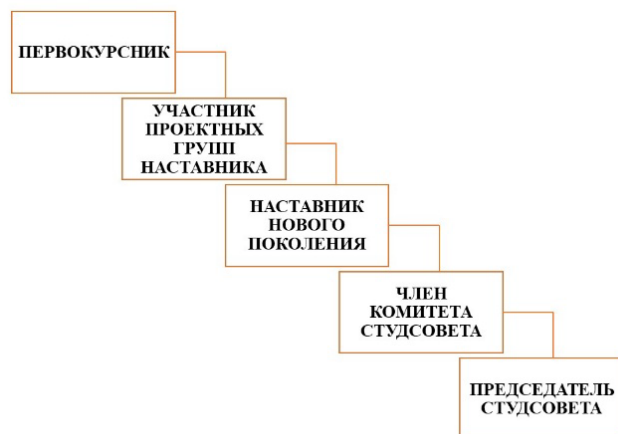

Рис. 1. Карьерный трек «Студент-лидер»

Таким образом, данная цепочка замыкает цикл: сегодняшний наставляемый завтра становится наставником, а вчерашний участник проекта – лидером, формирующим будущее нашей страны.

Для системной и непрерывной работы представленного кластера необходимо разграничивать и понимать зону ответственности каждого участника цепочки. Проведём сравнительный анализ двух моделей наставничества, рассмотрим таблицу 2.

Таблица 2

Сравнение двух моделей наставничества

Функция	Традиционный подход	Ответственный	Модель «Наставнический кластер»	Ответственный
Отбор наставников	Назначение приказом, часто формально	Декан/директор	Открытый конкурс от студенческого совета, жёсткий отбор по чётко определённым критериям	Студенческий совет
Встречи с группой	Проверка ведомостей, отчёты, дисциплинарные беседы	Преподаватель-куратор	Воркшопы, мозговые штурмы, планирование социальных акций и проектов	Наставники-студенты, старший куратор из числа студсовета, студсовет
Решение конфликтов	Жалоба декану/директору, далее разбор на комиссии.	Декан/директор, куратор	Медиация силами обученного наставника + поддержка студенческого совета	Наставник-медиатор, студсовет, психологическая служба
Адаптация иногородних студентов	Помощь куратора в заселении и оформлении документов, разовые консультации	Преподаватель-куратор	Шефство наставников-студентов, культурно-адаптационные мероприятия, знакомство с инфраструктурой университета и города	Наставники-студенты, студсовет
Оценка работы	Отчёт куратора о количестве проведённых кураторских часов и успеваемости группы	Преподаватель-куратор	Оценка вовлечённости группы в студенческую жизнь (NPS-опросы первокурсников), количество реализованных проектов и мероприятий, динамика участия в студсовете	Студсовет, старший куратор, психологическая служба

Сравнительный анализ показывает принципиальное отличие двух моделей наставничества: от разрозненной, формально-административной модели к интегрированной, студентоцентричной экосистеме. Если традиционный подход – это контроль, отчётность и реактивное решение проблем, то «Наставнический кластер» – это проактивный и проектный формат, где каждый участник получает стопроцентный результат. При этом ответственность перераспределяется следующим образом: студенческий совет берёт на себя управление человеческим капиталом, наставники становятся фасилитаторами и медиаторами, а администрация выступает гарантом нормативной базы и ресурсной поддержки.

Таким образом, «Наставнический кластер» – это не просто сумма наставничества и студсовета, а качественно новая структура, где каждый участник выполняет свою роль:

- администрация вуза – создание нормативной базы, выделение финансирования на проекты кластера, предоставление помещений и снижение педагогической нагрузки преподавателям, выступающим научными консультантами студенческих проектов, обеспечение легитимности и инфраструктуры, не вмешиваясь в оперативное управление;

- студенческий совет – полный цикл управления человеческим капиталом кластера (от маркетинга вакансии наставника и открытого конкурса до обучения, супервизии и итоговой аттестации выпускников программы наставничества), студсовет выступает как кадровое агентство, тренинговый центр, ресурсный оператор и аналитический орган;

- наставник – мост между администрацией и студентами, транслятор ценностей студсовета, фасилитатор, медиатор и продюсер студенческой инициативы.

Именно такая интеграция позволяет преодолеть тот самый разрыв между 5% – 7% актива и остальными обучающимися.

Внедрение данной модели в образовательный процесс дает мультипликативный эффект:

- для первокурсников: снижение уровня стресса и оттока на первом курсе на 10–15% (за счет раннего выявления проблем и быстрой социализации), формирование чувства принадлежности к университету с первых дней;

- для наставников из числа студентов: развитие компетенций XXI века: эмоциональный интеллект, управление командой, ведение переговоров, ответственность; повышение конкурентоспособности на рынке труда после выпуска;

- для студенческого совета: увеличение ядра активных студентов в 2 раза. Качественный рост проводимых мероприятий (они становятся более адресными и полезными);

- для вуза: укрепление HR-бренда работодателя, улучшение показателей мониторинга эффективности вузов, касающихся воспитательной работы и трудоустройства.

Мониторинг эффективности работы «Наставнического кластера» должен осуществляться через систему количественных (динамика посещаемости, средний балл группы, процент участия студентов в выборах органов самоуправления) и качественных (глубинные интервью, социометрия для оценки климата в группах) индикаторов ежеквартально [3].

Объединение института наставничества и студенческого совета – это переход от парадигмы патернализма («взрослые заботятся о детях») к парадигме партнерства и меритократии. Студенческий совет перестает быть лишь витриной активности вуза, становясь реальным кадровым резервом и сервисной платформой. Наставничество, в свою очередь, избавляется от формализма, наполняясь живой энергией студенческой самоорганизации. Такая синергия формирует подлинную корпоративную культуру университета, основанную на взаимопомощи, инициативе и личной ответственности каждого за общее благополучие.

Список литературы

1. Приказ КГПУ им. В.П. Астафьева от 01.02.2024 №71 (п) «Об утверждении Положения о системе студенческого самоуправления в КГПУ им. В.П. Астафьева».

2. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 27 декабря 2021 г. №1463 «Об утверждении Положения о кураторе (тьюторе) учебной группы образовательной организации высшего образования».

3. Распоряжение Правительства РФ от 21.05.2025 №1264-р «Об утверждении Концепции развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года и плана мероприятий по ее реализации».

4. Реут Д.В. Организационное консультирование и медиация в молодежной среде / Д.В. Реут. – М.: Инфра-М, 2022. – 188 с.

Федорова Регина Юрьевна

учитель

МБОУ «Чемуршинская ООШ»

с. Чемурша, Чувашская Республика

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И РОДНОГО СЛОВА В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация: в статье рассмотрена проблема патриотического воспитания молодежи в условиях современной школы, проанализирована роль уроков русского языка и литературы в формировании у школьников гражданской идентичности, нравственных ориентиров и уважения к отечественной культуре. Особое внимание уделено методическим приемам изучения классической и современной литературы, а также использованию краеведческого материала. На примере обращения к роману Т.Н. Толстой «Кысь» показано, как антиутопическая проза может служить эффективным инструментом для осознания подростками ценности культурной памяти и исторической преемственности.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, культурная память, нравственные ценности, краеведение, педагогическая практика.

В условиях глобализации, цифровой трансформации и активного проникновения в повседневность культурных кодов других стран проблема патриотического воспитания молодежи приобретает особую остроту. Согласно «Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», патриотизм определяется как любовь к Родине, активная гражданская позиция и стремление к созиданию на благо Отечества [3, с. 4]. Однако в педагогической практике мы иногда сталкиваемся с тем, что современные подростки воспринимают патриотизм исключительно как набор внешних, формальных атрибутов. Задача учителя также состоит в том, чтобы показать: истинный патриотизм начинается не с громких лозунгов, а с глубокого, осознанного чувства уважения к родному слову, к истории своей семьи, к культуре своего народа и к памяти предков.

Исходя из педагогического опыта, не будет преувеличением подчеркнуть, что патриотическое воспитание органично интегрируемо на уроках русского языка и литературы. Подростковый возраст характеризуется критическим мышлением и неприятием навязанных догм. Поэтому любые попытки воспитывать патриотизм исключительно директивными методами дают обратный эффект. Эффективнее вести речь о любви к Отечеству через призму культуры, языка и нравственного выбора.

Как справедливо отмечал академик Д.С. Лихачев, язык – это не просто средство общения, это «творец, созидатель», история народа, его память, его совесть [1]. На уроках русского языка работа по патриотическому воспитанию выстраивается через этимологический и лексический анализ. Когда школьники изучают происхождение слов, связанных с понятиями «Родина», «отец», «труд», «забота», «совесть», они начинают понимать, что в самом генетическом коде языка заложены базовые ценности нашего народа. Например, разбор фразеологизмов, пришедших из народного быта, ремесел или исторических событий, позволяет подросткам ощутить связь времен. Язык предстает перед ними не как набор скучных правил из учебника, а как живой организм, который мы обязаны сберечь.

Литература, в свою очередь, предоставляет богатейший материал для формирования нравственного стержня и эмпатии. Патриотизм невозможен без сострадания и умения чувствовать боль и радость своего народа. Изучая классические произведения, мы обсуждаем с учениками не только художественные особенности текстов, но и моральные дилеммы героев. Обращение к «Слову о полку Игореве», стихотворениям М.Ю. Лермонтова («Бородино»),

прозе В.П. Астафьева, В.Г. Распутина, Б.Л. Васильева позволяет школьникам на эмоциональном уровне соприкоснуться с понятиями долга, самопожертвования и любви к родной земле. Важно при этом не навязывать готовые трактовки, а побуждать подростков к самостоятельному размышлению: почему герой поступил именно так? Что значит быть человеком в экстремальных условиях? Как личная судьба связана с судьбой страны?

Однако современному учителю недостаточно опираться только на классику. Подростки живут в другом информационном поле [2, с. 3], и чтобы достучаться до них, необходимо говорить на понятном им языке, используя в том числе современную прозу. Здесь перед педагогом встает задача показать, что утрата культурной памяти ведет к деградации личности и общества. В этом контексте весьма показательным обращением к жанру антиутопии.

Показательным примером в нашей педагогической практике служит обращение к роману Татьяны Никитичны Толстой «Кысь». Хотя это произведение относится к постапокалиптической прозе и не является классическим патриотическим текстом, его воспитательный потенциал в контексте формирования гражданской идентичности трудно переоценить. Мы используем метод «от противного». Показывая учащимся мир романа – поселение Федор-Кузьмичск (некогда Москва), где после катастрофы люди утратили связь с прошлым, а их культура и быт разрушились [4, с. 30], – мы заставляем подростков задуматься о хрупкости цивилизации.

В романе Т.Н. Толстой разрушение государства и общества начинается с разрушения языка и памяти. Жители Федор-Кузьмичска забыли историю, они боятся книг, их речь упрощена и огрублена. Композиционное решение романа, где главы названы буквами церковнославянской азбуки («Аз», «Буки», «Веди»), символизирует болезненный путь главного героя Бенедикта к обретению себя через возвращение к истокам, к «азбучным истинам» родного слова. Обсуждая с старшеклассниками образ мифической Кыси, которая «обрезает животворную жилочку», мы приходим к важному выводу: эта Кысь – метафора духовной пустоты, исторического беспамятства и невежества. Роман наглядно демонстрирует молодежи: если мы перестанем читать, если забудем свой язык и историю, если позволим культуре деградировать, мы потеряем свою человеческую сущность. Таким образом, современная антиутопия становится мощным профилактическим инструментом, заставляющим подростков ценить то культурное наследие, которое они имеют, и понимать ответственность своего поколения за его сохранение.

Неотъемлемой частью патриотического воспитания в школе является краеведение. Любовь к большой Родине начинается с любви к малой – к родному дому, улице, селу, городу. В условиях сельской школы краеведческий компонент интегрируется практически в каждый урок. Мы изучаем топонимику родного края, знакомимся с творчеством чувашских и русских писателей, чья жизнь связана с нашим регионом. Встречи с ветеранами, создание школьного музея и проектов по истории своих семей – все это формирует у детей чувство сопричастности. Когда подросток понимает, что его предки участвовали в великих исторических событиях, что его малая родина имеет богатую историю и культуру, его патриотизм перестает быть абстрактным. Он обретает конкретные лица, названия и места.

Кроме того, важнейшим аспектом работы является формирование межнационального согласия. Россия – многонациональная страна, и патриотическое воспитание должно строиться на идеях дружбы народов, взаимного уважения культур и традиций. На уроках литературы мы регулярно обращаемся к произведениям авторов разных национальностей, переводным эпосам, фольклору. Это помогает школьникам осознать, что многокультурность России – это не слабость, а величайшая сила и богатство нашего государства.

В заключение следует подчеркнуть, что патриотическое воспитание молодежи не может быть реализовано в рамках нескольких классных часов или разовых мероприятий. Это непрерывный, системный процесс, который требует от педагога высокого профессионализма,

такта и искренней увлеченности своим предметом. Учитель русского языка и литературы обладает уникальным инструментарием для формирования у подрастающего поколения глубокого, осознанного патриотизма. Через бережное отношение к родному слову, через погружение в отечественную литературу, через осмысление как классического, так и современного культурного наследия, мы помогаем молодым людям найти свои духовные ориентиры.

Список литературы

1. Лихачев Д.С. Русская культура / Д.С. Лихачев; Фонд им. Д.С. Лихачева. – СПб.: Искусство-СПб, 2007. – 436 с. – EDN QPHWDB
2. Магомедова З.Ш. Тактики и стратегии манипулятивного воздействия на формирование патриотизма у российской молодежи / З.Ш. Магомедова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2025. – Т. 13, №5. – С. 1–13. – ISSN 2658-6282. – EDN HNPTXF
3. Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации: методические рекомендации. – URL: https://patriot.nso.ru/sites/patriot.nso.ru/wodby_files/files/document/2022/12/documents/metodicheskie_rekomendacii_osnovy_patr_vospitaniya.pdf (дата обращения: 20.09.2026).
4. Пронина А. Наследство цивилизации. О романе Т. Толстой «Кысь» / А. Пронина // Русская словесность. – 2002. – №6. – С. 30–33.
5. Толстая Т.Н. Кысь: роман / Т.Н. Толстая. – М.: Подкова, 2003. – 320 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Бочков Павел Валерьевич

канд. экон. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»

г. Екатеринбург, Свердловская область

ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССЫ

Аннотация: в статье подвергается критическому анализу феномен юридизации операционной деятельности хозяйствующего субъекта. Автор отходит от узконормативного толкования бизнес-процессов как простой совокупности действий, предлагая рассматривать их через призму правовой валентности – способности элементов управленческой архитектуры порождать, изменять или прекращать правовые последствия.

Ключевые слова: юридически значимый бизнес-процесс, правовая валентность, комплаенс, цифровой след, юридическая техника.

Эволюция корпоративного управления в условиях цифровой трансформации экономики актуализирует проблему переосмысления сущности бизнес-процессов. Традиционный взгляд, укоренившийся в менеджеральной парадигме, рассматривает бизнес-процесс как совокупность взаимосвязанных операций, направленных на создание добавленной стоимости. Однако данный подход игнорирует имманентную связь этих операций с нормативной средой. Любая управленческая активность, будь то заключение контракта, найм персонала или исполнение налогового обязательства, неизбежно проецируется в юридическую плоскость, генерируя правовые последствия. В этой связи целью настоящей работы является концептуализация понятия «юридически значимый бизнес-процесс» (ЮЗБП) и выявление его специфических характеристик, отличающих его от смежных категорий.

Методологическая база исследования строится на синтезе инструментария теории права, процессного управления (BPM) и институциональной экономики. Мы исходим из гипотезы, что в современной высокорегулируемой среде разделение бизнес-процессов на «юридические» и «неюридические» является эвристически несостоятельным, уступая место градации по степени интенсивности правового воздействия.

Понятие «бизнес-процесс» в научной литературе часто редуцируется до технологической карты или алгоритма. Однако если мы обратимся к анализу реальных хозяйственных практик, то обнаружим, что процесс не существует вне правовой формы. Правовая валентность (от лат. *valentia* – сила) в данном контексте означает способность атомарной бизнес-операции или их совокупности вступать в связь с нормативными регуляторами, вызывая юридический резонанс.

Юридически значимый бизнес-процесс следует определить, как структурированную последовательность действий субъекта предпринимательства, в которой ключевые контрольные точки (вехи) опосредованы актами правоприменения или правореализации, а результат процесса закрепляется юридическими фактами. Специфика ЮЗБП заключается не столько в соблюдении закона как внешнего ограничителя, сколько в использовании правовых конструкций как несущих элементов самого процесса. Например, процесс «Реализация продукции» не просто сопровождается договором купли-продажи; договорная модель (оферта-акцепт) является алгоритмическим ядром процесса, определяющим последовательность отгрузки, перехода рисков и формирования выручки.

Таким образом, происходит онтологическое сращивание фактических и юридических действий. Игнорирование этой спаянности ведет к росту транзакционных издержек и правовой энтропии внутри корпоративной системы.

Для построения эффективной системы управления юридическими рисками необходима демаркация ЮЗБП от фоновых (индифферентных) операций. Предлагается следующая морфологическая матрица, основанная на функциональном признаке правового воздействия:

- правообразующие процессы. Направлены на создание новых правовых сущностей. К ним относятся корпоративные процедуры (эмиссия акций, реорганизация), а также сложные инвестиционные сделки (M&A). Здесь право выступает конструктором реальности;
- правореализующие процессы. Составляют основную массу операционной деятельности: исполнение договорных обязательств, логистика с пересечением таможенных границ, обработка персональных данных. В этих процессах нормативность встроена в рутину, часто незаметно для исполнителя;
- правоохранительные (комплаенс) процессы. Это рефлексивная деятельность системы, направленная на обеспечение соответствия. Сюда входят процедуры внутреннего контроля, AML-процедуры, антимонопольный комплаенс и due diligence. Их особенность – вторичность по отношению к основному потоку создания ценности, но критическая важность для устойчивости бизнеса.

Анализ показывает, что попытка автоматизации бизнес-процессов без учета их правовой морфологии приводит к так называемой «цифровой дерегуляции», когда IT-система воспроизводит функциональную логику, но утрачивает доказательственную силу (юридическую значимость) совершаемых операций из-за некорректной фиксации волеизъявления или идентификации сторон.

Современный этап развития хозяйственных отношений характеризуется тотальной дигитализацией. Бизнес-процесс всё чаще разворачивается не в физическом пространстве, а в интерфейсах ERP, CRM и BPM-систем. В связи с этим возникает коллизия между фактической (технологической) завершенностью процесса и его формальной юридической состоятельностью.

Под «цифровым следом» понимается совокупность структурированных и неструктурированных данных, генерируемых информационной системой в ходе выполнения процесса. Вопрос о придании этому следу статуса полноценного доказательства в суде или перед регулятором является краеугольным камнем современной юридической практики. Юридически значимый бизнес-процесс в цифровой среде требует обязательного наличия механизмов верификации: электронной подписи, машиночитаемых доверенностей, смарт-контрактов и меток доверенного времени.

Следовательно, проектирование ЮЗБП сегодня – это всегда со-проектирование: процессный архитектор и юрист обязаны синхронизировать дизайн пользовательского пути с требованиями процессуального законодательства. В противном случае возникает риск появления «юридически пустых» операций, которые существуют в информационной системе, но не порождают правового результата (например, клик по кнопке «Согласен» без надлежащей аутентификации пользователя).

Традиционная модель юридического сопровождения бизнеса строилась на реактивном подходе: юрист подключался на этапе, когда процесс уже сформирован и требуется «проверка договора» или «претензионная работа». Для эффективного функционирования ЮЗБП этого недостаточно. Наблюдается парадигмальный сдвиг в сторону превентивного юридического дизайна (Legal Design).

В рамках данного подхода правовое сопровождение интегрируется в саму ткань процесса на этапе его моделирования. Юридическая функция трансформируется в инженерию правовых рисков:

- декомпозиция нормы: перевод абстрактного требования закона в конкретную метрику процесса (например, требование «соразмерности неустойки» переводится в алгоритм расчета лимитов в системе);

– встраивание контрольных точек: определение этапов процесса, где без проверки юридического факта дальнейшее выполнение процесса запрещено (legal gatekeeping);

– автоматизация правовых решений: использование конструкторов документов и риск-матриц, позволяющих менеджменту принимать решения в рамках заданного правового коридора.

Такой подход позволяет минимизировать разрыв между скоростью бизнеса и консервативностью права, конвертируя юридическую функцию из центра затрат в фактор обеспечения непрерывности бизнеса.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что выделение юридически значимых бизнес-процессов в отдельную категорию является необходимой предпосылкой для повышения устойчивости хозяйствующего субъекта. Юридическая составляющая перестала быть надстройкой над бизнес-моделью, став её субстанциональной основой. В работе обосновано, что под ЮЗБП следует понимать не процессы, требующие усиленного внимания юристов, а процессы, сама сущность которых конституируется правовыми формами.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке методологии количественной оценки правовой валентности отдельных операций, а также в создании онтологических моделей для интеграции юридических требований в low-code платформы автоматизации бизнес-процессов. Способность корпорации управлять именно юридической составляющей своих процессов определяет уровень её зрелости и конкурентоспособность в условиях усложняющейся регуляторной среды.

Список литературы

1. Бочков П.В. Бизнес-анализ в условиях гибридного интеллекта: новые роли, компетенции и методологии / П.В. Бочков // Стратегии устойчивого развития: экономические, юридические и социальные аспекты. – Чебоксары: Среда, 2026. – С. 128–138. – DOI 10.31483/r-154226. – EDN SOZLML.

2. Бочков П.В. Разбор анализа бизнес-процессов на основе автоматической группировки / П.В. Бочков // Экономика и предпринимательство. – 2025. – №11 (184). – С. 1323–1326. – DOI 10.34925/EIP.2025.184.11.231. – EDN MVAQXT.

Лесных Владислав Сергеевич

студент

Научный руководитель

Гришко Александр Яковлевич

д-р юрид. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина»

г. Рязань, Рязанская область

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ «КРУПНЫЙ УЩЕРБ» И «ОСОБО КРУПНЫЙ РАЗМЕР» В ГЛ. 22 УК РФ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И УНИФИКАЦИИ

Аннотация: глава 22 УК РФ играет существенную роль в экономической безопасности России. Она регламентирует и защищает стабильности финансовой системы и права частного бизнеса. В современных условиях давления со стороны санкций и логистических цепочек ее значение кардинально возросло. Она регулирует легальный бизнес и конкуренцию (борьба с рейдерским захватом), обеспечивает налоговый контроль и финансирование соцпрограмм, противодействует теневой экономике, отвечает за стабильность финансового сектора. Различные стоимостные пороги в статьях гл. 22 УК РФ порождает множественность критериев оценки преступления, что ведет к противоречиям в правоприменении. Тесное переплетение с гражданским, налоговым и корпоративным правом не позволяет иметь место двусмысленности из-за высокого системного риска. В статье будут рассмотрены понятия: «крупный ущерб» и «особо крупный размер», проведен сравнительный анализ

количественных и качественных критериев с целью предложения по созданию единой методики оценки.

Ключевые слова: крупный ущерб, особо крупный размер, количественные параметры, качественные параметры.

Глава 22 УК РФ включает в себя статьи регламентирующие преступления в сфере экономической деятельности. Данный раздел является одним из самых обширных и включает в себя более 30 составов преступлений: в сфере предпринимательства; налоговые преступления; в сфере обращения денег и ценных бумаг; банкротство и т. д. Оценочные понятия «крупный ущерб» и «особо крупный размер» в данной сфере становятся препятствием для квалификации уголовного преступления, так как различный стоимостный порог для разных составов преступления порождает противоречия в применении [1].

Основой для толкования статей являются количественные параметры (стоимостные критерии) и качественные аспекты (оценка ущерба). Рассмотрим данные аспекты [2, с. 21].

Количественные критерии изначально определялись путем привязки к МРОТ, позднее опирались на инфляционную индексацию, однако единую методику и концепцию определения показателей так и не вводили. Весной 2024 года Госдума приняла поправки, регламентирующие индексацию ущерба и размера преступной деятельности для статей гл. 22 УК РФ. Данное изменение было вызвано ростом цен, что приводило к несоответствию с экономической ситуацией, а значит и утрате степени общественной опасности. Порог крупного ущерба – 3.5 млн. рублей, а особо крупный размер – 13,5 млн. рублей.

Помимо общих норм в примечаниях к статьям установлены специальные пороги, некоторые из них представлены ниже (табл. 1). В общей сложности в гл. 22 УК РФ существует 18 различных показаний крупного ущерба и 12 вариантов особо крупного размера [1].

Таблица 1

Количественные параметры

Статья УК РФ	Крупный ущерб	Особо крупный размер
С. 169	1,5 млн. руб.	
Ст. 178	16 млн. руб. (ущерб) и 80 млн. руб. (доход)	47,5 млн. руб. (ущерб) и 395 млн. руб. (доход)
Ст. 185	2,25 млн. руб.	
Ст. 185.1	5.5 млн. руб.	
Ст. 170.2	3.5 млн. руб.	13 млн. руб.

Количественный критерий создает следующие проблемы:

- отсутствие единого обоснованного расчета. Выделяют три основных подхода (привязка к уровню дохода населения, к размеру ущерба при хищениях и к усредненным данным судебной практики), которые не являются универсальными;
- отсутствие учета динамики экономических отношений. Во-первых, необходимо смотреть на уровень бизнеса, во-вторых, перенос критериев из статей о хищении недопустим в большинстве случаев;
- снижение эффективности правоприменения. Суды часто физически не учитывают размерные признаки при определении степени общественной опасности;
- несоответствие реальности. В условиях роста цен и инфляции данные минимумы перестают быть адекватными [3, с. 280].

Таким образом, количественный критерий, будучи формально определенным, создает ряд правовых неопределенностей из-за отсутствия единой методики расчета.

Рассматривая качественные аспекты важно отметить, что понятие «ущерб» довольно оценочно. В законе нет четкого унифицированного определения данному термину. Уже на этом этапе создается правовая неопределенность в рассмотрении вопросов экономических преступлений. Необходимость разработки единых критериев усилило исключение признака

крупного и особо крупного дохода, так как крупный ущерб стал единственным криминообразующим фактором [3, с. 279].

Мы также не можем не отметить, что в статьях 22 главы УК РФ есть ряд качественных признаков, которые не поддаются стоимостному измерению: качественные и кумулятивные признаки. Количественные признаки (стоимостные пороги) легко определимы, так как выражены в денежных единицах [2, с. 22].

Качественные признаки характеризуют содержательную сторону деяния или его последствий. К ним относят: ущерб, существенный вред, подрыв экономической деятельности и т. д. Они не поддаются стоимостному измерению, так как выражают не только имущественные отношения, но и организационные, социальные и конкурентные. Также они рассматривают неимущественные последствия (угрозу жизни и здоровья, подрыв доверия и т. д.) и отражают объективные экономические реалии (соотношение ущерба с масштабами деятельности/ товарооборотом/финансовым состоянием и т. д.) [2, с. 23].

Кумулятивные признаки сочетают в себе количественные и качественные признаки, либо требуют оценки совокупности условий. Для некоторых деяний нужно установить не только денежную сумму, но и наличие иных негативных последствий. Например, в ст. 172 УК РФ это нарушение прав граждан. Для оценки данного признака нужно учитывать взаимосвязь количественных и качественных показателей [2, с. 23, 24].

Соответственно данные признаки порождают следующие проблемы: отсутствие оценочного определения «ущерб»; субъективизм правоприменителя; разнородную судебную практику и неопределенность основания уголовной ответственности.

Таким образом, мы приходим к выводу, что количественные параметры формально точны, но на практике это не так. Большое количество различных порогов, отсутствие единой методики обоснования, неучет инфляции и отраслевой специфики отрывают параметры от действительности. Качественные же признаки с отсутствием легальных закреплённых дефиниций приводят к субъективной и противоречивой судебной практике, что позволяет подтасовывать и подменять критерии.

Общей проблемой становится иллюзия, которую создают количественные параметры, подкреплённые возможной субъективной оценкой. На этой базе зарождается неопределённость, которая ведёт за собой неравенство перед законом и снижение эффективности уголовно-правовой защиты экономической сферы.

Выходом из данного положения может стать разработка единой системы или методики оценки, которая будет сочетать в себе: легальные закреплённые дефиниции, унифицируемые и регулярно индексируемые пороги (с учетом масштаба деятельности и региональных особенностей), закреплённые качественные критерии (виды, значимость и отраслевой контекст вреда), а также прозрачный алгоритм расчета.

Мы хотим предложить следующую методику оценки крупного ущерба и особо крупного размера:

– базовый коэффициент: базовый порог (БП) – среднемесячный оборот/выручка потерпевшего за последний отчетный год $\times$ коэффициент отраслевой значимости (от 0,5 до 2,0). Соответственно, порог крупного ущерба высчитывается: $\text{БП} \times 3$ (но не менее 3,5 млн руб.), а для особо крупного размера: $\text{БП} \times 10$ (но не менее 13,5 млн. руб.);

– обязательные качественные критерии. Ущерб признается крупным или особо крупным при наличии хотя бы одного из следующих качественных признаков: системный характер (неоднократное деяние (3 и более раз)); формы соучастия (группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество); отраслевая деформация (причинение вреда конкуренции, рыночным механизмам, доступности товара/услуг); социальная значимость (ущерб причинен социально уязвимым группам, бюджетной сфере или стратегическим предприятиям); необратимость последствий (восстановление невозможно или экономически невыгодно);

– единый алгоритм подсчета суммы ущерба. Ущерб = Прямые потери (фактическая стоимость утраченного имущества без НДС, наценок и расходов) + Обязательно сопутствующие расходы (экспертиза; хранение; транспортировка; вынужденный простой) – Восстановленная стоимость (сумма, реально возвращенная потерпевшему до вынесения приговора).

При этом обязательно привлечение эксперта для точной оценки ситуации, также важно сохранить право потерпевшего на предоставление альтернативного расчета с обоснованием, а также ежегодная индексация с учетом инфляции.

Таким образом, мы рассмотрели проблемы толкования понятий «крупный ущерб» и «особо крупный размер», а также предложили единую методику оценки.

Список литературы

1. Глава 22. Преступления в сфере экономической деятельности (ст. 169–200.7) // ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/10108000/3554092acf30cb12f811f66f58ae41b2/> (дата обращения: 06.07.2026).

2. Королева Е.С. Вред в праве: количественная и качественная характеристика / Е.С. Королева // Теоретико-исторические правовые науки. – 2026. – №2. – С. 19–28. – ISSN 2313-6715. – DOI 10.21639/2313-6715.2026.2.2.19-28. EDN IVWPEN

3. Майстренко Г.А. К вопросу о необходимости пересмотра понятий «крупный ущерб», «особо крупный ущерб» в уголовном законодательстве России / Г.А. Майстренко // Образование и право. – 2022. – №3. – С. 279–283. – ISSN 2313-6715. – DOI 10.24412/2076-1503-2022-3-279-283. EDN HUGTDO

Малыгин Сергей Александрович

соискатель, студент

Научный руководитель

Землин Александр Игоревич

заслуженный деятель науки Российской Федерации,

д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

г. Москва

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ И МЕХАНИЗМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация: статья посвящена вопросам охраны здоровья человека и её социальной значимости, как комплексного правового института в Национальном и Международном контекстах. Рассматривается роль и значение международных организаций в области здравоохранения, а также принятое ими нормативно-правовых актов по охране здоровья человека. Особое внимание уделено сложившейся ситуации в российской системе здравоохранения в части правовых особенностей регулирования сферы охраны здоровья.

Ключевые слова: охрана здоровья, международно-правовые акты, международные организации, ООН, правовое регулирование.

Право человека на здоровье наряду с другими экономическими и социальными правами является неотъемлемым правом каждого человека, занимая центральную роль в формировании и развитии политики в области здравоохранения и оказания медицинских услуг во всем мире [1, с. 15].

Первоначально концептуальные основы права человека на здоровье формировались преимущественно под влиянием исследований, проведенных специалистами неюридического профиля. В частности, философские труды, посвященные анализу значения социальной группы прав человека, главным образом рассматривали право на здоровье как предпосылку реализации права на медицинскую помощь. При этом вопросы взаимосвязи права на здоровье с другими социальными правами оставались вне поля научного интереса. В целом, философская доктрина склонялась к позиции, согласно которой право на здоровье не обладает статусом самостоятельной категории в системе социальных прав человека [2, с. 49].

Закрепление права на здоровье в 20 веке стало результатом комплексных социально – экономических и институциональных трансформаций. Существенным импульсом для его признания послужила Великая депрессия 1930-х гг., обусловившая расширение механизмов государственного социального обеспечения [2, с. 50].

Ключевым этапом институционализации данного права стало создание ООН, ориентированной на предотвращение систематических нарушений прав человека, а также учреждение ВОЗ как специализированного органа, регулирующего вопросы охраны здоровья. Эти процессы способствовали нормативному закреплению права на здоровье в международных правовых актах, включая Всеобщую декларацию прав человека 1948г. и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г, что окончательно утвердило его статус фундаментального социального права [2, с. 50].

Здоровье граждан – это важнейшая ценность как для отдельного человека, так и для государства. Для граждан Российской Федерации за последнее время существенно возросла значимость права на бесплатную медицинскую помощь [3, с. 3].

Российское законодательство в ст. 41 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину «право на охрану здоровья и медицинскую помощь, оказываемую в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения бесплатно за счёт средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений» [4, с. 17].

Таким образом, в системе социально-экономических прав граждан право на охрану здоровья является одним из важнейших элементов. Основные гарантии реализации прав в сфере охраны здоровья закреплены и в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» [4, с. 18].

Право на охрану здоровья, исходя из российской доктрины, представляет собой комплексный институт, включающий правовые нормы, закрепляющие правила подготовки медицинских кадров, институты организационных, экономических, социальных, научно медицинских и профилактических мер в интересах населения страны. Само право на охрану здоровья может быть представлено как социальное обязательство государства по отношению к своим гражданам и лицам, находящимся на его территории [3, с. 13].

В зарубежной же правовой доктрины характерно включение в содержание «право на охрану здоровья» оказание медицинской помощи не только медицинским персоналом, но и не имеющими профессионального медицинского образования субъектами права, а также профилактические меры, любые формы патронажа, оказание услуг в хосписах, администрирование и финансирование соответствующих институтов [3, с. 21]

Реализация прав по охране здоровья человека происходит через комплексный механизм, в который включены меры правового, экономического, организационного характера. С помощью которых каждый человек может реально получить медицинскую помощь, лечение и профилактику заболеваний. В Российской Федерации этот механизм опирается главным образом на Конституцию РФ и федеральный закон №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации».

Помимо этого существенными элементами данного механизма являются:

- система здравоохранения – это сеть государственных, муниципальных и частных медицинских организаций, которые лечат людей и проводят профилактику.
- государственные гарантии – это финансирование медицинской помощи за счёт бюджета и системы обязательного медицинского страхования (ОМС);
- органы контроля и управления – минздрав, надзорные ведомства, которые следят за качеством лечения и соблюдением прав граждан;
- способы защиты – обращение страховую компанию, суд, надзорные ведомства в случае нарушения прав гражданина в области охраны здоровья.

При реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь часто возникают конфликтные ситуации между медицинскими работниками и пациентами. В одних случаях они

связаны с оказанием пациентам некачественной медицинской помощи, в других – с необоснованными требованиями пациентов [5, с. 238].

На сегодняшний день уровень охраны здоровья граждан в нашей стране в полной мере не соответствует современным международным стандартам. Система охраны здоровья зачастую находится под давлением противоречивых социальных, геологических и экономических изменений. Эффективность системы охраны здоровья определяют в динамике показателей рождаемости, смертности, уровня заболеваемости, первичной инвалидности, ожидаемой продолжительности жизни. Проблемы функционирования системы охраны здоровья граждан зависят от правового регулирования данной системы. По мнению исследователей «нынешнее законодательство, регулирующее правоотношения в сфере охраны здоровья, состоит из соответствующих положений Конституции РФ, федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. При этом, анализируя все многообразие законодательства об охране здоровья, большое количество нормативных правовых актов не представляется возможности назвать достаточными для решения существующих задач, многие нормы являются дублирующими, а некоторые отношения вообще не регулируются нормативными правовыми актами» Поэтому актуальным и целесообразным в этой связи представляется систематизация норм, которые смогли бы урегулировать правоотношения в сфере здравоохранения

Таким образом можно сделать вывод, что охрана здоровья человека, а также создание устойчивых механизмов для реализации прав в области охраны здоровья, является важнейшим приоритетом государственной поддержки посредством правового регулирования. Необходимы комплексные правовые решения для улучшения ситуации с функционированием системы охраны здоровья граждан.

Список литературы

1. Международно-правовые основы права на здоровье: учеб. пособие / А.Х. Абашидзе, В.С. Маличенко, А.А. Белоусова, Н.С. Семенова. – М.: РУДН, 2016. – 325 с. – ISBN 978-5-209-07189-1. – EDN WXUBNZ.
2. Маличенко В.С. Международно-правовое регулирование охраны здоровья: учеб. для вузов / В.С. Маличенко. – М.: Юрайт, 2026. – 164 с.
3. Совершенствование законодательства об охране здоровья граждан в Российской Федерации: монография / О.Н. Петюкова, А.В. Попова, Е.О. Шиш [и др.]; под ред. О.Н. Петюковой. – М.: Деловой двор, 2017. – 288 с.
4. Пашкова Г.Г. Правовые основы охраны здоровья в Российской Федерации: учеб. пособие / Г.Г. Пашкова. – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2024. – 130 с. – ISBN 978-5-907722-60-6. – EDN SEKJBI.
5. Басова А.В. Медицинское право: учеб. для вузов / А.В. Басова; под ред. Г.Н. Комковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 306 с. – URL: <https://urait.ru/bcode/589027> (дата обращения: 25.09.2026).

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: статья посвящена исследованию методических подходов к оценке эффективности государственных программ в сфере образования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения результативности государственного управления и обоснованности распределения бюджетных ресурсов. Цель исследования состоит в развитии методического подхода к оценке эффективности государственных программ в сфере образования на основе комплексного учета степени достижения плановых результатов, финансовой эффективности, качества образовательных результатов и социально-экономического эффекта. Выявлено, что применение только план-фактного сопоставления показателей не позволяет в полной мере определить эффективность государственных расходов, поскольку не учитывает стоимость полученного результата, его качество и долгосрочный эффект. Рассмотрены интегральные показатели эффективности государственной программы в сфере образования, сформированного на основе четырех взаимосвязанных компонентов.

Ключевые слова: государственная программа, образование, эффективность, результативность, бюджетное финансирование, бюджетные расходы, оценка эффективности, программно-целевой метод, государственное управление, образовательная политика.

Государственные программы являются одним из основных инструментов реализации государственной политики и распределения бюджетных ресурсов. Их использование предполагает взаимную увязку стратегических целей, мероприятий, показателей, результатов и источников финансового обеспечения. Законодательную основу программного подхода формирует Федеральный закон от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», устанавливающий взаимосвязь документов стратегического планирования и механизмов реализации государственной политики [1]. В сфере образования программный подход имеет особое значение вследствие высокой доли государственных расходов, многоуровневого характера системы образования и значительной продолжительности периода, в течение которого проявляются результаты соответствующих мероприятий.

Современная система управления федеральными государственными программами регулируется постановлением Правительства Российской Федерации от 26 мая 2021 г. №786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации». Действующая редакция документа предусматривает структурирование государственных программ по стратегическим приоритетам, целям, показателям и результатам, а также организацию мониторинга их реализации [2].

Дополнительное развитие системы показателей обеспечивается приказами Минэкономразвития России от 13 июня 2024 г. №364 и от 1 июля 2024 г. №399. Первый устанавливает порядок формирования и ведения справочника показателей государственных программ и их структурных элементов, второй регламентирует разработку, корректировку и утверждение методик расчета соответствующих показателей [3; 4]. Это означает усиление требований к сопоставимости и воспроизводимости расчетов эффективности.

Особенность государственных программ в сфере образования заключается в том, что результат государственной поддержки не исчерпывается объемом выполненных мероприятий. Создание новых мест в образовательных организациях, модернизация инфраструктуры, повышение квалификации педагогических работников, совершенствование содержания образовательных программ и иные меры должны трансформироваться в изменения доступности

и качества образования, а затем в более долгосрочные социально-экономические эффекты. Поэтому оценка только факта выполнения планового значения индикатора может приводить к неполному представлению об эффективности расходов.

О.О. Иценков, А.О. Ткаченко и С.А. Вдовин предлагают поэтапную систему оценки региональных государственных программ с учетом факторных и весовых показателей, связывая оценку с задачей определения структуры финансирования отдельных направлений [8]. Существенным элементом такого подхода является переход от простого контроля исполнения к определению относительной значимости разных факторов результата.

Б.Г. Преображенский исследует инструментарий оценки государственных программ развития на мезоуровне и рассматривает проблему выбора критериев, обеспечивающих связь между программными мероприятиями и характеристиками территориального развития [9]. Это важно для образования, поскольку образовательные результаты непосредственно связаны с демографическими, экономическими и кадровыми характеристиками территории.

Таким образом, в современной научной литературе можно выделить несколько основных подходов к оценке государственных программ.

Первый подход предполагает оценку степени достижения плановых значений показателей. Его преимуществом является простота и соответствие существующей системе программного управления.

Второй подход ориентирован на финансовую эффективность, то есть на соотношение объема ресурсов и полученного результата. Его преимущество состоит в возможности оценивать экономичность расходов. Ограничение связано с необходимостью определения сопоставимого результата и нормативной или альтернативной стоимости его достижения.

Третий подход предполагает интегральную оценку, объединяющую несколько критериев. Он обеспечивает более полное описание эффективности, однако требует обоснования состава показателей и весовых коэффициентов.

Четвертый подход ориентирован на конечный социальный эффект государственной программы. Он позволяет анализировать долгосрочные последствия государственной политики, но осложняется наличием временного лага и влиянием внешних факторов.

Для государственных программ в сфере образования целесообразно сочетать указанные направления в единой системе.

Бюджетные ресурсы направляются на реализацию мероприятий государственной программы. Мероприятия обеспечивают непосредственные результаты в форме созданной инфраструктуры, оказанных государственных услуг, подготовленных специалистов и других количественно измеримых результатов. На следующем уровне формируются образовательные результаты, характеризующие доступность и качество образования. Конечным уровнем выступают социально-экономические эффекты, связанные с развитием человеческого капитала, занятостью, обеспечением экономики квалифицированными кадрами и социальной мобильностью.

Схожая проблема проявляется при сопоставлении целей региональных программ развития образования. С.А. Беляков, В.Ж. Куклин и Г.С. Токарева отмечают неодинаковую степень конкретизации целей и задач региональных образовательных программ, что может затруднять оценку результатов и межрегиональные сравнения.

Сравнение показывает, что план-фактный подход целесообразно сохранять как элемент мониторинга, но недостаточно использовать его как единственное основание для заключения об эффективности.

Проблема особенно выражена при наличии завышенной или заниженной плановой базы. Если целевой показатель установлен на недостаточно амбициозном уровне, его полное достижение не обязательно означает значительный общественный эффект. А.М. Марголин указывает на необходимость повышения качества оценки государственных программ и устранения ситуаций, когда сравнение плановых и фактических значений само по себе становится основой итоговой оценки [8].

Предлагается рассматривать эффективность государственной программы в сфере образования как комплексную характеристику преобразования бюджетных ресурсов в образовательные и социально-экономические результаты.

Предлагаемый интегральный показатель определяется по формуле:

$$\text{ИЭГП} = w_1 R + w_2 F + w_3 Q + w_4 S$$

где ИЭГП – интегральный показатель эффективности государственной программы; R – индекс результативности; F – индекс финансовой эффективности; Q – индекс качества образовательных результатов; S – индекс социально-экономического эффекта; w_1, w_2, w_3, w_4 – весовые коэффициенты.

В качестве базового варианта предлагается использовать следующие значения:

$$w_1 = 0,30; w_2 = 0,25; w_3 = 0,25; w_4 = 0,20$$

Сумма весовых коэффициентов должна быть равна единице:

$$w_1 + w_2 + w_3 + w_4 = 1$$

Предлагаемые веса следует рассматривать как базовую авторскую конфигурацию, предназначенную для практического применения и последующей экспертной верификации. Их использование не означает, что для всех типов образовательных программ структура весов должна быть неизменной. Для отдельных программ допускается изменение весов в соответствии с их целями и предметом регулирования.

Первым компонентом является степень достижения плановых результатов. Для ее расчета предлагается использовать средневзвешенное значение нормированных показателей:

$$R = \sum_{i=1}^n a_i r_i$$

где r_i – нормированное значение i -го показателя; a_i – вес показателя; n – количество показателей.

Применение нормирования позволяет привести показатели различной размерности к сопоставимому виду. Однако для предотвращения компенсации значительного недостижения одного показателя чрезмерным перевыполнением другого целесообразно устанавливать верхнюю границу отдельного нормированного показателя.

Дополнительно предлагается проверять динамику показателя относительно базового периода. Это позволяет различать достижение планового значения и фактическое улучшение состояния сферы образования.

Вторым компонентом является финансовая эффективность:

$$F = \frac{C_{\text{норм}}}{C_{\text{факт}}}$$

где $C_{\text{норм}}$ – нормативный или расчетный объем расходов на получение соответствующего результата; $C_{\text{факт}}$ – фактический объем расходов.

Если нормативная стоимость отсутствует, может использоваться относительная динамика стоимости единицы результата:

$$F = \frac{C_{\text{баз}}/Y_{\text{баз}}}{C_{\text{факт}}/Y_{\text{факт}}}$$

где $C_{\text{баз}}$ и $C_{\text{факт}}$ – расходы в базовом и отчетном периодах; $Y_{\text{баз}}$ и $Y_{\text{факт}}$ – объем соответствующего результата.

Данный компонент позволяет оценивать изменение ресурсной обеспеченности результата. При этом рост показателя финансовой эффективности нельзя интерпретировать как самостоятельную цель государственной программы. Экономия ресурсов положительна только при сохранении или улучшении качества и объема результатов.

Третий компонент отражает качество результатов государственной образовательной политики:

$$Q = \sum_{j=1}^m b_j q_j$$

где q_j – нормированное значение j -го качественного показателя; b_j – его вес; m – количество показателей качества.

В зависимости от содержания программы могут использоваться показатели доступности образования, образовательных достижений, обеспеченности педагогическими кадрами, качества инфраструктуры, удовлетворенности населения и иных характеристик образовательного процесса.

Важным принципом является соответствие состава показателей целям конкретной программы. Например, для программы, ориентированной на развитие дошкольного образования, существенными будут показатели доступности мест и охвата соответствующей возрастной группы.

Четвертый компонент характеризует наиболее отдаленный уровень результатов программы:

$$S = \sum_{k=1}^p c_k s_k$$

где s_k – нормированное значение k -го социально-экономического показателя; c_k – вес показателя; p – количество показателей.

В качестве индикаторов могут использоваться уровень трудоустройства выпускников, доля выпускников, работающих по полученной специальности, обеспеченность экономики квалифицированными кадрами, изменение показателей занятости молодежи и другие характеристики человеческого капитала.

Для итоговой интерпретации предлагается использовать четыре уровня:

$$\text{ИЭ}_{\text{ГП}} \geq 0,90$$

высокий уровень эффективности;

$$0,75 \leq \text{ИЭ}_{\text{ГП}} < 0,90$$

достаточный уровень эффективности;

$$0,60 \leq \text{ИЭ}_{\text{ГП}} < 0,75$$

умеренный уровень эффективности;

$$\text{ИЭ}_{\text{ГП}} < 0,60$$

низкий уровень эффективности.

Предложенная шкала предназначена для практического применения как базовая и в дальнейшем может уточняться на основе накопленной статистики по программам и экспертной калибровки. Это принципиально важно, поскольку фиксированный порог эффективности без эмпирической проверки не должен рассматриваться как универсальная нормативная граница.

Таким образом, методика позволяет представить эффективность государственной программы не как единичную итоговую величину, а как профиль, состоящий из четырех взаимосвязанных характеристик. Это создает возможность не только ранжирования программ, но и диагностики конкретных направлений, снижающих эффективность.

Проведенное исследование показывает, что действующая система управления государственными программами в Российской Федерации развивается в направлении повышения качества целеполагания, стандартизации показателей и совершенствования мониторинга. Постановление Правительства Российской Федерации №786 формирует современную нормативную основу управления государственными программами, а приказы Минэкономразвития России №364 и №399 2024 года усиливают требования к формированию и расчету показателей [2; 3].

При этом анализ научных источников позволяет сделать вывод о сохранении методической проблемы, связанной с разграничением результативности и эффективности.

Достижение установленного планового значения является необходимым, но недостаточным условием признания государственной программы эффективной. Наиболее существенными ограничениями план-фактного подхода являются отсутствие прямой оценки стоимости результата, недостаточный учет качества и сложности измерения долгосрочного социально-экономического эффекта.

Для государственных программ в сфере образования указанная проблема имеет особое значение вследствие многоуровневого характера результатов. Между бюджетными расходами и конечным общественным эффектом существует последовательная цепочка преобразования ресурсов в мероприятия, непосредственные результаты, образовательные результаты и социально-экономические эффекты.

Предлагаемый подход может быть развит посредством дальнейшей эмпирической апробации на данных конкретных субъектов Российской Федерации, статистической проверки весовых коэффициентов и формирования отраслевых нормативов стоимости образовательных результатов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201406300016> (дата обращения: 10.06.2026).
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 26.05.2021 №786 «О системе управления государственными программами Российской Федерации» (ред. от 07.07.2026). – URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105280009> (дата обращения: 15.06.2026).
3. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 13.06.2024 №364 «Об утверждении Порядка формирования и ведения, включая состав сведений, справочника показателей национальных проектов (программ), государственных программ Российской Федерации и их структурных элементов». – URL: <https://publication.pravo.gov.ru/documents/block/foiv294?index=4> (дата обращения: 19.06.2026).
4. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 01.07.2024 №399 «Об утверждении Порядка разработки (корректировки) и утверждения методик расчета показателей национальных проектов (программ), государственных программ Российской Федерации и их структурных элементов». – URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202408020009> (дата обращения: 16.06.2026).
5. Беланова Н.Н. Оценка эффективности государственных программ: ключевые индикаторы и показатели / Н.Н. Беланова // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, №3. – С. 487–502. – DOI: 10.18334/epp.10.3.100712. EDN FPVVKG
6. Марголин А.М. Пути совершенствования методов оценки эффективности государственных программ / А.М. Марголин // Экономическая политика. – 2018. – Т. 13, №6. – С. 54–81. – DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-54-81. EDN YSWQEN
7. Гоманова Т.К. Региональные особенности оценки эффективности государственных программ: финансовый аспект / Т.К. Гоманова // Вопросы управления. – 2018. – №6 (36). – С. 52–59. EDN YUNNYT
8. Иценков О.О. Аспекты оценки эффективности государственных региональных программ / О.О. Иценков, А.О. Ткаченко, С.А. Вдовин // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2020. – №4 (83). – С. 65–74. – DOI: 10.21295/2223-5639-2020-4-65-74. EDN UALPBO
9. Преображенский Б.Г. Анализ инструментария оценки эффективности государственных программ развития на мезоуровне / Б.Г. Преображенский // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19, №7. – С. 1204–1230. – DOI: 10.24891/re.19.7.1204. EDN BSRUAN

КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ КАК ФАКТОР РИСКА НЕЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ (НА ПРИМЕРЕ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: в статье на основе официальных данных контрольно-счетной палаты Магаданской области, службы исследований hh.ru и открытых статистических отчетов анализируется влияние кадрового дефицита в органах власти на использовании бюджета региона. Выявлено, что при рекордном росте доходов в 2025 году и увеличении расходов, кассовое исполнение составило менее ста процентов, что сопровождалось многочисленными нарушениями в сфере закупок и администрирования доходов. Обосновывается, что системный кадровый голод в ключевых отраслях (здравоохранение, информационно-коммуникационные технологии, госзакупки) создает прямые риски для освоения средств, выделенных на реализацию мастер-планов и социальных программ. Предложены кадровые меры, направленные на повышение эффективности бюджетных расходов.

Ключевые слова: кадровый дефицит, исполнение бюджета, Магаданская область, государственные закупки, эффективность использования бюджетных средств.

В 2025 году Магаданская область продемонстрировала рекордный рост бюджетных показателей. Согласно отчету об исполнении областного бюджета, проверенному контрольно-счетной палатой (далее КСП) региона, доходы выросли на 29% к уровню 2024 года и составили 95,9 млрд рублей, а расходы увеличились на 34% – до 94,96 млрд рублей [2]. Бюджет был исполнен с профицитом в 955,5 млн рублей, а государственный долг снижен на 1% [2]. Эта положительная динамика создала ресурсную базу для дальнейшего развития, что нашло отражение в поправках в бюджете 2026 года, увеличивших доходы и расходы на 9,5 млрд рублей [1].

Однако анализ отчета КСП за 2025 год выявляет системную проблему: кассовое исполнение расходов составило лишь 97% от уточненного плана [2]. Это означает, что из запланированных 97,9 млрд рублей около 2,9 млрд рублей не были освоены [2]. При этом КСП были зафиксированы многочисленные нарушения, указывающие на управленческие причины неэффективности: неосуществление взыскания просроченной дебиторской задолженности, невзыскание неустоек за нарушение условий контрактов, случаи нецелевого использования субсидий [2].

Цель данного исследования – на основе данных КСП, службы hh.ru и открытых источников установить связь между кадровым дефицитом в органах власти и рисками неэффективного использования бюджетных средств, а также предложить меры по снижению этих рисков.

Для понимания низкой эффективности бюджетных расходов (3% неосвоения в 2025 году) необходимо оценивать состояние кадрового обеспечения в сферах, критически важных для исполнения бюджета: здравоохранение, информатизация и государственные закупки.

По данным службы исследования hh.ru, летом 2025 года Магаданская область вошла в тройку лидеров Дальнего Востока с наиболее острым дефицитом врачей. На одну вакансию врача в регионе приходится всего 0,4 резюме, что в 10 раз ниже нормального показателя (4

резюме на вакансию), который эксперты считают минимальным для здоровой конкуренции на рынке труда [11]. При этом средняя предлагаемая зарплата врача в регионе составляет 135 тыс. рублей, что является вторым показателем ДФО после Сахалинской области [11]. Высокий уровень оплаты труда не компенсирует дефицит, что указывает на структурные причины проблемы: удаленность, климат, недостаток жилья и социальной инфраструктуры [11]. Данный дефицит напрямую угрожает освоению средств, выделенных в 2026 году на модернизацию первичного звена здравоохранения, так как без врачей-организаторов и профильных специалистов конкурсные процедуры могут быть сорваны, а средства – не освоены, как это уже произошло в 2025 году (не освоенными осталось 3% бюджета) [2].

Аналогичная ситуация наблюдается в сфере информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ), критически важной для информатизации госуслуг и реализации мастер-плана территории. За первый квартал 2024 года спрос на специалистов в сфере ИКТ в Магаданской области вырос на 25% по сравнению с аналогичным периодом 2023 года [6]. В основном компании ищут разработчиков, аналитиков и специалистов по кибербезопасности [6]. При этом, согласно общероссийским тенденциям 2025–2026 годов, наблюдается острая нехватка специалистов по информационной безопасности (52% работодателей отмечают дефицит), бэкенд-разработчиков (49%) и DevOps-инженеров (42%) [7]. Отсутствие квалифицированных кадров в органах власти и подведомственных учреждениях создает риск срыва проектов по цифровизации, на которые выделяются значительные бюджетные средства.

Еще одним проблемным сегментом является сфера государственных закупок. По данным портала «Контур.Закупки» [4], на апрель 2024 года по России открыто более 1300 вакансий для специалистов по закупкам (44-ФЗ). В регионах опытным специалистам предлагают от 70 до 125 тысяч рублей. Высокий спрос на рынке труда и сложность работы (высокая ответственность, стресс, необходимость постоянного обучения) усугубляют дефицит таких кадров в государственных и муниципальных учреждениях Магаданской области [5, 8, 9]. Именно с низкой квалификацией или нехваткой контрактных управляющих напрямую связаны выявленные КСП нарушения: невзыскание неустоек и штрафов, нецелевое использование субсидий [2].

Связь между кадровым голодом и бюджетными потерями подтверждается реальным кейсом. В 2023 году в поселке Уптар из-за ненадлежащего исполнения обязательств подрядчиком по контракту на ремонт кровли Дома культуры «Энергетик» был наложен штраф в размере более 555 тыс. рублей, контракт расторгнут, работы выполнены повторно [14]. Совокупный ущерб с учетом затрат на новые процедуры мог превысить 1 млн рублей. Подобные инциденты, как следует из отчета КСП, носят не единичный, а системный характер [2], что указывает на недостаточную компетентность или малочисленность контрактных управляющих.

Для количественной оценки финансовых потерь используем данные КСП за 2025 год. Общий объем неосвоенных бюджетных средств составил 3% или 2 936,9 млн рублей [2].

Прямую оценку доли кадрово-обусловленных потерь можно произвести на основе выявленных КСП нарушений. Среди них: невзыскание просроченной дебиторской задолженности, неустойки за нарушение условий контракта, случаи нецелевого использования субсидий [2]. Все перечисленные нарушения относятся к категории управленческих, то есть их возникновение напрямую связано с деятельностью конкретных специалистов – конкретных управляющих, юристов и финансовых работников. Поскольку КСП не проводит разборку неосвоенных средств по видам нарушений, точная сумма потерь от кадрового факта не может быть установлена. Однако сам факт наличия таких нарушений в отчете подтверждает, что часть неосвоенных средств (2 936,9 млн руб.) была потеряна именно из-за недостаточной компетентности или нехватки кадров.

В 2023 году в поселке Уптар, входящий в состав городского округа «Город Магадан», произошел инцидент, получивший освещение в региональных СМИ. Из-за ненадлежащего исполнения обязательств подрядчиком по контракту на капитальный ремонт кровли Дома

культуры «Энергетик» был наложен штраф в размере 555 тыс. рублей, контракт расторгнут, а работы выполнены повторно [14]. Подобные инциденты, как следует из отчета КСП, носят не единичный, а системный характер [2]. Поскольку все государственные программы Магаданской области реализуются через механизм государственных закупок, ошибки в подготовке документации или неосвоенное взыскание неустоек потенциально возможны в рамках любой из них.

На основе проведенного анализа предлагаются следующие меры, направленные на снижение кадрово-обусловленных бюджетных потерь.

1. Целевая подготовка кадров в ФГБОУ ВО СВГУ. Заключить контракты со студентами и выпускниками университета по направлениям «Государственное и муниципальное управление», «Прикладная информатика» и «Управление здравоохранением». Условия: оплата обучения и компенсация аренды жилья в обмен на 3-летнюю отработку в органах власти.

2. Введение КРІ по кадрам для руководителей. Включить в показатели эффективности руководителей органов власти критерий «укомплектованность штата квалифицированными кадрами». При дефиците более 10% предусмотреть снижение премиального фонда.

3. Создание резерва из бывших госслужащих («пенсионеров-бюджетников»). Привлечь на 0,5–0,25 ставки опытных специалистов, вышедших на пенсию, для консультирования и контроля закупочной документации, что снизит число технических ошибок и срывов торгов.

Оценка потенциального эффекта от предлагаемых мер может быть произведена на основе сопоставления затрат на обучение и потенциального сокращения потерь. Если в результате целевой подготовки 10 контрактных управляющих и 5 опытных экспертов удастся предотвратить хотя бы часть нарушений, аналогичных выявленных КСП, экономия для бюджета составит значительную сумму. Конкретный размер эффекта зависит от того, какая доля неосвоенных средств будет возвращена в бюджет за счет более качественного администрирования. Даже предотвращение 1% потерь (29,4 млн руб.) окупает затраты на обучение (30 млн руб. за 5 лет).

Общий потенциальный эффект от всех мер может составить около 30 млн рублей ежегодно, что сопоставимо с затратами на реализацию программы обучения (около 30 млн рублей за 5 лет). Таким образом, предлагаемые меры окупаются в первый же год своего применения.

Проведенное на основе официальных данных исследование показывает, что Магаданская область, несмотря на рекордный рост доходов и увеличение расходов в 2025 году столкнулась с системной проблемой неэффективного использования бюджетных средств (около 2,9 млрд руб.) остались неосвоенными. Контрольно-счетная палата зафиксировала многочисленные нарушения в сфере закупок, администрирования доходов и использования субсидий, которые напрямую связаны с недостаточной компетентностью или нехваткой кадров [2].

Кадровый дефицит в ключевых сферах (здравоохранение – 0,4 резюме на вакансию [11], ИКТ – рост спроса на 25% за год [6], госзакупки – более 1300 вакансий по РФ [4]) создает прямые риски для освоения дополнительных 9,5 млрд рублей, выделенных в бюджете 2026 года на модернизацию здравоохранения, информатизацию и реализацию мастер-плана. Реальный кейс из поселка Уптар Магаданской области демонстрирует, что стоимость одного срыва контракта может превышать 1 млн рублей, а такие случаи носят системный характер.

Предложенный комплекс кадровых мер (целевое обучение в ФГБОУ ВО СВГУ, введение КРІ, привлечение пенсионеров-экспертов) позволит, по минимальным оценкам, сократить потери кадрово-обусловленных нарушений на сумму порядка 30 млн рублей ежегодно, что полностью окупает затраты на их реализацию.

Список литературы

1. Интерфакс. Магаданская область скорректировала бюджет – 2026, дефицит сократился до 0,14% от расходов. – 21.07.2026. – URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/far-east/news/magadanskaya-oblast-skorrektirovala-byudzhets-2026-deficit-sokratilsya-do-0-14-ot-rashodov> (дата обращения: 22.07.2026).

2. Контрольно-счётная палата Магаданской области. Проверка отчёта об исполнении областного бюджета 2025 года. – 13.04.2026. – URL: <https://dzen.ru/a/al8EG9VISA96-dc-> (дата обращения: 28.07.2026).

3. ТАСС. Магаданская область направит на госпрограммы более 85 млрд рублей в 2025 году. – 20.12.2024. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/27936723> (дата обращения: 01.08.2026).

4. Конкурс.Закупки. Специалист по госзакупкам: кто это, что за профессия, где работает. – 08.05.2024. – URL: https://zakupki.kontur.ru/site/articles/51091-specialist_po_goszakupkam (дата обращения: 25.07.2026).

5. Трудвсем. Вакансии на должность 44-ФЗ в Магаданской области. – URL: https://trudvsem.ru/vacancy/search?_title=44-фз&_regionIds=5400000000000&salary=0,999999&scheduleType=FULL&vacancyType=LONG (дата обращения: 01.08.2026).

6. Kolyma.ru. Спрос на IT-специалистов в Магаданской области вырос за год на 25%. – 30.04.2026. – URL: <https://kolyma.ru/news/125214-spros-na-it-specialistov-v-magadanskoy-oblasti-vyros-za-god-na-25.html> (дата обращения: 25.07.2026).

7. Tproger.ru. Кого возьмут на работу в 2026 году: разбор ИТ-рынка после сокращений. – 21.01.2026. – URL: <https://tproger.ru/articles/kogo-vozmут-na-rabotu-v-2026--razbor-it-rynka-posle-sokrashhenij> (дата обращения: 25.07.2026).

8. ГородРабот. Вакансии проектного менеджера в Магаданской области. – URL: https://magadanskaya-oblast.gorodrabot.ru/project_manager (дата обращения: 01.08.2026).

9. HeadHunter. Вакансии менеджера проекта в Магадане. – URL: https://magadan.hh.ru/vacancies/menedzher_proekta (дата обращения: 01.08.2026).

10. РБК Приморье. Приморье попало в число регионов с самым высоким дефицитом врачей. – 06.08.2025. – URL: <https://prim.rbc.ru/prim/freenews/6892a6fb9a79470e680ac23d> (дата обращения: 25.07.2026).

11. Говорит Магадан. Магадан и Камчатка – лидеры по нехватке врачей. – 12.08.2025. – URL: <https://govoritmagadan.ru/magadan-i-kamchatka-lidery-po-nehvatke-vrachej/> (дата обращения: 28.07.2026).

12. Министерство экономического развития, инвестиционной политики и инноваций Магаданской области. Сведения о кадровом обеспечении экономики Магаданской области на 2025–2030 годы. – URL: https://economy.49gov.ru/common/upload/28/editor/file/Svedeniya_o_kadrovom_obespechenii_ekonomiki_Magadanskoy_oblasti_2025-2030.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

13. Министерство экономического развития, инвестиционной политики и инноваций Магаданской области. Сводный аналитический отчёт об осуществлении закупок на территории Магаданской области за 2022 год. – URL: https://economy.49gov.ru/common/upload/28/editor/file/Svodnyy_analiticheskiy_otchet_za_2022_god1.pdf (дата обращения: 28.07.2026).

14. MagadanMedia. На Колыме подрядчик заплатит 555 тысяч рублей за некачественный ремонт. – 08.12.2023. – URL: <https://magadanmedia.ru/news/1640846/> (дата обращения: 28.07.2026).

Научное электронное издание

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Материалы
II Всероссийской научно-практической конференции
(Чебоксары, 24 сентября 2026 г.)

Главный редактор *Э. В. Фомин*
Компьютерная вёрстка *Е. В. Кузнецова*

Подписано к использованию 02.10.2026 г.
Объем 4,15 Мб. Тираж 20 экз.
Уч. изд. л. 25,12.

ООО «Издательский дом «Среда»
428023, Чебоксары, ул. Гражданская, д.75, оф.12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>